

Федеральное агентство по образованию
АМУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Фольклорно-диалектологический альманах

СЛОВО

Материалы научных экспедиций

Выпуск 5

АМУРСКИЕ МОЛОКАНЕ:
РЕЧЕВЫЕ ПОРТРЕТЫ

РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ

ЛИНГВОГЕОГРАФИЯ

СЛОВАРЬ

ЯЗЫК ФОЛЬКЛОРА

Благовещенск
2007

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 5. / Под ред. Н.Г.Архиповой, Е.А.Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2007. 224 с.

В настоящем выпуске представлены обработанные и научно интерпретированные диалектные и фольклорные материалы, собранные студентами и преподавателями кафедры русской филологии АмГУ в сёлах Амурской области во время фольклорно-диалектологических экспедиций 2000-2006 гг., а также непереиздававшиеся дореволюционные работы по истории и этнографии Приамурья. Альманах включает разделы «Современные исследования русских говоров и фольклора», «Амурские молоканстве: речевые портреты», «Речевые жанры», «Лингвогеография», «Словарь», «Язык фольклора», «Школа». Материалы альманаха будут интересны широкому кругу исследователей и преподавателей вузовских и школьных дисциплин, связанных с историей, религией, культурой, говорами, фольклором Приамурья и Дальнего Востока России в целом. К альманаху прилагается компакт-диск, включающий образцы диалектной речи и фольклора старожилов амурских сел, фото- и видеоматериалы.

Рецензенты: Крючкова О.Ю., доктор филол. наук, профессор, зав.кафедрой теории, истории языка и прикладной лингвистики Саратовского государственного университета
Кирпикова Л.В., канд. филол. наук, профессор кафедры русского языка
Благовещенского государственного педуниверситета

Редакторы: Н.Г.Архипова, канд. филол. наук, доцент
Е.А.Оглезнева, канд. филол. наук, доцент

Редакция компакт-диска: А.В.Бородатов, Д.Н.Галимова

Ответственный за выпуск: Н.А.Сосина

При оформлении фотоприложения использованы материалы фонда Музейно-научного центра АмГУ.

ОТ РЕДАКТОРОВ

Пятый выпуск фольклорно-диалектологического альманаха «Слово» – это маленький юбилей издания, обретшего за столь небольшой срок своих авторов, читателей и единомышленников, определившийся в структуре содержания и периодичности выхода – один раз в год.

В настоящем выпуске альманаха публикуются обработанные и научно интерпретированные материалы фольклорно-диалектологических экспедиций в села Амурской области, проведенных преподавателями и студентами филологического факультета Амурского государственного университета в 2000-2006 гг.

В пятом выпуске представлены как ставшие традиционными разделы, так и новые, претендующие на регулярное присутствие в альманахе.

Раздел «Современные исследования русских говоров и фольклора» составляют научные статьи по современной и исторической диалектологии ученых из разных регионов России, но главным образом, Сибири и Дальнего Востока (Омск, Благовещенск, Кемерово, Новокузнецк, Улан-Удэ, Петропавловск-Камчатский, Магадан), в которых представлены основные направления региональных диалектологических исследований.

В разделе «Речевые портреты» (ведущий раздела Н.Г.Архипова) внимание сосредоточено на речевом облике представителей одной из конфессиональных групп, проживающих в Приамурье, – молокан. Интерес к этой группе возник по нескольким причинам. Во-первых, по причине их сохранившейся самоидентификации, самостийности и самобытности, позволяющей прогнозировать специфику данной конфессиональной группы и на языковом уровне. Во-вторых, любопытно сравнение их языкового существования с языковым существованием другой конфессиональной группы, сохранившейся в Приамурье, – старообрядцев, или староверов, первоначальное описание которых было выполнено по итогам экспедиционных наблюдений 2004-2006 гг. и опубликовано в предыдущем выпуске альманаха. Экспедиционные материалы в данном разделе дополнены главой из книги путешественника и исследователя начала прошлого века А.А.Кауфмана «По новым местам» (1905), описывающей амурских молокан тех же самых деревень, которые обследовались нами сто лет спустя – в 2005 г.

Раздел «Речевые жанры» (ведущий раздела Н.В.Лагута) содержит статьи, посвященные характеристике жанрового наполнения диалектной речи в Приамурье в целом и анализу одного их частных диалектных жанров, активно бытующему в диалектной речи – рассказу-случаю. Кроме того, представлена подборка рассказов-случаев, записанных от старожилов местных сел.

Диалектные тексты, отобранные нами для анализа и комментирования в разделах «Речевые портреты» и «Речевые жанры», намеренно не подвергались литературной правке, в них сохранились все особенности спонтанной устной речи. Запись диалектных текстов представлена в упрощенной фонетической транскрипции с использованием общепринятых в диалектологии знаков транскрипции.

Новым является раздел «Лингвогеография» (ведущий раздела Е.А.Оглезнева). Материалы, помещенные в разделе, представляют собой первый опыт научной систематизации диалектных данных, собранных по «Программе собирания сведений для диалектологического атласа русского языка» в селах Амурской области. В обобщающей таблице представлены и прокомментированы результаты работы 2006 г. в данном направлении, которые впоследствии могут быть использованы при лингвистическом картографировании амурских говоров – говоров территорий позднего заселения.

Раздел «Словарь» составляют лексикографически обработанные диалектные материалы на буквы «З» и «И». Многие диалектные лексемы или их варианты не фиксировались в диалектных словарях прежде. В разделе дополнен список принятых сокращений и перечень условных обозначений населенных пунктов. Создание электронной версии словаря осу-

ществлено Н.А.Сосиной, Д.Н.Галимовой, О.Г.Краснощека, редактирование словника – Е.А.Оглезневой, Н.Г.Архиповой, Г.М.Старыгиной, Н.В.Лагута.

В разделе «Язык фольклора» (ведущие раздела Н.Г.Архипова, Е.Е.Рачко, Д.Н.Галимова) представлена статья, посвященная анализу функционирования и языковой специфике украинской песни, широко бытующей и любимой в амурских селах. Можно смело утверждать, что именно украинская лирическая песня до сих пор доминирует в народном фольклоре Приамурья. Кроме украинских песен, обработанных для альманаха, в выпуске публикуются и другие произведения устного народного творчества, записанные нами в селах Амурской области в 2005-06 гг.

Традиционно в альманахе представлен и раздел «Школа». Ведущая раздела – Л.М.Пискеева. В настоящем выпуске публикуются конспекты факультативных занятий по лингвкраеведению на материале произведений известного амурского поэта Олега Маслова.

Пятый выпуск альманаха, как и все предыдущие, имеет сопровождение на CD-ROM, позволяющее услышать живую народную речь и увидеть ее носителей. Авторы электронной версии альманаха А.В.Бородатов и Д.Н.Галимова.

Верстка, техническая правка выполнена Н.А.Сосиной, на нее же возложена последующая рассылка альманаха.

Настоящее издание и компакт-диск можно заказать и приобрести в лаборатории региональной лингвистики кафедры русской филологии Амурского государственного университета по адресу: 675027, Амурская область, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21, корпус 7, каб. 407 или 112.

Телефон: (4162)394583, (4162)394588.

E-mail: slovoamgu@yandex.ru

Будем признательны за отзывы, критику и конструктивные предложения!

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКИХ ГОВОРОВ И ФОЛЬКЛОРА

Подборка научных статей в настоящем выпуске альманаха характеризуется широкой географией работ: авторы публикаций представляют в своих работах анализ диалектного и просторечного материала от Орловщины до Магадана и Камчатки.

Основная часть статей посвящена говорам Сибири и Дальнего Востока, в них отразились направления диалектологических исследований, развиваемые в университетах сибирского и дальневосточного регионов. Примечателен тот факт, что исследования русских говоров, в том числе полевые, не прекращаются, несмотря на то, что уходит поколение ярких диалектоносителей, а диалектные системы в целом нивелируются под влиянием других форм существования языка, прежде всего литературной. Есть еще материал, достойный фиксации с целью его последующего научного анализа, да и любое состояние современных диалектов должно быть зафиксировано и изучено, поскольку отражает определенный этап в их развитии.

Научные статьи пятого выпуска различны по тематике, но очень четко обнаруживаются интегрирующие тенденции. Отметим их в краткой характеристике работ.

Не ослабевают интерес к диалектной концептосфере как обладающей своей собственной спецификой системе, в которой отразилось русское национальное мировидение, сложившееся исторически (см. работу Л.С.Зинковской из Омска, посвященную концепту «Хлеб»; работу В.П. и Э.В.Васильевых из Кемерово – о концепте «Дождь»; работу О.А.Глуценко из Петропавловска-Камчатского – о концепте «Рыба»; работу А.Р.Поповой из Орла – о концепте «Руки»). Работы Л.С.Зинковской и В.П. и Э.В.Васильевых имеют выход в лексикографическую практику и предлагают образцы словарных статей нового типа, большая информативность которых обусловлена новыми подходами к анализу диалектного материала. Представленный в статьях опыт лексикографирования русских говоров может стать предметом научной дискуссии на страницах альманаха, поскольку с проблемами лексикографического описания сталкивается практически любой диалектолог, и это та область лингвистики, в которой не бывает предела исследованиям.

Приятно, что в альманахе впервые опубликованы статьи по исторической диалектологии. Это работы А.П.Майорова (Улан-Удэ) и Л.А.Инютиной (Новокузнецк), в которых на материале источников XVII -XVIII вв. дан анализ динамики фонетических процессов в забайкальском региолекте в сравнении с общерусскими процессами (А.П.Майоров) и представлено осмысление семантики глагольных лексем, обозначающих действия первопроходцев и первопоселенцев в Сибири и воплощающих основные идеи русских первооткрывателей (Л.А.Инютина).

Новые языковые аспекты русского старообрядческого движения отражены в статьях Н.Г.Архиповой (Благовеценск) и Ю.В.Самойловой (Магадан). Н.Г.Архипова анализирует практически не изучавшуюся ранее лексико-семантическую группу «наименования одежды» в речи амурских староверов. Редкий и интересный лексический материал островного говора старообрядцев штата Аляска представлен в работе Ю.В.Самойловой.

Ярко выраженная региональность характерна для работ камчатских исследователей О.А.Глуценко, Л.А.Полищук, О.В.Малоземлиной, которые в разных аспектах, на разных языковых уровнях осуществляют анализ камчатских говоров, что, безусловно, способствует их целостному описанию. В выборе тем научного описания у камчатских диалектологов чувствуется глубокая любовь к своему краю, понимание его специфики, убежденность в необходимости диалектологического исследования, без чего, собственно, невозможна работа в диалектологии вообще.

К числу источников для изучения еще одной формы народной речи – просторечия – можно отнести и произведения мастеров слова. Л.В.Алешина (Орел) на материале произведений выдающегося писателя Н.С.Лескова показывает специфику русского просторечия

второй половины XIX века, чем дает, в первую очередь, возможность анализа динамики русского просторечия в будущем.

Выражаем благодарность авторам публикаций за предоставленные материалы и приглашаем коллег к дальнейшему научному общению!

Л.В.Алешина

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОСТОРЕЧИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. (на материале произведений Н.С. Лескова)

Анализ живой непринужденной речи, в частности, просторечия, все чаще привлекает внимание лингвистов, поскольку дает многое в плане постижения наивно-языковой картины мира, изучения национального языка во всех его проявлениях, выявления тенденций языкового развития.

Ученые, исследовавшие живую разговорную речь на материале языка советского периода, ограничивали круг информантов в основном людьми с высшим образованием и студентами, реже привлекалась речь лиц со средним образованием, причем «в том случае, если их высокая культурность была хорошо известна» [1, с. 4]. Это неизбежно искажало, нивелировало языковую картину, реальное представление о которой можно получить лишь с учетом особенностей просторечия, которое, наряду с диалектами и жаргонами, входит в национальный язык, оставаясь за рамками его литературной формы.

Тем более важно уделять внимание просторечию при изучении разговорной речи минувших эпох, когда процент людей с высоким культурным и образовательным уровнем был слишком мал, особенно в провинции, а нормы литературного языка еще не устоялись. При изучении живой разговорной речи прошлого исследователи опираются на письменные источники, одним из которых является художественная литература соответствующей эпохи. Обращаясь к этому поистине неисчерпаемому материалу, неизбежно приходится сталкиваться с таким явлением, как стилизация, т.е. «намеренное построение художественного повествования в соответствии с основными принципами организации языкового материала и наиболее показательными внешними речевыми приметами, присущими определенной социальной среде, исторической эпохе, жанру..., которые избираются автором в качестве объекта имитации» [2, с. 334]. Таким образом, стилизации подвергаются именно типичные особенности речи определенных социальных слоев носителей языка.

Н.С.Лесков – один из блестящих мастеров стилизации, по произведениям которого можно изучать особенности русского просторечия второй половины XIX в. Для творчества этого самобытного писателя «характерным является глубочайший национализм, проникновенное внимание к национальным особенностям русского языка...» [3, с. 144]. Н.С.Лесков гордился тем, что знает русский народ и русский язык изнутри, поскольку рос и формировался как личность в самой народной среде. В течение всей своей творческой жизни писатель, по его собственным словам, «прислушивался к выговору и произношению русских людей на разных ступенях их социального положения. Они все говорят у меня по-своему, а не по-литературному...» [4]. О мастерской «постановке голоса» героев в произведениях Лескова говорят многие исследователи его творчества. В то же время существенным является стремление писателя избегать излишней акцентировки на местные диалекты, натуралистичного воспроизведения всех, в том числе несущественных, особенностей народной речи. Знаменательно предостережение мастера начинающей писательнице О.А.Елшиной: «Мало ли чего не коверкает чернь. Этого нельзя всего в литературу вводить» [5, с. 215]. Все эти особенности творческой манеры Лескова позволяют использовать язык его произведений в качестве материала для изучения разговорной речи и просторечия как ее неслучайной составляющей второй половины XIX в.

Задавшись целью выявить особенности городского просторечия российской провинции, нашедшие отражение в творческом наследии Н.С.Лескова, мы рассматривали только те произведения, герои которых являются либо выходцами из провинциальных городов, либо их постоянными жителями.

Для просторечия характерно нарушение фонетических и грамматических норм литературного языка, обусловленное их незнанием. Это нашло отражение в речевой характеристике героев Н.С.Лескова.

Нарушение фонетических норм прослеживается в таком явлении, как смещение ударения: «...это немысли́мая гадость», «Разве это мысли́мо...?» («Полунощники»), протеза «Катерина Ильвовна» («Леди Макбет Мценского уезда»); «...кровь носом ишла» («Грабеж»), «Никола божий амченский!», «...спори́льщик и упротивный» («Воительница»); диссимиляция и метатеза: «...дохтарь завтра, бают, приедет» («Некуда»), «...а была у Ивана Ивановича китрать, в нее и писали» («Несмертельный Голован»), «...секлетарем служит» («Русское тайнобращие»), «А они к лерегии привержены...» («Грабеж»), «...свою анбицию дворянскую почувствовала», «...неслись мы во весь кульер», «Ходила я к сталоверу...», «...а она сидит и глазком с ланпады не смигнет» («Воительница»); эпентеза, наращение: «Страмови́ца ты!» («Воительница»), «...достань там сткляночку...» («Дама и фефёла»); выпадение ослабленного [j]: «Он сичас узнает» («Некуда»); замена фонемы: пужать, женчина, фами́я.

В области морфологии для просторечия типично искажение форм местоимений: «Вот изволите видеть, какое ихнее и у богатых-то понятие» («Леди Макбет Мценского уезда»), «Так ты и станешь дожидаться евонных понятьев!» («Зимний день»), «...здесь не таковский город...» («Воительница»); замена падежной флексии: «...я, может, и допреж твоих этих обещаниев знала, что над тобой сделать...» («Леди Макбет Мценского уезда»), «Он ребенок, еще совсем без понятьев», «...я только всего и люблю баловать да помять их, красивых детишков» («Зимний день»), «...знакомцев окромя писателей никого из достойных лиц у них не бывает...» («Русское тайнобращие»), «...видимо-невидимо лежит этих саквояжьев», «...что хитростев всяких настало» («Воительница»).

Реже встречается ненормативное образование форм числа у существительных: «Все чернило и марки у него на руках» («Русское тайнобращие»), «...хорошо этими любвями заниматься у кого есть приспешники...» («Воительница»); отклонения в образовании форм степеней сравнения прилагательных: «...а который слабже выйдет – тому дадим на рясу за беспокойство» («Грабеж»); ненормативное образование глагольных форм: «...бежи ему встречу» («Грабеж»), «...как ты смеешь идтить?», «Ну, бегла, бегла, да стала», «Я уж это все мимо ушей пуцаю...», «...тот рыбою плавлет...» («Воительница»); ненормативное образование причастий: «...ты жени́чина нуждающая...» («Воительница»).

Обращают на себя внимание некоторые особенности употребления деепричастных форм в речи представителей социальных слоев, близких к простонародью. Так, деепричастия несовершенного вида на -учи, -ючи характеризуются как архаичные, диалектные или стилистически окрашенные уже с точки зрения общезыковых норм XIX в. [6, с. 310]. Однако такие формы были довольно распространенными в речи мещан, купцов, приказчиков – героев лесковских произведений: «А я бы, брат, умираючи, вот как лучшие сделал...», «Павла его не выдала жалеючи, а Голован ее любячи» («Несмертельный Голован»); «А я, это слышучи, думаю...» («Очарованный странник»); «А она, уж совсем это на пороге-то стоючи, вдруг улыбнулась», «Я, мол, их точно в тонкость не знаю, а что сватаючи их, сама я их порочить не должна» («Воительница»); «Видючи теперь, как возьмут вас за белые ручки.. должен я все это переносить...» («Леди Макбет Мценского уезда»).

Деепричастия совершенного вида на -вши в современном русском языке вытесняются формами на -в; деепричастия же несовершенного вида на -ши, -в, -вши являются неупотребительными, вымирающими. Более того, В.В.Виноградов отмечал, что «употребление форм на -в, -вши, -ши от основ несовершенного вида... синтаксически ограничено. В русском литературном языке XIX в. оно было возможно лишь при глаголе-сказуемом в форме прошедшего времени» [6, с. 310]. Наши наблюдения показывают, что деепричастные формы на -ши,

-вши от основ как совершенного, так и несовершенного вида широко употребляются Лесковым для речевой характеристики представителей социальных слоев городской провинции с низким культурным уровнем, причем зачастую они выступают в роли предиката: «...*Иван Голован, говорит, в городе и даже у меня и приставили*» («Очарованный странник»); «*Маменька уже совсем были от старой веры отставили и по новым святым... акафист читали*», «*А они к лерегии привержены и желали слушать*», «...*в нем сердце в груди зашевелилось*» («Грабеж»); «...*тятенька, на волю откупимшись, тут домик в долг тоже купили...*», «*Барин вставил давно, чай в зале кушает*» («Некуда»); «*И потом же они были напугавшись, куда от них из мертвецкой мертвый делся*» («Импровизаторы»).

В произведениях Лескова часто встречаются типичные для просторечия экспрессивные междометно-глагольные формы мгновенного, резкого действия, выступающие в роли предикатов: «...*порх этак передо мною какой-то господин*», «*Наи это, что с ружьем-то ехал, бац из ...ружья...*», «*Хап меня под руки-то*», «*А он в это время хлоп свой картузик...*», «*Толк я тут-то куму*» («Воительница»); «...*кувырк с воза под колесо*», «...*плюх один против другого, сели на землю*» («Очарованный странник») и т.п.

При обозначении действия дискретного, представляющего собой ряд повторяющихся мгновенных действий, используется повтор таких форм: «...*а она это дерг-дерг себя за губенку-то*», «...*а она, смотрю, морг-морг и кидается ко мне*», «...*кто-то стук-стук-стук в двери*», «...*слышу, низок-то подо мною тресь-тресь-тресь*» («Воительница»).

Во всех выявленных нами случаях употребления подобных форм они входят в парадигму глаголов с инфинитивом на -нуть (порхнуть – порх, кувыркнуться – кувырк, треснуть – тресь и т.д.).

Одной из особенностей просторечия является употребление постпозитивной частицы -то, которая присоединяется к словам практически любой части речи и привносит оттенок непринужденности и фамильярности: «*Буди барышень-то*», «*Что это вы сами-то таскаете?*», «*Ну что это, сударыня, глупить-то!*», «*Вот уж именно хорошее-то и богу нужно*», «*Что мне, мой друг, нападать-то! Мне вовсе не приятно, как о ней пустые-то языки благовестят*», «*Но из одной-то ошибки в другую лезть не следует*» («Некуда») и т.п.

На уровне синтаксиса наблюдаются отступления от нормативного глагольного управления, синтаксические конструкции, не свойственные литературному языку: «*Я жизни моей не рад сам за этой любовью*» («Леди Макбет Мценского уезда»), «...*очень тебе на твоём угощении благодарна...*», «...*у меня саквояж сейчас из рук украдено*», «...*меня так и так сейчас обкрадено*», «...*Дали мне эту бумагу, что меня точно обкрадено...*», «*Что б это мне, кабы знать-то, остаться у нее...*», «...*я разбита, друг мой, в последняя разбита*» («Воительница»).

В просторечии часто наблюдается измененный морфемный состав производных слов: «*Сродственников имеете?*», «...*завсегда готова, что только могу...*» («Некуда»), «...*они могли ожениться*» («Несмертельный Голован») и т.п.

Для разговорной речи характерно обилие прилагательных и качественных наречий с префиксом пре-, причем зачастую от основ, которые уже своей семантикой выражают высокую степень признака: «*Превезливый барин... Препростодушный, говорю тебе, барин*», «*Она женищина преехидная..., с рожи она престрашная и язык у нее такой пребольший, как у попугая*» («Воительница»); «*Ведь это предосадно-с, преобидно и преоскорбительно!*» («На ножах») и т.п.

Е.А.Земская в качестве сильного экспрессивного средства разговорной речи отмечает повтор, второй член которого содержит «приставку пре- или раз-, придающую усилительное значение всей конструкции» [1, с. 222]. Такие повторы часто встречаются в речи героев Н.С.Лескова независимо от их социальной принадлежности и культурного уровня: «*Эх, а дома у нас теперь щи... варят жирные-прежирные, и отец Илья, наш священник, добрый-предобрый старичок...*» («Очарованный странник»); «*Он уже очень старый-престарый*» («Воительница») и т.п. Экспрессивность усиливается в тех случаях, когда префиксальным является не второй, а первый член повтора, и особенно при тройном повторе, а также при

употреблении в препозиции одиночного однокоренного прилагательного: «...извозчик наш распьяным-пьяно-пьян сделался», «Такая эта подлая Авдотья Ивановна, ...преподлая-подлая» («Воительница»); «А что уж непостоянный подлец, пренепостоянный-непостоянный» («Леди Макбет Мценского уезда»); «Самый препустейший-пустой человек» («Очарованный странник») и т.п.

Влияние фольклора мы усматриваем в употреблении глагольных повторов, второй член которых содержит префикс по-: «...узнаю-поузнаю, как она познакомилась с этим, с молодым-то» («Воительница»); «А между тем вдруг однажды слышу-послышу: татарва что-то сумяшится» («Очарованный странник»).

К особенностям разговорной речи относится обилие форм существительных и прилагательных с суффиксами субъективной оценки. Так, речь героя Журавки из повести «Обойденные» пересыпана существительными с суффиксами -ишк-, -онк-, -онок-: «портретчонко, говорит, хочет себе заказать», «позвольте мне в долг пару бутылчонок шампанского», «А вы и водчонки не дадите», «Я вот грибочком закушу», «Это подлое ружьенко. А этот штуцеришко... добрый!», «Чашки разве» и т.п. В приведенных примерах нет коннотативного компонента содержания, отражающего презрительное, пренебрежительное отношение к обозначаемому предмету. Таким образом, суффиксы выступают как собственно уменьшительные.

Однако более типичной для просторечия является ксеноденотативная переадресованность лексических сем, при которой «сема оценочности... распространяется не на денотат данного слова, а на чужой денотат» [1, с. 124]. Например: «Бывало, сам ее (лошадь) вычищу и оботру ее всю как есть белым платочком, чтобы ни пылиночки у нее в шерстке нигде не было, даже и поцелую ее в самый лобик, в завиточек, откуда шерсточка ее золотая расходилась» («Очарованный странник»). Здесь положительная оценка относится не к пылинкам, шерстке, лобику, завиточкам, а к лошади. См. также: «...а она, гляжу, в одной рубашонке сидит на стуле, ножонки под себя подобрала и папирску курит. Такая беленькая, хорошенькая да нежненькая», «...заскребло, вижу, ее за сердчишко-то; губенки свои этак кусает... Я ее опять по головке глажу, волоски ей за ушко заправляю, а она сидит и глазком с ланпады не смигнет» («Воительница») и др.

В языке героев произведений Н.С.Лескова встречается собственно просторечная лексика, характерная для устной обиходной речи, но не имеющая грубой экспрессивной окраски: «Сем-ну я хоть встану по двору погуляю...», «У Копчиновых допреж служил...», «Чего я таперича отсюдова пойду», «Чтой-то, однако, исправи, ребята, нашего хозяина по сю пору нетути?» («Леди Макбет Мценского уезда»); «Не любит ко мне, старухе, учащать, сучает», «...опричь грибов ничего не варили...», «Ишь, у тебя волосы-то как разбрылялись...» («Некуда»), «Была я наемни...» («Воительница»).

К просторечной лексике и в современном языке относятся существительные со значением лица женского пола по профессии, должности, образованные при помощи суффиксов -ш(а), -их(а), -к(а), реже -есс(а). В XIX в., когда профессиональная деятельность женщин была ограничена, такие образования характеризовались яркой экспрессивной окраской и относились скорее к просторечию. У Лескова подобные производные встречаются как в речи героев, так и в авторской речи: импровизаторша, главариша, факторша, атаманиша, пекарша, дюшесса и т.п. Для языка XIX в. более характерно употребление существительных с такими суффиксами для обозначения жены по мужу: докторша, вице-губернаторша, предводительша, камергерша, становиха, акцизничиха, квартальничиха и т.п. (в современном русском языке такое значение проявляется редко).

Среди существительных, обозначающих женщин, выделяется еще одна группа – это образования от женских фамилий, носящие фамильярный характер. Уже в языке второй половины XIX в. такие образования оценивались как сниженные, просторечные [7, с. 84]. В произведениях Лескова они широко употребляются в разговорной речи героев разных социальных слоев: Дислен – Дисленьша, Бизюкина – Бизюкинша, Бодростина – Бодростиниха, Вихиорова – Вихиорша, Измайлова – Измайлиха, Давыдовская – Давыдовчиха и т.п.

Фамильярными, часто сниженными, ярко-экспрессивными являются субъективно-оценочные образования от мужских фамилий, широко употребительные в разговорной речи героев Лескова независимо от их социальной принадлежности: Форов – Фор, Фоша, Форушка; Горданов – Гордашка; Термосесов – Термосеска, Термосесушка; Дробадонов – Дробадон и т.п.

В разговорной речи встречаются слова с особыми, как правило, метафорическими, значениями, свойственными просторечию: *«Болтается девочка, не читает ничего, ничего не любит»*, *«Дуйте, дуйте ей, сударыня, в уши-то, что она несчастная...»*, *«О, прах тебя по-бери!»* («Некуда»); *«Не лакай черного пива...»* (Зимний день), *«Свистун, а мужик добрый»* («Мелочи архиерейской жизни»), *«Этот господин что хотите брякнет»*, *«Тут баринок видит, что имеет дело с человеком крепким: перестал пылить...»* (Русское тайнобращие).

Встречается в речи героев и грубопросторечная лексика со сниженной экспрессивной окрашенностью: *«Что вам про Сергея, что ли, что-нибудь набрехано?»* («Леди Макбет Мценского уезда»), *«Отдай, – говорит, – своей гольтепе-то!»* («Полунощники»), *«Черт бы все это драл...»*, *«Врете вы, мерзавцы...»* («Мелочи архиерейской жизни»), *«...если он наглец какой, так и вон его»* («Воительница»).

В XIX в., особенно во второй его половине, на русскую почву широким потоком хлынула иноязычная лексика, что неизбежно привело к ее ассимиляции в речи малообразованных слоев общества, в процессе которой заимствованное слово переосмысливалось носителями языка и переоформлялось путем сближения с исконными словами, похожими по своему звучанию, чаще всего при помощи контаминации (так называемая народная этимология). Лесков, стилизуя свой язык под язык народа, не мог не отразить этого явления, тем более, что и сам был склонен к словотворчеству. Почти во всех работах, посвященных литературному наследию Лескова, говорится о его увлечении образованиями, представляющими собой случаи народного переосмысления слов. Это объясняется тем, что такие слова бросаются в глаза своей необычностью, а также сконцентрированностью их в нескольких произведениях («Левша», «Леон, дворецкий сын», «Полунощники»). В рассматриваемых нами романах и повестях наблюдаются единичные случаи употребления слов, являющихся результатом народной интерпретации известных языку слов, причем трудно установить, созданы эти слова писателем или услышаны им у народа: *«Это Голован, выходит, был у вас что-то вроде нотариуса?»* Старик улыбнулся и тихо молвил: *«Из-за чего же мотариус! Голован был справедливый человек»* («Несмертельный Голован»); *«Вот этого ужасного плакона берегись...»* И вынимает из-за шейного платка беленький стеклянный пузырек...» («Тупейный художник»). В первом случае содержание слова *нотариус* понимается приблизительно так: «тот, кто запутывает, мотает людей», во втором случае слово *флакон* переосмысливается как «то, к чему обращаются, когда хочется плакать».

Помимо окказионализмов, созданных в духе народной этимологии, в языке Н.С. Лескова отмечается большое количество новообразований, созданных как с нарушением языковых норм, так и в рамках продуктивных словообразовательных типов, что также отражает особенности живой устной речи. Тот факт, что удельный вес неузальной лексики в разговорной речи гораздо выше, чем в речи литературной, художественной, неоднократно отмечался исследователями.

Живая разговорная речь провинциального купечества, мещанства, разночинной интеллигенции отличалась образностью, яркостью, достигавшейся употреблением пословиц, поговорок, фразеологизмов, ярких сравнений и метафор. Пословицы и поговорки органично вплетаются в речь персонажей произведений Н.С.Лескова: *«Нынче, чем ты кому больше добра делаешь, тем он только готов тебе за это больше напакостить. Тонет, так топор сулит, а вынырнет, так и топорища жаль»*, *«Я, говорю, тоже дома не сижу: волка, мол, ноги кормят»*, *«Тожже, говорю, новости: у Фили пили, да Филю ж и били!»* («Воительница»); *«Пустое это и не господское дело лошадыми торговать, но, думаю, чем бы дитя ни тешилось, абы не плакало...»* («Очарованный странник»); *«Ну, полно, – знаешь: и на Маику бывает промашка»*, *«И опять, что не в коня корм-то класть»* («Некуда»).

Интересен следующий монолог настоятельницы монастыря, аристократки по происхождению: *«Дурак он большой: ...несет вздор, благо попал в болото, где и трясогуз – птица. Как это ты, в самом деле, опустился, Егор, что не умеешь отличить паву по перьям... Зина с Соней какие-то нылы ноющие, – кто уж их там определит: и в короб не лезут, и из короба не идут. На этот фрукт нонче у нас пора урожайная: пруд пруди людям на смех, еще их вволю останется. А Лизанька – кровь!... Ты должен ее защитить от этого пиленья-то. Ведь сам знаешь, что против жару и камень треснет...»* («Некуда»).

Эмоциональность, живость разговорной речи достигается также построением рифмованных присказок, прибауток: *«Орел да Кромы – первые воры, а Карачев на придачу, а Елец всем ворах отец»*, *«Наш Елец хоть уезд-городок, да Москвы уголок»*, *«...пойдем во все следы, пока дойдем до беды»* («Грабеж»); *«Ну, был ни при чем, стал городничом»*, *«...а муж хоть и им негож, так и другой не трожь»* («Воительница»); *«Восемь пудов до обеда тянет, а пихтерь сена съест, так и гирь не достанет»*, *«Сыпь, не зевай, гребла не замай, будут вершки, наши лишки»*, *«Думаю, сколь эти Ливны дивны»* («Леди Макбет Мценского уезда»); *«На-ка, мол, тебе кукиш, на него чего хочешь, то и купишь»*, *«А у меня голова не чайная, а у меня голова отчаянная»* («Очарованный странник») и т.п.

Все вышеприведенные примеры взяты из речи героев с невысоким образовательным и культурным уровнем. В употреблении рифмованных прибауток мы усматриваем влияние фольклора. Подобные обороты встречаются в речи лишь одного образованного героя – Висленева из романа «На ножах», который искусственно имитирует народную речь, фиглярничает и юродствует: *«Нам, брат, Питер-то уже глаза повытер»*, *«Где лавр да мирт, а здесь квас да спирт, вот вам и Россия»*.

Для речи многих литературных героев характерны яркие сравнения, метафоры: *«Что ж что песни пел? Комар вон и весь свой век поет, да ведь не с радости»* («Леди Макбет Мценского уезда»); *«А снег, как назло, еще сильнее повалил; идешь, будто в горшке с простоквашей мешаешь: бело и мокро»*, *«Что вы это парня в бабьем рукаве парите!»*, *«...и нижняя губа как будто откидной передок в фэтоне отваливалась»* («Грабеж»); *«Если его причесать по форме..., то все лицо выйдет совершенно точно мужицкая балалайка без струн»* («Тупейный художник»); *«...сердце не заезжий двор: в нем тесно не бывает»* («Жемчужное ожерелье»), *«...где уже нам с вами за одним столом чай пить, когда мы вашему морициться не умеем»* (Железная воля»).

Одной из особенностей речи героев с низким культурным уровнем является «немотивированное применение письменно-книжных оборотов и конструкций, выходящих за границы своих стилистических норм», отмечаемое и у современных носителей языка [8, с. 181].

Образчиком такой псевдокнижности, высокого стиля в представлении провинциально-го приказчика может служить речь Сергея – героя повести «Леди Макбет Мценского уезда». Лексика, обороты речи и синтаксические конструкции, которые кажутся Сергею признаком речи образованного человека, соседствуют с просторечными и диалектными словами и формами: *«На ком тут жениться? Человек я незначительный; хозяйская дочь за меня не пойдет, а по бедности все у нас, Катерина Ильвовна, вы сами изволите знать, необразованность. Разве оне могут что об любви понимать как следует! Вот изволите видеть, какое ихнее и у богатых-то понятие. Вот вы, можно сказать, каждому другому человеку, который себя чувствует, в утешение бы только для него были, а вы у них теперь как канарейка в клетке содержитесь»*; *«Я б хотел пред святым предвечным храмом мужем вам быть: так тогда я, хоть завсегда млаже себя перед вами считая, все-таки мог бы по крайности публично всем обличить, сколь я у своей жены почтением своим к ней заслуживаю...»* и т.п.

Стремлением продемонстрировать свое умение вести себя в обществе объясняется использование эвфемизмов в речи героини повести «Воительница»: *«К тому же и обращение у Домны Платоновны было тонкое. Ни за что, бывало, она в гостиной не скажет, как другие, что «была, дескать, я во всенародной бане», а выразится, что «имела я, сударь, счастье вчера быть в бестелесном маскараде...»*.

Безусловно, было бы большой ошибкой полностью отождествлять речь литературных героев с речью реальных носителей языка соответствующей эпохи. Однако при изучении творческого наследия писателей-классиков, подлинных мастеров слова, можно выявить специфику речи определенных слоев общества. Рассмотренные нами типичные особенности речи героев ряда произведений Н.С.Лескова позволяют глубже понять языковую ситуацию, сложившуюся во второй половине XIX в., основной особенностью которой была тенденция к расширению границ литературного языка за счет широкого потока «заимствований из различных языков, слов из народных говоров, социальных диалектов, профессиональных лексиконов, мещанского и крестьянского просторечия» [9, с. 146].

ЛИТЕРАТУРА

1. Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1979.
2. Русский язык. Энциклопедия. М., 1979.
3. Орлов А.С. Язык Лескова // Язык русских писателей. М.-Л., 1948.
4. Фаресов А.И. Н.С.Лесков о языке своих произведений. Лит. приложение к ж. «Нива». 1897. № 10.
5. Русские писатели о литературном труде. М., 1955, т.3.
6. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972.
7. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного. М., 1964.
8. Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. М., 1981.
9. Шкляревский Г.И. История русского литературного языка (вторая половина XVIII-XIX века). Харьков, 1967.

Н.Г.Архипова

НАИМЕНОВАНИЯ ЖЕНСКОЙ ОДЕЖДЫ В ГОВОРАХ СТАРООБРЯДЦЕВ (СЕМЕЙСКИХ) АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Население Амурской области сложилось в результате сложных миграционных движений из разных мест России (Сибири, Забайкалья, южно- и севернорусских губерний), Украины, Беларуси, Польши и др. Это обстоятельство нашло отражение в языке и материальной культуре жителей региона, в частности, сказалось на специфике костюма.

Тематическая группа слов – наименований одежды – представляет значительный интерес в связи с системным изучением диалектной лексики и исследованием соотношения языкового материала с региональными особенностями материальной культуры.

Лексика русских говоров Приамурья включает наименования элементов костюма, характерного для южнорусских, севернорусских и среднерусских территорий. Так, можно говорить, что в Приамурье бытовал общерусский (по происхождению севернорусский) комплекс женской одежды с сарафаном (*круглым, москвичом, дабинником* и др.), длинной рубахой (*станушкой, рукавами*), сложным кичкообразным головным убором (*кичкой*). Зафиксированы наименования женского костюма, типичного для средней полосы и западных районов России: *андарак, клиник, подбор*. Наименования *понёва (понява), кошуля, сорока, запон* встречаются в речи потомков переселенцев из южных губерний России, а также Украины и Беларуси. Вместе с тем, на территории Амурской области зафиксированы локальные комплексы одежды, отличающиеся значительным своеобразием. Так, синтез общерусского и южнорусского типов одежды породил яркий, колоритный, построенный на контрастных сочетаниях цветов костюм старообрядцев (семейских) с сарафаном различных типов (*горбачем, поморником, круглым, московским*), нательной рубахой (*станушкой, становиной, рукавами*), сложным головным убором с несколькими платками, повязанными особым образом, запоном, украшениями из янтаря, разнообразных дутых бус, бисера, гаруса, гусиных перьев.

Задача статьи – описать наименования нательной рубахи в говорах старообрядцев (семейских) Амурской области как элемента традиционного комплекса женской одежды конца XIX – середины XX вв.

Наименования одежды в говорах семейских Амурской области ранее не являлись предметом лингвистического описания и практически не представлялись в региональных лексикографических источниках [см., напр., 1, 2]. В 2003-2007 гг. были совершены фольклорно-диалектологические экспедиции в некоторые старообрядческие села Архаринского, Свободненского и Белогорского районов Амурской области: Грибовку, Заган, Желтоярово, Новоандреевку, Ключи, Никольское. В конце XI – начале XX вв. все они были основаны старообрядцами – переселенцами из Забайкалья. В ходе экспедиций собран значительный диалектный материал, представляющий наименования мужской и женской одежды и украшений (более 150 лексем), в том числе и женских нательных рубах (более 20 лексем).

История наиболее ярких старообрядческих групп Забайкалья изучена достаточно хорошо. Их переселение на Восток происходило в 60-е гг. XVIII в., когда по указам Екатерины II произошла вторая «раскольничья выгонка» из Ветки (1764 г.) и, по некоторым предположениям, из Стародубья. Общее число возвращенных в Российскую Империю беглых, по отдельным данным, достигало 20–40 тысяч человек, называвших местом своего прежнего жительства Московскую, Новгородскую, Смоленскую, Воронежскую, Нижегородскую, Архангельскую губернии. Одна часть «польских выведенцев» попала в Забайкалье, другая была размещена на Алтае [3, с. 12-25]. Как писали «Иркутские епархиальные ведомости», «семейские в Забайкалье – старoverы из Дорогобужа и Гомеля, сосланные при Анне Иоанновне и Екатерине в 1767 г. в количестве 40 000 человек» [4, с. 15].

Одна из таких компактных групп старообрядцев впоследствии переселилась в Амурскую область. «Старообрядцы... сумели лучше других локальных конфессиональных образований приспособиться к местным природно-климатическим условиям и оказать существенное влияние на успешность хозяйственного освоения восточной окраины России» [5, с. 3].

Переселение старообрядцев в Амурскую область началось в 60-е гг. XIX в. при поддержке царского правительства с целью быстрого освоения восточных территорий Российской Империи. В 70-е гг. XIX в. по приглашению губернатора Восточной Сибири графа Н.Н. Муравьева-Амурского старообрядцы переселялись в Приамурье и Приморье для обслуживания почтовых трактов между Сибирью и Камчаткой. После установления морского сообщения с Камчаткой торговые сообщения были закрыты. Часть крестьян вернулась на прежнюю территорию проживания, другая осталась на Дальнем Востоке. Старообрядцы селились отдельными деревнями, преимущественно вдоль рек Зеи, Буреи, Белой и Томи. Первыми поселенцами стали семейские, прибывшие из близлежащего Забайкалья, хотя исконным местом жительства старообрядцев, заселявших Амурскую область, являлось не только оно, но и Енисейская, Пермская, Саратовская и Томская губернии [6, с. 1-9].

В литературе старообрядчество Амурской области обычно именуется только как «семе́йщина». Под семейских подводятся разнообразные согласия (как поповского, так и беспоповского толков), существовавшие в Амурской области к моменту завершения освоения старообрядцами Дальневосточных территорий. По архивным источникам и воспоминаниям потомков первых старообрядцев, большинство старoverов, переселившихся в Амурскую область из Забайкалья, принадлежало к поповскому толку (выходцы из сел Тарбагатай, Куналей, Бичура, Новая Брянь, Никольское, Архангельское, Андреевка и др.). Некоторые информанты называют себя беглопоповцами, так как еще в Забайкалье из-за нехватки собственных священников их прадеды приглашали попов, желающих перейти из никонианской веры в старообрядческую. Полевые исследования свидетельствуют о достаточно пестрой картине в среде амурского старообрядчества. Так, из Забайкалья и Сибири, помимо семейских, переселялись австрийцы, нырки, средники, самокрестцы, поморцы, песочники, кержаки; из Пермской губернии – единоверцы и беспоповцы; из Саратовской губернии – дырники и темноверы. В настоящее время потомки первых старообрядцев отождествляют себя только с семей-

скими, не обнаруживая знаний о значительной разнице в религиозной культуре их предков, но противопоставляя себя «никонианцам», что говорит об этноконфессиональной общности амурского старообрядчества. Однако анализ лексики говоров семейских не позволяет рассматривать их материальную культуру как целостное явление, что обнаруживается при анализе лексико-семантических групп поля «Быт», в частности, наименований одежды.

Сопоставление наименований одежды в говорах семейских Амурской области с данными говоров европейской России, Сибири и Забайкалья позволяет выявить региональную специфику этой группы лексики и ее место в общем лексическом фонде русских говоров. Ареальное сравнительно-сопоставительное исследование дает возможность изучить внутренние и внешние миграции старообрядческого населения, особенности бытового взаимодействия с представителями других этнических групп, отражение религиозного мировоззрения в некоторых наименованиях одежды и др. Подобный подход связан с рассмотрением процессов языковой интеграции между говорами, сформировавшимися на территориях позднего славянского освоения, а также изучением тенденций культурного взаимодействия различных в этнографическом отношении групп русского населения.

Одежда семейских всегда обрисовывалась как добротная и яркая. Декабрист И.Д.Якушкин оставил воспоминания о старообрядческом забайкальском селе Тарбагатай, где, в частности, описал праздничную одежду семейских: «Жители староверческого этого селения вышли к нам навстречу в праздничных своих нарядах. Мужчины были в синих кафтанах и женщины в шелковых сарафанах и кокошниках, шитых золотом. Это были уже не сибиряки, а похожие на подмосковных и ярославских поселян» (датировано сентябрем 1830 г.) [7, с. 1613-1614]. «Одежда женщин старинная: сарафан всегда ярких цветов и кичка, повязанная платком в виде чалмы», – так писал о старообрядках И.Г.Прыжов, посетивший семейские села в 70-е гг. XIX в. [8, с. 351]. Семейские женщины «общительны, щеголеваты и красивы», – вспоминал М.Н.Галкин-Враской в 1882 г. [9, с. 188].

Семейские рассматривали красоту как соединение духовного и физического здоровья. «Семейская женщина работяща, а потому и нравственна и нисколько не развращена, как сибирячка. Она благородна и горда... Песня и пляска старинные, каких, пожалуй, не сыщешь теперь и на Руси. Она необыкновенно деятельна, оттого и хозяйство у нее идет отлично, косит траву не хуже мужчины. Опираясь на свою женщину, домовитую, энергичную, деятельную и дома, и в поле, и в торговле, семейские производят громадное количество хлеба» [8, с. 351]. Здоровье женщины ассоциировалось с дородной фигурой, полнокровным румяным лицом, что подчеркивалось и костюмом семейских женщин: объемные сборчатые рубахи, «борчатые» сарафаны, запоны, двойные пояса, сложные головные уборы с шашмурой, кичкой и несколькими головными платками, шальями или полушалками, скрепленными под подбородком булавками или сложно обернутыми вокруг головы. Костюм отличался яркостью, красочностью, что обнаруживалось в подборе тканей, обилии украшений, прежде всего у девушек и молодых женщин. Пожилые старообрядки носили более строгие уборы, что свидетельствует о присутствии у крестьян чувстве меры и вкуса.

В старообрядческих селах Амурской области традиции старины сохранялись достаточно долго: пожилые жители помнят, что хранилось в сундуках их матерей и бабушек, какую одежду те носили. По воспоминаниям информантов, еще до середины 50-х гг. XX в. основой традиционного комплекса женской одежды у семейских женщин был *сарафан*. Повседневно крестьянки носили *домовники*, *дубасы* (*дубасики*), *поморники*, *горбуны*, сшитые из ситца, реже из льна. Сарафаны могли именоваться по типу использованной при шитье ткани: *дабинники*, *ситники*, *атласники*. Рубаха обычно шилась составной из двух частей: *рукавов* (*чехлика*) и *стана*. Она подпоясывалась тонким домотканым пояском, поверх сарафана тоже завязывался пояс, но более широкий и яркий. Сверху надевался фартук – *запон*. Старообрядки очень любили украшения, особенно янтарные бусы.

В Амурской области сохранились единичные села (напр., с. Грибовка Архаринского района), где до сих пор в молельню идут в одежде, сшитой по старинным образцам, а в повседневной жизни замужние женщины под платок надевают *шашмуру*, носят нательный пояс

и *станушку* с глухим воротом и длинными рукавами, а мужчины одеваются в косоворотки, шаровары, подпоясываются, не стригут бород и носят картузы.

В семейских селах женщины практически не занимались ткачеством. Ткани, используемые для изготовления одежды, в конце XIX – начале XX вв. были в основном покупными: *гарнитур* (*гродетур*), *далимба*, *бурс*, *даба*, *камка*, *мелестин* (*молескин*), *камлота*, *канфа*, *канча*, *коленкор*, *нанка*, *шалон*, *репс* (*рипис*). Одни виды ткани доставлялись из Китая как продукт обмена (*даба*, *канфа*, *канча*), другие вырабатывались на отечественных фабриках (*бурс*, *камка*, *камлота*, *коленкор*). Относительная дешевизна китайских тканей и развитие отечественного текстильного производства способствовали раннему переходу к покупным тканям при изготовлении одежды.

Кросны (ткацкий станок) обычно использовались для изготовления грубой ткани из конопля (*дерюги*) для портянок (*онуч*), рабочей одежды, половиков. На кроснах ткали шерстяные пояса, которые могли быть *повседневными*, *именными*, *крестильными*, *смертными*.

Было зафиксировано около двадцати наименований женской рубахи, надеваемой под сарафан, а позднее носимой с юбкой: *становина* (*станушка*, *становинка*, *стануха*), *рукава* (*рукавки*, *рукавчики*), *пропускнушка* (*пропускнуха*, *пропускнушечка*), *полячка*, *польская* (*поляцкая*) *рубашка*, *польская сорочка*, *польские рукава*, *боренная рубаха*, *кулёма* (*кулёмка*, *кулёмочка*, *кулемуха*), *приставка* (*приставина*, *приставинка*).

Самыми употребительными в говоре оказались лексемы *станушка* и *рукава*, которые часто выступают как синонимы при обозначении любых рубах, надеваемых под сарафан.

Станушкой (или *рукавами*) именовался древний тип туникообразной рубахи, сшитой обычно из двух половин: верхней части (*рукавов*, *рукавчиков*), горловина которой обшивалась тонкой, сложенной пополам полоской ткани – *ошейником* (*шейкой*). В этом значении *станушка* и *рукава* выступают полными синонимами лексеме *пропускнушка*. Несмотря на название, *пропускнушка* шилась из двух половин: верхней и нижней. Так же *рукава* и *станушка* могут обозначать верхнюю и нижнюю часть рубахи соответственно.

Погребальные женские рубахи обычно именовались *становинами*. Они шились из белой хлопчатобумажной ткани (покупной, но постиранной перед шитьем), состояли из цельного стана и рукавов, могли иметь воротник-*ошейник* или шились *голошейкой* (без воротника). Наименования погребальной рубахи, включенные в контекст обряда, приобретали символическую семантику, которая актуализируется в ситуативных употреблении слова и является отражением символического значения самого предмета: *Будет время становину надевать* (с. Заган), *Всем становина своя достанется* (с. Ключи), *От домовины да становины не ускачеши* (с. Заган), *Всем становину надевать* (с. Новоандреевка). Отметим, что погребальные рубахи шились из цельного полотна и не имели боковых вставок, что указывает на ранний отказ старообрядцев от домашнего ткачества (изготовленная на кроснах ткань более узкая, чем фабричная).

Рубахи, сшитые из двух половин, у старообрядцев фиксируются повсеместно. Так, например, Т.А.Агафонова отмечает, что у русских липован, проживающих в южной части дельты Дуная, наряду с цельнокроеными рубахами, носили рубахи с поперечным швом, делившим стан на две части: верхнюю (*чехлик*) и нижнюю (*станушка*) [10, с. 1]. Е.И.Яскеляйнен, описывая народный костюм старообрядцев Кемского Поморья, указывает, что у поморок женская рубаха составлялась из двух частей, соединенных поперечным швом чуть выше линии пояса. Нижняя часть рубахи (*стан*) меньше изнашивалась, поэтому с ней могли использовать несколько верхних частей (*рукавов*), заменяя их одну за другой по мере старения [11, с. 12].

Полячками и *боренными рубахами* именовались поликовые рубахи, которые носили с лямочными сарафанами. В плечи поликовой рубахи вшивались продолговатые лоскуты (*полики*). Такие рубахи всегда составлялись из верхней части (*рукавов* – сс. Заган, Грибовка, Новоандреевка или *чехлика* – с. Заган) и нижней (*стана*, *станушки*). В этом значении наименование верхней части рубахи (*рукава*) употребляется во всех обследованных старообрядческих селах, а слово *чехлик* зафиксировано только в с. Заган Свободненского района, заселенного в начале XX в. переселенцами из с. Новый Заган Забайкалья.

Кулёмой (кулёмкой, кулёмочкой, кулемухой) называлась боренная рубаха с широкими рукавами (*кулями*), сшитыми из двух полотнищ. Такие рукава были короче, чем у *станушек*, имеющих прямые рукава. По вороту и плечам *кулёмы* делалась яркая вышивка обычно красного цвета.

В синонимичном значении употребляются наименования *польская сорочка, польская (поляцкая) рубашка, польские (поляцкие) рукава*. В отличие от других типов женских рубах, эти рубашки имели широкие короткие рукава, едва прикрывавшие локоть или доходившие до середины предплечья. По воспоминаниям информантов, такие рубашки рано вышли из употребления, так как не подходили к суровым условиям Дальневосточного края: *Я только раз видала поляцкие рукава. Едва локоть прикрывали. У нас почти не носили такие поляцкие рубашки. Слепни, комары, да и холодно*» (Новоандреевка, 2006).

Еще одним наименованием женской рубахи является *приставка*, шившаяся с *перелинкой* – кокеткой и обязательно состоявшая из двух частей – верхней и нижней. Можно предположить, что название рубаха получила потому, что при носке составных рубах верхнюю, быстрее изнашиваемую часть, можно было менять быстрее, чем нижнюю и к *стану* «приставлять» *рукава*.

Зафиксированные в говорах семейских Амурской области наименования женской рубахи распространены в русских говорах различных типов, но, главным образом, севернорусских (северо-восточных, новгородских, пермских), а также во многих говорах вторичного образования. Так, в Словаре В.И. Даля *становина* имеет помету «пермское», *станушка* – «новгородское». В Словаре говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья представлены дефиниции лексем *станушка, станина, стануха* в значениях 1. «Женская нижняя рубаха с пришивной к ней юбкой»; 2. «Юбка, пришиваемая к женской нижней рубахе». В Словаре областного архангельского наречия слово *рукава* употребляется в значении «женская, вроде обтяжной кофты одежда». Словарь русских говоров Приамурья более чем из двадцати, зафиксированных нами лексем – наименований женской рубахи, надеваемой под сарафан, отмечает только три: *становина, становинка, станушка*. Эти лексемы известны жителям сел Черняево Магдагачинского р-на, Албазино Сковородинского р-на, Поярково Михайловского р-на. Все села были основаны казаками, переселявшимися в середине XIX в. в Амурскую область из Забайкалья – прежнего места жительства амурских старообрядцев. Возможно, наименования женских рубах с корнем *стан-* появились в говоре семейских под влиянием старожильческих говоров Забайкалья, имеющих севернорусскую основу, или к тому времени данные лексемы уже стали общерусскими. Интересны в этом отношении наблюдения Т.Шарабариной, которая отмечает лексему *становина*, говоря о наименовании элемента фартука-нарукавников у кержачек Восточного Казахстана: «Если фартук предохранял от загрязнения только переднюю часть юбки, то нарукавники берегли все платье целиком. Они состояли из «становины» – собственно передника, к которой пришивалась кокетка с длинными рукавами...» [12, с. 23].

Таким образом, семантика языковых единиц со значением «женская нательная рубаха» в говорах амурских старообрядцев представляет собой сложное явление, отражающее лингвистические закономерности, свойственные говорам переходного типа в целом, и экстралингвистические факты, связанные с особенностями материальной и духовной культуры носителей диалекта. Так, большинство наименований рубахи зафиксировано в севернорусских материнских говорах, что, возможно, явилось следствием длительного контакта старообрядцев со старожилым населением Забайкалья, говоры которого сформировались преимущественно на севернорусской основе, и тем, что отдельные группы староверов до пребывания на Ветке и в Стародубье были выходцами из севернорусских губерний России. Наличие широкого синонимического ряда наименований рубах говорит об исконной неоднородности самих старообрядческих говоров Амурской области, сформировавшихся на разной основе, а развитие многозначности у слов свидетельствует о живых процессах, происходящих в говорах семейских.

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь русских говоров Приамурья / Сост. Ф.П.Иванова, Л.В.Кирпикова и др. М.: «Наука», 1983.
2. Словарная картотека Г.С.Новикова-Даурского / Под ред. Л.В.Кирпиковой. Благовещенск, 2003.
3. Погодные ведомости состояния и учета сектантов в Амурской области. 1900-1902 гг. Благовещенск, 1903.
4. Иркутские епархиальные ведомости, 1878, № 38.
5. Аргудяева Ю.В. Старообрядчество на Дальнем Востоке России. М., 2000.
6. Реестр учета сектантов и иноверцев Амурской области. Благовещенск, 1910.
7. Якушкин И.Д. Из записок декабриста Якушкина // Русский архив. 1870, № 1-19. С. 1566-1633.
8. Прыжов И.Г. Очерки. Статьи. Письма. М.-Л.: ACADEMIA, 1937. С. 323-352.
9. Галкин-Враской М.Н. Поездка в Сибирь и на остров Сахалин в 1881-1882 годах // Русская старина. Ежемесячное историческое издание. СПб., 1901, № 1. С. 147-196.
10. Агафонова Т.А. Традиционная одежда липован южного Подунавья // starover.kiev.ua/history.php?article=5/ 04.03.2007.
11. Яскеляйнен Е.И. Народный костюм русских Кемского Поморья XIX в. // Кижский вестник. Сборник статей / Под ред. И.В. Мельникова. – Петрозаводск, 2003, № 8.
12. Шарабарина Т. Крестьянский костюм – одежда не простая... // Октябрь, 2002, № 10.

В.П.Васильев, Э.В.Васильева

БАЗОВЫЙ КОНЦЕПТ КАК ЭЛЕМЕНТ КОГНИТИВНО-ИДЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЛАСТНОГО СЛОВАРЯ

Современный этап в становлении когнитивизма являет собой основу «интегральной» парадигмы знания в лингвистике. Такой поход осуществляется как при анализе литературного языка, так и при анализе диалектов. В когнитивизме усматривается новый источник для совершенствования диалектографии, для создания словарей нового типа. Эта возможность открывается на пути сопряжения тезаурусной разработки лексики и энциклопедического описания её элементов, что находит своё выражение в «Сибирском метеорологическом словаре», который, будучи недифференциальным сводным синхроническим аспектным словарём, развивает традиции идеографической диалектографии [1; 2] в плане обогащения её концептуальной теорией [3, 4, 5, 6, 7].

Фактологической основой словаря служат архивные материалы и картотека (до миллиона единиц) говоров Кемеровской области, а также лексикографические издания и научные публикации, выполненные на материале русских говоров Сибири (свыше 70 источников).

В данной работе представлены когнитивные принципы словаря, а также опыт описания одного из базовых концептов, манифестируемого общерусским словом *дождь* [8]. Полисистемный характер бытования слова не препятствует воссозданию его концепта, ибо говоры, различаясь на языковом уровне, с точки зрения народного мировидения обнаруживают содержательное единство на речевом уровне [9, с. 20], проявляя тем самым единое «знаниевое» пространство макротерритории. Когнитивные задачи Словаря заключаются прежде всего в том, чтобы представить знания о метеорологических явлениях, которые стоят за базовыми словами и составляют их концепты.

Слово *дождь* является элементом лексической группы «атмосферные осадки», которая представляет собой иерархическую сеть, содержащую три уровня построения: супербазовый (*атмосферные осадки*), базовый (*дождь*, *снег* и др.) и суббазовый (красн. *емжэ* 'мелкий дождь', амур. *тучный дождь* 'кратковременный ливневый дождь', том. *окладенек* 'длительный, затяжной дождь, при котором небо сплошь покрыто тучами' и др.). Занимая срединное положение в таксономической классификации наименований осадков, метеоним *дождь* во-

площад в себе наибольшую часть нашего знания [10, с. 163-164] об обозначаемом явлении. Культурно обусловленное представление человека об этом метеоявлении, возникающее в его сознании как продукт перцептивных и когнитивных операций, подводится под метеоним и может рассматриваться как когнитивная структура. Концепт, представленный уму человека, имеет вербальную и невербальную репрезентацию. В Словаре, как и в большинстве лингвокогнитивных и лингвокультурологических исследований, демонстрируется описание концепта как вербальной формы знания [Ср.: 11]. При этом принимается во внимание, что основными средствами его объективации служат лексико-фразеологические номинации и синтаксические конструкции языка.

В лексической системе языка метеонимический концепт проявляется через соотнесённость его базового имени (*дождь/дожж*) с гиперонимом (*осадки*) и гипонимами (*снег, роса*) и конституируется единицами денотативного класса, который концентрирует в себе максимально релевантные для обыденного сознания свойства явления (ср. н-сиб. *косяной дождь* 'дождь, прошедший полосой *под углом к горизонту*'; амур. *подстёга* 'крупный с ветром дождь'; кем., том. *бусовой* 'частый, мелкий (о дожде)'; бурят. *просадный* 'сильный, проливной, холодный (о дожде)'; том. *как дождь* 'о чем-л. обильно падающем, сыплющемся' и др.). Однако лексическая идентификация не вскрывает полностью содержания концепта, она лишь показывает пути, меру и качество его вхождения в языковую картину мира и смысловую стратификацию в ней.

Способом всестороннего проявления концепта является его задействованность в речемыслительной деятельности человека. В зависимости от того, какой фрагмент информации о дожде востребован в речемыслительном акте, концепт воплощается в синтаксических единицах разного формата – словосочетаниях, простых и сложных предложениях. Активизация концепта в целом может быть осуществлена путём создания тематически ориентированного текста. Какими бы реализациями в дискурсе ни характеризовался концепт, он предстаёт в нём порционно распределённым, несистематизированным. Целостный (а значит, параметризованный и структурированный) характер концепт приобретает в результате такого «сложения» всех актуальных смыслов его имени. «Упаковка» дискурсивного знания о дожде, нацеленная на оформление концепта как структуры опыта, производится на двух ступенях его организации – на ступени совокупности признаков и на ступени обобщённых параметров (схемы, или фрейма).

В данном случае концепт воссоздаётся как признаковая структура в рамках конкретизированного в лексико-семантическом отношении частеречного фрейма [12], центром которого является эйдетическое понятие о целостном предмете (явлении), символизируемом бытийной категорией НЕЧТО. В предметноцентрическом фрейме, задающем статичную структуру знания, элементы соположены. Эти элементы в соответствии с субъектно-объектным принципом познания явления относятся к разным зонам его интерпретации – объектной, субъект-объектной и субъектной – в зависимости от того, какие стороны познания ими профилируются.

В **объектной** зоне вид предмета (НЕЧТО), обозначаемого существительным, обрисовывается в связи с категориями «количество» (СТОЛЬКО /квантификаторы и числительные), «качество» (ТАКОЙ / прилагательные) и «бытие» (СУЩЕСТВУЕТ / глаголы)

В представлении информации, полученной по сути как ответ на вопрос «какой предмет?» («качество – предмет»), участвуют такие выражаемые прилагательными концептуальные аспекты (слоты), которые характеризуют данный предмет (явление) с точки зрения «величины частиц осадков» (*мелконький, меленький, мелкий, средний, крупный ... дождь*), «плотности расположения частиц осадков при их выпадении» (*редкий, густенький, густой, частый ... дождь*), «температуры воды осадков» (*холодный, холоднящий, тёплый...дождь*); «скорости падения частиц осадков» (*тихонький, тихий, тихой, спорый, скорый, медленный ... дождь*), «количества осадков, выпадающих за один раз» (*обильный, большой, хороший ... дождь*), «интенсивности осадков в её статичном проявлении» (*маленький, небольшой, не-сильный, большой, значительный, хороший, бойный, бешеный, огромный, лютый, страшный,*

крепкий, заливающий, лёвкий... дождь), «интенсивности осадков по её способности к изменению» (*ровный ... дождь*); «продолжительности выпадения осадков» (*недолгой, короткий, краткий, скороспешный, кратковременный, продолжительный, затяжной, протяжливый, долгосрочный, долгий ... дождь*), «выпадения осадков относительно установленного момента» (*самый нужный ... дождь*), «особенностей существования осадков в течение какого-л. времени» (*временный ... дождь*), «порядка выпадения осадков в году» (*первый, второй... дождь*); «направления движения осадков по отношению к поверхности земли» (*прямой, косой ... дождь*) и др.

В соотносённости категорий «предмет» (НЕЧТО) и «бытие» (СУЩЕСТВУЕТ), спроецированных на явление дождя, через глаголы функционального состояния (*идти, моросить, сеять*), семантически сопряжённых с метеонимом, проявляется тот постоянный признак явления, благодаря которому оно идентифицируется. Класс предикатов состояния расширяется за счёт прилагательных, обозначающих временные признаки явления. Они оказываются связанными с «плотностью расположения частиц осадков при их выпадении» (*дождь... густой*), «температурой воды осадков» (*дождь...идёт холодный*); «скоростью падения частиц осадков» (*дождь...идёт тихий, спорый какой, тихий*), «количеством осадков, выпадающих за один раз» (*дождь... большой, прошёл огромный, будет большой*), «интенсивностью осадков в её статичном проявлении» (*дожди ... сильные, дожди ... несильный, идёт сильный*); «продолжительностью выпадения осадков» (*дожди...будет долгим*); «наличием химических и других примесей в осадках» (*дождь...пройдёт кислотный, идёт зелёный*); «утилитарной оценкой» (*дожди...пользительный, вредный теперь*).

В субъект-объектной зоне профилируется не только «инобытие предмета (явления)» через его «способ существования» (существует КАК / определительные наречия), но и сам человек, с местом и временем наблюдения которого соплагается инобытие объекта во «времени» (существует КОГДА / темпоральные наречия) и в «пространстве» (существует ГДЕ / локативные наречия).

В комбинации понятий «инобытие – способ» («существует ТАК»), объективируемой в языке сочетанием глаголов с наречиями или существительными с «обстоятельственной» семантикой, определительные слова являются носителями таких когнитивных рубрик, как «величина частиц осадков» – *дождь ... идёт мелко, сеет как из сита*; «скорость падения частиц осадков» – *дождь ... шёл тихо, количество осадков, выпадающих за один раз* – *дождь... падают хорошо, польёт хорошо*, «интенсивность осадков в её статичном проявлении» – *дождь ... льёт как из ушата (здорово, лихоматчиком, ульвно, ливнем), идёт как из ведра, хлестал здорово, прошёл сильно, прольёт сильно*; «продолжительность выпадения осадков» – *дождь ... проходит быстро, закончится нескоро, бусит конца-края не видать, пойдёт часа на три, прольёт до обеда, идёт недели три, хлестал всю ночь, забусит на весь день, льёт месяц*; «особенности существования осадков в течение какого-л. времени» – *дождь ... льёт беспеременно, заполоскал опеть*; «направление движения осадков по отношению к поверхности земли» – *дождь ... идёт косо*; «сопровождаемость другими атмосферными явлениями» – *дождь ... идёт с ветром, со снегом, с градом, с крупной, с грозой*.

Через удержание в памяти связи понятий «инобытие – пространство» («существует ЗДЕСЬ – ТАМ») для характеристики явления оказывается действенным слот «локализованность осадков в пространстве, или площадь их выпадения» – ср. *дождь ... идёт на одном краю деревни, идёт везде* и т.д.

Приуроченность ситуации дождя ко времени, символизируемая схемой «инобытие – время» («существует СЕЙЧАС – ТОГДА»), осмысливается на лексико-семантическом уровне в рамках информационных рубрик, которые фокусируются на «времени года, когда выпадают осадки» – *дождь ... был в декабре, январе, весной, осенью, начнется зимой, идёт в Покров день, перед Рождеством и Новым годом, всё лето, пройдёт весной*; *дожди ... бывают осенью, пройдут в мае*, «времени суток...» – *дождь ... бывает днём и ночью, на всю ночь, хлестал всю ночь, прошёл ночью*, «выпадении осадков относительно установленного момента» – *дождь ... шёл вовремя, ударил вовремя; дожди ... падают вовремя*.

В субъектной зоне фрейма целостная ситуация предмета (явления) представляется наблюдателем через оценку. В ней закладывается ответ на вопрос «как (оценивается предмет)?». Ценностное отношение к предмету удостоверяется применимостью к положению дел оценочных предикатов, которые указывают на «общую оценку» (*плохо, нехорошо, хорошо, великолепно*), «гедонистическую оценку» (*спасаться... от дождя*), «эмоциональную оценку» (*надоест, бояться, весело, не рад, слава богу, дай бог, спасу нет* и др.), «утилитарную оценку» (*благодать, мешать, не бояться* <об одежде и обуви> ... дождя и др.)

Эти же элементы фрейма организуют дискурсивную форму существования концепта, представляя её в виде восьмиэлементной синтагматической модели: оценка – (количество – качество: [предмет] – (инобытие:) способ – место – время) [12, с. 18; Ср.: 13, с. 32]. В лексико-семантической конкретизации так называемый сценарий может иметь, к примеру, следующий вид: эмоциональная оценка – определённое количество однородных осадков – величина частиц осадков – [атмосферные осадки – функциональное состояние] – интенсивность осадков в её статичном проявлении – территория страны – время года. Ср. *Хорошо, что в начале лета на юге России сильно прошли два крупных дождя*. Этот пример убеждает, что фрейм дождя может развёртываться по нескольким сценариям. Причём в коммуникативной практике каждый из них варьирует эталон и по количеству составных элементов, и по содержанию. Ср. *Ночью слышу доить-та какбй шурит* (Бурят. Кяхт. Н-дес.). *Ой, здорово хлестал дожд* (Том. Том. Верш.). *Уливно в городе дождь лил* (Кем. Мар. Кол.). *С утра бусил дождж маленький* (Том. Том. Губ.). Неполнота коммуникативной реализации сценария объясняется отчасти его ситуативным воплощением, отчасти тем, что атрибуты явления могут фиксироваться несколькими элементами сценария. Ср. *Всё меняются. И дожджсёв счас сильных нет. Всё засуха, жар, а дождж поморосит, и всё* (Кем. Юрг. Митр.). *Если дожджсй сильны – плотину сорвёт*. (Кем. Крап. Макс.). *Дождь там сильно прошёл или как, что нельзя доехать. Так и не боронют* (Кем. Крап. Перех.). *А некоторый дождж идёт и сильно, прямо льёт ливнем...* (Кем. Юрг. Вар.). В связи с речевым преобразованием сценария уместно заметить также то, что на поверхностном уровне выражения сценария атрибуты инобытия зачастую трансформируются в атрибуты предмета: (1) *Осенью дождж пройдёт да ешиш, да поново. Бывало, картошку в грязи копали* (Бурят. Каб. Каб.). *Осенью дожджсй, дожджсй подряд, надоело это ненасые* (Кем. Яшк. Итк.). *В сентябре осённы дождж пойдёт* (Кем. Юрг. Н-ром.); (2) *Ну с ветром косо идёт дождж, а прямой так прямой и есь. Мокрый, прямой идёт* (Кем. Юрг. Зел.). *Иногда идёт косой дождь под углом и с ветром* (Кем. Крап. Иван.). *Вот ветренный, ураганный дождж, крупный, как даст, и сразу ручьи побежали* (Кем. Яшк. Н.Тайм.).

Вместе с тем многообразные сценарии характеризуются типовым проявлением, характерным для славянских языков. Типизация сводится к расположению элементов центрального блока (НЕЧТО СУЩЕСТВУЕТ) в прямом порядке: «атмосферные осадки – функциональное состояние». Предложения, содержащие в себе каноническую основу, закрепляются за понятием «скрипт». Ср. *Это вовремя дождж ударил* (Кем. Яшк. Полон.). *Иш, дош ... сыпет, рбвна скрось сйтечка* (Ирк. Черемх.). *С грозой дождж всегда быстро проходит, и крупный* (Кем. Н-куз. Ос.Пл.).

И сценарии, и скрипты по своему устройству – полипропозитивные образования. Их систематизация возможна на основе исчисления семантических моделей предложения как номинативной единицы, имеющей своим основанием структуру «атмосферные осадки – функциональное состояние». При подобном подходе намечается три типа моделей.

Семантические модели предложений, укладываемые в рамки прототипического значения метеонима:

«субъект – предикат функционального состояния природных объектов», которая наделяется семантикой 'атмосферные осадки проявляют свое функциональное состояние, воспринимаемое человеком как движение сверху вниз' – *Картошка в цвету, дождь-то вовремя пал* (Тюм. Гол. Мед.). *Дождь-то идёт, а тепла-то нет* (Том. Том. Верш.); *Дождж, однако, Иван, хлюпанёт, туча-то заходит* (Том. Том. Верш.). *Всю ночь доши хлестал...* (Красн. Берёз. Бер.);

«субъект – предикат функционального состояния природных объектов и начала события», имеющая значение 'природное явление, проявляя своё функциональное состояние, осознаётся человеком как начальная фаза' – *Бурундук начнёт это всё колоктать начнёт. А это к ненастью. Ну вот. Он, бурундук, клокчет, где-нибудь сидит, и вот поглядишь – погода сломается, начнёт дожжж поливать* (Кем. Яшк. С.Остр.). *Езлив дощи начнёт, зарод не успеет завершить* (Красн. Берёз. Бер.). *До полдён бы успеть, а то потом дождь пойдёт* (Тюм. Н.Тавд. Ер.); *Гроза, дождь стал хлестать. Восподи бог! Ну, думаем, всю пшаницу побьёт, хлеб наш пропадёт* (Якут. Олёк. Сан.);

«субъект – предикат функционального состояния природных объектов и прекращения состояния», символизирующая значение 'природное явление, проявляя своё функциональное состояние, осознаётся человеком как начальная фаза' – *Ждём, кода дожжж перестанет моросить. Как перестанет дожжж, сено высохнет, тогда мы его сгребём в стог* (Кем. Юрг. Иск.);

«субъект – предикат прекращения бытия», лексическая разновидность которой имеет значение 'что-л. прекращается, приходит к концу...' – *Присыпал было дожжж, да перестал* (Том. Крив. Ишт.);

«субъект – предикат функционального состояния природных объектов и проявления их качества», характеризующаяся значением 'явление природы, находясь в своём функциональном состоянии, обнаруживает то или иное качество' – *Это когда дожжжы тёплы идут да припáривает* (Том. Том. Верш.); *...дождь такой зелёный идёт ...* (Кем. Крап. Тар.). *Дождь пройдёт кислотный – всё засохнет, все пожелтеют, и ничего не едим* (Кем. Крап. Крап.). *...от счас дожжж прошёл огромный ...* (Кем. Яшк. Итк.);

«субъект – предикат качества», означающая то, что явление природы характеризуется тем или иным качеством – *Ну, дожжж большой, и всё. Ой, счас грыбы пойдут, дожжжик прошёл* (Кем. Юрг. Иск.). *А вот грозный дожжж, который быстро с грозой пройдёт, и всё* (Кем. Яшк. Кул.); *бёгашь по этим по лывам, прямо вот по лужам, прямо пузыри, дожжж тёплый такой...* (Кем. Яшк. С.Остр.);

«субъект – предикат несуществования», указывающая на отсутствие внешнего состояния – *Дожджá не будет. Спарение будет* (Том. Том. Верш.). *Кода дожжжý нет, старухи готовятся, говорят, надо маку посыпать в ключи, чтобы дожжж пошёл...* (Кем. Юрг. Митр.). *А ёзли во время цветения [картофеля] дожжжá не бывает, значит, урожай плохой* (Кем. Юрг. Зел.);

«субъект-событие – предикат осуществления – место», лексический вариант которой выступает в значении 'какое-л. событие (явление) совершается, осуществляется где-л.' – *А может, где пройдёт грядочкой, а здесь не будет дожжжá* (Н-сиб. Чулым. Алекс.);

«субъект – предикат бытия - существования», обозначающая то, что природное явление имеет место в действительности – *В Петров день тоже дождь бывает* (Тюм. Ярк. Ярк.). *Как то́ко погода начинáт, свиньи таскают палки в роту́. Значит, будет дожжж, а зимой снег* (Кем. Юрг. Зел.). *А нонче всё время был дожжж. Так и сáдит* (Том. Том. Верш.). *Ну вот счас если дожжж есть, значит, снег будет. У нас как-то так, по зиме* (Том. Том. Верш.).

Семантические модели предложений, обусловленные партитивной актуализацией метеонима:

«субъект – предикат однонаправленного перемещения – объект – исходный пункт – конечный пункт», лексический вариант которой характеризуется значением 'природное явление, событие или иная причина вызывает направленное движение объекта из одного места в другое' – *...его [стог] завершат остренько, а по нём дожжж скáтываются* (Кем. Яшк. Солом.). *Двухскáтна хоро́ша крыша. ...скáтна – чтобы дождь стекал* (Том. Том. Верш.);

«субъект – предикат однонаправленного перемещения – объект – конечный пункт», указывающая на природное явление (или событие), которое заставляет что-л. перемещаться куда-л. – *...как дождь был, ливень, всю землю унёс, до глины унесло* (Кем. Юрг. Зел.);

«субъект – предикат покрытия – объект – средство покрытия», реализующая значение 'явление природы (дождь, снег, вода и т.п.)... покрывает собой что-л. какую-л. поверхность в большом количестве' – *Опять с гнилого угла подул ветер, опять дожжжáм всё зальёт* (Кем. Юрг. Вар.).

Семантические модели предложений, обусловленные совмещением пропозитивной номинации дождя с номинациями других событий:

«субъект – предикат повреждения неодушевленного объекта – объект», выражающая значение 'предмет портит какой-л. неодушевленный предмет' – *Дождь – это подобие с градом, он может отбить, и урожая такого не будет, или совсем может побить всё...* (Кем. Юрг. Ал.). *Вот сýточный дождь целы сутки идёт, не перестаёт если, то вредит всему: овощи портит и хлеб – хрусткой* (Красн. Шуш.);

«субъект – предикат отрицательного воздействия – объект», характеризующаяся типовой семантикой '...неодушевлённый предмет подвергает кого-л., что-л. отрицательному воздействию, нанося вред, причиняя ущерб вплоть до разрушения неодушевлённого предмета...' – *Мы сетку сняли [с куста], и погода. И дождём всё обломало* (Том. Том. Верш.). *А как дождём ударило!* (Том. Том. Верш.);

«субъект – предикат разрушения – объект», отличающаяся значением 'природное явление, стихия... разрушает что-л., уничтожая, нанося материальный ущерб' – *Дош эти авраги размывают, пристрашным авраги стаёт* (Бурят. Мухор. Шарал.);

«субъект – предикат пропитывания – объект – средство», которая репрезентируется семантикой 'природное явление (дождь, вода и т. п.), покрывая поверхность чего-л., пропитывает что-л. насквозь' – *На два ската кроется [зарод], чтоб дождж не промочил* (Кем. Юрг. Зел.). *Дош хлышет, гляди-ка какой. Прольёт наши копёшки* (Красн. Берёз. Бер.);

«субъект – предикат изменения качественного признака и пропитывания – объект», проявляющая значение 'субъект пропитывает объект чем-л., в результате изменяя его качественные признаки' – *Высохнет вся земля, думаешь: хоть бы прошёл дождь, смочил* (Кем. Яшк. Кул.). *...сено было сухо, а потом доши намочил* (Красн. Берёз. Бер.). *...если дождём помочит, то его [стог сена] надо перевернуть на другую сторону* (Кем. Крап. Крап.). *В поле снопы складывали в круг, чтобы колосья дождём не замочило* (Алт. Кос. В.-Жил.);

«субъект – предикат противодействия – адресат», характеризующаяся семантикой '...какое-л. событие мешает осуществлению, выполнению, развитию чего-л.' – *А счас месяц на рогу, а дождь идёт. Он мешает сеноуборке* (Том. Том. Верш.) и др.

Концептуальное портретирование метеонима в Словаре осуществляется в тройном аспекте: (а) на уровне языка, понимаемого и как система, и как деятельность, в концепте моделируется совокупное знание о явлении дождя в виде набора когнитивных аспектов (слотов) и формирующих их признаков (конструктивный уровень, или уровень фреймовой организации знаний) [14]; (б) на уровне языка как системы концепт проявляется не только через словарное значение его имени, но и через системное (классификационный уровень) [15]; (в) на уровне языка как деятельности концепт, реализуясь в разнообразных синтаксических построениях, предстаёт во множестве своих актуализаций (динамический уровень).

Отсюда следует, что в словарной статье единый концепт «собирается» на основе его речевых реализаций. Он объективирует все направления концептуализации метеоявления, ассоциирующиеся с избранным базовым именем суперординатной категории «атмосферные осадки».

Пример словарной статьи.

ДОЖДЬ, **я**, м. АТМОСФЕРНЫЕ ОСАДКИ, ВЫПАДАЮЩИЕ ИЗ ОБЛАКОВ В ВИДЕ КАПЕЛЬ ВОДЫ.

«АГРЕГАТНОЕ СОСТОЯНИЕ ОСАДКОВ» – *Дождж льёт лихоматичком* (Бурят. Каб. Ст.Дв.). *Желобок, вода стекает от дожджя. Кто какой сдёлает. Корытце делашь, сделают покать: тут повыше, тут пониже, покато* (Кем. Мар. М.Ант.). *Хорошо вот дождь, и с крыши напотóчили воды в вёдра, кадушки* (Амур. Скв. Алб.). *Как я вёска да тяжка, Так и хлеб мой будь на поле вёский и тяжкий, Чтобы никто не мог на моём поле Ни цвет снять, ни сдуть. И чтобы дождж не обмыл (...), И человек не оснимал, акромя меня, хозяйки [из заговора]* (Ирк. Тул. Ед.). *У него бабушка была Соломонида. Жучёва. Соломонида Анисимовна была. Она ему передала, как изжогу лечить. После дожджа, говорит, с камня воду попей, и она пройдёт (...). На берегах же чистый камень, там кака-то вроде как лошйночки, не-*

ровны же бывают плиты, и вот дожж, говорит, набяжит в ямочку, и наклонись, гыт, да попей, и пройдёт (Чит. Нерч. Куд.). ...быстро сохнет [сено], если жарко, а если дождём помочит, то его надо перекрутить на другую сторону. А другой раз его с места на место (Кем. Крап. Крап.). В поле снопы складывали в круг, чтобы колосья дождём не замочило (Алт. Кос. В.-Жил.). На два ската кроется [зарод], чтоб дожж не промочил (Кем. Юрг. Зел.). «СОСТАВНЫЕ ЧАСТИЦЫ ОСАДКОВ» – Дождь сёдня спорый какой. Мелкота, так и сеет (Том. Том. Гол.). Сеногнойный – как из сита идёт, дожж вроде и каплев нет, но всё равно сыро получается (Н-сиб. Болот. Ман.). Дождь брызжет (Кем. Пром. Тарас.). Дождевик – а это гриб у нас такой есть. А «дождевик» и называется он пока маленький, так, на нём пупырышки такой вот, как роса или от дождя капельки, вот и называют «дождевик» (Том. В.-Кет. Б.Яр.). Дак чтоб дожж скатывался, чтоб дожж-то скатывался, а так же всё [о сене] сгниёт. Вот чтоб дожж, это, как дожж, он скатываться будет (Кем. Юрг. Зел.). «СПОСОБ СУЩЕСТВОВАНИЯ ОСАДКОВ» – Ой, какá глухотá! Доши не идёт, испáриват всё (Хаб. Бир. Голов.). Как дожж пройдёт, так и подосиннички и сыровёжками полезут (Н-сиб. Купин. Ярк.). Когда снопы вместе лежат, по очёсанным бёлкам дожж падает на пол (Н-сиб. Мошков. Белояр.). А то, бывáт, как зачнут дожжи лить, и конца им не видно (Том. Пар. Луг.). Иш, дош, каг бус, сыпет, рóвна скрось сýтечка (Ирк. Черемх.). Лето сухое, облачко зайдёт, думаешь, сейчас дождь хлёбнет, а нет ничего (Кем. Пром. Тарас.). Это будет дожж. Ну другой раз крупный упадёт, и мелкий как из сита сеет (Кем. Яшк. Итк.). Я плоть была кóло медведя. Пошла за ягодой. Одна. Ни собаки, никто. Мóрошно, дожж бусйт. Я думаю: «Ну, пойду хоть тут голубицу пособираю» (Ирк. Ольх. Кос.Ст.). Но дожжй припадали. Один дожж зальёт всё до кусточков (Кем. Яшк. Н.Тайм.). Хлеб возили, клади клали. В осень моя работа была на кладях. Клали, хыть и дождь летит, хыть и чё летит, мы на кладях кладём (Кем. Прок. Кот.). В июле начинается клубника. Вот эта виктория кончится, клубника пойдёт. Это вовремя дожж ударил (Кем. Яшк. Полом.). Да, бывало, когда на Новый год дожж какой падает (Кем. Крап. Бор.). Присыпал было дожж, да перестал (Том. Крив. Ишт.). Ить сёдни как дожж трусил, сильный, как припустит, как припустит (Том. Зыр. Черд.). Дождь распотешился (Том. Пар. Алат.).

«ИСТОЧНИК ОБРАЗОВАНИЯ ОСАДКОВ» – Нёба усё замарачáла, дош, адна́ка, б́удит (Бурят. Мухор. Мухор.). Дош апётъ б́удят: иш, мóрак-та двайно́й (Ирк. Кир. Чуг.). А с ут́ра́та б́утта на дош сматр́ела, затянула фсё мóракам. Дамой ни хад́ите в дош, пусть абыгáт маленька (Ирк. Кир. Алым.). Но хуже, если идёт какая план́ида, а план́ида – облако такó дожжево. Как туча идёт чёрна, так план́ида – дожж будет (Н-сиб. Ордын. Рог.). Солнце закатывается, а морокá не перегорели, значит, дождь будет. А если морокá перегорели, имеют свет заката, тогда не будет дожжа (Амур. Скв. Алб.). Забусélo на дворе, жди дождя теперь (Тув. Пий-Хем.). Дождь, поди, пойдёт. Опять много óболоков (Н-сиб. Сузун. Зор.). Мотр́й-ка, да́ве тепло было, сейчас сбегжали тучки, да дождь пошёл (Алт. Сорок. Сосн.). Да я от сёдни стиралась, утром рано стирала и повесила. Думаю, пускай, дóжжесуку быть, и вижу, что заносит, наверно, будет дожж. Скорé, скорé давай снимать, стаскала. Всё с́ухонько, в́ыбогало. Ага, хорошо (Кем. Яшк. Солом.). Ходят мóлоди [дождевые облака] – быть дождю (Красн. Б-улуй. Кыт.).

«ВЕЛИЧИНА ЧАСТИЦ ОСАДКОВ» – Неб́ытцым дождь мелкий, сож такой был (Н-сиб. Кышт. Крут.). С грозой дожж всегда быстро проходит, и крупный (Кем. Н.-куз. Ос. Пл.). Вот как вчера, как дунуло, такой дожж, да крупнóщий, аж деревья загнуло и листья загнуло (Кем. Юрг. Ал.). Дош бус́ить, б́утта пыль идётъ (Бурят. Тарб. Б.Кун.). Мукосéй как мука, такой мельконький, нудный дождь (Амур. Скв. Алб.). Просто моросит мелкий дожж (Кем. Юрг. Иск.). Дождж как туман, бусовой. Или говорят: «Бусйт дожж» (Кем. Яшк. Мох.).

«ПЛОТНОСТЬ РАСПОЛОЖЕНИЯ ЧАСТИЦ ОСАДКОВ ПРИ ИХ ВЫПАДЕНИИ» – Идёт дож, густенький, меленький, как из сита (Том. Том. Верш.). Ну дожж так тихий, густой, хороший. Ну, всё равно – хоть какой бы он ни дожж, а всё равно бы дожж, а от здесь от нету уж давно. В Томске, говорят, дожж (Кем. Яшк. Солом.). Моросит вот. Говорят:

«Вот дождь сему пакостит». Как из сита, другой раз и густой, а другой раз и редкий, а покосу пакостит (Кем. Яшк. Полом.).

«ЦВЕТ ОСАДКОВ» – Вот сейчас же много в воздухе всего, выбросы все в воздух поднимаются, и вот, пожалуйста, эта роса: дождь такой зелёный идёт. Вот раньше, бывало, дождь пройдёт, лужа такая гладенькая, чистенькая стоит, просто из доньшика глядит, как в зеркало. А сейчас дождь прошёл, под вечер или наутро лужа зелёная, там зелень... (Кем. Крап. Тар.). С неба заражённая вот та желтизна идёт какая-то, вот сейчас иной раз дождь пройдёт – жёлтая какая-то (Кем. Чеб. К.-Смол.).

«ТЕМПЕРАТУРА ВОДЫ ОСАДКОВ» – И сама, помню, по ливам бежали, за руку возьмёмся с девчонками и бёгаешь по этим по ливам, прямо вот по лужам, прямо пузыри, дождж тёплый такой, а сейчас вот пробеги – морозина, морозина, лютая морозина (Кем. Яшк. С.Остр.). Под дождём встанешь, вода горячая. Здесь лива была, водой вымывало (Кем. Пром. Тарас.). Ну вот сейчас говорят такой дождж и воспаренье. Должны грибы быть, обязательно. Когда дождж идёт холодный, и холодно, нету тепла. А сейчас он, видите, дождж идёт и воспарение он какое. Обязательно грибной, должны грибы быть (Кем. Юрг. Ал.).

«СОСТАВ ОСАДКОВ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ В НИХ ХИМИЧЕСКИХ ПРИМЕСЕЙ» – Дождь пройдёт кислотный – всё засохнет, все пожелтеют, и ничего не едим. А раньше мы помидоры не закрывали, посадил их, посадил, и они сидят, пока их, на корню спеют (Кем. Крап. Крап.).

«КОЛИЧЕСТВО ОСАДКОВ, ВЫПАДАЮЩИХ ЗА ОДИН РАЗ» – В огороде есть, с того ложочка, как дождж пройдёт большой, так у меня промоина, даже картошку смывает (Кем. Крап. Берёз.). Дожджа нет – плохо. Нужен дождж большой, хороший. А этот кого? Пройдёт – крылёц не смочит (Кем. Юрг. В.-Тайм.). Если обильный дождж – то это заливной, проливной дождж (Кем. Яшк. Н.Тайм.). Ну если от сейчас дождж прошёл огромный, через две недели опять прошёл (Кем. Яшк. Итк.). ...с гнилой, говорит, стороны туча заходит – будет большой дождж... (Кем. Яшк. Тут.). В понедельник был лютый дождж, больша ливень (Том. Том. Верш.). С утра бусил дождж маленький (Том. Том. Губ.).

«СКОРОСТЬ ПАДЕНИЯ ЧАСТИЦ ОСАДКОВ» – Дождь сегодня спорый какой! Мелкота так и сеет. Опять туды тучи заносит! Можга, морок пройдёт (Том. Том. Гол.). Ливень – это дождж идёт и идёт, да сильно, а когда тихонечко, то хорошо (Кем. Юрг. Митр.). Маленький дождж постепенный, без ветру идёт, тихий. Ой, земля будет впитываться (Кем. Юрг. Иск.).

«ИНТЕНСИВНОСТЬ ОСАДКОВ В ЕЁ СТАТИЧНОМ ПРОЯВЛЕНИИ» – Другой раз кругом-кругом зайдёт туча, а дождж небольшой пойдёт. А другой раз зайдёт небольшая туча, а как приурезет. Дак не то что чё, как из ведра (Кем. Юрг. Ал.). Вчерась несильный дождж (Кем. Яшк. Полом.). Уливно в городе дождь лил (Кем. Мар. Кол.). Крутой дождь-то как припустит, так по нашей дороге никакого ходу нет (Бурят. Тунк. Елов.). Картошку окучивать сегодня не будем. Придётся до понедельника ждать. А то сильный дождж, да и грязь в огороде: к пяткам липнуть будет (Том. Том. Верш.). Большой иной стоит хлеб, как дождж большой как грянет, и лягут хлеба. Водой сваливат (Кем. Юрг. Митр.). Бывают бури, если бешеный дождж сорвётся (Кем. Яшк. Кул.). Дождь как из ушата льёт, улёвен (Красн. Кеж.). А некоторый дождж идёт и сильно, прямо льёт ливнем... (Кем. Юрг. Вар.). Дождь как ливанул, до колка едва поспели (Н-сиб. Колыван. Вьюны). Ой, здорово хлестал дождж (Том. Том. Верш.). Вот там дождь идёт, валит прямо, а здесь один-два раза брыкнет – и долой (Том. Крив. Ишт.). Дождь припустился (Ом. Мур. Гур.). Скорей беги в балаган – вон туча как плывёт, сейчас доши лупанёт (Красн. Берёз. Бер.). Дождь за Горьким, теперь наших выхмостает (Ом. Окон. Крест.). От Чанов до Красноярска, говорят, дождь прошпарил, пролупил (Н-сиб. Венгер. Мин.). Ночью слышу доить-та какой шумит. О-ой, как шумит-шумит! Утром addёрнула [занавески], а он ишб идёт. Я думаю, эта да сих пор шумит. [Это о сильном дожде?] Канешна, сильна шумит. Памочка-та, анна памаленичку памочит. Ну а чо и, сильный дак сильный (Бурят. Кяхт. Н-дес.). А как раз где-то в декабре как учистил такой дождь. Дождь прошёл, а потом, это, мороз. Все заледенело (Кем. Тяж. Н-подз.). Всё менят-

ся. И дожжѳв счас сильных нет. Всѳ засуха, жар, а дожж поморосит, и всѳ (Кем. Юрг. Митр.).

«ИНТЕНСИВНОСТЬ ОСАДКОВ ПО Еѳ СПОСОБНОСТИ К ИЗМЕНЕНИЮ» – *Всяко бываѳ. И большой бываѳ дожж, и с градом еишо бываѳ. А когда ровный дожж, хороший, большой – вот тебе и лужи будут* (Кем. Юрг. Вар.).

«ДАЛЬНОСТЬ ГОРИЗОНТАЛЬНОЙ ВИДИМОСТИ (ИЛИ ПРОЗРАЧНОСТИ) В ОСАДКАХ» – *Обложной дожж, это уже на сутки, как зарядил он, так на сутки. Кругом обтянуло всѳ, не видать ни солнца, ничего* (Кем. Яшк. Кул.). *Дождь а потом туча заносит. Тѳмно, морочно, а потом ясно, разгулялся* (Кем. Мар. Кол.).

«ФАЗИСНЫЙ СПОСОБ СУЩЕСТВОВАНИЯ ОСАДКОВ» – *А которы-то возьмут [грабли] зубья кверху, дак баушки-то ругаются: Вниз держите! Надо, чтоб вниз зубья смотрели, а не вверх. Небо поцарапаете! Дождж пойдѳт* (Ирк. Казач.-Лен. Тарас.). *Дождь пошѳл, все в предбанник заскочили, а одну женицину грозой убило* (Кем. Пром. Тарас.). *С этой стороны, с гнилого угла, – запад. Оттѳль как дож направит, так конца не будет* (Том. Том. Верш.). *Замотрасил сегодня дождь, наверно, на весь день* (Н-сиб. Ордын. Чинг.). *Опѳть дождь заполоскал* (Том. Пар. Нов.). *Гроза, дождь стал хлестать. Восподи бог! Ну, думаем, всю пшаницу побѳет, хлеб наш пропадѳт* (Якут. Олѳк. Сан.). *На дворе бѳсит, хмарно. Солнца нет, бѳсит, того и гляди дождь начнѳтся* (Тув. Пий-Хем.). *Дождь прохлестал, земля-то твѳрда* (Том. Том. Верш.). *Дождж, однако, Иван, хлюпанѳт, туча-то заходит* (Том. Том. Верш.). *Дождь-то какой линанул! Не скоро закончится* (Ом. Люб. Люб.). *Синеет погода, там уже синѳ: облака, тучки находят, дождь собираться* (Н-сиб. Венгер. Мин.). *Шѳл и продолжает идти снег и дождь, или, по-местному, «слѳча»* (Камчат.). *А бывает и снег, бывает и дождь, бывает, и получается гололѳд* (Кем. Чеб. К-Смол.).

«ВРЕМЯ ПРОХОЖДЕНИЯ ФАЗ СУЩЕСТВОВАНИЯ ОСАДКОВ» – *Ой, дож какой, наверно, счас полосанѳт* (Том. Том. Верш.). *А дождь как ливанул* (Красн. Кар.). *[Приходилось попадать в грозу?]* *Ну как не приходилось: ударил дожж, дак разбросило кульстан и двух женицин чуть насмерть не убило градом – вот какой ураган был* (Кем. Юрг. Колм.). *...Как-то установят стол и молебн отслужат. Другой раз даже там дожж захватит* (Кем. Яшк. Полон.).

«ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ВЫПАДЕНИЯ ОСАДКОВ» – *Бывает скороспѳшный дождь, он недолго, долгосрочный – тот сутки* (Кем. Крап. Иван.). *Всю ночь доиши хлестал, а солнышко глянуло, и гляди, какá испáрина кругом* (Красн. Берѳз. Бер.). *Если идѳт пузырьѳстый дождь, то будет продолжительный дождь* (Кем. Крап. Берѳз.). *Оно вот август весь солгѳн, доиши и доиши без конца* (Ом. Мур. Берг.). *Дождь бусѳт и бусѳт, конца-краю не видать* (Алт. Ребр. У.-Мос.). *Хоть бы опять не залили дожди на месяц!* (Ом. Мур. Берг.). *Жалко, что дождь забусѳл, а то пошли бы в лес. Как забусѳт, так на весь день* (Хакас. <...> Ташт.). *Кодá затяжной дождь, на лѳвочках пузырьки* (Амур. Благ. Серг.). *Тихѳй дождь – так, по-нашему, долгий дождь. Дождь, наверное, будет тихѳй* (Амур. Скв. Джл.). *Скоро кончится: доиши-то тѳчный* (Хаб. Облуч. Пашк.). *Но частый, длинный дожж, дак вредный. Счас не надо дожжá, надо бы вѳдра, а вот дожж. Как это наладить?* (Кем. Яшк. Колмогор.). *Вот недавно дожж был – трое суток* (Кем. Яшк. Н.Тайм.). *Ну, примерно, вот он, примерно, вот счас пойдѳт часа на три дождь, хороший. Всѳ, прошѳл. И всѳ – притихло* (Кем. Яшк. Крыл.). *Ну, это бываѳ час, два. Бывало, мелкий идѳт, много, в сутки зарядит. Вот, мол, моросит. Да-да, моросит дожж* (Кем. Юрг. Колм.). *Июль вот. Сено – самый август, июль ли. Уже всю убирать сено. Бываѳ такá погода, что даже, бываѳ, как зальют дожжѳ – день, два, неделю лѳет. Как зальѳт полмесяца* (Кем. Юрг. Колм.). *Вот нонче всѳ лето дожж идѳт* (Кем. Крап. Медв.).

«ОСОБЕННОСТИ СУЩЕСТВОВАНИЯ ОСАДКОВ В ТЕЧЕНИЕ КАКОГО-ЛИБО ВРЕМЕНИ» – *Зарядит, бывало, дождь, так месяц беспереводно лѳет* (Бурят. Барг. Б.Уро.). *Вот он скоро будет в августе. Он как зарядит, недели три идѳт, поливаѳ, помачивает. Дождж пойдѳт, посушит маленько и опѳть начинáт* (Кем. Яшк. Солом.). *Ни дня не косили, нельзя, чѳ, дожди. Поди одурѳлся дождь уж, много лил не переставал. Надо сено убирать, а*

тут не даёт никак (Кем. Крап. Иван.). На всю ночь дожжж, малёшенько перемежится, и опеть дожжж (Том. Том. Губ.). Осенью дожжж пройдёт да ешшо, да поново. Бывало, картошку в грязи копали (Бурят. Каб. Каб.).

«ВРЕМЯ СУТОК» – А ночью погода взялась, на дождь дула, к утру он и пошёл (Н-сиб. Бараб.). Дождж прольёт до обеда, а потом хорошая погода стоит (Кем. Юрг. Н-ром.). Видать, начёсь харбшай дош-та быў: кадушка-та паўняком налилась (Ирк. Кир. Алым.). Тодá такой дожжж к вечеру пошёл. Дождж как из ведра. Речки по улицам побежали. Прожил я семьдесят лет. Я такого дожжжá ешишó не видел (Кем. Крап. Иван.). Летом вот днём жара бывает. Днём и ночью бывает дожжж (Кем. Чеб. К.-Смол.).

«ВРЕМЯ ГОДА» – Как весна наступит, как-то тёпло становится. Весной дождь пройдёт, босиком бёгашь, по лывам бегаешь, и хоть бы чё (Кем. Юрг. Зел.). В мае месяце – дожжжы́ пройдут – хороший урожай. На цвет надо тоже дожжжá. Дождж надо, дожжж (Кем. Яшк. Н.Тайм.). Дожджй чичáс нужны. В этом году дожжжй хорошо прошли в мае, июне. Трава хорошо уродилась (Кем. Крап. Кам.). Вот когда сенокос, а дождь в этот день, говрёли, Авдóты-сеногнóйницы пришли, мокрая, значит, погода. Это баушка всё (Ирк. Тул. Арш.). В августе уже дожжж – это страдные дожжжй. Хлеб убирать не дают. Не дают убирать хлеб в страду. В сентябре осённые дожжж пойдёт (Кем. Юрг. Н-ром.). Осенью дожжжй, дожжжй подряд, надоело это ненáсье (Кем. Яшк. Итк.). В Покров день идёт дожжж – год медовый (Кем. Юрг. Вар.). А вот в прошлом году дожжж в декабре месяце был. Скотину всю покололи, а дожжж был, два дня дожжж был (Кем. Крап. Крап.). А от сейчас вот погода изменилась, да ... вот в январе был дожжж (Кем. Юрг. Вар.). Даже перед Рождеством и Новым годом дожжж идёт (Кем. Яшк. Полом.). ...в какой-то год дак даже и в декабре, и в январе дожди были. Зимой, да! (Кем. Кем. Яг.).

«ВЫПАДЕНИЕ ОСАДКОВ ОТНОСИТЕЛЬНО УСТАНОВЛЕННОГО МОМЕНТА» – И в сентябре лóты дожжжй пойдут, коды́ не надо-то, идут (Кем. Юрг. Асан.). Дожджй вовремя кода́ падают, полагай, урожай будет. А счас они для хлеба, для сена не нужны (Кем. Яшк. Н.Тайм.). Раньше, как счас помню, я примерно, изменения есь, раньше жара была, но и дожжж вовремя шёл. Ягода на цвету напевала (Кем. Яшк. Мох.). Дожд надо, а то ни сырости, ни мóкреду (Г.Алт. У.-Кан. Тал.). Жарко, значит. Нужно дожжжá, а его нету. Жира́ тоже плохо, если дожжжá нету, раньше дожжжá нету – ико́нов поднимали (Кем. Юрг. Иск.). Вот я помлю, дожжжа долго нет, тётка к маме придёт: Айда, дехка, помолéбствуем! Брали икону, и всё ходили, жéнски. Иконы новíли и купалиша в речке. Мы недавно ходили (Ирк. Казач.-Лен. Казач.). Нет урожая. Бывало, вот дожжжá рано не было, неурожайный год, засушливый (Кем. Юрг. Н-ром.).

«ЛОКАЛИЗОВАННОСТЬ ОСАДКОВ В ПРОСТРАНСТВЕ» – Вот сейчас сушь, а километров тридцать туда, так там дождь был. А у нас опять унесло тучу (Кем. Крап. Крап.). Бывает, что дожжж на одном краю деревни идёт, а на другом его нет. Така́ туча найдёт. На том краю пройдёт грядой, такой полосой. А на другой стороне и не захватит. (Кем. Юрг. Томил.). Тут, что ни говори, тут, например, у нас есть дожжж, в Варюхино дожжжá нет (Кем. Юрг. Зел.). Дождж идёт везде – такое ненáсье направлятся, вот дожжж льёт-лёт. Всё холодно и вот сяс вот – к этому говорили вот – холодный дожжж, тепла-то нету. Холодно (Кем. Яшк. Колмогор.).

«НАПРАВЛЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ ОСАДКОВ ПО ОТНОШЕНИЮ К ПОВЕРХНОСТИ ЗЕМЛИ» – Иногда идёт косой дождь под углом и с ветром. Обычно, если ветер с востока, идут косые дожди (Кем. Крап. Берёз.). Это пряменькой дожжж и тíхонькой, а эт секун, он как сечёт (Кем. Юрг. Митр.). Дык а с ветром ну́шие идёт кода́ он косой, а ёслив тихий – он пряменько так вот. Как уж ветер подыметя – так косой дожжж. С какой стороны ветер, с той и дожжж прёт (Кем. Яшк. Колмогор). Ну с ветром косо идёт дожжж, а прямой так прямой и есь. Мокрый, прямой идёт (Кем. Юрг. Зел.). Кривой дожжж – непогода, солнце светит, и дожжж идёт (Кем. Юрг. Зел.).

«НАПРАВЛЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ ОСАДКОВ ПО ОТНОШЕНИЮ К СТОРОНЕ ГОРИЗОНТА» – Сяс эти пройдёт, так холодный какой-то. Вот скóко пройдёт, холод стоит. Северный и восточный – холодный дожжж, а южный или западный – тёплый (Кем. Юрг. Зел.).

«СОПРОВОЖДАЕМОСТЬ АТМОСФЕРНЫМИ ЯВЛЕНИЯМИ» – *А тут как-то дождж с градом был. Капусту много побилло, и с ветром был* (Кем. Крап. Иван.). *Ой, дождж какой прошёл, аж с ливенью. Дождж с ливенью прошёл – значь солнышко* (Кем. Юрг. Иск.). *Осенью быват мокрый снег, и зимой начинáтся дождж, потом снег пошёл* (Кем. Яшк. Крыл.). *Ой, вчера какой дождь-то был, гроза, да Господи. Под дождь попали, ой, поди, выхлопало?* (Кем. Крап. Крап.). *Скрозь солнца дождж идёт – девка парня родила, говорят* (Кем. Юрг. Вар.). *Вот ветренный, ураганный дождж, крупный, как даст, и сразу ручьи побежали* (Кем. Яшк. Н.Тайм.). *Вот как только начинают убирать, так, говорит, Авдóтьи мокрые, ненастье! Ветер, дождж! Аж талыны с корнем выворачиват. Там тальник, дак его с корнем. Никогда не уберут в колхозе, никогда без дождя, без бури не уберут!* (Ирк. Жиг. Чек.). *Днём уедет пахать там, боронить (одна была), а меня замкнёт [хозяйка]. А гром гремит, дождь идёт. Я его [ребёнка] далеко затолкаю в угол. А раньше были: так лавки стояли, и стол так стоял в углу. Под лавку туды затолкаю, под стол. И сама туды же залезу, и сидим с ём. Грома боюсь* (Ирк. Ольх. Елан.). *Пойдёт дождж, и дождж, и дождж, и дождж – от и ненасье* (Кем. Яшк. Солом.). *Глухо, или так парит перед дожджём, или вобие такой жар* (Том. Том. Верш.).

«ОБЩАЯ ОЦЕНКА» – *Да, осенью всяки дожджй бывают. Когда бывает и тихие дожджй. Тихий дождж – он такой спокойный идёт, тихо, ветру нету. Ой, какой хороший дождж идёт, тихенький. Когда уж сильный идёт он, льёт как из ведра* (Кем. Юрг. Колм.). *Дождж хорошо падат нóнче* (Н-сиб. Сузун. Зор.). *Тучка заходит, дожд пошёл, дожд, да такой хороший!* (Том. Том. Верш.). *Немного погода иишó лүшше дожд* (Тюм. Н-тавд. Ер.). *...и дожджь кодá мелкий идёт, такой усядистый, это и для влаги хорошо, а это с ветром – уже хуже* (Кем. Крап. Бор.). *Ну от, дожджй такие были, что лывы стояли прямо. Он какие. А потом сразу солнышко выяснит, – и всё, уйдёт в землю, – и хорошо, и урожаи хорошие, и всё.* (Кем. Яшк. Солом.). *Дожджй, ёслив нормальные дожджй, то почему, нормально. Великолепно, да. Ну, дак, ёслив сильный дождж и с ветром, ну, конечно, это плохой. Ещё холодный* (Кем. Юрг. Вар.). *Да нет, я не знаю как, но а потому что сейчас, вот видите, какие-то идут плохие дожди, росы надают плохие – всё пропало, в огороде вот примерно. Покраснеют – почернеют, во* (Кем. Крап. Крап.). *Это смешно. Что приехали к бабушке, ну, кто они, которые узнают погоду. Как их называют? А дед говорит: «Давайте, ребята, в избу ложитесь». «Зачем? Сегодня хорошо», – говорят. Он говорит: «Нет, не будет хорошо, плохо будет, дождж будет»* (Кем. Юрг. Вар.). *Если тихий – так он полезный. Если дождж с ветром да с градом – ох, плохо* (Кем. Яшк. Кул.). *Ну а как же? Пойдёт дождж, и дождж, и дождж, и дождж – нехорошо дождж. Дожджá нету – нехорошо, но и дождж пойдёт всё время – тоже нехорошо. Ну, от счас же – вёдро. Ну, вот погода – дожджá нет* (Кем. Яшк. Солом.). *А уж коды дожджи, тоды плохо* (Том. Том. Верш.).

«ГЕДОНИСТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА» – *Глухотá – жара. Было нынче, примерно, половина июля. Не только в такйм месте перед дожджём. Ой, какая глухота* (Кем. Крап. Лен.). *Дождь был, я весь до ниточки промок. (Том. Пар. Нар.). Ну как не приходилось – приходилось в грозу попадать: берёшь с собой какú-нибудь палатку или плёнку. Раньше же плашиёй никаких не было. Ну в грозу, конечно, опасно пасти скот. Накинешь на себя и ходишь – ну чё же, не промокнешь! Вот так от дожджá и спасалась* (Кем. Яшк. У.-Пис.). *Одет-то я был во всё мокрыйское, пока по дождю шёл, так дома еле с душой собрался, до костей промок* (Бурят. Барг. Душ.). *Изморок, изморок – это как дождь, например, такой неприятный...* (Кем. Крап. Крап.).

«ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ОЦЕНКА» – *И дожджá у нас, три месяца целых дожджá не было. Но, думаю, всё сгорит. А счас дождя уже не вмоготу. Уже не рады ему* (Кем. Л.-Куз. Кр.). *Счас засúха-то. Кодá же уж не было дожджá. Вчера все и радовались. А то картошку подгребáли, а много ли там пролил. А уж лил дак лил вчера здорово* (Кем. Юрг. Иск.). *Раньше дождж пройдёт, и весело* (Кем. Юрг. Вар.). *Сёдня какая глушь, прямо дышать невозможно, дождя бы, дождя* (Якут. Олёк. Чап.). *Вчерась помочил дождь-то, слава Богу.* (Том. Том. Верш.). *Конечно, был. Мало здесь, мало. Ну да, быват хороший. Дай Бог бы такой дождж бы*

был. Нету такого-от у нас, всё засохло. (Кем. Яшк. Солом.). Надоел дожжж, погода испортилась. Дóжжжик льёт и льёт (Кем. Юрг. Иск.). Дожджжй, вот как польют, прям спасу нет, всё дожжж, дожжж и дожжж (Кем. Юрг. Зел.). Котóры раз ждёшь дожжжá. Это ураган разгонит тучи (Кем. Юрг. Зел.). Дожджжá-то хож бы не было. Всё замочит у меня (Кем. Н.-Куз. Шор.). Душййна какая на улице, совсем нечем дышать, да ещё ли горит, гарь. Дождь хоть бы пошёл (Красн. Енис.). Другой раз, о, нóнче засуха. Дожджжей нету. Ждут всё дожжж, ждут и ждут – всё нету. Потом как пойдут, и не рады (Кем. Юрг. Зел.). Целый день небо косоу́рится – боюсь, кабы дождь не пошёл (Ом. Сарг. Н-ирт.). Чтобы дождь пошёл, ганкй [ступеньки крыльца] поливаю (Амур. Своб. Черн.).

«ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА» – Парится земля в тёплу погоду, тёплый дожжж, вот весной идёт, когда тёплый ударит, вот как красиво, понимаешь, как дышит, дышит земля вроде бы, а она парит в это время, вот самая хорошая (Кем. Яшк. С.Остр.).

«УТИЛИТАРНАЯ ОЦЕНКА»: «СПОСОБНОСТЬ ОСАДКОВ НАСЫЩАТЬ ВЛАГОЙ ПОВЕРХНОСТЬ ЗЕМЛИ» – Дык [грибам] надо дожжж. Но вот весной, весной чтобы дожжж был, чтобы земля напилась (Кем. Юрг. Вар.). А вода не уходит, вишь, от если всё время дожжжй, она не уходит. Напитается земля. У нас хоро́ша земля. У нас только дожжж пройдёт, если солнышко, и у нас уже всё, нету. Вот вчера всё хорошо, дорога высохла, сегодня опять дожжж был (Кем. Яшк. Солом.). Шибко дождём-то не вы́хлюпало землю-то, вода глубоко не прошла (Якут. Олёк. Точ.). Дождь прошёл, на дороге мокря́сто стало, ноги промочишь (Бурят. Каб. Оймур). Дождь пройдёт, и такая мусля́нка начинается, что не пройти, не проехать (Бурят. Тунк. Тур.). После даже небольшого дождя на той улице всегда стояла мокротёнь, по которой нельзя было проехать (Чит. Шил. Шил.). Я áжно не перевернулся: после дождя грязь (Том. Том. Верш.). Нóне этот завýверок надо замостить, а то как дождь, так его пройти нельзя (Бурят. У.-Удэ). Кáлтус – место гиблое, пройдёт дождь, и корова там не попа́сётся (Бурят. Тунк. Тунка). Тут такая дорога, чуть дождь затянется, сля́ка по колено (Тув. Пий-Хем.). Раздорóжье – это вот осень наступит с дождями, или весна затянется, все развезёт, проехать трудно, грязь, люди-то кой-как натро́пят и ходят, или дорога вся побитая, в нырка́х, в колдобинах – это вот топи будет раздорóжье (Тув. Пий-Хем.).

«ВЛИЯНИЕ ОСАДКОВ НА СОСТОЯНИЕ ПОЧВЫ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЕЕ ЦЕЛОСТИ» – После дождя бутáны [кучки земли около норы] немного поразмыло (Чит. Борз. Борзя). Дарóгу-та размижж́улила пóсли дажджжá (Бурят. Мухор. Калинин.). Посля дожжжá размы́вов много бывáт на дорогах (Бурят. Барг. Барг.). Дош эти авраги размывáйт, пристрашным авраги ста́ют (Бурят. Мухор. Шарал.). Раньше по косогорам, по увалу пахали, сеяли, а потом разборонют, а как дождь был, ливень, всю землю унёс, до глины унесло (Кем. Юрг. Зел.). Погода, она, так как сказать, сечáс дожжжй, так же и раньше были, как начнут дожжжй, ливеньи льют, вот, земля разлагáется, дороги разлагáются, особенно в сырых местах таких разлагаются, значит там проехать трудно, по эту сторону лес, по эту сторону ну лес, свернуть нéкуды, тут проехать нельзя (Кем. Яшк. У.-Пис.). Дожджжй такие, что промоины. А счас чё-то я таких не помню. А раньше были, вот так-от, что промоины (Кем. Юрг. Томил.). Когда идёт дождь, за каждым домом в огороде всё заплавит (Н-сиб. Ордын. Чинг.). Как дожжж пройдёт, так ня́ши-то кругом (Н-сиб. Сузун. Крот.). Бывает всяко. Если дожжжй сй́льны – плотину сорвёт. Ёто плотина, то есть вода загорожена. Вот если плотину сорвёт, то вода большая стоит (Кем. Крап. Макс.).

«ВЛИЯНИЕ ОСАДКОВ НА УРОВЕНЬ ВОДЫ В РЕКАХ, ИХ РАЗЛИВ И ЗАТОПЛЕНИЕ МЕСТНОСТИ» – Как дожжжй, так река и прибавляется до Троицы (Кем. Яшк. Крыл.). Кодá сильный дожжж, по улице речка бежит. У нас за оградой горбыль лежит, он сырой, чижёлый-чижёлый, так его дожжжóм туда принесло (Кем. Яшк. Солом.). А ковды́ дож пошёл, большá потопа началась (Бурят. Тунк. Тунка). После дождя лыв на улице столько, что пройти нельзя (Бурят. Тунк. Тунка). Да когда как, другой раз, когда тучка налетит, дожжж, аж ручьи побегут, а с другой стороны солнце светит, работать не даёт (Кем. Юрг. Митр.). Три дня дождь лил, вишь, лывы какй, все дворы и стайки поднял (Н-сиб. Чанов. Покр.). Ну и лы́вица! Дош-то какой был. Прямо море (Красн. Рыб. Кам.).

«ВЛИЯНИЕ ОСАДКОВ НА ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РАСТЕНИЙ» – Бывало так: пойдёт дожжэй на сутки, на двое, на три – это благодать осподня. Тогда какая радость идёт к растению (Кем. Юрг. Асан.). Мелкий до́жжж пользительный. Он для всего растёния хороший, что он мелко идёт (Кем. Яшк. Солом.). А вот дождь пойдёт. То говорят: «Большая благодать для огорода-то» (Кем. Крап. Бор.). Если большой, хороший дожжж и сильно прольёт, то растение сильно уважает (Кем. Юрг. Вар.). Колдысь дожжж пойдёт, тогда и трава выскочит (Бурят. Каб. Шерг.). Кодá пройдёт дожжж вóвремя, то хлеб родится, а если нет, то плохо (Кем. Яшк. Н.Тайм.). Когда дожжжá долго нету, листья скручивает, желтеют они. Уже пойдут дожжэй, оживáт всё опять вроде (Кем. Юрг. Ал.). Картошки, думали, не нарастут, а картошка выросла. От дождей, конечно. А травища попёрла. Картошке не рады. Ой-ой-ой, сколь травы в ей (Кем. Л.-Куз. Кр.). На покосе сено гребли, под кáждом валом грыбý. Дожджж помочит, и грыбý растут (Кем. Яшк. Солом.). Грыбý тоже любят дожжжý. Если холодный дожжж, то грыбý плохие (Кем. Яшк. Полон.). ... знаю, что дождь вредный теперь. Даже дождь идёт, мы огурцы закрываем, спасаем теперь (Кем. Л.-Куз. Кр.). Бывáт ливень, дожжж, он смывáт посе́вы (Кем. Юрг. Зел.). А как большой дожжж, так землю хорошо польёт. Бывáт и вреден, хлеба выбивáт, онé лягáт (Кем. Юрг. Митр.). Ане [помидоры] скаре́ бы паспéли, а з дождя́-то онé вот дурéдь будут иишо. Дажжжý да земля жы́рна – вот ы дурéт всё (Ирк. Кир. Алым.). Если дожжжэй – она [клубника] долго будет не краснеть и порченой много будет, но налив-то лучше будет... (Кем. Юрг. Томил.). Ииш как после дожжжа капуста выбухала (Н-сиб. Татар. Конст.). Кодá вот хлеб родится сильный, но с дожжжэй родится. Ну, дак вот, с сильных дожжжэй-то он и сложится (Кем. Юрг. Н-ром.). Он нонче нерóдный дожжж – ничё нет [не растёт] (Кем. Юрг. Митр.). А бесполезный, это уж вот кодá хлеб убираешь, его не надо, картошку копаешь, не надо дожжжá, он мешает, льёт, землю намочит, картошку, и невозможно копать, или ворох накопаешь, его у тебя намочит. Вот это уж, его не надо, его, дожжжá. Моросит, и хорошо тодá земля, значит, вот хлеба посе́ют, всё везде картошки посадят, хлеб посе́ют, и чтобы дожжж шёл тихо (Кем. Юрг. Зел.). Непогодородное лето – это и есть такой, засушливый год. Мало дожжжá летом бывает (Кем. Яшк. Н.Тайм.). Дожджжэй долго нету, высохнет, поливать на́до (Кем. Юрг. Томил.). Засу́ха, а потому что нету дожжжá. Один дожжж был, и всё. У нас в огороде-то ничё не растёт, всё посохло (Кем. Юрг. Иск.). Дожджжá нету, всё го́ром горит (Бурят. Каб. Шерг.). Дожджжý работать мешают людям. А растения – как угадáт. Мал – так растёт, а зальёт – дык тоже, всяко бывáт (Кем. Юрг. Вар.).

«ВЛИЯНИЕ ОСАДКОВ НА ПРОДУКТЫ И СБОРЫ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА» – Дожджж ведь для сена вреден – портит всё, сено-то почернит, и тодá уж корова его есть плохо будет. Как вот говорили раньше старики: коси в дожжж, а убирай в вёдро, от (Кем. Яшк. У.-Пис.). Ложýли их друг на дружку и завершивали, чтоб не промывало дожжжóm, а иначе сено преет и пропадает (Том. Зыр. Зыр.). Складывали кладь под навес, да не дай Бог, чтобы дождь замочил, ведь всё бы сгорело через день-два (Ом. Мур. Арт.). Травой сырой или сеном вывёришивают. Вы́вершитъ стог – значит выровнять его, чтобы его дождём не пробило (Амур. Скв. Алб.). Дожди хлеб нагноили (Том. Том. Верш.). Сноп разломаешь, крь́шкой накроешь [суслон], чтоб не мочило (Н-сиб. Убин. Колм.). Суслóн – девять ставили, десятым покрывали. Десятый разломаешь и накроешь. Крь́шка спасает суслон от дождя (Том. В.-Кет. М. Яр.). ... и дождь на мёд действует. Как. Пчёлы не летают, могут погибнуть даже. Вот дождь захватит где-нибудь в поле их. Могут пчёлы погибнуть. В большой дожжж (Кем. Л.-Куз. Кр.).

«ВЛИЯНИЕ ОСАДКОВ НА ТРУДОВУЮ (ПРЕИМУЩЕСТВЕННО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННУЮ) ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА» – Дождь поливает – мы косим, если косили, что-то делали. Все так скажут, все так работали. Не я одна (Кем. Тяж. А.-Ан.). Работали без передыху, не знали, что такое декрет, рожали прямо на поле. Сильно работали, и в дожжж тоже (Кем. Крап. Салт.). Ёслив сено косить руками, лучше косить, кодá дожжж (Кем. Яшк. Итк.). Ну конечно, дожжж. Дожджж же. Дожджж мешает всему делу. А когда вёдра, тогда хорошо (Кем. Яшк. Итк.). Лю́то работы, а он не даёт работать – дожжж и дожжж (Кем. Яшк. Со-

лом.). Это уже кода́ дожжж и дожжж, сено накосят, убирать нельзя (Кем. Юрг. Иск.). Но́нче вот Петров день прошёл, а тепла-то нет, нет. Дожджжй, ненастье. Сено убирать не даёт. Гноит его – дожжж идёт (Кем. Яшк. У.-Пис.). Ждём, кода́ дожжж перестанет моросить. Как перестанет дожжж, сено высохнет, тода́ мы его сгребём в стог (Кем. Юрг. Иск.). Другой раз такие дожжжй пойдут – всё поляжет. Комбайном ни с той ни с другой стороны нельзя подъехать (Кем. Яшк. Крыл.). В августе уже дожжж, это страдные дожжжй. Хлеб убирать не дают (Кем. Юрг. Н-ром.). Вот весенние са́мы, весной вот, снег растает – весенний, кода́ вот посева́, мы сеяли огород свой, только посеяли, вот сеять тоже она мешат, дожжж, в сеялки, в трактора грязь набира́т, не крутятся... (Кем. Яшк. С.Остр.). Ну, земля сырая, дак, ну, ждуют, когда она немного подветрится. Дождь там сильно прошёл или как, что нельзя доехать, так и не боронют (Кем. Крап. Перех.). Бывает, то дожжж, то снегом, ну вообще слякоть, так плохо, земля же мо́кра, на ногах всё равно как медведь ходишь, и не работа. А как сухо, копаешь [картофель], сухо, и всё (Кем. Яшк. С.Остр.). А вот при колхозе-то, как то́ко дожжж, так лён дёргать, как то́ко дожжж, то лён колотить, эт семя-то надо выколачивать его, тут как то́ко дожжж, нельзя, это, жать хлеб, вязать, дак лён снимать, а, ой, другой раз, снег валит, слякоть така́ осенью, всё равно в горсти, самосбро́ска была, ну и в эту, в го́рсти нажнут, лежат на поле. Как дожжж, так го́рсти вязать, на го́рсти (Кем. Яшк. Итк.).

«ВЛИЯНИЕ ОСАДКОВ НА ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА» – В народе, народ чувствует, кто болеет, а как же, если дожжж, дожжжу́ пойти, человек болеет так что-нибудь (Кем. Яшк. Солом.). Человек и то, я, например, погоду знаю, кода́ будет дожжж, кода́ чё. А как? Я вот болею, у меня то тут, то тут ребро стукнуто, нога дня за два, за три начинает болеть через два дня будет буран или дожжж. (Кем. Яшк. С.Остр.). Вот целый день сижу лодыря корчу. Дожджж. И сёдня дожжж и завтра будет дожжж. Не могу. Все от, даже от в плечах – все соста́вы, все болят (Кем. Яшк. Солом.). К дожжжу́ не могу спать: рематйзм, как отломился палец (Том. Том. Верш.). Теперь я погоду по себе узнаю. Руки-ноги заноят – жди дожжжа́ (Кем. Юрг. Вар.). Много работали, сейчас всё и болит, ноги как заноят во, погода спо́ртится, значит, али дождь, али буран будет, ноги коды́ ноют (Кем. Крап. Тар.). Вертуга́ ноют, к дожжжу́ (Красн. Кеж.). Вот перед этим дожжжом так у меня заломило позвоночник, разломанный, разрезанный же, не надо никакого барометра (Кем. Яшк. Итк.). Сёння меня ло́мом лома́т, к дождю, видно (Вост. Прибайк.). Сичя́с миня́ да́вид даво́м – г дажджжу́ ли чё ли (Ирк. Кир. Алым.). А как же, примета. Вот ранение, вот у моего деда ранение там небольшое, то вот начинáт как иголками тыкать – это будет дожжж обяза́тельно (Кем. Яшк. Мох.). Вчара дожжж-то был. Глаз мой совсем затёк к этому еще больше, зуб заболел. Чё теперь (Том. Том. Верш.). Если уже к дожжжжу́, то ле́ва сторона, ле́во ухо сильно шумит. Вот так вот состояние здоровья (Кем. Юрг. Томил.). Да в дождь брезенту́ху одевай. Одень брезентуху, а то простынешь (Бурят. Тунк. Тунка).

«ВЛИЯНИЕ ОСАДКОВ НА СОСТОЯНИЕ ОДЕЖДЫ И ОБУВИ» – Оденешь бахи́лы и раз по дождю пройде́шь, так бахилы разбухнут, хоть вдвоем их тащи (Чит. Срет.). В тридцать третьем году бы́. Репрессии (...). Гнали босяка́м. Обутки у которых были, сгнили. Дожджж идёт. Вместо груза репрессированные (Ирк. Н-илим. Руд.). Дождь полил и все штаны так охвоста́л, что снимать пришлось (Бурят. Барг. Чит.). Подарил мне тунгус потакáн [сумка из шкуры с оленьих ног], так мы в этом потакáне харчи возили в сенокос. Дождя потакáн не боится, не размокает (Бурят. Барг. Бод.).

«ВЛИЯНИЕ АТМОСФЕРНЫХ ОСАДКОВ НА СТРОЕНИЯ, СООРУЖЕНИЯ» – Окажу-чила свой дом, чтобы ни от дождя, ни от ветра (Н-сиб. Бараб. Зюзя). Крыша протекает. Дождь пойдёт, и Бог с тобой (Кем. Крап. Крап.). Нацельник (таки́ до́сточки узки) – забьёшь все щели, и дождь не попадёт (Амур. Благ. Серг.). С застрехи совсем не стекала вода, поэтому потолок в избе всегда во время дождя был мокрым (Бурят. Барг. Б.Уро). Без накрýлки дождь при открытых дверях прямо в дом захлестывает (Чит. Олов. Х.-Быр.). С лиственницы мы кору сдирали, дубляком её звали. Хороший настил на крышу был в охотничей глубинке, дождю не пробраться (Красн. Богуч.).

«ПРИМЕТЫ, ПРЕДВЕЩАЮЩИЕ ДОЖДЬ И ХАРАКТЕР ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ» – «поведение домашних животных и птиц»: *Если курицы не бегут прятаться от дождя, значит, он будет долгим* (Алт. Волч. Н-корм.); *Дождь будет, если петухи поют* (Алт. Топч. Волч.); *Собака ест траву – дождь воружит* (Ирк. Н-илим.). *Если вон конь катается – это, говорит, завтра будет дождь. Или там от хрипит, фыркает – будет дождь* (Кем. Яшк. Итк.); *Он [«астроном»] говорит: «Хлопцы, идите в избу, дождь будет».* *В час ночи дождь пошёл, град.* *«Как он, – говорит, – узнал?».* – *«У меня, – говорит, свинья нос прятала в анбар и задницу чесала»* (Кем. Юрг. Н-ром.); «поведение диких животных и птиц»: *Если дождь прошёл ночью, а по земле ползают черви, значит, дождь ещё будет* (Алт. Шелаб. Н-обин.); *Если ласточки низко летают, то к дождю* (Красн. Берёз. Маг.). *...если на пол ласточка садится, то мы дождю ожидам* (Кем. Яшк. Колмогор.). *Вот бурундук когда летом клохчет, это тоже к дождю. Это он так дня за два начинает клохтать. Считай, что дождь будет* (Кем. Яшк. Солом.). *Навесились ласточки на провода, дождь будет* (Амур. Мих. Чесн.); «поведение насекомых»: *Если тьонту мизгири натянули, дождь будить* (Бурят. Тарб. Дес.). *Сёдни комары толкуются – это, значит, всё: дождь пойдёт* (Кем. Крап. Иван.);

«состояние атмосферных явлений»: *Западный ветер надуёт дождя* (Алт. Топч. Волч.); *Если ветер свистит в ушах – жди дождя, а зимой – тёплой погоды* (Алт. Топч. Волч.); *Северный и восточный ветры – к ясной погоде, а вот западный и южный – к дождю были* (Алт. Алт. Алт.); *Если синие тучи, то будет дождь, а если светлые, то град* (Алт. Шелаб. Н-обин.); «существование небесных тел»: *Когда дождь идёт и солнце, значит, ещё дождь будет* (Кем. Юрг. Ал.). *Заря, значит, горит – к дождю, когда от заходит солнце* (Кем. Яшк. Итк.);

«свойства растений, обусловленные приспособлением к атмосферной среде»: *Если ель вверх глядит, значит, будет ведро, а если крылышки повесила, значит, будет дождь* (Том. Том. Верш.). *Где пучка срезана была, водичка накопилась – тоже к дождю* (Кем. Юрг. Н-ром.);

«свойства вещества как продукта питания»: *Будет дожди. Лучшие всяково баромита. Старинна примета: соль доказывает, день-два соль мокра. День-два пройдёт, одинаково по радиу сопнают* (Красн. Казач. Челн.).

~ Алт. Амур. Бурят. Вост. Прибайк. Г.Алт. Забайк. Ирк. Камчат. Кем. Красн. Н-сиб. Ом. Прибайк. Том. Тув. Тюм. Хаб. Хакас. Чит. Якут.

• Слово *дождь*, являющееся праславянской инновацией, имеет неясную этимологию. Рассматриваются два его фонетических варианта – звонкий и глухой (прасл. **dъždъ* и **dъščъ*, а также ср. прасл. **bryzgati* // *pryskati*, рус. *брызгать* // *прыскать* и др.). Прасл. **dъždъ* 'звук при ударе капли дождя' < **dъzg-* < **duzg-*, ср. лит. *duzgėti* 'шуметь, жужжать, грохотать', *duzginti* 'стучать'; глухой вар. **dъščъ* '(водяная) пыль' < и.-е. **dheues-*, ср. норв. *dusk-regn*, шв. *regn-dusk* 'моросащий дождь', норв. диал. *dysja* 'моросить, сочиться', сюда же слав. **duxъ*. Вероятность реконструированной ономастической семантики, обусловленной интенсивностью выпадения дождя, подтверждается примерами: чеш. *rutějch* 'мелкий дождь, морось' – болг. *ромон, ромол, ромолене* 'тихий приятный шум воды в речке, дождя', *ръмеж, рѣмка, рѣмулка* 'мелкий дождь, морось' ~ польск. *rutot* 'шум, стучание, галдеж', *rutolic* и др. – 'моросить' [16, с. 9-10; 17, с. 196].

Специфика приводимой словарной статьи (в сокращённом варианте) в том, что она отражает содержание метеонимического концепта базового уровня, условно говоря, в двух плоскостях – как синтетический содержательный конструкт, заключающий в себе знания о сущности и существовании атмосферного явления, и как динамический феномен, различные проявления которого в речемыслительной деятельности человека воплощаются в разнообразных синтаксических конструкциях.

При таком способе лексикографирования в словарную статью помещается не только лингвистически релевантная информация о содержании концепта имени, но и та, которая ассоциируется с этим именем в речевых актах. В дефиниции воспроизводится интенционал концепта [18]. Дефиниция выносится в преамбулу словарной статьи с целью демонстрации классификационной сетки словаря, которая отражает вербальную организацию знания об атмосферных осадках на трёх уровнях – супербазовом, базовом и суббазовом (*осадки – дождь*

– н-сиб. *сож* 'мелкий морозящий дождь'; амур., кем., красн., н-сиб., том., тюм., хаб. *сеногно́й* 'мелкий затяжной дождь во время сенокоса', амур. *сі́роты пла́чут* 'дождь при солнце').

Целостная информация о концептуализируемом метеоявлении, стоящем за базовым именем, которая складывается из интенционала и импликационала как содержательных частей концепта, структурируется в виде концептуальных аспектов, или слотов. В предложениях-высказываниях как в цитатной части словарной статьи удостоверяется разнообразная актуализация каждого слота. Для этого крупным шрифтом (прямыми буквами) выделяется то слово, которое непосредственно иллюстрирует его. Например, слот «НАПРАВЛЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ ОСАДКОВ ПО ОТНОШЕНИЮ К ПОВЕРХНОСТИ ЗЕМЛИ» диагностируется контекстом *Иногда идёт косой дождь под углом и с ветром. Обычно, если ветер с востока, идут косые дожди* (Кем. Крап. Берёз.), слот «АГРЕГАТНОЕ СОСТОЯНИЕ ОСАДКОВ» – контекстом *Хорошо вот дождь, и с крыши напотёчили воды в вёдра, кадушки* (Амур. Скв. Алб.). Считается необходимым исчерпать всё признаковое разнообразие каждого слота.

Информацию упорядочивают абзацные отступы внутри словарной статьи, отделяющие слоты по тем или иным признакам. Прежде всего отграничиваются интенциональные и импликациональные слоты, затем внутри импликациональных – понятийные и аксиологические. В свою очередь понятийные имплицативные слоты в силу их взаимосвязи и взаимозависимости группируются как качественные, количественные, темпоральные, локативные и т. п.

Своеобразие культурологической части концепта, наряду с аксиологическими слотами, поазывает слот «приметы о дожде», содержание которого вскрывает, в какой мере семиосфера обжитого человеком мира, помогает ему поддерживать комфортные условия существования.

Этимологическая филиация словарной статьи, сосредотачиваясь на показе первоначального признака явления, лёгшего в основу названия, иллюстрирует, что история освоения явления «живёт» в его современном осознании, и закрепляет релевантность намеченной линии концептуализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Востриков О.В. Идеографический словарь русских говоров Среднего Урала // Уральский лексикографический сборник. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1989. С. 4-16.
2. Раков Г.А. О диалектном идеографическом словаре // Сибирские русские говоры. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. С. 147-152
3. Васильев В.П., Васильева Э.В. Когнитивно-идеографические основания метеорологического словаря русских говоров Сибири // Актуальные проблемы русской диалектологии. М.: ИРЯ РАН, 2006. С. 26-28
4. Васильев В.П., Васильева Э.В. Когнитивно ориентированный толково-идеографический словарь русских метеонимов Сибири // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2007. Вып. 10. С. 182-198
5. Васильев В.П., Васильева Э.В. Метеорологический словарь русских говоров Сибири: (К вопросу о содержательной основе) // Селищевские чтения. Елец: Елецкий гос. ун-т им. И.А. Бунина, 2005. С. 248-255.
6. Васильев В.П., Васильева Э.В. Сибирский метеорологический словарь и особенности его организации // Русские говоры Сибири: Лексикография. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993. С. 31-38
7. Васильев В.П., Васильева Э.В. Слово-концепт в его лексикографическом отображении // Актуальные проблемы русистики. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. С. 38-53.
8. Васильев В.П. Концепт *дождь* и особенности его организации // Мир человека и мир языка. Кемерово: Графика, 2003. Вып. 2. С. 184-229
9. Белякова С.М. Образ времени в диалектной картине мира: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2005. 41 с
10. Лакофф Дж. Когнитивное моделирование // Язык и интеллект. М.: Прогресс, 1995. С. 143-184

11. Васильев В.П. Концепт в единстве его содержания и формы выражения. Метеоним *роса* // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов: ИЯ РАН: Тамб. гос. ун-т, 2005. № 2. С. 51-64
12. Жаботинская С.А. Концептуальная модель частеречных систем: фрейм и скрипт // Когнитивные аспекты языковой категоризации. Рязань: РГПУ, 2000. С. 15-21
13. Васильев В.П., Васильева Э.В. Ассоциативное поле как экспонент концепта // Вестник Кемеровского университета. Сер.: Филология. 2002. Вып. 4. С.24-43
14. Васильев В.П. Тематическая концептосфера в лингвистическом представлении // Вестник Том. ун-та. Бюллетень оперативн. науч. информации. № 46. Томск, 2005. 116 с
15. Васильев В.П. Концепт и интерпретационные компоненты словесного значения // Новая Россия: новые явления в языке и науке о языке. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. С.43- 51.
16. Осташ Н.И. Названия метеорологических явлений в чешском языке: автореф. ... канд. филол. наук. Киев, 1985. 16 с
17. Этимологический словарь славянских языков / отв. ред. О.Н. Трубачёв. М.: Наука, 1980. Вып. 7. С. 195-197
18. Никитин М.В. Развёрнутые тезисы о концептах // Вопросы когнитивной лингвистики, Тамбов: ИЯ РАН: Тамб. гос. ун-т, 2003. С. 53-64

Условные сокращения географических названий

Алт. – Алтайский край: *Алт.* – *Алтайский р-н:* Алт. – Алтайское; *Волч.* – *Волчихинский р-н:* Н-корм. – Новокормиха; *Кос.* – *Косихинский р-н:* В.-Жил. – Верх-Жилино; *Ребр.* – *Ребрихинский р-н:* У.-Мос. – Усть-Мосиха; *Сорок.* – *Сорокинский р-н:* Сосн. – Сосновка; *Топч.* – *Топчихинский р-н:* Волч. – Волчиха; *Шелаб.* – *Шелабинский р-н:* Н-обин. – Новообинцево.

Амур. – Амурский край: *Благ.* – *Благовещенский р-н:* Серг. – Сергеевка; *Мих.* – *Михайловский р-н:* Чесн. – Чесноково; *Скв.* – *Сковородинский р-н:* Алб. – Албазино, Джл. – Джалинда; *Своб.* – *Свободненский р-н:* Черн. – Черновка.

Бурят. – Бурятия: *Барг.* – *Баргузинский р-н:* Барг. – Баргузин, Б.Уро – Большое Уро, Бод. – Бодон, Душ. – Душелан, Чит. – Читкан; *Каб.* – *Кабанский р-н:* Каб. – Кабаново, Оймур – Оймур, Ст.Дв. – Степной Дворец, Шерг. – Шергино; *Кяхт.* – *Кяхтинский р-н:* Н-дес. – Новодесятниково, Мухор. – Мухоршибирский р-н: Мухор. – Мухоршибирь, Калин. – Калиновка, Шарал. – Шаралдай; *Тарб.* – *Тарбагатайский р-н:* Б.Кун. – Большой Куналей, Дес. – Десятниково; *Тунк.* – *Тункинский р-н:* Елов. – Еловка, Тунка – Тунка, Тур. – Туран; У.-Удэ – Улан-Удэ.

Вост. Прибайк. – Восточное Прибайкалье.

Г.Алт. – Горный Алтай: *У.-Кан.* – *Усть-Канский р-н:* Тал. – Талица.

Забайк. – Забайкалье.

Ирк. – Иркутская область: *Жиг.* – *Жигаловский р-н:* Чек. – Чекан; *Казач.-Лен.* – *Казачинско-Ленский р-н:* Казач. – Казачинское, Тарас. – Тарасово, Кир. – Киренский р-н: Алым. – Алымовка, Чуг. – Чугуева; *Н-илим.* – *Нижнеилимский р-н:* Руд. – Рудогорск; *Ольх.* – *Ольхонский р-н:* Елан. – Еланцы, Кос.Ст. – Косая Степь; *Тул.* – *Тулунский р-н:* Арш. – Аршан, Ед. – Едогон; *Черемх.* – *Черемховский р-н.*

Камчат. – Камчатка

Кем. – Кемеровская область: *Кем.* – *Кемеровский р-н:* Яг. – Ягуново; *Крап.* – *Крапивинский р-н:* Берёз. – Берёзовка, Бор. – Борисово, Иван. – Ивановка, Кам. – Каменка, Крап. – Крапивино, Лен. – Ленинка, Макс. – Максимова, Медв. – Медвежка, Перех. – Перехляй, Салт. – Салтымаково, Тар. – Тараданово; *Л.-Куз.* – *Ленинск-Кузнецкий р-н:* Кр. – Красное; *Мар.* – *Маршанский р-н:* Кол. – Колеул, М.Ант. – Малый Антибес; *Н-куз.* – *Новокузнецкий р-н:* Ос.Пл. – Осиновое Плёсо, Шор. – Шорохово; *Прок.* – *Прокопьевский р-н:* Кот. – Котино; *Пром.* – *Промышленновский р-н:* Тарас. – Тарасово; *Тяж.* – *Тяжинский р-н:* А.-Ан. – Акимов-Анненка, Н-подз. – Новоподзорново; *Чиб.* – *Чебулинский р-н:* К.-Смол. – Курск-Смоленка; *Юрг.* – *Юргинский р-н:* Ал. – Алаево, Асан. – Асаново, Вар. – Варюхино, В.-Тайм. – Верх-

Тайменка, Зел. – Зеледеево, Иск. – Искитим, Колм. – Колмаково, Митр. – Митрофаново, Н-ром. – Новороманово, Томил. – Томилово; *Яшк.* – *Яшкинский р-н*: Итк. – Иткара, Колмогор. – Колмогорово, Крыл. – Крылово, Кул. – Кулаково, Мох. – Мохово, Н.Тайм. – Нижняя Тайменка, Полон. – Поломошное, Солом. – Соломатово, С.Остр. – Сосновый Острог, Тут. – Тутальская, У.-Пис. – Усть-Писаная.

Красн. – Красноярский край: *Берёз.* – *Берёзовский р-н*: Бер. – Береть, Маг. – Маганское; *Богуч.* – *Богучанский р-н*; *Б-улуй.* – *Большеулуйский р-н*: Кыт. – Кытат; *Енис.* – *Енисейский р-н*; *Казач.* – *Казачинский р-н*: Челн. – Челноки; *Кар.* – *Каратузский р-н*; *Кеж.* – *Кежемский р-н*; *Рыб.* – *Рыбинский р-н*: Кам. – Камала; *Шуш.* – *Шушенский р-н*.

Н-сиб. – Новосибирская область: *Бараб.* – *Барабинский р-н*: Зюзя – Зюзя; *Болот.* – *Болотнинский р-н*: Ман. – Мануйлово; *Венгер.* – *Вегеровский р-н*: Мин. – Минино; *Колыван.* – *Колыванский р-н*: Вьюны – Вьюны; *Купин.* – *Купинский р-н*: Ярк. – Яркуль; *Кышит.* – *Кыштовский р-н*: Крут. – Крутиха; *Мошков.* – *Мошковский р-н*: Белояр. – Белоярка; *Ордын.* – *Ордынский р-н*: Рог. – Рогалёво, Чинг. – Чингисы; *Сузун.* – *Сузунский р-н*: Зор. – Зорино, Крот. – Кротово; *Татар.* – *Татарский р-н*: Конст. – Константиновка; *Убин.* – *Убинский р-н*: Колм. – Колмаково; *Чанов.* – *Чановский р-н*: Покр. – Покровка; *Чулым.* – *Чулымский р-н*: Алекс. – Алексеевка.

Ом. – **Омская область:** *Мур.* – *Муромцевский р-н*: Арт. – Артын, Берг. – Бергамак, Гур. – Гурово; *Люб.* – *Любинский р-н*: Люб. – Любино; *Окон.* – *Оконешниковский р-н*: Крест. – Крестики; *Сарг.* – *Саргатский р-н*: Н-ирт. – Нижнеиртышское.

Прибайк. – Прибайкалье.

Том. – **Томская область:** *В.-Кет.* – *Верхнекетский р-н*: Б.Яр. – Белый Яр, М.Яр. – Максимкин Яр; *Зыр.* – *Зырянский р-н*: Зыр. – Зыряново, Черд. – Чердаты; *Крив.* – *Кривошеинский р-н*: Ишт. – Иштан; *Пар.* – *Парабельский р-н*: Алат. – Алатаево, Луг. – Луговская, Нар. – Нарым, Нов. – Новосельцево; *Том.* – *Томский р-н*: Верш. – Вершинино, Гол. – Головинка, Губ. – Губино.

Тув. – Тыва: *Пий-Хем.* – *Пий-Хемский р-н*.

Тюм. – **Тюменская область:** *Гол.* – *Голышмановский р-н*: Мед. – Медведево; *Н-тавд.* – *Нижнетавдинский р-н*: Ер. – Ерёмино; *Ярк.* – *Ярковский р-н*: Ярк. – Ярково.

Хаб. – Хабаровский край: *Бир.* – *Биробиджанский р-н*: Голов. – Головино; *Облуч.* – *Облученский р-н*: Пашк. – Пашково.

Хакас. – Хакасия: Ташт. – Таштып.

Чит. – Читинская область: *Борз.* – *Борзинский р-н*: Борзя – Борзя; *Нерч.* – *Нерчинский р-н*: Куд. – Кудея; *Оловян.* – *Оловянинский р-н*: Х.-Быр. – Хара-Бырка; *Срет.* – *Сретенский р-н*; *Шил.* – *Шилкинский р-н*: Шил. – Шилка.

Якут. – Якутия: *Олёк.* – *Олёкминский р-н*: Сан. – Саняхтах, Точ. – Точильная, Чап. – Чапаево.

О.А.Глущенко

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «РЫБА» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ КАМЧАДАЛОВ

Современные когнитивные описания различных концептов русского языка констатируют несовпадение научной и обыденной картин мира. В научных описаниях ментальные образования рассматриваются как понятия, на существенных признаках которых сосредоточено внимание исследователя. В языковой картине мира, явленной в обыденном языке, концепт мыслится как более широкое, чем понятие, образование, включающее в себя как абстрактные компоненты, так и эмоциональные, оценочные, ассоциативно-субъективные признаки. Одно и то же явление внеязыковой действительности может быть по-разному представлено в научном метаязыке и национальном языке, в его отдельных подсистемах (литературной, диалектной и др.).

В статье рассматривается концептуализация понятия «рыба», в частности, представления о тихоокеанском лососе в литературном языке и говорах камчадалов. Использован языковой материал из картотеки лаборатории региональной этнолингвистики Камчатского государственного университета и записи, сделанные автором в диалектологических экспедициях 2003 – 2006 гг. Было выявлено 100 лексем – названий лососевых рыб, зафиксированных в 2000 контекстах.

В научном описании за основу самой общей классификации рыб взят биолого-физиологический критерий, по которому чаще всего противопоставляются хрящевые и костные рыбы. Дальнейшее научное описание рыб сосредоточено на особенностях строения и функционирования скелета и отдельных внутренних систем и органов (дыхание, пищеварение, секреция, кровообращение, нервная система и т.д.), специфике процесса размножения, форме и размере тела и, наконец, на времени появления на планете. Приведём в качестве примера энциклопедическое определение понятия «рыбы»: «надкласс водных позвоночных. Особенности анатомии, физиологии, экологии и поведения рыб определяются обитанием в воде. Температура тела непостоянна, дышат жабрами (существуют двоякодышащие формы). У многих рыб есть плавательный пузырь. Конечности в виде плавников (иногда отсутствуют) служат рулями и стабилизаторами при поступательном движении, которое в основном осуществляется за счёт волнообразных изгибаний тела. Размеры от 1 см (филиппинские бычки) до 20 м (гигантская акула). Два класса: хрящевые и костные рыбы; свыше 20 тыс. видов. Распространены в Мировом океане и пресных водах. Появились, очевидно, в силуре, в пресных водах» [1, с. 1043-1044].

В ихтиологических источниках описан образ жизни рыб, их размеры, среда обитания, сенсорные способности. Все частные классификации рыб строятся с учетом внешнего строения и некоторых особенностей анатомии. Научное описание рыб представляет не отдельную особь, а совокупность – класс, вид. Этот способ коллективного представления рыб определяет преимущественное употребление формы множественного числа заглавного слова в словарных статьях о рыбах в энциклопедическом словаре: *акулы, лососи, палтусы* и т.д. В системе научного знания рыбам не приписывается характер, для них не существует индивидуализации. В описании рыб не встречаются сравнения с внутренним или социальным миром человека.

В научной картине мира находит отражение и потребительское отношение человека к рыбе: она является объектом промысла. При описании рыб указывается ареал распространения, промысловое значение вида, общий улов той или иной разновидности. В то же время мы можем выделить и ещё один критерий для описания рыб – потенциальную опасность / безопасность рыбы для человека. В соответствии с ним характеристика опасных для человека рыб содержит указания на статистику несчастных случаев, на условия, в которых рыбы могут причинить вред человеку. Напр., при описании акул в энциклопедическом словаре указывается, что «крупные акулы опасны для человека» [1, с. 29]; в словарной статье о муренах говорится, что «мясо некоторых видов ядовито» [1, с. 770]. Таким образом, «факультативный» критерий для научной классификации рыб (опасные // неопасные) является не анатомо-физиологическим, а антропоцентрическим, ориентированным на человека.

В лингвистических описаниях рыб перечень классификационных критериев расширяется за счёт таких показателей, как товарные качества рыбы, эстетика внешнего вида, отношение к процессу и времени вылова (выловленная и невыловленная рыба, зимняя рыба, летняя рыба и т.д.), способы добычи и переработки рыбы и др. [2, 3, 4, 5]. Значимые для систематизации наименований рыб признаки чаще всего связаны с жизнедеятельностью человека, а не с физиологическими свойствами самих рыб.

В толковых словарях слово *рыба* характеризуется более сложной семантической структурой, чем в научной литературе. Словари расходятся в определении количества значений слова *рыба*, но все трактуют его как многозначное. Заглавное слово словарной статьи содержит словоформу в единственном числе: *рыба, акула, лосось, палтус* и т.д. Напр., *Рыба*. 1. Водное позвоночное животное с непостоянной температурой тела, дышащее жабрами и имеющее плавники. 2. *Разг.* О вялом, медлительном или холодном, бесстрастном человеке

[6, т. 3, с. 983]. *Рыба*. 1. Водное позвоночное животное с непостоянной температурой тела, дышащее жабрами и имеющее плавники || *только ед.* Мясо такого животного; кушанье, приготовленное из этого мяса. 2. *Разг.* О вялом, медлительном или холодном, бесстрастном человеке. 3. *Разг.* То, что подготовлено для кого-либо в качестве предварительного или необходимого материала; заготовка. 4. *Разг.* В игре в домино: позиция, при которой с обеих сторон выложенного ряда костяшек оказываются одинаковые по числу очков, после чего игра считается законченной и каждый игрок подсчитывает количество очков на оставшихся у него костяшках. 5. [с прописной буквы]. *Только мн.: Рыбы, Рыб.* Одно из двенадцати созвездий Зодиака || О человеке, родившемся в конце февраля – марте, когда Солнце находится в созвездии Рыб [7, с. 1135].

Возможность образования антропоцентрической метафоры (в переносном значении «О вялом, медлительном или холодном, бесстрастном человеке») свидетельствует об особом видении рыбы как существа со специфическим поведением, обусловленным физиологически: в языковом сознании холодная кровь как будто обуславливает неэмоциональные и однотипные реакции рыбы на раздражители.

В обыденном языке употребляется множество устойчивых сочетаний со словом *рыба*, напр.: *в мутной воде рыбу ловить* (*неодобр.*: извлекать выгоду для себя, пользуясь неясностью обстановки, чьими-либо затруднениями); *рыба ищет где глубже, а человек – где лучше* (о естественности стремления кого-либо к лучшей жизни); *на безрыбье и рак рыба* (при отсутствии или нехватке кого-, чего-либо сойдёт и что-то похуже); *нем как рыба* (о молчаливом человеке); *чувствовать себя как рыба в воде* (*разг.*: непринуждённо, свободно); *биться как рыба об лёд* (*разг.*: прикладывать все усилия, добиваясь улучшения жизни, обычно тщетно); *ни рыба ни мясо* (*разг.*: о ком-, чём-либо безликом, невыразительном).

В образных высказываниях о человеке за основу сравнения обычно берутся такие свойства и действия рыбы, как упорство и неутомимость в борьбе за жизнь, высокая приспособляемость к условиям среды, незвуковой способ сообщения и др. Языковое сознание русского человека стремится к переосмыслению не столько конститутивных, анатомических признаков рыбы, сколько специфики жизнедеятельности и динамических свойств животного.

С рыбой связаны многие народные приметы [8, т. 4, с. 116], в некоторых из них внимание акцентировано на связи рыбы с осадками, системой питания и благополучием человека: *рыбу ловить – при смерти ходить; живую рыбу домой носить – не станет ловиться; рыба мелка, да уха сладка; хороший лов рыбы – к урожаю хлеба; рыба не клюёт – перед дождём.*

В обыденном языке находит отражение общественная оценка понятия «рыба», что характерно для метаязыка науки. Обращение к текстам диалектного языка позволяет дополнить модель концепта рыбы в русской языковой картине мира. Репрезентируемое говорами камчадалов (метисированного русскоязычного коренного населения Камчатки) представление о рыбе не только показывает отличие языковой концептуализации понятия от научной биологической, но и раскрывает новые физические и поведенческие особенности рыбы. Сравним два частных аспекта описания разновидностей тихоокеанских лососей и состояние рыбы после нереста.

В научной интерпретации лососи являются одним из многочисленных семейств рыб: к семейству лососевых относятся рыбы, имеющие один настоящий спинной плавник и один жировой. Лососевые рыбы бывают пресноводными и проходными. Тихоокеанские лососи – проходная рыба, которая откладывает икру (*нерестуется*) в пресной воде. Существует несколько разновидностей тихоокеанских лососей: *чавыча, нерка, кета, кижуч, горбуша, сима.*

Камчадалы не только различают указанные виды лососей, но и выделяют их подвиды. Так, *чавы́ча* (*чавы́ца, кови́ча*) в зависимости от времени хода называется *первая чавыча* (она появляется раньше других лососей, в конце мая или в июне) и *ильинóвская* (*ильи́нская*) *чавыча* (заходит на нерест на Ильин день в августе). Эта поздняя чавыча внешне более красивая, т.к. в «брачном наряде», но по вкусовым качествам и по размеру уступает первой чавыче. Языковые источники свидетельствуют о том, что второй ход чавычи бывает не повсеместно: *А первая чавыча приходит в мае. Чавыча, в отличие от ильинóвской чавычи, большая, с пятнами по бокам, тёмная, со слоистым мясом. Ильи́нская чавы́ца – фторая рыба на нере-*

сте, побитая она. Чавыча – такие пятнышки, тёмная, по размеру большая, маленькая – ильинская чавыча (Мильково); В начале августа фторой хот чавычи, называют ильинофская, на Ильин день идёт; она в брачном наряде, не очень фкусная, не берём (Долиновка).

Камчадалы различают два подвида нерки (красной) – собственно нёрка, или красница, красная (красна) – это первый поток нерестовой нерки, и арабыч (арабуч, арабуц, арабус, азабыч, озабыч, озабуч, озябач, озябыч, ажабыч) – это нерестовая нерка второго потока. Наименование красница может функционировать и как общее название для всех видов нерки, а арабыч – как общее название для позднего кижуча, кеты и нерки: Сначала идёт эта самая красница, она вопще-то нерка, сюда она приходит ужэ красная, там-то она серебристая, в Усть-Камчацке, а потом за ней идёт тожэ красница, тока она разновидность, сюда она ужэ серебристая приходит – нёрка – её называют арабучем. Первая рыба идёт цавыца, потом потходит красница, потом идёт арабуч, кетá (Мильково); После чавычи идёт красная нёрка, у неё два захода: первый захот – красница, фторова захода называем арабуч, она мельче и мясо розовое-розовое (Долиновка).

Подвиды кижуча (кíзуча, кíзуца) камчадалы также отдельно именуют по времени нереста – летний кíжжуч (в некоторых пунктах этот кижуч появляется в сентябре и называется осенним; первый ход кижуча) и зимний кíжжуч, или зíмник, арабыч (второй ход кижуча): Потом идёт кíжжуч, два хода у него тожэ: ф концэ августа – летний кíжжуч, фторой хот – зимний кíжжуч; летний розовый; в брачном наряде ужэ зíмник, ловили тожэ неводными сетями, сплавными неводами. Берём зíмник – зимний кíжжуч (Долиновка). Ажабыч – тожэ кíжжуч, только зимний, тоже маленький, именно зимний – ажабыч, ево не по озеру Ажабáчье назвали, просто маленький, чёрный, небольшой, от него толку нет, но собакам ничево, и узенький такой, недошэтишая рыба – ф семье не без уродоф, што ли (Козыревск).

В камчатских говорах у кеты есть много названий: кетá, хайкó (хаёк, кайкó), ста́вица, тыкхóй. Камчадалы говорят о летней и осенней кетé, или арабыче, однако противопоставляют эти наименования не везде: в ряде населенных пунктов кета появляется только осенью – это осенняя кетá, там же, где кета идет летом и осенью, она называется по-разному: Осенняя кетá полосатая. Затем смесь идёт: кунжа, кетá, горбу́ша (Козыревск); Хаёк – кетá – первая рыба, потом кíзуч, он лу́циэ (Тигиль); Арабыч – фторая китá, кíжжуч (Мильково).

Частных разновидностей горбуши камчадалы не выделяют, но самку и самца горбуши в нерестовый период именуют особо – канóйка (ханáйка, хамáйка) и горбы́нь: Ханáйка – самка горбуши в брачном наряде (Долиновка); Ощее название у самцоф – горбы́нь, горба́тые, спина-то, и горбу́шы горбатые, вот такие прямо горп (Мильково).

На Камчатке лососевый вид сима (каю́рка) встречается редко, поэтому многие камчадалы говорят только о пяти породах лососёвых: Первая рыба идёт цавы́ца, потом потходит красница, потом идёт арабуч, кетá – хайкó по-камчадалски, осенний кíжжуч, зимний кíжжуч – пять видоф (Мильково); Рыба здесь есть, да она фся лососёвая, это цавы́ца, красна, кíзуц, китá, горбу́са (Ключи).

В камчатском наречии представлены нетипичные для ихтиологии оппозиции рыб, напр., противопоставление наименований лососевой рыбы (красная рыба, лососёвая рыба, рыба лососино́го рода, рыба лососёвой породы) и рыбы других пород (белая рыба, белоры́бица): У нас ф первую очередь идёт красная рыба, красница, немаленькая. Рыба здесь лососёвая, породы кíзуц, чавы́ча, нёрка, красная. Белая рыба – морская она, действительно, по белому цвету. Морская рыба фсякая она, но по цвету белой рыбы. Рыба красная и белая только по мясу (Мильково).

Слово белоры́бица во втором значении синонимично наименованию разноры́бица, обозначающему совокупность рыб разных пород, среди которых может быть и горбуша, и позднее подвиды лососёвых (арабыч), и голец – рыба со светлым, но не белым цветом мяса: У неё белое мясо, белоры́бица – это белое мясо у рыбы. Ха́риус – это не лосось, это белоры́бица: карáсь, микíжса, кунжа. Они маленькие, промысловое значения не имеют. Первая чавы́ча с начала июня до начала июля, потом красница, потом арабыч, потом разноры́бица – арабыч, горбу́ша, голéц (Долиновка); По-научному белоры́бица – это лососи со светлыми, блестящими, серебристыми телами, голец, наверно (Усть-Хайрюзово).

В ряде контекстов рыбой именуется только лосось, а все остальные разновидности поименованы по видам: *Рыбой-то называли только лосося, говорили: «Надоела рыба, сейчас бы гольчишко поест»* (Ключи); *А кета уже как шла, голёц вообще не считался за рыбу* (Ковран).

В научном описании биологически равноценны все разновидности лососей. В говорах камчадалов мы видим две особых дихотомии: «чавыча – другие лососи» и «горбуша – другие лососи». Почитание чавычи камчадалы объясняют и высокими промысловыми качествами мяса рыбы, и её ранним среди лососёвых нерестом: *Чавы́ча – самая жирная рыба, а потом красная. Чавы́ча самая вкусная, она более жирная, крупная* (Мильково); *Чавы́ча – самая большая рыба, кета́ меньше, до шести килограмм, а чавы́ча – я ловил пацаном – сорок и пядь десятых килограмма, вот такая рыбина была* (Козыревск); *Чавы́ца – тело розовое. У чавы́чи пятна на теле, слоистая, заметно, что слоями мясо. Первая чавы́ча. Ожидание первой рыбы – это и есть праздник души, он её (рыбу) ждал, она (рыба) снилась ему фсю зиму* (Ковран).

Чавыча обычно не подвержена заболеваниям рыбы, тогда как другие лососи часто приходят на нерест с гнойниковыми заболеваниями: *Только-только пошла горбуша, и уже фся лоца́вая. Только зашла в речку – она уже больная фся. Вот разрезаешь рыбу и в мясе видишь такие фкрапления таково жёлтоватого цвета, белые, как рисовые зёрнышки, фкрапления, з гнилью. Вроде как нарыфчик. И больной попадаеца кйжуч. Язвочки у ней такие гнойные. Разрежэши её, а внутри у ней язвочки – гнойнички. Вот чавы́ча совершэнно здоровая рыба* (Усть-Хайрюзово).

Мясо горбуши считается самым светлым, поэтому камчадалы противопоставляют её другим лососям: *Горбуша горбатая была, за рыбу не считали, выкидывали фсё собакам* (Мильково).

В городе высоко ценится икра горбуши, но камчадалы до недавнего времени не считали её источником дохода, называли засолку икры материковским промыслом, а в пищу икру употребляли преимущественно в сухом виде: *А икру раньше выбрасывали, не знали в ней никакой цэнности, на заборе весили или на осоке, наплетут, она засохнет, зимой её с картошкой ели, она прилипает на зубах* (Мильково).

Если чавыча, нерка, кижуч и кета употреблялись в пищу, использовались для заготовок, то горбуша шла на корм собакам: *В основном собакам на корм шёл голёц, потом горбуша, а сушый в основном кости собакам, там любая рыба шла. Камчадалы делали ямы такие большие, самое малое, я так фспоминаю, самая малая ямка вмещала пять тысяч рыбин – горбуш, а так ф среднем ямы вмещали около семи тысяч рыбин* (Усть-Хайрюзово).

Когда случаются *горбу́шечные* годы, т.е. большой подход горбуши на нерест, а другой лососевой рыбы мало, камчадалы используют горбушу в пищу, но замечают, что мясо горбуши мягкое, быстро деформируется в сравнении с мясом других лососевых: *В горбушечные годы идёт в особом изобилии горбуша, другой ходовой рыбы в эти годы мало. Горбуша – мягкая рыба* (Усть-Хайрюзово).

Таким образом, в говорах камчадалов отражена иная классификация тихоокеанских лососей, чем в научном языке ихтиологии. Важным для систематизации названий рыб становится не только анатомо-биологический критерий, но и время нереста, экологическое состояние рыбы, эстетика внешнего вида, качество мяса и др.

Описание состояния лососевой рыбы после нереста в языке науки и в говорах также различается. Научные источники отмечают, что все тихоокеанские лососи мечут икру один раз в жизни, погибая после первого нереста. Половозрелые лососи начинают нерестовую миграцию (путешествие без возврата в реки, где они родились) и, отложив икру, гибнут. Наиболее истощенные рыбы погибают уже на нерестилище, другие относятся течением от места нереста и гибнут по дороге к устью. Дно и берега рек покрываются мёртвой рыбой (*снёнкой*). На этот обильный корм собирается множество ворон, чаек и самых разных зверей, вплоть до медведей.

Данные говоров свидетельствуют об ином отношении камчадалов к процессу нереста: *А лоца́вая рыба фсегда была, это значит не больная – это старая рыба, та, которая уже отметала икру. Она уже исполнила долг свой на этой земле, она не больная* (Ковран); *Самку называют мамкой, говорят: «Мамку поймали». Самка и самец рыбы назывались икрёнка и*

холостяк. Холостяк – рыбу холостую называли, которая ужэ без ыкры (Долиновка); Мамку – самку – отпускали раньше, штобы икру выметала, потомство было (Козыревск); Самёц – животное мужского пола, а самка – баба. Самца называют холостяк, холостая рыба. Мальки вылупляюца – это ребёночек рыбы, маленький вот такой, растёт в море (Мильково); Несот её, она бес сознания, ева́лая – ну, рыба, которая уш уходит на нерест, вымётывает икру, мо́локу выпускает – называли-то её ева́ла (Тигиль).

О нересте рыбы камчадалы рассказывают как об осознанном поступке рыбы, исполнении высшего долга. Рыбе приписываются человеческие характеристики: самка – мамка, малёк – ребенок рыбы, рыбы заботятся о продолжении рода, у рыбы нет сознания после нереста.

Обращает на себя внимание детальное именование стадий умирания рыбы после нереста. Так, по физическому состоянию после нереста различаются именованья *лоща́вая рыба, ара́быч, белохвостка, кибáрь, снёнка, ива́йлук, кймуч* и др.

Лоща́вая (лоща́лая) рыба, лоща́лка – выметавшая икру или поднимающаяся на нерест вверх по течению реки рыба, у которой имеются повреждения на наружных тканях. Такую рыбу допустимо употреблять в еду: Лоши́ная рыба, пла́пки потёрты, ходит, но потёртая (Кихчик); Лоща́вая – это ужэ выбитая, которая рыба вверх идёт, она живая, ужэ пятнами, сухая такая, а когда она помирает – снёнка (Усть-Большерецк); Лоща́вая – тощая, нежырная рыба фторово сорта, она худая, но есть можно. Лоща́вая рыба – икру отметала, шелуха у ней ужэ сходит, пока она сюда дойдёт, ужэ бес чешуи, некрасивая, её едят. Лоща́вая рыба – это плохая, лоща́лка (Мильково); Рыба, правда, лоща́лая была, но голофки хорошие (Соболево).

Ара́быч (аза́бач) – рыба вскоре после нереста, еще в брачном наряде (как правило поздний кижуч, кета или нерка): Аза́бач – красная, которая прометала икру, собачкам, для себя не идёт (Ключи); Ара́быч за рыбу не признавали, шла на корм собакам, она худошавая (Долиновка); Когда выметает икру, называеца аза́бач, брачный наряд у неё, называеца она ужэ аза́бач (Усть-Большерецк).

Белохвостка – выметавшая икру красная рыба, у которой мясо побелело, особенно в хвостовой части: Белохвóска – избитая рыба, живая, хрептина, хвост, пупок белый (Ключи); Белохвóска – побитая рыба для собак, икру выметает, хвост белый становица перет смертью (Козыревск); Белохвóска отнерестица, пускает плоть и умирает белая, бледная становица, пёрыски и хвост, медведи её едят. Белохвóска одна плавает – белый хвост, голова и фсё, начинает гнить с хвоста (Мильково).

Кибáрь (ки́бар, ке́барь, кибáра), кибарёнок – ослабевшая после нереста рыба, в теле которой начинаются гнилостные процессы и которая вскоре погибает. Такая рыба непригодна для человека, но ею питаются животные: Кибара – рыба старая, икру выпустит, пливёт, называют кибарой. Отнерестившаяся рыба называем кибарь, её не едят, она как удобрение гниёт, зверь ей питаеца: собо́ль, лиса, заяц не ест почему-то (Долиновка); Кибар – которая икру сметала, хвост белый, вода её просто несёт, усневает она. Кибарь, он заживо гниёт, живой ещё, голова фся избита, нос, губы. Лосось, который избитый, называеца кибáрь – это ужэ худая рыба, ещё живая, но приходит ужэ фся ф пятнах, привезут эту рыбу, она воняет. Лоща́вая – тоже живая, но тощая, избитая, худая, а кибар – это вопще такой ужэ пятнами, хвост жёлтый, почти белый – это кибар, кибарёнок, прямо сверху как мох бывает (Мильково).

Снёнка, сну́лая (снёная) рыба, уснева́лка – погибшая или погибающая после нереста рыба, мёртвая рыба. Используется как корм для собак: Отнерестившуюся рыбу называют кибар, снёнка. Усневает, подыхает, короче, мёртвая – снёнка, сну́лая рыба, замучилась, её нанесло. Снёнка уснула, кибарь, на грани жызни и смерти. Уснева́лка – рыба, которая ужэ не трепещица, задыхалася, они мордами бились, уснула (Мильково); Снёнка – сну́лая рыба, которая подохла после нереста (Долиновка); Снёнка – умёршая рыба, виметала икру (Елизово).

Ива́йлук, ева́лая рыба, ева́ла – погибшая после нереста рыба: Йева́лую и лосца́лой можно назвать бу́ло. Йева́ла – выпустила икру, её вода несёт мёртвую (Тигиль); Ива́йлук – риба

старая, которая должна умирать, которая мечет икру и становица белой, плохой (Елизово); *Риба, когда умирает старая, ивэйлук называеца* (Мильково).

Кймуч (кймуц), кимчйл, кимчйк – погибая и разлагающаяся после нереста рыба: *Кй-муч – мёртвая рыба, которая гниёт, разложыфшяся, достанеш ево, он воняет. Кймуц – риба любая старая, туда ближэ к осени, усневает, кймуцом называют. Отнерестифсю рыбу, если она разлагаеца, то называют кимчйл* (Мильково); *Отметафшяя рыба – кимчйк* (Козыревск).

«Отношение русского народа к «вмещающей и кормящей» его природе отразилось в чрезвычайно богатом и детализированном словаре, характеризующемся множественностью в наименовании одних и тех же реалий» [9, с. 203]. В научном описании отсутствует такая дифференцированная система наименований погибающей рыбы.

Сопоставление научной и народной информации о рыбе даёт возможность изучить характер видения объекта внеязыковой действительности в разных системах знания. Научное описание рыбы направлено на раскрытие особенностей внешнего строения, анатомии рыбы. Наблюдение над текстами из разных подсистем национального языка позволяет дополнить модель концепта «рыба» следующим образом: рыбе присущ холодный темперамент; поведенческие реакции рыбы могут быть осмыслены; в период нереста рыба влияет на систему питания человека и животных. Варьирование характерных признаков рыбы в различных описаниях раскрывает новые элементы концепта и способствует углублению познания национальной картины мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой энциклопедический словарь. М.: Большая российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 2004.
2. Воронова Л.А. Русская промысловая лексика рыбаков Беломорья. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1968.
3. Макаров В.И. Рыболовецкая лексика говоров Нижнего Дона. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1967.
4. Михеева Н.В. Рыболовецкая лексика русских народных говоров среднего и нижнего течения реки Урал. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1975.
5. Олесова Н.Г. Рыболовецкая лексика в говорах камчадалов. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2006.
6. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981-1984.
7. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 1998.
8. Даль В.В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. СПб.: ТОО «Диамант», 1996.
9. Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М.: Изд-во «Индрик», 1998.

Л.С.Зинковская

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ КОНЦЕПТА «ХЛЕБ» В ИДЕОГРАФИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ ГОВОРОВ СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ

На рубеже XX–XXI вв. в лингвистике отмечается стремление к интеграционному пониманию сущности языка как динамической системы, в центре которой находится человек. Современное языкознание проявляет особый интерес к проблемам возрождения национальной культуры, к изучению отдельных фрагментов языковой картины мира, к роли языка как одного из важнейших средств выражения специфики национального мировидения.

Структуризация знания о мире аккумулируется в определенных единицах – *концептах*, совокупность которых образует упорядоченную *концептосферу* данного народа

(Д.С.Лихачев). В работах Н.Д.Арутюновой, С.Г.Воркачева, В.В.Воробьева, В.В.Колесова, Е.С.Кубряковой, Д.С.Лихачева, В.А.Масловой, В.П.Синячкина, Ю.С.Степанова, И.А.Стернина, В.Н.Телии и др. освещаются вопросы теории концепта. В настоящее время является актуальным изучение языковой объективации концептов, поскольку семантическое пространство языка представляет исследователю достоверные знания о той части концептосферы, которая в нем репрезентирована (С.Г.Воркачев, Н.В.Гришина, М.Л.Житникова, Л.Б.Никитина, Н.В.Орлова, М.В.Пименова, С.А.Сергеев, Н.С.Смолякова, М.О.Сорокина, В.Я.Тихонова и др.). Кроме того, концепт является основополагающей, базовой категорией, характеризующей своеобразие диалектной концептосферы.

Диалектная концептосфера, являясь частью концептосферы русского языка, эксплицируется в диалектной языковой картине мира. Изучение народного мирозерцания и выявление особенностей национальной культуры посредством воссоздания наивной картины мира, воплощенной в диалектном слове, представляется актуальным в связи с проблемой исчезновения уклада традиционной народной культуры и ее компонентов.

Каждый регион обладает своей историей, этнической и геополитической спецификой, поэтому территориальные разновидности языка представляют интерес для исследователей. Представления о действительности носителей традиционного слоя диалекта характеризуются стабильностью и устойчивостью. Народные говоры – это аккумулятор значительного пласта представлений традиционной культуры, следовательно, когнитивное описание культурно значимых концептов национального существования предполагает обращение к разным формам языка, в том числе к диалектной сфере, отражающей речевую народную культуру [1, с. 168]. Исследованию фрагментов диалектной картины мира посвящены работы Л.Г.Гынгазовой, Т.А.Демешкиной, Г.В.Калиткиной, М.О.Сорокиной, М.А.Харламовой и др.

Наибольшей устойчивостью традиции характеризуется система питания человека, поэтому лексика питания является источником языковой, исторической и этнографической информации, а вопрос о составе пищи и способах ее приготовления является одним из важных элементов при изучении традиционной культуры (см. работы Л.И.Анохиной, С.В.Дмитриевой, М.А.Жигуновой (Плахотнюк), И.С.Лутовиновой и др.).

Ввиду малой изученности особый интерес вызывают говоры, бытующие на территории Среднего Прииртышья. По словам Б.И. Осипова, назревшей задачей диалектологии Прииртышья является создание монографических работ. Средним (или Омским) Прииртышьем принято называть территорию, расположенную в южной части Западно-Сибирской равнины и прилегающую к среднему течению р. Иртыш, на которой расположена Омская область. Исследуемые говоры с присущим им своеобразием языковой объективации национальных концептов, в том числе анализируемого концепта ХЛЕБ, занимают свою нишу среди говоров Западной Сибири.

Говоры Омской области, как говоры и других территорий позднего заселения, не представляют собой единой монолитной структуры, что связано с особенностями освоения региона. Прииртышье, как и другие территории Сибири, испытало несколько волн переселений, приведших к сосуществованию на территории области разных типов говоров.

Первоначально (конец XVII – первая половина XVIII вв.) на территории Среднего Прииртышья формируются старожильские сибирские говоры. Под старожильским говором в современной диалектологии принято понимать «такой говор Сибири, который характеризуется совокупностью фонетико-грамматических и лексико-фразеологических черт, выявленных на основе изучения речи потомков стародавнего населения Сибири (XVI – первая половина XVIII вв.) и имеющих общесибирское распространение» [2, с. 4]. Историки свидетельствуют, что русское население по нижнему и среднему течению Иртыша формировалось исключительно из северных областей Европейской России. Дальнейшее освоение сибирских земель осуществлялось за счет внутрисибирских ресурсов (М.А.Жигунова, А.Д.Колесников, А.А.Новоселова и др.).

Со второй половины XIX в. приняли массовый характер переселенческие потоки крестьян из южных и центрально-черноземных областей России, а также Украины и Белорус-

сии. Говоры переселенцев послужили основой для новосельческих и смешанных говоров, бытующих в наше время на территории Среднего Прииртышья. Названия многих деревень Омской области указывают на географию миграционных потоков в Прииртышье: Тамбовка, Рязановка, Орловка, Полтавка, Павлоградка, Таврическое и др. В XX в. Омская область принимает новую волну переселений (из Харьковской, Полтавской, Херсонской и Киевской губерний, Белоруссии, Латвии, Литвы, Польши, Чехии), вызванную окончанием строительства Транссибирской железной дороги, позднее – массовыми сталинскими репрессиями, затем – освоением целинных и залежных земель и другими причинами.

Длительный этнический контакт разнородного населения в пределах одного или нескольких близлежащих населенных пунктов приводил к интеграции южнорусской, украинской и белорусской лексики в составе старожильческих говоров. По замечанию редактора и составителей «Дополнений» к «Словарю русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья», «это взаимодействие русских старожильческих говоров с новосельческими говорами русского языка, а также с другими языками (украинским, белорусским) на территории Среднего Прииртышья является гораздо более интенсивным и сложным, чем на сопредельных территориях Урала и Западной Сибири» [3, с. 5-6]. Для обозначения русско-белорусских, русско-украинских, русско-чешских говоров и т.п. мы применяем рабочий термин *смешанные говоры*. Носители этих говоров общаются по-русски, но при этом могут сохранять многие фонетические, грамматические и лексические приметы языка своих предков.

Все возрастающая роль литературного языка приводит к нивелировке традиционной сибирской речи, поэтому перед диалектологами стоит задача не только успеть описать то, что еще остается в традиционной системе сибирских говоров, «но и оценить их современное состояние с позиции лингвоэкологии, то есть в связи с задачами их сохранения, осмысления их значения в судьбах русского языка, возрождения того ядра народной речевой культуры, которая всегда была присуща носителям севернорусской и сибирской речи» [4, с. 9].

Начальный этап исследования диалектной структуры Омской области характеризуется интенсивным сбором лингвистических фактов и изучением русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья. Материалы, собранные в диалектологических экспедициях, проводимых сначала Омским государственным педагогическим институтом, Томским государственным университетом, а позднее Омским государственным университетом в период с 1949 по 1984 гг., послужили основой для трехтомного «Словаря русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья» под редакцией Г.А. Садретдиновой, вышедшего в 1992–1993 гг. Результатом дальнейших лексикографических изысканий явились два тома дополнений к указанному словарю [5]. В этот период появляются исследования старожильческих говоров Среднего Прииртышья Н.А.Великой, С.Г.Грязновой, К.А.Копыловой, М.А.Курниковой (Харламовой), Н.К.Пахотиной, А.А.Пыхтеевой, Г.А.Садретдиновой и др.

После выхода «Словаря старожильческих говоров Среднего Прииртышья» и «Дополнений» возрастает интерес к старожильческим говорам, осуществляется изучение их лексической системы (Е.А.Глотова, Л.Н.Донина, А.А.Пыхтеева, М.А.Харламова, Е.А.Штехман, С.А.Шуйская, Н.Н.Щербакова и др.).

С 2001 г. начинается целенаправленное обследование ранее неизученных новосельческих и смешанных говоров юга, юго-востока Омской области. Привлечение записей живой речи носителей нестарожильческих говоров при исследовании фрагментов концептуальной системы говоров Среднего Прииртышья (концептов *ум, хорошо – плохо, животные, дом, лес, пространство* (Н.Ю.Бельская, О.А.Зайцева, М.А.Харламова и др.) дает яркое представление о диалектном разнообразии и особенностях диалектной картины мира Среднего Прииртышья. Собранные записи живой диалектной речи и материалы формирующейся картотеки послужат основой для понятийного этнолингвистического словаря, лексика которого будет отражать все особенности быта и традиций, своеобразие местных говоров [6], так как «описание диалектной концептосферы ставит перед исследователями задачу создания диалектных словарей нового типа, предполагающих обращение не к семантике слова, а к основным концептам народной речевой культуры» [7, с. 63]. Предметом словаря лингвоэтногра-

фического типа – «Понятийного словаря говоров Среднего Прииртышья» – должны стать основные, ключевые понятия, концепты, отражающие разные стороны жизни диалектоносителей исследуемого региона (труд, быт, обычаи и обряды, нравственные устои). Предлагаются следующие словарные статьи, например, М.А.Харламовой – статья ДОМ (на материале как старожильческих, так и новосельческих говоров) [6, с. 130-134], С.А.Шуйской – статья УЧАСТНИКИ СВАТОВСТВА, СВАТЫ (на материале «Словаря старожильческих говоров Среднего Прииртышья») [8, с. 138-141]. Словарная статья ХЛЕБ является одной составляющей Понятийного словаря и включает в себя материал, собранный в 1999-2005 гг.

На формирование концепта *хлеб* в говорах Среднего Прииртышья влияют экстралингвистические факторы: изменение уровня жизни людей, социально-экономической обстановки в стране, развитие научно-технического прогресса. Концепт ХЛЕБ репрезентируется в исследуемых говорах посредством оппозиции *домашний (хлеб) // магазинный (хлеб)*, обе части которой обладают своими маркерами. Концепт ХЛЕБ формируется оппозицией *хорошо // плохо*: хорошим считается хлеб, испеченный своими руками в русской печи. Положительная коннотация эксплицируется в текстах определениями *хороший, неплохой* (положительный по своим качествам) и сравнительной степенью наречия *лучше*: *дама́шиний минí лúчшэ, а да-ма́шиний-та хлéб харóший*. Маркерами хорошего хлеба являются определения *запашистый, вкусный, хороший подъем*. Лексемы, содержащие сему «некачественный, не соответствующий норме» (*сырой, пресной*), характеризуют магазинный хлеб. В противопоставлении домашнего и магазинного хлеба проявляется древняя оппозиция *свое // чужое*: хлеб является продуктом, приобретающим определенную значимость, поскольку сделан своими руками, а умение печь хлеб свидетельствует о трудолюбии и мастерстве хранительницы очага (*хлéб-жэ за-йм хадíть нáда как за-мáлым ребёнкам ... с-ым мнóга валакíты с-хлéбам*), покупной же хлеб, будучи продуктом массового производства, соотносится с *чуждым* пространством.

Концепт ХЛЕБ пересекается и с концептом ВРЕМЯ. Первая часть оппозиции (*домашний хлеб*) соотносится с планом прошлого посредством употребления наречия *раньше* и глаголов в прошедшем времени (*пекли, стряпала*): *хлеп былé исключительный и-фкúсный былé хлéп / не тó што цýс. Домашний хлеб* является символом культурной крестьянской традиции, характеризующим мать, которая умела печь вкусный хлеб: *я сама ни-стря́пала / но вí-дела, как ма́ма стря́пала; стря́пала хлéп ма́ма / а-мы ни-стря́пали*.

Приготовление хлеба представляет собой длительный и требующий терпения процесс. Будучи значимыми для жизни человека, его семьи, все этапы процесса хлебопечения получают обозначения (*ставить хлеб, ставить квашню, заводить хлеб, заводить опарку, садить хлебы*). Выпечка хлеба начинается с приготовления квашни (тесто), что эксплицируется в составных номинациях данного этапа, глагольный компонент которых определяет семантику начала, – *зачинять, учинять*. Основным компонентом в устойчивых сочетаниях, бытующих на территории Западной Сибири, служит глагол *творить* (приготавливать, растворяя) и его однокорневые образования *притворить, притваривать* (*творить квашню, притворить квашню*). Омоним со значением «создавать творчески» свидетельствует о древних представлениях, связанных с указанным этапом приготовления теста. Полученные во время экспедиций последних лет материалы свидетельствуют об исчезновении указанных фразеологических оборотов и об употреблении лексемы *квашня* в самостоятельной позиции. Глагольная составляющая словосочетаний выступает в форме общерусского глагола *делать*, который является гиперонимом для лексем *ставить, творить, подбивать* (*квашню, тесто, опару*), *заводить/завести*: *для-хлéба квашню́ дéлали*. Жительницы Среднего Прииртышья употребляют в речи ряд выражений, содержащих лексему *опара* (*опарка*). Некоторые из них (*заварить опарку, ставить (делать) опару, завести опарку*) обозначают весь процесс в целом, остальные словосочетания (*заправить опарку, запускать / запустить дрожжами опарку, запарить запарку*) называют этапы указанного процесса.

В говорах представлено сужение значения лексемы *хлеб* до «тесто»: *дрóбжжи взы́л за-месíл вот и хлéп; хлéп замишáит / ну кáдочька такáя была*. Лексема *дрожжи* как обозначение основного вида закваски оказывается включенной в оппозицию: *домашний (свой) // ма-*

газинный (покупной). Характеристикой дрожжей у хозяек выступают определительное местоимение *сам(а,и)* для подчеркивания личного участия в их изготовлении и притяжательное местоимение *свои* для противопоставления *нынешних* (не своих, покупных) и *самодельных*, сделанных своими руками. Самодельные дрожжи делали из *отрубей*, *хмеля*, *на остатке прошлой квашни (хлеба)*, что отражается в устойчивых сочетаниях *высушить (отрубями)*, *запарить (отруби)*, *квасить (из отрубей)*, *сушить (хмель)*, *варить (хмель)*. О популярности хмеля как вида закваски свидетельствует наличие устойчивых сочетаний с зависимым компонентом *хмельной*: *хмельные дрожжи*, *хлеб на хмельных дрожжах*, *хмельной хлеб*. Следующий этап – приготовление и брожение теста – характеризуется участием в номинации общерусских единиц: *растворить хлеб*, *завести хлеб*, *подбивать (тесто)*, *растронуться*, *растостаться (о тесте)* и др.

Изменение уровня жизни отражается на содержании лексико-семантической группы «Утварь, используемая для приготовления хлеба». Каждому этапу выпечки хлеба соответствует специальная посуда: для приготовления опары, квашни (*квашня*, *квашонка*, *квашоночка*, *квашинца*, *заквашенка*), для выскребания квашни (*квашенник*, *квашенный нож*), для посадки хлебов в печь (*хлебная лопата*), для размешивания теста (*весёлка*, *весёлочка*), для выметания золы с пода (*помелó*, *помельник*, *заметало*, *помельничек*). Каждый из перечисленных предметов домашней утвари получает в говорах определение *специальный*, используемый только при изготовлении хлеба: *специальная лопата*, *специальная кадоочка*, *специальный венник*. Выпечка хорошего хлеба невозможна без русской печи: *хлеп зна́йте какой вку́сный у́пёчки хоро́ший бы́л*. Одной из причин исчезновения домашнего хлебопечения является замена русских (*хлебопёчных*) печей, издавна служивших русскому человеку, газовыми плитами (*газом*): *в-разу́ пикý // щас ны-у-когó нет [русской печи] / щас культóрны ўсё; я бес-пёчки нигдá де пичёнье спечь ... де хлéба; ф-пёчки лúчыы / пёчка рúска лúчыы / жáру бóльшы*. В духовке газовой плиты хороший хлеб не получается из-за слабого жара, малого размера духовки. Кроме того, печь является принадлежностью своего пространства, а газовая плита, как продукт массового изготовления, соотносится с чуждым пространством, что выражается характеристикой плиты лексемами, содержащими сему «не соответствующий норме». Отметим, что зафиксированные названия утвари, используемой для выпечки хлеба, свидетельствуют о диалектном многообразии Среднего Прииртышья и о сохранении номинаций, бытующих в говорах с разной диалектной основой: *квашня*, *дежа*, *помело*, *крыло*, *под*, *чирина*.

Диалектные словари фиксируют изначальное значение лексем *пирог*, *калач*, *булка* – «пшеничный хлеб», отмеченное в словаре В.И.Даля. *Калач* был символом зажиточности и богатства, достатка, что нашло свое отражение во фразеологических оборотах: *березовые калачи* «о сытной праздной жизни» (насм.); *на березовые калачи поехали*; *на березе калачи искать* (искать праздной жизни); *калачики висятся* (беззаботная, полная изобилия жизнь) (ирон.). Из обозначений пшеничного хлеба в говорах сохраняется лексема *булка*.

Великая Отечественная война также повлияла на изменение содержания концепта: жители исследуемого района весь выращенный хлеб отдавали фронту, поэтому одним из репрезентантов концепта ХЛЕБ выступает семантическое поле «Хлеб военной поры». Исследуемый концепт эксплицируется в оппозиции *хлеб для фронта, для победы // без хлеба (ничего) для себя: ни-хлéба / ничё нé-была / недáром жэ фсё для-фрóнта / фсё для-пáбеды // вот так мы астава́лись и бес-хлéба и бес-ничеуó / каласкй сабирáли ходы́ли*. Вторым хлебом в трудные годы становится картофель: *прóста за-хлéп éли éту картóшку*; при его отсутствии в ход шли травы: *где трава́ / где хлéп .. чё мы éли*. Содержание концепта ХЛЕБ расширяется за счет номинаций так называемого суррогатного хлеба, образованных от единиц, называющих основной ингредиент: *липняк* (липа), *картопляники* (картофель), способ приготовления: *драники* (драть), вызываемый ими эффект: *тошнотики* (от глагола *тошнить*). В большинстве же случаев вместо хлеба употреблялась лексема *лепешка*, которая стала означать изделие из смеси муки, мерзлой, гнилой картошки или растущих трав: *лепёшки дéлали с-марóженной картóшки; и-липёшки пёкли с-э́тава-жы [либеды, крапивы] и-э́ли э́та-жы / бывáла урóниши сваю́ липёшку / то ни-зна́ши што падаб́рать / э́та карафска́ или сйидóбная / вот так мы жы́ли*.

Отмеченные особенности языковой репрезентации концепта ХЛЕБ на территории Среднего Прииртышья отражаются в «Понятийном словаре говоров Среднего Прииртышья».

Построение словарной статьи

«Понятийного словаря говоров Среднего Прииртышья»

Словарная статья состоит из нескольких компонентов:

- 1) Ключевое слово (понятие).
- 2) Толкование значения ключевого слова (понятия).
- 3) Синонимы ключевого слова, которые располагаются по алфавиту. По возможности приводятся этимологические сведения.

4) Грамматические и стилистические характеристики слов, которые обозначают то или иное понятие, традиционны: имена существительные даются в им. пад. ед. (мн. – для слов *pluralia tantum*) числа с указанием род. пад. ед. (мн.) числа и грамматического рода. После грамматических помет могут быть даны пометы, характеризующие слово с точки зрения а) сферы употребления (спец., фольк.); б) активного – пассивного использования (устар., нов.); в) эмоционально-экспрессивной окрашенности (сниж., неодобр., ирон., ум.-ласк. и др.).

5) Лексическая и синтаксическая сочетаемость (А) слов, репрезентирующих понятие. Если выражение приобретает новый смысл, то дается его краткое объяснение. Для иллюстрации синтаксических связей слова указываются наиболее типичные словосочетания, которые показывают употребление данного слова с теми или иными дополнениями, предложениями и т.п.

6) Качества (В) предмета окружающей действительности определяются посредством привлечения наиболее типичных словосочетаний ключевого слова с тем или иным определением.

7) Устойчивые сочетания (С) даются со знаком $\diamond$.

8) Иллюстративный материал (в фонетической орфографии, с постановкой ударения, с написанием проклитик и энклитик через дефис с фонетически самостоятельным словом) сопровождается локальными пометами: населенный пункт, район Омской области, в котором была произведена запись. Кроме того, указывается либо национальная принадлежность, либо говор (старожильческий, новосельский, смешанный) информанта и его возраст на момент записи.

Образец словарной статьи «ХЛЕБ»

1. ХЛЕБ «тесто» (ДЕЖА, КВАШНЯ, ТЕСТО, ХЛЕБ)

1.1. Дежа, и sg. f., ж.

А.

Завести дежу «замесить»

И-зави́ли дежу́ / ана́ [дежа] ста́йт там фкíсла (Черлак, Черлакский, белор., 85 л.).

1.2. Квашня, и sg. f., ж.

С-ка́ждой *кваши́ни* ана́ [мать] аставля́ла тако́й *калабо́чик* / дражжéй жé нé-была (Елизаветинка, Черлакский, новосел., 69 л.);

Ну-вот эта *кваши́ня* на-хлеп я вам рассказывала эта *кваши́ня* (Соляное, Черлакский, старож., 74 г.).

А.

Делать квашню (для хлеба)

Для-хле́ба кваши́ню де́лали / пекли́ хлеп ... *Квашня́* эта *для-хле́ба* те́сто ме́сит / а-эта *кваши́ня де́лаица* / какую вы име́ите в-виду́ *кваши́ню* / ра́ньшэ у-нас называ́лась так ва́пщэ кула́уа ... эта была́ ржанáя мука́ з-ржанóй муки́ вод де́лали (Черлак, Черлакский, укр., 78 л.);

Ква́шню как *де́лала*? Сра́зу немно́шка зава́ривалал ф-чём-нибу́ть в-ма́линькай пасу́динки те́ста (Елизаветинка, Черлакский, старож., 83 г.).

Заводить (квашню) «замесить»

Ква́шини сваё *завады́ли* ф-пéчки в-ру́скай пикли́ (Соляное, Черлакский, старож., 80 л.).

Подбить (квашню) «вымешивать, обминать тесто»

Кваши́ню на́да *пазбива́ть* (Большой Атмас, Черлакский, старож., 83 г.).

Подняться (о квашне) «вспучиваться»

Чисоф ф-шэсть ты фстаниш падмиси и-глидиш у-тебя маленька погода квашня подымица (Сыщикова, Седельниковский,?, 69 л.).

1.3. Тесто, а, sg. t., ср.

А.

Делать тесто

Тэсто дрожжи дэлали сами хмель туда и хмель рвали потом атрубя туда дрожжэй бросим ... вот ад-дрожжэй он подымица / ни-пакупали дрожжэй ни-знали (Новосанжаровка, Русско-Полянский, новосел., 75 л.);

Делают сначала апарку заваривают муку / размачивают дрожжи с-хмелям / ани распу-стяца / жом атажмут эта отруби-та а-эту жыткасть вливают в-этат тэста дэлали квашню (Черлак, Черлакский, старож., 85 л.).

Заводить тесто (на хлеб) 'замесить'

Мы на-хлёп заводылы тэсто / мы картошки наварым натолчем а-патом опару разводым заводым на-дрожжах она пидходит тры раза а-патом начинаем разводит тесто / на-воде мы разводылы для-хлёба вот шо ага (Большой Атмас, Черлакский, укр., 84 г.).

Запустить тесто 'замесить'

А-тэсто як опарку парили дрожжами запускали / дрожи я свой делала / отруби и-хмель завариш патом запустеш / потом замесиш их отрубями / стояли шоп не-посохнуть и тоди это запускаиш тэсто и-опарка называлесь опарка // де скоко там уже нада тоуо хлёба ставеш (Славянка, Нововаршавский, укр., 84 г.).

Разводить тесто (на хлеб) 'замесить'

И-щяс немношка падруоому / вот тэсто разведёш / туда положем дрожжэй ну на-чем на-молочке или на-воде на-чем хочеш и-вот ано паднимаеца (Славянка, Нововаршавский, новосел., 62 г.).

Подниматься (о тесте) 'вспучиваться'

И-вот ано [тесто] паднимаеца рас паднимаеца еуо перемешаеш фтарой трэтий рас ужэ вымешываеш (Славянка, Нововаршавский, новосел., 62 г.).

Подойти (о тесте) 'вспучиваться'

Жом атажмут / эти отруби-та из-атрубей а-эту жыткасть вливают в-этат тэста и-анá далжна падайти (Черлак, Черлакский, старож., 85 л.).

В.

Хлебное тесто

Эта хлебнае тэста / здобна па-другому печёца (Соляное, Черлакский, старож., 74 г.).

1.4. Хлеб, а, sg. t., м.

С-каждой квашни ... этат калабочик аставался в-этай кадачки да-слéдущева хлёба / вот слéдущий хлёп апять ана этат размешывала калабочик с-мукой и-ставила ... пака ано закиснет (Елизаветинка, Черлакский, новосел., 69 л.).

А.

Заквашивать хлеб 'подвергая брожению, вызывать закисание'

[дрожжи] паднялись кверху / начит нада типерь ужэ заквашивать хлёп / кагда я памешала тэста теперь этай дрожжи значит рас ф-тэста и-сё разме-шываиш харашо / ёсли ты хочиш штóбы здобный был хлёп нада на-малаке размешывать / нада яйц туда разбить (Черлак, Черлакский, новосел., 81 г.).

Месить хлеб 'мять, перемешивая хлебное тесто'

Ну пака ано закиснет / ано закисало патом ана вытаскивала / месила так как щяс вот хлёп месят / замесит (Елизаветинка, Черлакский, новосел., 69 л.);

Тры коўшыка выливаю воды дрожжэу кынула / посолыла и-месю ўо цэ ўёсь рэцэпт / нычэ потому-шо иво надо хорошо хорошо вымисить да / ўоцэ шо хліт / шо ўлыну мисы ма-зат ёслы ўлыну не-вымисыш ты мазат нэ-бўдыш ... то ужэ нэ-ўлына / я цэ и-хліт / то самó ўот еуо надо вымисить вымисить харашо и-я еуо ужэ домышываю / я еуо мисю ани ужэ питхóдэ ... а я ўот так заток еуо як попало нэ-садил бы як попало / кырпич-бы бўў и фсё (Тургеневка, Калачинский, укр., 71 г.).

Ставить хлеб ‘подвергая брожению, вызывать закисание’

Гаваріли ста́вить я на-за́фтра ста́влю хлѐп (Черлак, Черлакский, старож., 85 л.);

Тоді ёто запуска́иш тѣсто и оп́арка называ́лесь оп́арка // де ско́ко там ужé на́да то́го хлѐба ста́веш (Славянка, Нововаршавский, укр., 84 г.).

С.

◊ **Зачинить хлеб (уст.)** ‘ставить хлебное тесто’

Гаваріли ста́вить я на-за́фтра ста́влю хлѐп зачина́ю хлѐп (Черлак, Черлакский, старож., 85 л.).

◊ **Учинять хлеб (уст.)** ‘ставить хлебное тесто’

Я значіт паста́вила ап́арку / учиню́ хлѐп учиню́ хлѐп (Черлак, Черлакский, старож., 85 л.).

2. ЗАКВАСКА ‘закваска’ (ДРОЖЖИ, ЗАКВАСКА, ОПАРА, ОСТАТОК ТЕСТА, ОТРУБИ, ХМЕЛЬ)

2.1. ДРОЖЖИ, ей, pl. t.

Сразу дро́жжи нама́чить / шоб дро́жжы бы́ли уа́товы / а па́том э́та // э́та оп́ару зде́лали / ана асты́нит / чю́ть-чю́ть те́плинка́я бу́дит туды дро́жжы/ ана начинѐт уу́лять (Нововаршавка, Нововаршавский, новосел., 73 г.);

Хмель сва́риш па́том э́та атру́бьями / па́том пады́мица / па́том ужé с-атру́бьями вы́сушыш / вот и-дро́жжы (Большой Атмас, Черлакский, старож., 83 г.);

[тесто делали] хто ка́к / хто ка́к-та ис-карто́шки де́лали ... сичя́с дро́жжы фся́кие сухи́е фся́кие (Большой Атмас, Черлакский, старож., 83 г.).

А.

Делать свои (дрожжи)

И-сва́й дро́жжы де́лаеш фсе́ равно́ на́да немно́шка / магази́нных дражѐй / туда што́бы хоро́шие дро́жжы (Большой Атмас, Черлакский, старож., 72 г.);

Щя́с дро́жи а-ра́ньшэ сва́й дро́жжы де́лали с-атрубе́й (Большой Атмас, Черлакский, старож., 83 г.).

Квасить (дрожжи)

А-самоде́льные дро́жжы квасили из-атрубе́й / заква́шывали пра́цяжа́ли в-гаршкі́ слива́ли э́та-вот / была́ заква́ска (Черлак, Черлакский, новосел., 81 г.).

Подойти (о дрожжах)

Пака́ ма́й дро́жжы пада́йдут / дро́жжы тепѐрь ста́ли в-магазі́не савреме́нные па́ложыш ф-стаканчик / кусо́чик тако́й вади́чкай чю́ть свѐрху са́харам обяза́тельна пасы́пиш (Черлак, Черлакский, новосел., 81 г.).

В.

Магазинные, магазинские (дрожжи)

А-тагда ва́щце́ дражѐй не́-была // э́та сейча́с ка́кта и-сва́й дро́жжы де́лаеш фсе́ равно́ на́да немно́шка / магазі́нных дражѐй / туда што́бы хоро́шие дро́жжы (Большой Атмас, Черлакский, старож., 72 г.);

Тада́ пада́бѐш э́тат хмель / ва́зьмѐш карто́шычы́ки туды пасо́чыш вот карто́шычы́ки / што́п папы́шнѐй был хлѐп / а-сичя́с-та на-дро́жжях дро́жжы магази́нские (Большие Уки, Большеуковский, старож., 84 г.).

Самоде́льные (дрожжи)

А-самоде́льные дро́жжы квасили из-атрубе́й (Черлак, Черлакский, новосел., 81 г.).

Хмельные (дрожжи)

У-нас бы́ли дро́жы хмельны́и де́лали хмель ... мы ево ва́рили па́том / он кагда́ сва́рица э́тат хмель / мы ево э́тим о́трубьями атру́бьями ево / ну вот натре́м вы́сушим вот э́ти хмельны́и дро́жы мы их па́том ... хмельны́е дро́жы называ́ица на-хмельны́х дражѐх был хлѐп (Соляное, Черлакский, старож., 68 л.).

С.

◊ **Печь на дрожжах**

Хмельны́е дро́жы называ́ица на-хмельны́х дражѐх был хлѐп (Соляное, Черлакский, старож., 68 л.).

2.2. закваска, и ж.

А-самодельные дрожжи квасили из-атрубей /заквашивали працажали в-гаршкі сливали эта-вот / была закваска / а-щяс проста бері скока тебе нужна хлёба (Черлак, Черлакский, новосел., 81 г.).

2.3. Опара, ы, sg. t., ж.; Опарка, и, sg.t., ж.

Эта опара эта ужэ здэсь пасавременау / а тагда / а тагда вапщэ дражэй нэ-была // эта сейчяс какта и-свай дрожжи делаеш (Большой Атмас, Черлакский, старож., 72 г.).

А.

Вымачить опару

Ранышы бываит вымачили опару дрожи туда / а-щяс типерь магазинское теста туда соли вады / здобна на-малачке так малака йяиц туда сахару / щяс дрожи а-ранышэ свай дрожжи делали с-атрубей (Большой Атмас, Черлакский, старож., 83 г.).

Делать, сделать опару

Ну вот натрём высушым вот эти хмельныи дрожжи мы их патом ...я воду закипила опару зделала и замачила (Соляное, Черлакский, старож., 68 л.);

Опару дйяли // эта опару зделали / ана астынит ... и на-ночь зделайут / а-утрам замишу, замишу а-патом ужэ ана раза два три раза подойдёт на-противинь и-ф-печку сажать (Нововаршавка, Нововаршавский, новосел., 74 г.).

Заварить опарку

Заварю опарку ну-там дапустим ну-урам двести муки (Соляное, Черлакский, старож., 74 г.).

Заводить (опару) 'замесить'

Мы на-хлел заводылы тесто / мы картёшки наварым натолчем а-патом опару разводым заводым на-дрожжах она пидходит тры раза а-патом начинаым разводйт тесто / на-водэ мы разводылы для-хлёба вот шó ауа (Большой Атмас, Черлакский, укр., 84 г.).

Заправить (опарку) 'замесить'

Астынит / заправиш опарку дражжями / эта хлебное теста (Соляное, Черлакский, старож., 74 г.).

Запустить (опару, тесто) 'замесить'

Отруби / надо дрожэй маленёко шоб запустит эту опару и-вымесиш их тесто / отрубямы высушыш и патом скока надо ў-тесто лóжыш эти дрожэй / онó подходит (Нововаршавка, Нововаршавский, укр., 80 л.);

А-тесто як опарку парили дрожжами запускале / дрожи йа свой делала ... тодй ёто запускаиш тесто и опарка называлесь опарка // де скоко там ужэ нада тоуо хлеба ставеш (Славянка, Нововаршавский, укр., 84 г.).

Поставить опарку 'приготовить'

Я значит паставила опарку / учиню хлел (Черлак, Черлакский, старож., 85 л.).

Ставить опару 'приготовить'

Меня мама так учила ставили опару скипячю воду муки завариваю эту муку пускаю дрожжи / дрожжи пуцю / ана да-вечера напимер утрам зделаим [опару] да-вечера ана пастайт / а-вечерам / я падбиваю (Соляное, Черлакский, старож., 68 л.).

Парить опару (дрожжами), вымачивать

А-тесто як опарку парили дрожжами запускале / дрожи йа свой делала / отруби и хмель завариш патом запустеш / потом замесиш их отрубями (Славянка, Нововаршавский, укр., 84 г.).

С.

♦ Гулять (об опаре) 'вспучиваться'

Опару дйяли ... ана астынит / чють-чють тёплинькая будит туды дрожжи / ана начинёт уулять / патом эта ужэ пастайит и на-ночь зделайут (Нововаршавка, Нововаршавский, новосел., 73 г.).

♦ Ходить (об опаре) 'вспучиваться'

А-проста падбиваю сахарку маленёка мукички падабью начинаёт опарка хадить (Соляное, Черлакский, старож., 74 г.).

♦ *Печь на опаре*

Вот кагда пичёш хлѐп / аставляеш камóчек тѣста / и-вóт ево палóжыш у-бáнку или кúда на-слѣдующий рас / патóм ево водíчкой тѣплай разбáвиш / и-онó стáйт и-онó палучяеца апáра / падхóдит это апáра / пеклí на-анáре / фсѣ дѣлали (Черлак, Черлакский, укр., 78 л.).

2.4. отруби, pl.t.

Ну дрóжы дажы сáми дѣлали дрóжы // óтруби – надо дрóжэй малéнько шоб запус́тíть éту опáру и в́ymesииш их тѣсто / отрубя́мы в́ысушыш и патóм скóка нáдо ў-тѣсто лóжыш эти дрóжэй / онó подхóдит и-выпекáли хлѐп (Нововаршавка, Нововаршавский, укр., 80 л.).

2.5. остаток теста

Хлѐп када спикúт / аставляли мáлинький кусóчик (Соляное, Черлакский, старож., 80 л.);

Вот кагда пичёш хлѐп / аставляеш камóчек тѣста (Черлак, Черлакский, укр., 78 л.);

С-кáждой квашн́и анá [мáть] аставляла такóй калабóчик / дражéй жэ нé-была / заквáшы-вать нéчем б́ыла / и вóт éтат калабóчик аставáлся в-э́тай кáдачки да-слѣдущева хлѐба / вот слѣдующий хлѐп апя́ть анá éтат размѣшывала калабóчик с-мукóй и стáвила на-скóко там йа не-знáйю / на сýтки ли тáм / нá ночь или ну пáка анó закíснет (Елизаветинка, Черлакский, новосел., 69 л.).

2.6. Хмель

Рамáчивают дрóжжы с-хмѣлям / анí распúстяца / жóм атажмúт éта óтруби-та а-э́ту жы́ткасть вливáют в-э́та тѣста дѣлали квашн́ю (Черлак, Черлакский, старож., 85 л.).

3. Утварь для приготовления теста

3.1. кадушечка

Ну-тѣста завóдиш щяс эмалирóванные вѣтли / а-рáньшэ ди́ривя́ные такíе каду́шычы́ки мáлинькие такíе (Большие Уки, Болшеуковский, старож., 80 л.).

3.2. квашонка

Кíслава тѣста аставляиш вон ф-квашóнки закисáет (Большие Уки, Болшеуковский, старож., 79 л.).

3.3. квашонный нож

Взя́ли анí нóж вот – э́та квашóной назывáца/ нóжык та вот/ квáшню-та/ кагда стря́паш и / висѣлку-та аскрибáш нóжычка́м так и лижы́т э́та-уш адѣльна (Большие Уки, Болшеуковский, старож., 84 г.).

II. ХЛЕБ ‘выпекаемый продукт из муки’

А.

Выпекать хлеб

Ў-тѣсто лóжыш эти дрóжэй / онó подхóдит и-выпекáли хлѐп (Нововаршавка, Нововаршавский, укр., 80 л.).

Испечь хлеб

Хлѐп када спикúт / аставляли мáлинький кусóчик (Соляное, Черлакский, старож., 80 л.);

Так мáть хлѐп когда испечѣт ему [брату] ф-тря́почку завя́жыт и даѣт ему сосáть он весь день-то и-сыт (Большеречье, Большереченский, старож., 76 л.);

[но́чью] срóду не-хожú // я по-двá рáза стря́пню испекáю / дáжэ двá рáза такóй хлѐп испеклá / кúрники и-такóй хлѐп ф-плитѣ / зачѣм мúчица но́чью фставáть (Сыщиково, Седелниковский,?, 69 л.).

Печь (хлеб), ку, кѣшь или ку, чѣшь

Ў-пѣчки хлѐп пиклí суп варíли и борщ картóшку тушы́ли (Стародубка, Калачинский, новосел., 74 г.);

Глиноб́итка у-на́с б́ыла большáя ф-ней фсѣ хлѐп пеклí / глиноб́иткой у-на́с пѣчку звáли / во-фсех дамáх такí б́ыли (Большеречье, Большереченский, старож., 76 л.);

Апáру дѣлала хлѐп пѣчь / дрóжжи молочкóм и тѣсто развад́ила и пеклá / шáньги стря́пала / пеклá хлѐп / а-патóм сметáной э́во смáзывала (Большеречье, Большереченский, старож., 76 л.);

Тáма балы́шáя [печь] хлѐп пикѣш в-ей и фсѣ / пиклá фсѣ врѣ́мя пакá мау́ла (Архангелка, Калачинский, новосел., 86 л.);

Эта труба для-печи када печь хлѣп никѣм мы эту трубу аткрываим / пасодим хлѣп ў-печь трубу закрываим штоп там жар ни-выхади́л / а-эта для-плиты́ то́пим ... а-печь то́пим када хлѣп никѣм то́лька а-так мы иѣ ни-то́пим (Стародубка, Калачинский, новосел., 74 г.);

Осенью на-капу́сных листа́х хлѣп никли́ / фкуснее́ был / на-по́т листы́ кла́ли / свѣрху хлѣп / фкус друго́й был / туда́ ешшо́ чо́и ста́вили на-по́т (Большеречье, Большереченский, старож., 73 г.);

И-со-ржы́ де́лали хлѣп никли́ / ражаной́ ўку́сный хлѣп / но-в-евó собира́ли ў-по́ле кмѣ́н и-евó быва́ла када́ выка́тывае́шь хлѣп бро́сиш туда́ кмѣ́ну немно́шко помеша́еши́ получа́ица та-ко́й пы́шный душы́стый (Такмык, Большереченский,?, 79 л.);

И то ў-то́м домо́ви пе́чка ста́яла та шо́п хлѣп пекты́ ... две пе́чки в-до́м / в-одно́й мы пекли́ хлѣп там фсе́ стря́пали / та́ж пе́чка в-кото́рай хлѣп там зде́лана-та (Славянка, Нововаршавский, укр., 84 г.);

Высе́ивали там-муку́ и-карто́шки те́рли туды́ завади́лы и-никли́ от-так жы́ли // [из ржа-ной му́ки] то́жы та́гжы пикли́ (Соляное, Черлакский, старож., 80 л.).

Печься (о хлебе)

Ра́ньшэ́ бы́ли побóльшэ́ / вот э́та пекѣца́ чя́с и-ещó ф-пе́чке пады́мица хлѣп вот и вы́та-щим (Новоросийка, Нововаршавский, новосел., 65 л.).

Покупать (хлеб)

Нет хозя́йства нет покупа́м дрова́ хлѣба́ дочь карто́шку копа́т (Такмык, Большереченский, старож., 81 г.);

[пекли] хлѣп да / а-щя́с мы покупа́им (Нововаршавка, Нововаршавский, укр., 80 л.).

Пропекаться (о хлебе)

А-хлѣп как хлѣп был / вот как и-щя́с // а тот тако́й ўладе́нький / свѣрху и хоро́шо он про-пика́лся (Новосанжаровка, Русско-Полянский, новосел., 75 л.).

Стряпать (хлеб)

А-ле́там хлѣп то́лька стря́тали [в печке] (Елизаветинка, Черлакский, старож., 83 г.).

В.

Вкусный (хлеб)

Тапе́рь тапе́рьча́ тако́ва хлѣба́ нет как ра́ньшы́ был / идѣ́ш на-у́лицы фку́сным па́хнит а-щя́с нет (Большие Уки, Большеуковский, старож., 82 г.).

Булка ‘единица, штука хлеба’

Мне дихла́хфо́с нужо́н / да хлѣба́ бу́лку возьму́ (Петрово, Тарский,?, 85 л.);

Я фсе́уда́ ду́мала вот бы бу́лка хлѣба́ упа́ла и я оддала́ е́ти я́годы а-сичя́с кане́ш ужэ́ сафсе́м дру́о́е де́ла // кане́шн [тя́жело с хле́бом] не́щева́ бы́ла печь (Славянка, Нововаршавский, новосел., 62 г.);

Сади́ть хлѣп ... и-вод бу́лку выката́иш на-э́там на-лапа́ту / ф-пе́чку то́лька шу́рх и-ф-пичи́ паса́диш (Черлак, Черлакский, старож., 85 л.).

Пышный (хлеб)

Тада́ падабе́ш э́та хме́ль / вазьме́ш карто́шычы́ки туда́ пасо́чыш вот карто́-шычки́ / што́п папы́шней был хлѣп (Большие Уки, Большеуковский, старож., 84 г.).

Тада, раньше // таперьча

Тада́ падабе́ш э́та хме́ль / вазьме́ш карто́шычы́ки туда́ пасо́чыш вот карто́-шычки́ / што́п папы́шней был хлѣп (Большие Уки, Большеуковский, старож., 84 г.);

Тапе́рь тапе́рьча́ тако́ва хлѣба́ нет как ра́ньшы́ был / идѣ́ш на-у́лицы фку́сным па́хнит а-щя́с нет (Большие Уки, Большеуковский, старож., 82 г.).

С.

Встречать с хлебом(-солью)

Кагда́ ат-винца́ жы́ни́х с-ниве́стай при́ехали / ате́ц с-ма́тирю с-хлѣ́бам их фстри́чя́ют (Большеречье, Большереченский, старож., 82 г.);

Фстрѣ́чя́ли молоды́х роди́тели у-воро́т то с-хлѣ́бом с-со́лью ну и вот кто бо́льшэ́ отку́сит (Крутинка, Крутинский,?, 86 л.).

Садить, сажать (о хлебе)

Тре́тий рас ужэ́ выме́шывае́ш и ф-фо́рмачки сажа́еши́ чя́с де́с чя́с петна́ц ужэ́ хлѣп ўато́ф (Славянка, Нововаршавский, новосел., 62 г., Нововаршавский);

Ну-и патом ужэ эта иво ну-от испикёш сади́ли в-ру́скую пёчку / в-ру́ской пёчки пикли́ фсё время ... када хле́п пасáдиш закрóиш на-заслóнку / глиди́ш как начина́ит зажа́риваца ру-мяница хле́п бу́лачки и-калачи́ аткрóиш а-плóха апя́ть закрывáиш / а-лётam хле́п то́лька стря-пали [в печке] (Елизаветинка, Черлакский, старож., 83 г.);

И-эта по́т ко́минь по́т / там ўот де хле́п со́дим то пот назывáецца (Стародубка, Калачинский, новосел., 74 г.).

♦ *Посадить, посодить (о хлебе)*

Ани́ ево́ [хлеб] сади́ли пря́ма на-печь на-по́д пасáдят и-смо́трят патом ско́ко че́рес чяс палта́ра выта́скивали ну-хле́п дефчята фку́сный (Елизаветинка, Черлакский, новосел., 69 л.);

Эта там заслóнка закрывáица на-заслóнку када хле́п пасáдиш закрóиш на-заслóнку (Елизаветинка, Черлакский, старож., 83 г.);

Та́ма ба́льшая [печь] хле́п пикёш в-е́й и фсё / пикла́ фсё время пака́ мау́ла / а-типéрь ви́диш зрэ́ние пати́рýла я и ни-мау́у ни-ви́жу шо паса́жу да и-зуа́рит ўде и што та́м (Архангелка, Калачинский, новосел., 86 л.);

Эта труба́ для-печи́ када печь хле́п пикём мы э́ту трубу́ аткрывáим / пасóдим хле́п ў-печь трубу́ закрывáим штоп там жар ни-выхади́л / а-печь то́пим када хле́п пикём то́лька (Стародубка, Калачинский, новосел., 74 г.).

♦ *Ставить (о хлебе)*

А ф-печи́ бы́ло тако́е ме́сто куда́ жар загреба́ли / вот сна́чала дров на́ложат ф-печь и-прото́пят ... а на-горну́шку уш то́гда и-хле́п ф-печь ста́вили и-кардо́шки пекли́ (Большеречье, Большереченский, старож., 68 л.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Демешкина Т.А. Во что верят и что знают жители сибирского села // Языковая концепция регионального существования человека и этноса. Материалы II Всероссийской конференции, посвященной памяти проф. И.А.Воробьевой. Барнаул, 2005. С. 168–173.

2. Блинова О.И. О термине «старожильческий говор Сибири» / О.И.Блинова // Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Томск, 1971. С. 3–9

3. Осипов Б.И., Шуйская С.А. Предисловие // Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья: Дополнения / Отв. ред. Б.И.Осипов. Омск, 2003. Вып. 2. С. 3-7.

4. Шарифуллин Б.Я. Проблемы этимологического изучения русской лексики Сибири (экспрессивный фонд языка): автореф. дис. ... докт. филол. наук. Томск, 1998.

5. Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья / Под ред. Г.А.Садретдиновой. Томск, 1992–1993. Т. 1–3; Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья: Дополнения / Отв. ред.Б.И.Осипов. Омск, 1998. Вып. 1; Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья: Дополнения / Отв. ред. Б.И.Осипов. Омск, 2003. Вып. 2. (Доп. 2).

6. Харламова М.А. Лексикографический проект омских диалектологов // Языковая концепция регионального существования человека и этноса: Материалы II Всероссийской конференции, посвященной памяти проф. И.А. Воробьевой. Барнаул, 2005. С. 130–134.

7. Демешкина Т.А. Способы описания концептов диалектной культуры // Картина мира. Модели. Методы. Концепты. Томск, 2002. С. 59–67.

8. Шуйская С.А., Белкина Н.П. Свадебный обряд в проекте идеографического словаря (на материале русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья) // Народная культура Сибири: материалы XI научно-практического семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. Омск, 2003. С. 138–141.

ОСВОЕНИЕ СИБИРИ В ГЛАГОЛЬНОМ ВЫРАЖЕНИИ (XVII в.)

В настоящее время среди всех возможных обозначений глобального для истории Российского государства события, каким стало открытие Сибири в XVII в., слово *освоение* употребляется чаще всего, являясь, по-видимому, наиболее предпочтительным в ряду возможных: *присоединение, завоевание, колонизация*. В XVII в. «открытие и скорое приведение в нынешнее состояние сей пространной, неизвестной и вовсе дикой земли...», которым был потрясен академик П.С.Паллас всего век спустя [1, с. 140], если обозначалось, то как *взятие Сибири* [2, с. 65-77]. Однако при таком употреблении *Сибирь* – это не вся *Сибирская земля* или *Сибирское царство*, а лишь *град Сибирь*.

Интересен вопрос, как процесс продвижения русских людей по огромной территории Сибири отражен в языке XVII в. Историки отмечают, что это было созидательное продвижение, когда в считанные годы, от силы – десятилетия, появились в новых землях остроги, острожки, заимки, деревни и города, стали развиваться промыслы и ремесла, началась сибирская хлебная запашка. Русские люди, писал английский исследователь Дж.Бейкер, совершили «такой подвиг, который навсегда останется памятником их мужеству и предприимчивости и равного которому не совершил никакой другой европейский народ» [Цит. по 1, с. 48]. Великие просторы Сибири должны были быть осмыслены русским человеком, а языковые средства (прежде всего лексика) должны были адекватно передавать это практическое и мысленное освоение местных реалий.

Материалом нашего исследования послужили данные трех сибирских исторических словарей [3, 4, 5] и текстов деловых документов Томского и Кузнецкого острогов XVII в. Исторические словари русского языка содержат богатейший лексический материал, свидетельствующий о процессах освоения русскими Сибири. Вследствие чего необходимо его разноаспектное изучение в соответствии с принципами и методами современной лингвистики. В работе рассматриваются глаголы, выражающие идею освоения пространства в русском языке Сибири XVII в.

Основанием для выборки явилась семантика глагольных лексических единиц, обозначающих действия русских первопроходцев и первопоселенцев на сибирской земле. Совпадения лексики в исследуемых источниках, словники которых формировались на основе различных документов местной деловой письменности, явились свидетельством актуальности лексических единиц в языке первых русских сибиряков и основанием для выводов о выражении этой лексикой языкового сознания русских людей в Сибири XVII в.

В «Словаре русского языка XI – XVII вв.» не зафиксировано существительное *освоение*, в настоящее время обозначающее действие по глаголу *освоить* – *осваивать* «научиться пользоваться чем-л., употреблять что-л., овладеть чем-л. // включить в круг своей хозяйственной деятельности», и существительное *присоединение*, обозначающее действие по глаголу *присоединить* – *присоединять* «соединить что-л. с чем-л. другим, основным, прибавить что-л. к чему-л.» [6]. Не зафиксирован в общерусском историческом словаре и глагол *присоединить*. Глагол же *освоить* в XVII в. имел значение «присвоить, сделать своей собственностью» [7]. В трех сибирских исторических словарях XVII – начала XVIII вв. [3, 4, 5] лексемы *освоить, освоение, присоединить, присоединение* также не отмечены.

Лексические единицы *простор, простертость, простертие, простирание, пространство, пространствие, простирати, простиратися, пространяти, пространятися* и др. были известны в русском языке, некоторые с XI в. Значения «пространство, простор»; «протяженность, площадь, занимаемая чем-л.»; «распространиться, занять большое пространство»; «расширяться; расширять сферу своей деятельности» в семантической структуре этих лексем неоднократно иллюстрируются примерами XVII в., в том числе из сибирских текстов: «И держать къ тѣмъ иноземцамъ и ко всякимъ рускимъ людемъ ласку, и привѣтъ, и береженье, а жесточи, и изгони, и насилства никому не чинить, чтобъ Даурская земля впередъ **пространялась**» (1655 г.) [7]. В сибирских исторических словарях зафиксировано существи-

тельные *простор* «наличие свободного места; свободное место», *пространство* «роскошь, довольство» (непространственное значение): «А под дворы места велеть служивым людям отводить, смотря по **простору**, чтоб никто в обиде не был» (Томск, 1630) [4]; «И тѣм своим пиришеством-**пространством** чинил монастырской казнѣ трату немалую» [5]. В [3] отмечен глагол **пространиться** «расширяться, распространяться, увеличиваться»: «Велеть ему пахать с великим радением неоплошно без недопаики, не испустя времени в пору, и около велеть огородить городьбу крепкую, чтоб государева пашия и их крестьянская **пространилась** и не запустела» (Якут., 1678).

При сопоставлении лексиконов сибирских исторических словарей глаголы заслуживают особого внимания. Их семантика формировала семантическое поле пространства. Ряд глаголов обозначал местонахождение природных объектов, их расположение относительно друг друга (*прийти, подлечь, прилечь, удалеть*), изменения в них (*отнять, понимать* «за-топлять водой во время разлива реки», *всходить* «подниматься (о воде)», *располиться* (о воде), *уростать* «зарастить кустарником, лесом», *запустеть, запустошить*). Часть глаголов называла движение русских первопроходцев и первопоселенцев по сибирской земле и их действия по ее хозяйственному освоению, например: *лесовать, выронить* «срубить дерево», *осечься, перелазить* «переходить реку вброд», *повоевать* «завоевать», *умирить* [4]; *волочить* (суда через волок), *добывать, заводить, заложить* «основать поселение», *занять* (землю) [5]; *засекать, перевозочиться, оселиться* [3]. Всего выделено более 100 глаголов.

Совпадения глагольной лексики в трех словарях являлись для нас дополнительным свидетельством ее актуальности и основанием для выводов о выражении этими лексемами идеи пространства в языковом сознании русских сибиряков XVII в.

С экстралингвистической точки зрения (последовательность поисков и освоения новых земель), русские люди, идя на восток, за Урал, искали новые земли, оценивали их с точки зрения «угодности» по многим позициям, о чем и писали в доездах, отписках, сказках. Обозначались эти действия глаголами *досмотреть, приискать*, отражавшими деятельный характер процесса присоединения новых сибирских земель, глаголами же *подлечь, прилечь, прийти* в деловых документах новые земли описывались, объяснялось их географическое расположение.

Досмотреть (досматривать). Приискать, присмотреть. – *Посылали на те твои гсдрвы десятинные крестьянские пашины томсково сына боярсково Петра Сабансково и велели **досмотреть*** (Томск. 1646); *А велено де им в тех местех **досмотрить** и на опыт взять серебряной руды и слюды* (Томск. 1674) [4, с. 62]; *Посылали... те земли **досматривать**, где бы мочно новую землю распахать на государеву пашию* (Пелым., 1618); *Да будет они где серебряную руду укажут, и ему велено те серебряные руды **досмотрить** и описать подлинно – много ли ее будет и взять руды на опыт* (Тобол., 1648) [3, с. 37].

Приискать. Найти в результате поисков. – *В нынешнем ... году **приискали** мы, холопи твои, новую землицу на Енисее* (Томск, 1616); *А пришед, в тех новых землицах, **приискав** крепких и угоджих мест, велел... поставить острожек* (Томск, 1637) [4, с. 225]; *И прибыли тебе государю чинили, и новых землиц **приискивали*** (Якут., 1645) [3, с. 124].

Прилечь (прилежать). Примкнуть к чему-либо, расположиться рядом с чем-либо. – *Томсково де города и Кузнецково острогу ... **держать** некем, потому что тех служивых людей в Томском городе мало, а земли **прилегли** к Томскому городу и Кузнецкому острогу многие* (Тобол., 1621) [4, с. 226]; *Анабарская вершина **прилегла** блиско Есей-озера* (Мангаз., 1652); *Вершина де тое реки **прилегла** поблиску Шилкинской вершины* (Енис., 1653) [5, с. 392]; *А по другой стороне той речки **прилегла** гарь великая* (Илим., 17 в.) [3, с. 124].

Прийти. Расположиться близко к чему-л. – *Чулымский острог государю будет Кузнецкого острогу прибыльнее, потому что **пришли** по Чулыму многие земли и к Енисее к реке будет ближе* (Томск, 1621); *Напрям дороги до Оби-реки нет, потому что **пришли** места мокрые* (Нарым, 1645) [4, с. 225].

Оказывалось ли новое место *угоджим* для русских первопоселенцев, зависело от многих причин. Учитывалось, возможны ли на нем промыслы и какие, можно ли организовать за-

пашку, пасти лошадей и другой скот, заготавливать сено и пр. По нашим данным, повсеместно на территории Сибири в XVII в. употреблялись глаголы *пахать*, *пахивать* (*подпахивать*, *упахивать*), *промыслить*, *промысливать*, *промышлять*, *косить* (*покосить*, *кашивать*), *пожать*, *молачивать*, *снимать* (урожай) и др.

Пахать (*пахивать*). Пахать. – ...твои государевы томские дети боярские и служилые люди и бухарцы за ... Басандаикую речкою **пахнут** они с твоею государевою пашнею ... и у нас сирот твоих которые наши пашни и сенные покосы подлегли близко от них **пахнут** и сенные покосы отымают (Томск, 17 в.) [8, ф. 214, е.х. 109, л. 58]; ...**пошу** я сирота твои в томском городе твою гсдрву пашню десятину лет шеснатцат и боле (Томск, 1650 г.) [8, ф. 214, е.х. 381, л. 370]; Говорил ему, Тимошке, Федька Кипиха, что им государевы пашни, доль пашенных крестьян, которые взяты в государеве деле в Тоболеск, не **пахивать** (Тобол., 1626) [3, с. 102].

Покосить. Скосить. – Траву **покосили** и пожгли (Томск, 1687). [4, с. 199].

Семантика глагола *промышлять* (*промыслить*, *промысливать*) концентрированно выражала цель и суть деятельности русского человека в Сибири XVII в. Это отражает и прилагательное *промышленный* в устойчивом атрибутивном словосочетании *промышленные люди* «люди, занимающиеся добычей чего-либо». Семантическая структура этого глагола: 1. Добывать охотой. – В их землях всякой зверь выбит, и на гсдрвы поминки в ясак соболей и лисиц и всякого зверя **промыслить** и добыть не могут (Томск, 1638); Белку теленгуцкую и сургуцкую **мошно промыслить** (Томск, 1700) [4, с. 235].

2. Заниматься ремеслом, каким-л. делом. – Отец ... жил в Томске, **промышляя** торгом (Томск, 1671) [4, с. 235]; И варницу, и амбар, и двор велели поставить, да ров и уголья велели приготовить, и всеми б есте варничными запасы **промышляли** (Тобол., 1600) [3, с. 128].

3. Производить какие-л. действия; действовать. – И всяким таможенным делом **промышляти** с великим радением (Якут., 1648) [4, с. 235].

4. Нападать, вести боевые действия. – А будет объявятца большие люди, боем и иными мерами **промыслить** над ними не уметь, и велено от них отходить в томской город, чтоб воинские люди к Томскому городу безвестно не пришли (Томск, 1630) [4, с. 235].

5. Заниматься разбоем, грабить. – Они по волостям и по юртам и по дорогам русских людей побивали и лошади крали, сыск ныне, а они, многие вагуличи, тем и **промышляли** и воровали (Верхотур., 1604) [3, с. 128].

Лексические значения следующей группы глаголов также отражают процессы освоения нового пространства: *оселиться*, *осесться*, *осечься*, *рубить*, *сажать*, *сидеть*, *ставить*.

Осесться. Занять территорию, расположиться, осесть где-л. – А велели, государь, атаману Ивашку Павлову с служилыми людьми... сделать крепость, засекою **осетца**, и велели, государь, Ивашку Павлову **сести** в засеке (Томск, 1610) [4, с. 163].

Оселиться. Поселиться, обосноваться. – Ови ж оста(ша)ся на городищи том с жёнами и з детьми, вечно **оселишася** (Сиб. летописи) [3, с. 96].

Осечься. Огородиться, укрепиться. – Он, Ивашко, пришед в Кузнецкие волости, **осекся** в крепость и служилых людей по волостем к кузнецким людям посылал (Томск, 1610) [4, с. 163].

Сажать. Селить где-либо для ведения хозяйства. – Тех первых людей **сажать** в пашню ниже Ленского волока (Лена, 1641) [3, с. 136].

Ставить. Строить. – Кнзь Иван Семенович Куракин... велел казаком острог с тобою **ставити**, и тому де год, как острог **поставлен** (Томск, 1621); Опричь острогу, и казенных анбаров, и погребов, жилецких никаких дворов **ставити** не велеть (Томск, 1630); Воевода ... указал мне ити вверх по Обе-реке и на Бию-реку острогу **ставить** (Томск, 1632) [4, с. 271]. ♦ **Ставиться двором**. Строиться, сооружать двор. – А буде я, заимщик, у него, Савина, тех своих юртовнаго места, и пашенных земель, и сенного покосу на тот срок не выкуплю, который в сей кабале писан, и на том моем юртовном месте ему, Савину, **двором ставитца** (Верхотур., 1666) [3, с. 148].

Рубить. Строить из бревен, дерева. – Да им же де велено **нарубити** и крыти Пелымской город; а они города **рубити** и крыти не умеют, и плотничая им **рубля** не в обычай (Пе-

лым., 1595) [3, с. 135] ◇ *Рубить город*. – Город новой Мангазһя на турухане, деревянной, *рублен* город городнями (1673) [5, с. 437].

Представляется, что все описанные выше глаголы тематически, с точки зрения характера передаваемого ими действия, могут быть разделены на две группы:

1. Обозначающие процессы созидательного освоения земель, традиционно свойственные хозяйственному укладу Московской Руси, по преимуществу земледельческому, оседлому (*пахать, косить, пасти, ставить, рубить, оселиться, осечься, осесться* и под.).

2. Называющие процессы активного продвижения русских людей на новые неизведанные места (*приискать, досмотреть, промышлять* и др.).

В пределах языкового континуума «лингвистическая сегментация внеязыковой действительности различна», – отмечал Н.И.Толстой, утверждая по преимуществу номинативный характер географической терминологии [9, с. 18]. Захватно-займочный, «промышленный» характер процесса освоения Сибири, о котором говорят историки, безусловно, выражен в лексике, тем более в глагольной лексике XVII в., когда этот исторический процесс протекал особенно активно. По нашим наблюдениям, семантику глаголов, часто встречающихся в местных текстах делового письма XVII – XVIII вв. и поэтому зафиксированных в трех сибирских исторических словарях, отличает особенный, «деятельностный» характер. Они концентрированно выражали дух эпохи и дух освоения Сибири и были актуальными в употреблении на протяжении всего этого периода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никитин Н.И. Освоение Сибири в 17 веке. М., 1990.
2. Летописи сибирские / Сост. и общ. редакция Е.И. Дергачевой-Скоп. Новосибирск, 1991.
3. Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири 17 – первой половины 18 в. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991.
4. Словарь народно-разговорной речи г. Томска 17 – начала 18 века. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002.
5. Цомакион Н.А. Словарь языка мангазейских памятников 17 – первой половины 18 вв. Красноярск, 1971.
6. Словарь русского языка. В 4 т. М., 1983.
7. Словарь русского языка 11 – 17 вв. Вып. 1-26. М., 1975-2002.
8. Российский государственный архив древних актов, фонд 214 – Столбцы и Книги Сибирского приказа.
9. Толстой Н.И. Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. М.: Наука, 1969.

А.П.Майоров

БЕЗУДАРНЫЕ ГЛАСНЫЕ ПОСЛЕ МЯГКИХ СОГЛАСНЫХ В ЗАБАЙКАЛЬСКОМ РЕГИОЛЕКТЕ XVIII В.

Для изучения истории формирования русских говоров территорий позднего заселения непреходящее значение имеют такие источники, как памятники региональной деловой письменности, которые в сравнении с другими источниками в наибольшей степени могут отражать былое состояние разговорной речи. Безусловно, при анализе фонетических явлений, в частности, явлений безударного вокализма, отражаемых в письменных памятниках, а особенно документах национального периода, в первую очередь необходим учет правописных норм, сложившихся в деловом письме изучаемого периода. Поэтому наше исследование будет строиться в тесной связи с анализом орфографических фактов.

Общая картина правописания гласных букв после мягких согласных в забайкальских памятниках деловой письменности XVIII в. создает впечатление достаточно строгого соблюдения орфографических норм, опирающихся на фонематический принцип. В первую очередь

это относится к правописанию этимологических гласных букв *я, е, и* в предударной позиции, при котором правильный выбор орфограмм *е* и *и* осуществлялся практически без исключений. Что касается буквы *я*, то большинство случаев ее правильного употребления отмечается в наиболее употребительных в деловом письме словах – терминах судо- и делопроизводства *объявлять, объявление, заявлять, заявление, ясак, ясаиный* и числительных *пять* (в формах косвенных падежей), *пятнадцать, пятьдесят, пятьсот* и др.

Последовательное правописание безударных букв *е* и *и* выдерживалось, на наш взгляд, достаточно строго потому, что оно находило поддержку в екающем произношении. Как известно, еканье представляет собой тип безударного вокализма, при котором гласные неверхнего подъема в предударном слоге после мягких согласных совпадают в звуке [е]. На письме оно могло отражаться в виде варьирования букв *я / е* при обозначении гласного в предударной позиции.

Забайкальские памятники отличает незначительная, но значимая вариативность правописания указанных гласных букв в безударной позиции. В свете анализа отражения явлений безударного вокализма важными представляются такие случаи варьирования, когда на месте этимологической буквы *я* в предударной позиции выступает буква *е*. Ее употребление в этой позиции отмечается как перед твердыми, так и перед мягкими согласными на протяжении всего восемнадцатого столетия. Приведем примеры на каждую разновидность указанных позиций:

1) перед твердым согласным:

а) в 1-м предударном слоге: стрепной [РГАДА, ф. 1069, оп. 1, д. 1, л. 161, 1727]; девеносто [ПЗДП, 67, л. 405, 1730]; косека [ПЗДП, 105, л. 8 об., 1731]; кленусь [ГАЧО, ф. 10, оп. 1, д. 58, л. 12, 1752]; о^бевляеть [ГАЧО, ф. 282, оп. 1, д. 21, л. 92, 1755]; мекотные [РГАДА, ф. 1092, оп. 1, д. 34, л. 11, 1760]; петнатцати [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 40, л. 561, 1768]; соленова камисарьства [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 40, л. 181, 1768]; воденному пути [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 25, л. 149, 1767]; воденая ко^ммуникация [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 79, л. 371 об., 1769]; нитеным галстуком [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 79, л. 59, 1769]; чебакъ соболеи [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 48, л. 72, 1769]; в голека^х [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 120, л. 171 об., 1773]; галстукъ волосенои [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 219, л. 259, 1779]; на чесахъ [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 219, л. 158, 1779]; памету-еть [РГАДА, ф. 413, оп. 1, д. 11, л. 17, 1781]; тежелого [ГАИО, ф. 783, оп. 1, д. 135, л. 79 об., 1785]; петно [ГАИО, ф. 783, оп. 1, д. 70, л. 24, 1785]; рысека [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 409, л. 5, 1785]; челдарной [ГАИО, ф. 783, оп. 1, д. 52, д. 6, л. 81 об., 1785]; черках [ГАИО, ф. 783, оп. 1, д. 54, л. 65 об., 1785]; на петах [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 463, л. 43 об., 1786]; тенули [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 552, л. 103, 1790]; смоленой бочки [ПЗДП, 82, л. 6, 1790]; светой [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 467, л. 74, 1793]; есашной [ПЗДП, 88, л. 32 об., 1796];

б) во 2-м предударном слоге: честоколину [РГАДА, ф. 1092, оп. 1, д. 12, л. 14, 1742]; редовым [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 79, л. 408, 1771]; месоетъ [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 467, л. 74, 1794];

2) перед мягким согласным:

а) в 1-м предударном слоге: десетины [ПЗДП, 45, л. 6 об., 1728]; емщицьи [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 79, л. 198, 1771]; реди^л [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 355, л. 143 об., 1784]; свещеником [ГАИО, ф. 783, оп. 1, д. 86, л. 6, 1785]; мещенина [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 463, л. 4 об., 1786];

б) во 2-м предударном слоге: петиланны^х [ГАЧО, ф. 10, оп. 1, д. 5, л. 144, 1707]; ледвее [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 120, л. 204, 1773]; емщиком [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 521, л. 31, 1794].

Немногочисленность вариантов с буквой *е* на месте *я* отчасти связана с относительно небольшим количеством слов, содержащих гласный [’а] в корневых морфемах и аффиксах и представленных в памятниках забайкальской деловой письменности; в отдельных случаях такие написание единичны (*стрепной, светой, голеках, рысеках, месоетъ, тежелого*). В то же время среди них выделяются последовательные написание образований с корнем *вяз-* и корнем *памят-*, в которых буква *я* в предударной позиции заменяется на букву *е* (*свезали, привезать, везали, завезали, паметует*). Регулярность подобных написаний может свидетельствовать о сформировавшемся фонетическом принципе их правописания.

Все приведенные примеры в забайкальских памятниках имеют более употребительные варианты с написанием этимологической буквы *я* (после *ч* и *щ* – буквы *а*) в предупредной позиции: *голеках* – *голяках*, *петно* – *пятно*, *светой* – *святой*, *редил* – *рядил* и т.п. Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что в определенных типах письма, характеризующихся склонностью к фонетическим написаниям, наряду с другими написаниями, либо отражающими устно-разговорные явления, либо придерживающимися фонетического принципа орфографии, правописание буквы *е* на месте *я* достаточно регулярно. Напр., в одном деле конца века несколько документов, записанных одним и тем же писцом, содержат факты фонетических написаний, которые в своей совокупности характеризуют, скорее всего, такой тип письма, который условно можно назвать «относительно грамотное» письмо. В частности, в следующем отрывке из рапорта буква *е* на месте этимологической буквы *я* отмечается в словах, обычно не допускающих данного варьирования: *мещанинъ* *Михаило* *Елезовъ* точно прода^л | десять скотинны^х кошъ после *Светой* Паски в *ме|соеть* кои имъ точно сами^м биты [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 467, л. 74. 1794]. Здесь же можно отметить фонетическое написание глухих согласных в позиции конца слова (*кошъ*, *месоесть*); в другом документе, писанном этим же писцом, – написание *порось* ‘нехолощенный бык’ [там же, л. 78]. В других документах рукою этого писца выведены буквы *а* на месте *о* и *о* на месте *а* в предупредных слогах: *нездоровой* [там же, л. 78], *продоваль* [там же, л. 77], *постовляеть* [там же, л. 77].

Следует особо отметить, что в изучаемый период произношение гласного [е] после *ч* и *щ* в безударной позиции было одинаково возможно наряду с произношением гласного [’а], что отражалось не только в написании этимологической буквы *а* в словах типа *чабак*, *чалдар*, *чарки*, но и в этимологически немотивированном употреблении этой буквы в словах типа *вчарашний*, *часать*: *бочакъ* [НАРБ, ф. 262, оп. 1, д. 19, л. 8, 1736]; *чарко*^в [ГАИО, ф. 783, оп. 1, д. 121, д. 6, л. 268, 1750]; *чалдару* [НАРБ, ф. 20, оп. 1, д. 164, л. 8, 1784]; *чабакъ* ‘вид меховой шапки’ [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 96, л. 302 об., 1772]; *въчарашнего* [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 467, л. 55, 1793]; *часаль* [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 86, л. 106, 1798]. Такую же возможность произношения гласного [’а] после [ч’] и [ш’:] в предупредной позиции в разговорном языке Москвы XVII–XIX вв. отмечал Р.И.Аванесов [1, с. 21].

Характерно то, что колебания в правописании безударных букв *е* или *и*, я наблюдаются во многих заимствованных словах: *арифметик* – *арефметик* [арифметикъ печатной – ГАЧО, ф. 31, оп. 1, д. 9, л. 165, 1748; часть арефметика – НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 28, л. 40, 1788]; *директор* – *деректор* [директора – ПЗДП, 40, л. 34, 1793; деректор – НАРБ, ф. 120, оп. 1, д. 63, л. 4 об., 1792]; *конфирмация* – *конфермация* [конфирмацию – НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 534, л. 50, 1788; конфермацию – РГАДА, ф. 1092, оп. 1, д. 21, л. 178 об., 1754]; *криминальный* – *креминальный* [криминальному делу – НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 173, л. 3, 1776; делу креминальному – там же, л. 2]; *мяхочина* – *мехочина* [мяхочиною называ^л – ГАЧО, ф. 10, оп. 1, д. 5, л. 138, 1707; бешчешиваль мехочиною – там же]; *рисунок* – *ресунок* [рисунку – НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 40, л. 256; ресинку – там же, л. 255 об.]; *шинель* – *шенель* [шене^л – НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 192, л. 294, 1777]; *яла* – *ела* [всего ялы тритцать лошадей – РГАДА, ф. 1092, оп. 1, д. 2, л. 830, 1730; за которые кражи ... платили ... съ елою – ГАИО, ф. 783, оп. 1, д. 78, л. 105, 1785]. Отдельные слова в исследованных документах отмечены только с буквой *е* на месте этимологической буквы *и*: *деалект* [деалекта^х – НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 355, л. 199 об., 1784]; *деспозиция* [оставилъ на деспозицію – РГАДА, ф. 1092, оп. 1, д. 2, л. 407, 1730]; *брегадир* [брегадиръ – ПЗДП, 49, л. 70, 1743; брегадиръ – там же, л. 70 об.; брегадира – РГАДА, ф. 1092, оп. 1, д. 184, 1749; брегадири – ПЗДП, 33, л. 24 об., 1778]^{*}; *ленейка* [на ево^ж Лепяшевой лошади и ле-

^{*} Исторические изменения в правописании этого слова должны представлять особый интерес. Несмотря на то, что этимон слова содержит в корне *и* (нем. Brigadier [Фасмер 1987: 1, 213]), в русском языке первая фиксация производящего слова *бригада*, по свидетельству [Черных 2001: 1, 111], представлена с буквой *е* – *брегада* (архив Куракина, 1705 г.). Активное варьирование букв *е/и* в данном слове отмечается в [Сл. XVIII]. Похоже, традиция написания слова с буквой *е* была закреплена в деловом языке изучаемого периода. Так, в памятниках московской деловой письменности XVIII в. [ПМДП] все употребления слова *бригадир* и его производного *бригадирша* отмечены с буквой *е*: брегадира – 221, 5 об., 1737; брегадира – 273, 128, 129, 1747; брегадира – 293, 235; брегадира – 298, 182 об., 1772; брегодирши – 279, 10 об., 1747. Как видим, в региональном узусе у слова также устойчиво сохраняется правописание с буквой *е*.

неике и о^твезъ – НАРБ, ф. 20. оп. 1, д. 441, л. 297 об., 1785]. Правописание заимствованных слов в связи с отражением явлений безударного вокализма особенно показательно, поскольку процесс адаптации европеизмов и автохтонных заимствований в новое время был живым и писцы при записи заимствований, скорее всего, ориентировались на разговорное произношение этих слов. Очевидно, что в этом случае норма екающего произношения обуславливала соответствующее написание иноязычного слова.

В отношении правописания заимствованных слов следует отметить еще одну важную особенность. Варьирования анализируемых букв *е/и* в предударных слогах не наблюдается у заимствованных слов, которые активнее всего применялись в делопроизводственном языке – *резолуция, промемория, репортовать*. Вместе с тем в забайкальской деловой письменности у этих слов отмечаются многочисленные другие варианты – *резолюция, розолюция, резелюция, премемория, рапортовать, отлепортовать*. Речь идет о таких вариантах слов, в которых в результате продолжающегося процесса адаптации новых европейских заимствований реализуются самые различные звуковые модификации, отражающие действие фонетических законов принимающего языка, в данном случае тех русских говоров, которые легли в основу забайкальского региолекта. Как яркий пример ориентации на живое произношение отметим еще отражение яканья в термине *промемория* [по прамямории – РГАДА, ф. 1069, оп. 1, д. 1, л. 163, 1727]. Другими словами, испытывая в процессе освоения воздействие разговорного произношения, данные заимствованные слова единственно не изменяют написание буквы *е*, что может означать скрывающееся за ней произношение соответствующего звука [е].

Рассматривая варьирование букв *я* и *е* в безударной позиции, необходимо обратить внимание на применение тех или иных орфографических принципов в правописании определенных морфем. Напр., независимо от положения по отношению к ударному слогу в суффиксе *-ян-* может писаться как буква *я*, так и буква *е*. Особенно активное варьирование написания суффикса *-ян-/-ен-* наблюдается у наиболее употребительных в исследуемых памятниках прилагательных (*серебряный /серебрень, слюдяной (слудяной) / слуденой (слуденой)* и др.). При вариативном написании данного суффикса немаловажно учитывать фактор морфемной аналогии, который обнаруживает себя в виде написаний *сребренный* [денегъ ... сребрен'ныхъ – ПЗДП, 110, л. 4 об., 1797], *берестенный** [в бѣрестенно^м лукошке – НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 32, л. 28, 1766], у которых суффикс *-ян-* в безударном положении отождествляется с суффиксом *-енн-*. Явно тяготеет к фонетическому написанию суффикс *-чат-*, в котором редуцированный заударный гласный практически всегда передавался буквой *е* (*брущетоу, китаичетоу, половинчетоу, травчетоу, шурупчетоу* и др.). Не менее активное чередование указанных букв используется при написании числительных с буквой *е* или *я* в заударной позиции (*деветь, десеть, петнатцеть, дватцеть* и т.п.). Аналогичные написания числительных были широко распространены в деловой письменности XVII-XVIII вв. (см., напр., в [Пам. Влад., ПМДП, Рус. чел.] и других лингвистических публикациях деловой письменности донационального периода). Надо думать, что данные вариативные написания отражают характерное для эпохи взаимодействие фонетического принципа приказной традиции и фонематического принципа книжно-литературного языка. При этом написание буквы *е* в соответствии с фонетическим принципом отражает екающее произношение.

Более регулярными и частыми являются случаи написания буквы *е* на месте *я* в заударной позиции^{**}: *деветь* [ПЗДП, 67, л. 405, 1730; НАРБ, ф. 262, оп. 1, д. 19, л. 3 об., 1736]; *деветеры* [там же, л. 5, 1736]; *тысечь* [там же, л. 5, 1736]; *упрежь* [РГАДА, ф. 1092, оп. 1, д. 22, л. 39 об., 1754]; *3 выдреныхъ меха* [РГАДА, ф. 1092, оп. 1, д. 28, л. 522 об., 1758]; *санга глиненная* [РГАДА, ф. 1092, оп. 1, д. 28, л. 569, 1758]; *десеть* [РГАДА, 1092, д. 7, л. 259, 1764];

* Судя по зафиксированной форме *берестенный* [один берестены^и тиезоць – НАРБ, ф. 262, оп. 1, д. 19, л. 7 об., 1736], ударение было на гласном основы – *берёстяный. В пользу этого ударения может свидетельствовать также образование в современном русском языке от акцентологического варианта слова *берёста* прилагательного *берёстовый*.

** Не учитываются написания буквы *е* в окончании Им.п. муж. р. ед. ч. имен прилагательных с основой на мягкий согласный, поскольку флексия *-ей* в этой форме была нормативной в деловом языке XVIII в. (*белей мехъ, рыбей черень, неболийей усь*).

принето [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 40, л. 239 об., 1768]; принель [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 12, л. 211, 1770]; поесь [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 463, л. 43 об., 1786]; принель [ПЗДП, 89, л. 49 об., 1796] и др.

Между тем, наряду с написанием буквы *е* в заударной позиции, нередко встречается буква *и* на месте *е* или *я*: происти [РГАДА, ф. 1069, оп. 1, д. 1, л. 38, 1725]; станите [РГАДА, ф. 1025, оп. 1, д. 6, л. 6, 1741]; юфтивые [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 219, л. 89, 1779]; случи [ПЗДП, 85, л. 46, 1779]; иметь [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 219, л. 108 об., 1779]; следуйть [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 367, л. 30 об., 1780]; ордири [ПЗДП, 81, 1788]; имеишь [ПЗДП, 15, л. 2, 1792]; будит [там же, л. 2 об.]; посеино [ПЗДП, 61, л. 2, 1792]; о посеви [там же, л. 2].

Значительно реже, в основном в документах 2-й пол. XVIII в., буква *е* в предударной позиции чередуется с буквой *и*: билилами [ГАЧО, ф. 10, оп. 1, д. 6, л. 576, 1706]; одияло [ПЗДП, 112, л. 16, 1739]; Силиванова [РГАДА, ф. 1092, оп. 1, д. 12, л. 15а, 1742]; Снигирева [ПЗДП, 69, л. 147, 1764]; пирила [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 25, л. 35 об., 1767]; мижудворъную [там же, л. 36]; одиялна [НАРБ, ф. 20, оп. 2, д. 9, л. 24, 1785]. В написании отдельных слов наблюдается варьирование букв *и* и *е*: верехами [РГАДА, ф. 1092, оп. 1, д. 34, л. 202 об., 1760] – вирехами [там же]; прикудреват [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 37, л. 76 об., 1768] – прикудриват [ГАИО, ф. 121, оп. 1, д. 5, л. 119, 1759].

Большинство примеров для характеристики отражения иканья либо мало убедительны, либо фонетически не показательны. В частности, в отдельных случаях выявляется написание буквы *и* на месте *е* между мягкими согласными (*одияло*, *пирила* и др.). В данной позиции обозначаемые звуки становятся более закрытыми, передвигаясь в более переднюю зону образования. В этом случае буквой *и*, скорее всего, передавался особый характер звучания безударного гласного. Не исключается воздействие словообразовательной аналогии в примерах *прикудреват/прикудриват*. Вероятнее всего, рефлекс и-образного произношения аллофона фонемы <ѣ> проявляется в написании формы *билилами*. Таким образом, если исключить случаи написания буквы *и* на месте *е* в заударных слогах, нерелевантные для отражения иканья, то наличие икающего произношения в забайкальском узусе русского языка XVIII в. остается под вопросом.

По проблеме безударного вокализма после мягких согласных в русском языке XVII–XVIII вв. и, в частности, развития иканья в московском говоре, послужившем базой для формирования национального языка, в русистике вырисовывается достаточно сложная картина. Раньше, в 50–60-е гг. прошедшего столетия, у ученых существовала твердая точка зрения на то, что в исследуемый период типичной чертой предударного вокализма являлось еканье [1, с. 21; 4, с. 156; 5, с. 99]. В свете социолингвистической дифференциации произносительных систем в исследуемый период еканье описывалось как норма разговорно-бытовой системы русского языка, функционирующего в Москве XVIII в. [6, с. 303–398]. В 70-е гг. С.И.Котковым было выдвинуто прямо противоположное мнение о том, что «московский безударный вокализм той исторической эпохи (XVII в. – А.М.) в положении после мягких согласных нельзя характеризовать как еканье» [7, с. 101]; соответственно ученый предпринимает попытку обосновать развитие иканья в московском говоре с конца XVII в. [7, с. 92–101]. Наличие икающего произношения в московской речи XVIII в. констатируется также в работах А.П.Федченко и Т.Ю.Домаевой [8, с. 109–110; 9, с. 12–13]. Аргументацию раннего развития иканья в московском говоре С.И.Котков строит в основном на фактах заударного вокализма. Среди случаев замены *е* на *и* в исследованных им памятниках московской деловой письменности XVII в. отмечаются только два примера употребления *и* на месте *е* в 1-м предударном слоге против 14 случаев такой замены в заударных слогах [7, с. 92]. Между тем многие факты написания буквы *и* на месте *е* в заударной позиции требуют более осторожной и внимательной интерпретации в свете возможной грамматической аналогии, сближений словообразовательных и грамматических аффиксов; в связи с этим вряд ли стоит придавать столь исключительное значение примерам типа *малинькой*, *хорошинькой*, *поедишь*, *круживо* и т.п. Точно так же похожие написания *колитъ*, *свидилсѧ*, *дружочикъ*, отмеченные в произведениях 2-й пол. XVIII в., признаются фонетически неубедительными, поскольку «могут

быть поняты как явления грамматические» [6, с. 399]. По мнению ученых, «иканье ... в заударном слоге при еканье в слоге предударном указывает на редукцию гласных в этой позиции; письменный текст отражает не еканье и не иканье» [10, с. 126].

Если же все-таки придерживаться метода исследования иканья/еканья как типов предударного вокализма по соответствующим написаниям букв в предударных слогах, то анализ 302 московских документов, опубликованных в [ПМДП], показывает, что иканье как такое, за исключением единственного примера *одрисуеться* [70, л. 103, 1762], в этих деловых бумагах не отражается. Среди всех документов как наиболее достоверных для изучения отражения фонетических явлений выделяются частные письма, содержание которых излагается в свободной манере, максимально приближенной к живой разговорной речи. Соответственно, в письмах чаще и больше проявляются разговорные элементы на всех языковых уровнях. Так, напр., практически во всех письмах отражение аканья является регулярным для любых видов безударных позиций. Чтобы представить своеобразный характер правописания, передававшего акающее произношение, приведем небольшой фрагмент из письма Е.Б.Куракиной Б.И.Куракину:

Миластиваи гсдрь батюшка князь Борисъ | Ивановичь многолетно здравствуи | Ничаиши гсдрь благодарствую за миластивае ваше | писмо каторое я с радастию принять палу|чила ат Алексея Василевича Макарова и предъ | прашу пажалуи гсдрь не аставь меня своими ми|ластивами писмами а мою вину мне гасударь | прашу атьпустить что я нечаста пишу ... [37, л. 13, 1725].

Что касается отражения безударного вокализма после мягких согласных, то практически во всех жанрах данных московских памятников – частных письмах, сказках, допросах, явочных челобитных – прослеживается регулярное употребление буквы *е* на месте *я*. Интересен в этом отношении пример из малограмотного письма, в котором писец, абсолютно пренебрегая орфографическими правилами в угоду живого произношения, предлог *для* пишет с буквой *е*, передающей редукцию гласного в предударном слоге: присланной вашъ члвкъ | проговариваетъ требуетъ избу и клетъ эта и дле | **васъ** несколько нехарашо развя мне ево в шела|шь посадить [13, л. 237, 1778]. Если для других написаний с буквой *е* в предударном слоге еще можно допустить проявление какого-то орфографического узуса (ср. регулярное написание числительных *деветь*, *десеть* и др. в деловой письменности с XVII в.), то в данном случае совершенно явно стремление писца следовать разговорному произношению.

Показательно другое письмо – Вас. Бор. Голицына Влад. Бор. Голицыну [27, л. 5-6 об., 1775], которое демонстрирует четкое распределение в написании букв после мягких согласных в безударной позиции: в предударной позиции после мягких согласных на месте *я* пишется исключительно буква *е*: изъяснение [л. 5]; обьяснять [л. 5]; обезательствы [л. 5 об.]; метежи [л. 5 об.]; изъясняя [л. 5 об.]; петидесяти [л. 6]; распорежения [л. 6 об.]. В заударной позиции наряду с буквой *е* может употребляться буква *и*: тысячи [там же, л. 5 об.]; отнели [там же, л. 6]; до сехъ поръ [там же, л. 6]; занеть [там же, л. 6]. Но в заударной позиции отмечается написание буквы *и* на месте этимологической буквы *е*: вырублина [там же, л. 6]; уверяите [там же, л. 6]; требуйте [там же, л. 6]; братиць [там же, л. 6].

В то же время трудно опровергнуть немногочисленные, но безусловные случаи отражения иканья в 1-м предударном слоге, фиксируемые в работах А.П.Федченко, Т.Ю.Домаевой, С.И.Коткова [8, с. 109-110; 9, с. 12-13; 7, с. 92-101], – примеры типа *аситрина*, *иво*, *ивангелие* и др. Возможно, на проблему развития иканья стоит посмотреть в социолингвистическом ракурсе. Прежде всего необходимо допустить сосуществование двух произносительных систем – еканья и иканья, что вполне реально, если сопоставить с сосуществованием в московской речи этого периода аканья и оканья, противопоставленных, правда, в ином социолингвистическом аспекте [6, с. 396-397]. Еканье в исследуемый период представляло собой произносительную норму национального языка, которая в условиях кодификации становится престижной – неслучайно в письмах дворян она соблюдается достаточно строго. С другой стороны, иканье в XVIII в. формируется как норма просторечия, отвергаемая кодификаторами и высмеиваемая в комедиях русских классицистов. Как отмечает М.В.Панов, исследовавший русское литературное произношение XVIII-XX вв., «иканье про-

никало в речь культурно говорящих горожан исподтишка, украдкой, но вполне легального положения у него не было» [6, с. 305].

Таким образом, сопоставление данных забайкальской деловой письменности и московской деловой письменности свидетельствуют о том, что еканье было нормой забайкальского вторичного говора восемнадцатого столетия. В отличие от языковой ситуации в столице в произносительной системе забайкальского региолекта не могло быть той социолингвистической дифференциации, которая прослеживается между икающим и екающим произношением в Москве.

В качестве произносительной нормы еканье соотносится с оканьем, полновластно функционирующим в Забайкалье 1-й пол. XVIII в. Редкие примеры написания буквы *и* на месте *е* в предударном и заударном слогах, предположительно свидетельствующие о появлении икающего произношения, фиксируются в забайкальских памятниках 2-й половины XVIII в., и этот факт также согласуется с отмечаемыми в документах данного периода случаями отражения аканья. Иными словами, иканье приходит в Забайкалье во второй половине столетия вместе с аканьем, носители которого активно переселяются в этот регион именно в данный период времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. М.: Просвещение, 1984.
2. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: «Прогресс», 1986 -1987. В 4-х т.
3. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М.: Изд-во «Русский язык», 2001. В 2-х т.
4. Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. М.: Наука, 1965.
5. Горшкова К.В. История безударного вокализма в старомосковском просторечии // Вопросы истории русского языка. М., 1959.
6. Панов М.В. История русского литературного произношения XVIII-XX вв. М.: Наука, 1990.
7. Котков С.И. Московская речь в начальный период становления русского национального языка. М.: Наука, 1974.
8. Федченко А.П. О некоторых московских материалах деловой письменности XVIII века // Русский язык. Источники для его изучения. М.: Наука, 1971. С. 109-110.
9. Домаева Т.Ю. Вокализм московской речи XVIII века (по материалам деловой письменности). Автореф. дис ... канд. филол. наук. М., 1986.
10. Колесов В.В. К исследованию фонетики старомосковского говора // История русского языка и лингвистическое источниковедение. М.: Наука, 1987. С. 123-130.

Список сокращений

- ГАИО – Государственный архив Иркутской области
ГАЧО – Государственный архив Читинской области
НАРБ – Национальный архив Республики Бурятия
Пам. Влад. – Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край. / под ред. С.И.Коткова. М.: Наука, 1984.
ПЗДП – Памятники забайкальской деловой письменности XVIII в. / под ред. А.П.Майорова. Сост. А.П.Майоров, С.В.Русанова. Улан-Удэ, 2005
ПМДП – Памятники московской деловой письменности XVIII века / под ред. С.И.Коткова. М.: Наука, 1981
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
Рус. чел. – Русские челобитные XVII века (явочные, изветные и другие) / Сост. А.П.Майоров. Улан-Удэ, 1998
Сл. XVIII – Словарь русского языка XVIII века. Вып. I-XIV. СПб.: Наука, 1992-2004.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КАМЧАТСКИХ ГОВОРОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ГОВОРА ПОСЕЛКА КОВРАН)

Последнее время все большее внимание российских лингвистов привлекает исследование русских говоров, носители которых долгое время находились в иноязычном окружении. Именно такими являются русские говоры камчадалов, сравнительно недавно ставшие предметом системного изучения. Диалектные особенности говоров исследовались с разных позиций: словообразовательных, морфологических, лексических.

Целью настоящей статьи является описание фонетических особенностей камчатских говоров на примере говора п. Ковран.

Поселок Ковран Тигильского района Корякского АО Камчатской области расположен в середине Камчатского полуострова в нескольких десятках километров от западного Охотского побережья и связан только с прибрежным поселком Усть-Хайрюзово. Население п. Ковран составляет около 400 человек, из них 80 % – ительмены.

По данным «Словаря этнолингвистических понятий» М.И.Исаева, «ительмены (дореволюционное назв. *камчадалы*; самоназв. *ительмень*, *итэнмы* (букв. «тот, кто существует; местный житель»)), живут на востоке п-ова Камчатка, Тигильском р-не Корякского автономного округа и в Магаданской обл. РФ. Численность – 2429 человек. Относятся к арктической расе большой монголоидной расы. К приходу русских на Камчатку (конец XVII в.) ительмены составляли основное население полуострова [1, с. 53].

Известный этнограф Е.П.Орлова, посвятившая свою жизнь ительменам, детальному изучению их языка и народа, вслед за С.П.Крашенинниковым, работа которого «Описание земли Камчатки» является самым ранним классическим трудом XVIII в. о Камчатке и камчадалах, считает, что термин «ительмены» является древним «самоназванием» камчадалов: «слово «камчадал», «Камчатка» перешло к русским через коряков; «кончал» – это коряцкое название камчадалов (сами себя камчадалы зовут ительмены)» [2, с. 7].

Ковран – река, впадающая в Охотское море к северу от устья реки Хайрюзовой на западном побережье Камчатки. На первых русских картах зафиксирована в написании Кавран. Топоним корякского происхождения этимологизирован посредством лексики корякского языка от слова *коуран* – «мягкий камень». Этимология подтверждена сведениями геолога В.П.Вдовенко, сообщившего, что берега реки сложены из рассыпчатого песчаника. Впоследствии по реке названо село.

Старый Ковран существовал еще до 1832 г., новый поселок Ковран открыли в семидесятые годы XX в.

«Говоры территорий позднего заселения формировались в условиях широких диалектных и, во многих случаях, языковых контактов, в процессе сложного преобразования материнских говоров европейской части страны» [3, с. 7]. Таким образом, «особые экстралингвистические условия формирования определили специфику современного камчатского наречия. Переселенцы и ссыльные принесли на Камчатку севернорусскую речь, преимущественно сибирскую, которая неизбежно преобразилась в условиях неславянского языкового окружения» [4, с. 20]. Рассмотрим самые яркие фонетические особенности говора п. Ковран.

1. Вокализм

1. Гласные [о] и [а] после твердых согласных в безударной позиции.

Говор двуязычных ительменов п. Ковран, говорящих как на родном ительменском, так и на русском языках, окающий. В первом предударном слоге после твердых согласных [о] сохраняет свое качество. Напр.: *потом он'и поехали'и*; *он'ат поплыл'и*; *поч'ему называют Ковраном*; *н'е много корóf бы'ло* *.

Оканье отражено в малограмотном письме ковранцев: буквы О и А употребляются, как правило, этимологически правильно: *клад'ош' вода к'ип'яч'оный*; *она станóв'иц'а бóлой*. По

* Данные и все последующие контексты выбраны из диалектной картотеки лаборатории региональной этнолингвистики Камчатского государственного университета имени Витуса Беринга.

замечанию К.М.Браславца, «орфографические ошибки на безударные гласные в тетрадах учеников-ительменов Ковранской и Усть-Хайрюзовской восьмилетних школ встречаются редко» [5, с. 128].

На месте безударного [а] в некоторых словах отмечен гласный [о]: *у кол'и́ново мои́та; корто́шка хоро́ша*.

В приставке *раз-* (*рас-*) в безударном положении произносится [о]: *розвэжа́л, рождже́-лал'и, рошплаи́та'и, рошч'от* (и тут же *раи́ту́т), роска́жыва́л*.

Оканье в речи двуязычных ительменов п. Ковран является полным. Во втором предударном слоге после твердых согласных [о] также сохраняет свое качество (или, как это бывает в говоре камчадалов, лабиализуясь, приближается к [y]): *дои́таа́т* (доставать), *пои́т'ипэ́но, домохож'а́йи́тв'ин'и, и́пом'ина́ла, пойев'и́л'и́и, говори́л'и, голода́л'и, шоб'и́ра́л'и, хоро́с'о*.

В первом заударном закрытом слоге [о], как правило, остается неизменным и редукции не подвергается: *д'ер'ео жагн'улои; твой доро́гой н'е гон'я́йу; софс'эм пло́к'о; о́строй тра-во́й; м'а́со, кото́ро отва́р'ен; в'ен'ик р'аб'и́новый; вну́ч'ка на рука́х вы́росла*.

Обращает на себя внимание полная утрата лабиализации у конечного безударного [о] и совпадение в звучании с заударным [а]: *она́ и́помн'ила э́тта; мо́жна и купа́ца; цэ́ло л'э́та; пои́ла́ домо́й обра́тна*, особенно в русских заимствованиях в ительменской речи: «*х'ач манкэ ло́хка, гот, нада эл'каз «пора каким-то образом ловко, говорит, надо уйти»; «Да мэи́че бра́-ва н'чя́йак'зал' «Да вместе славно будем чаевать»* [5, с. 131].

Материалы диалектологической экспедиции в п. Ковран 1988 г. опровергли высказывание К.М.Браславца по поводу полной утраты лабиализации конечным безударным [о] и выявили в речи информантов тенденцию к широкому использованию лабиализованного конечного безударного гласного. В качестве доказательства данного фонетического явления приведем несколько примеров: *бра́т'јеф мно́го бы́'л; курь́ито д'ер'ев'а́но; н'е мно́го коро́ф бы́'ло; п'ита́н'жо пло́ко; в доро́гу их (спички) опа́сно; а вну́к'и ско́'ло хош; ш'ас н'ет л'э́том н'ич'ево́; пото́м наи́л'и на́шева м'э́стного уч'и́т'el'a*.

М.А.Жидяевский писал, что «камчадалский диалект характеризуется умеренным оканьем» [6, с. 120], но в приводимых им иллюстрациях морфологических особенностей находим [о] как во втором предударном слоге: *коло́т'ю, говори́л*, так и в заударном слоге: *кра́ино-го, по я́годы, шо ша́харом*. Сомнительно, что М.А.Жидяевский, говоря об умеренном оканье, имел в виду редукцию [о] в указанных выше положениях. Вероятнее всего, что окающий «камчадалский диалект» просто не мог быть отнесен к таким говорам, в которых, как писал В.И.Даль, «[о] произносится грубо, протяжно, самую глубиною пасти, еще звучнее, чем в наречии северном» [7, с. 61].

2. Гласные [е], [а], [о] после мягких согласных в безударной позиции.

Гласные первого предударного слога. В употреблении гласных после мягких согласных (часто веляризованных) нет такого единства, как в том же слоге после твердых согласных. М.А.Жидяевский, характеризуя формы местоимений Д. и Т. п. 3 л. мн. ч., приводит примеры, которые могут служить указанием на еканье (е́мя) и иканье (и́мя). Другие его записи свидетельствуют о еканье (о таком «еканье», когда согласные перед [е] не смягчаются): *и́уха́ рэ́ка; порá бэ́эй; наряду́ с худо́й вэ́шл'о* [6].

В первом предударном слоге после мягких согласных фонемы /е/ и /а/ могут реализовываться как [и] (*пои́ч'ипэ́но, м'идвэ́ч, л'и́жы́т, л'ита́л'и, ул'ич'э́ла, там л'и́иша́* (лесá), *ч'в'и́ты* (цветы), *отн'ис'ом, к'и́та, на п'иск'э́, с'иводн'а, с'ич'ас, усп'ива́йу, пойев'и́л'и́и*) и как [е] (*ит'el'm'э́ноф, запл'ета́т, роз'м'еи́а'и, медвэ́т, т'еб'э́, ц'ен'и́л'ис', н'е зна́йу, м'еста́, пес'к'ом, д'ет'эй, ч'етв'ортова, ф п'ад'ес'ат, се'м'ена́, б'ер'ом, на б'ер'егу́, р'емонто́м, п'итна́цат', в'и́ж'у, в'иза́т, с'ент'ибр'а*), в некоторых случаях – как [а] (*п'ер'ев'азли́, с'aló, д'ар'э́вна, с'ас (и'ас), в в'адр'э́, во́жавáл, у́жаво́, сем'ана́, в с'al'э́*).

Кроме того, в русском говоре двуязычных ительменов п.Ковран в некоторых случаях отсутствует смягчение согласных перед [е] (*жавэ́ла, бэ́рои́та, шэмэ́на, привэ́жы, ч'ебэ́, вэр-ну́ша, пэрэ́дат, эшч'о́, нэ́ жна́йу, д'еи́а́том, т'ел'егра́х, мэ́двэ́т, провэ́рат, дэхч'о́нку, сэ́стро́нку, привэ́л'и́, свэ́тло́, бэ́жы́т, двэ́на́цэт, мэ́ста́мы*).

По словам К.М.Браславца, «ошибки в ученических тетрадах Ковранской и Усть-Хайрюзовской восьмилетних школ свидетельствуют о еканье – на месте Я буква Е: *отрехается, протенулись* (3 кл.), *появляется, заредила* (4 кл.), *петнадцатое* (6 кл.). Учителя исправляют «еканье» учащихся, и ученики допускают новые ошибки – И на месте Я и Е: *следы примые* (2 кл.), *в лису, лисная, уливать* (3 кл.), *безприрывно* (5 кл.)» [5, с. 136-137].

Гласные второго предударного слога. В говоре обрусевших ительменов п. Ковран во втором предударном слоге наблюдаются те же гласные, что и в первом: [е] (*п'ер'едáт, т'ел'егрáх, м'едвэд'ицы, мэдвэд'ица, н'еужэл'ий, мэд'икамэнтóх, эп'идém'ийа, д'ер'ев'áной, п'ер'ев'азл'и́, на б'ер'егу́, в П'етропáлоск, пр'етс'едáт'el', с'el'сов'эт, эл'ектростáнц'ии, п'ер'ебрóс'ил'и, с'ем'енá, с мат'ер'ика́, на в'езд'ехóд'е, п'ер'ев'езл'и́*) и [и]: (*П'итропáвлофшк, к к'идрач'у́, к кидрач'ám, м'ид'иц'и́ншк'ий, с П'итропáлоска, к'ирос'и́нову́*).

Гласные первого заударного слога. В говоре п. Ковран в первом заударном слоге фонема /е/ выступает как [и] (*бúдж'ит* (будет), *бúд'им, ув'идж'ил, бывáит, бувáйит, пластáит, нарэ́ж'ит, ч'ет'ыр'иста, бúд'ит, бросáиш', выт'ира́иш', уб'ира́им, соб'ира́иш, получа́ица, в'ыл'из'иш'*), но чаще как [е] (*в'и́сохн'ет', в'и́сохн'ет, пáда́ет, хватá́ет, сн'имá́ет, по т'у́ндр'е, в бэрэ́зн'ик'е, на ф'эрм'е, на рабóт'е, д'éла́ец'а, как'и́е, уц'и́т'ел'ем, рабóта́ет, ф кол'хóз'е, на св'эт'е, жáр'ена, сém'дес'ат, удобны́е, в тр'эт'ем, н'э́котóры́е, так'и́е, су-х'и́е, с нáи'ева, хватá́ет*), очень редко – как [ь] (после [j]): *гул'я́йм, шожрэ́йт, в бáн'к'ь* (в бáнке). В большей же части примеров в заударном слоге после [j] выступает [э]: *бол'ш'о́е, хватá́ет, сн'имá́ет, как'и́е, рабóта́ет*.

3. Изменение [е] в [о] в заударном слоге после мягких согласных.

Единичные случаи ёканья встречающиеся в говорах камчадалов отмечал П.Ф.Кузмищев (без обозначения ударения): «*ночевьё, зимовьё, летовьё*» [8, с. 248].

На месте гласного [е] после мягкого согласного ([j]) перед твердым или на конце слова (в безударном закрытом или открытом слоге) в отдельных словах отмечалось [о]: *Жáйох* (Зáев), *питáн'jo, в'ы́мо́юм*.

Изменение [е] в [о] в заударном слоге после мягких согласных можно рассматривать, во-первых, как еще одно указание на полное оканье в говоре камчатских русских и, во-вторых, как особенность сибирских говоров, более всего сохранившуюся в говоре потомков переселенцев из Восточной Сибири в середине XIX в.

4. Гласный [и].

Яркой фонетической чертой двуязычных ительменов п. Ковран в области вокализма является смешение звуков [и] и [ы], а также произношение среднего звука [и^ы] или [ы^и]: *бы^ыл, б'улá, р'и́ба, корж'ы́нка, в'и́ш'сохн'ет', кры^и'и́шк'ь*.

Впервые обратил внимание на звук, средний между [ы] и [и], П.Ф.Кузмищев, автор «Замечания о камчатском наречии» (1832 г.): «Ы вместо И и обратно: *бил* (был), *уши* (усы), *выли* (вилы), *мышка* (миска), *лиза* (лыжа) и проч.» [8, с. 251].

В говоре ительменов, активно усваивающих русский литературный язык, [и] и [ы] весьма близки к соответствующим гласным нормированного языка; звук, средний между [и] и [ы], фиксируется не очень часто, его употребление отмечено в следующих случаях:

1) после [б] на месте [ы]: *штóби, б'и́штро, б'ул, заб'и́л* (забыл), *б'и́ло, б'и́л'и, в'и́лов'ул, б'улá, б'и́стро*, на месте [и]: *ол'én'ей там ы жабывáл'и*.

2) после [п] на месте [ы] – примеров нет, на месте [и]: *жатоп'ы́л'и, тороп'ы́шиа, куп'ы́ла, куп'ы́л, пысáл, наступ'ы́л*.

3) после [в] на месте [ы]: *в'и́ташч'ул, м'óртв'ий, трав'и́* (травы́), *в'и́дры, пов'и́наут, в'ибрáсывал'и, в'и́мо́ют, в'и́сохн'ет, в'и́таш'ул'и*, на месте [и]: *лов'ы́ч* (ловить), *полов'ы́на, оштанов'ы́л'иш, дров'ы́л'иш*.

4) после [м] на месте [ы]: *м'и́шóнк'и, м'и́*, на месте [и]: *ж д'ет'óнышамы, м'ы́лой, м'ы́соч'ка*.

5) после [н] на месте [ы]: *домохож'я́иштв'ин'и, рáжн'их, дол'бл'óн'ий, рáзн'и*, на месте [и]: *одн'ых, он'ы, ол'ёны*.

6) после [т], [д] на месте [ы] – примеров нет, на месте [и]: *иэ́ тыма, э́ты, э́тым, э́тых, копт^мы́л'и, сходьы́т, испо́рыл*.

7) после [р] на месте [ы]: *пор'и́ша, р'и́ба, р'ипко́п* (рыбкоп), на месте [и]: *вары́ч'* (варить), *прыио́л, жары́иш'а, куры́л* (курил – ветер), *говору́л'и, куры́л* (курил – прошедшее время глагола курить).

8) после [к], [г] на месте [ы] – примеров нет, на месте [и]: *плаву́ч'кы, ру́кы, по-ру́скы, кыр'и́лка* (кирилка – блюдо национальной кухни).

В говоре п. Ковран наблюдается произношение звука, среднего между [и^{bl}] или [ы^и]: *бы́'ло, крý'ишк', вы́'сохн'ет, вы́'лов'ул, р'и́'ба, с'и́'н*.

По мнению Н.И.Рябининой, «возникновение звука, среднего между Ы и И, в русском говоренье ительменов обусловлено теми изменениями, которым подвергалась система согласных. На месте мягких согласных оказались согласные веляризованные, т.е. субститутами русских мягких согласных явились соответствующие твердые согласные ительменского языка. Если корреляция твердых – мягких согласных оказывала в ряде случаев организующее воздействие на систему вокализма, то ослабление этой корреляции, естественно, могло привести к стиранию различий между Ы и И. Ср.: *бы́ли кулако́й* «били кулаком» – *припа́си бы́ли че́ли* «припасы (продукты) были целы» [3, с. 170].

О том, что в камчатском наречии в соответствии с Ы и И литературного языка произносится один звук – средний между Ы и И, свидетельствует малограмотное письмо камчадалов. Не случайно, как указывал К.М.Браславец, дети ительменов Ковранской восьмилетней школы в своих тетрадях допускают много ошибок на правописание Ы и И. Этим школьникам трудно определить, когда следует писать Ы, а когда – И, поскольку в их говоре это и не И, и не Ы, а именно средний звук [3, с. 165].

5. Лабиализация гласных.

Другой показательной чертой вокализма можно назвать спорадическую лабиализацию гласных: *Куры́то д'ер'ев'а́но, тудá клад'о́т ч'ер'емиа́, ри́'ба, сол' класт'.* *Ја́гуту, ры́бу лов'и́'и. Бува́ют иногдá л'э́том за́мороск'и. Tolkl'и́ ф кост'а́ных куры́тах.* Н.П.Саблина объясняет это межслоговой ассимиляцией в условиях между губными и заднеязычными согласными перед слогом с лабиализованным гласным [9, с. 5]. В то же время сильное огубление [о] в примерах типа *куры́то, куч'угу́рн'ик* (косо́гори́к), *до́ма пукá, бу́л'ишэ, публ'и́зэ, на плушч'áтку, бу́л'сэ* позволяет предположить и влияние ительменского языка, в котором артикуляционные характеристики звуков [о] и [у] ближе друг к другу по сравнению с русским языком. По словам О.А.Глущенко, «гласный [ы] нерегулярно лабиализовался в положении после губного согласного» [4, с. 22]: *н'э́ було, бува́йит, жабу́ла.*

II. Консонантизм

1. Губные согласные.

Губной звук [в] в речи двуязычных ительменов п. Ковран как правило губно-зубной, но спорадически он чередуется с губно-губным [w]: *С́нас у́ мнэ́ и́ну́к'и и пра́вну́к'и нава́лом. У́ нас јест па́кус'тат – жэ́ничыны́ йест вэ́рохкы́* (воровки). *Называ́ют пово́ска – ма́лен'к'и на́рты, ну там рэ́бонок таска́йет. Ну и бра́вен'ки копч'о́нки – ја́ у́тром поча́јева́л, цэ́лы хво́с'т'ик с'јел, бра́во поча́јева́л. Э́ти, проход'а́ишы́ говору́ли. Оле́н'а шку́ра ро́вдок на́зыва́ют. Комары́ сквос' куса́лы. Говор'и́т н'е мо́жэ́т, то́л'ко слы́ишэ. Slow н'е пон'и́ма́ју, а слы́ишэ, н'е вы́говору. Пйáно захо́д'ит – тут ы́ твора́т – уб'и́ва́ют. Два шку́ры обд'э́ыва́ют и с'у́т (шьют) куку́л'. Ч'ы́руч д'э́лајут ис'э́тк'и, как м'еи́о́к, там с'э́тка узáд'и поста́ват. А пото́м п'ерэ́вы́лика идо́т, пэрэ́выи́а́йет – вод дво́йна́ водá и бывáйет.*

В положении между гласными звук [в] может утрачиваться: *Од'и́на́рна во́дá, гоор'и́л'и, о́сэм ца́сов бу́эд. Губа́ п'ерэ́жо́наа б'еро́зоваа – п'э́п'ел јо́б на́зыва́ют. У́ јео́ два ору́жија. Нихто́ н'е па́кус'т'ит – жамко́м н'е закры́али. Ско́сыл'и – поора́чыва́эм.* Это севернорусская особенность, отраженная в камчатском говоре.

Звук [в] в речи ковранцев обычно оглушается в [ф] на конце слова и перед глухими: *Ра́н'ч'е фс'э́ рабо́тал. Со фс'э́й душы́ как поб'ежа́ла. Ф Ковра́н п'ер'ев'азли́ фс'о с'ало́. Ганц'а́роф пр'етс'еда́т'ел' з'д'э́с' был. Д'ет'э́й мно́го, вну́коф вос'емна́цат', ц'еты́р'е пра́внука. Хоз'а́йство на ф'э́рм'е ма́л'ен'ко́је, по д'э́с'ат'-п'итна́цат' голо́ф, ну э́т'их коро́ф. Ра́н'иш'е гр'и́боф вапи́'е н'е и́ел'и. Ја́рко-кра́сны јес' – огн'о́фки их на́зыва́ют* (о лисе).

М.А.Жидяевский писал, что в камчадалском диалекте «звук «ф» выговаривается неясно, во многих случаях заменяется звуком «х», например: *черкох* – церковь, *Покрох* – Покров» [6, с. 121]. В данном случае мы можем говорить о том, что «звуки [х] и [ф] вступают в отношения гиперкоррекции, т.е. на месте этимологического звука [ф] можно услышать звук [х]: *А чь́руч* – как мешо́к *вьа́жут*, *тут вэ́ро́хка*, *та́м на́плавы з дь́роч'ком*. *Он ры́тку пла́стану прин'ос*, *голо́хку ја вы́сол'ул*. *Копка́нцык поста́х там*. *Свой ја́зык х сто́рону*, *по-ру́шкы го-ор'йт*. *Когда́ дво́йна́ја вода́, сохс'эм н'е осыха́йет*. *П'ер'едов'йк в'ед'от хсэх соба́к*. *Война́ бы́л-то, ско́лко фс'егó поло́жыл'и*, *ч'то зарабо́тал'и вс'о на хронт*. А вот такое фонетическое явление, как употребление звука [ф] на месте этимологического звука [х], в говоре двуязычных ительменов п. Ковран не выявлено.

Так называемое явление раздвоения артикуляции мягкого губного на «губной + j», при котором на месте мягких губных камчадалы могут произносить два звука – мягкий губной и йот, в современных говорах Камчатки встречается непоследовательно. В диалектной речи двуязычных ительменов п. Ковран это явление также имеет место: *вьа́жут*, *жавья́жала*, *мйа́шо*, *пйат*, *жамйо́ржну*, *жамйо́рш*, *зивйо́т*. Однако говор ковранцев примечателен прежде всего тем, что в нем субститутами мягких губных и язычных являются твердые: *пл'ема́нык*, *з дэума́*, *врэ́ма*, *пл'ема́ныя*, *ж д'ева́тоо*, *бэ́лой*, *нарэ́ж'еш*, *напр'имэ́р*, *попэ́ро́к*, *впэ́ро́т*, *вэ́шајут*, *мэ́двэ́т'*, *на мо́рэ*, *здэ́лай*, *мы́сочка*, *рэб'о́нок*, *вэ́ро́хка*, *свэ́рху*, *бэл'о́* (бельё), *ка́пэ́лка*, *бэ́жы́т*, *фпэ́ро́т*, *вэ́тэр*, *снэ́к*, *из дэ́рэва*, *тво́рда*, *нэ́рпича*, *дэ́лалы*, *вэ́с'*, *оны́*, *вэ́сэ́ло*, *двэ́*, *пэ́рэвышайет*, *дэ́лал'и*, *бэ́р'о́зовой*, *шмэ́ху*, причем у одного лица отмечается или твердый губной и раздвоение артикуляции губного: *з'иво́т* и *з'ивйо́т*, или раздвоение артикуляции губного и мягкий губной: *мйа́шо* и *м'а́шо*. В п. Ковран можно услышать: *ма́со* – *мйа́со* – *м'а́со*.

А.М.Селищев раздвоение артикуляции губных связывает с развитием тенденции к отверждению согласных – «мягкость в образовании губных утрачивалась ...путем выделения за губной артикуляцией особой артикуляции о» [10, с. 221].

Изучение этого явления в камчатском наречии показывает, что через ступень раздвоения артикуляции губных фонетическая система не отходит от мягкого произношения губных, а, напротив, приходит к нему: *Ја род'йлс'а в Моро́шк'е*. *Л'епхо́й д'э́лал'и из морско́й трав'и*. *Па́лкой д'ер'ев'аной по голо́в'е удáр'ит*. *Ц'ен'йл'ис' по п'ац'о́т рубл'э́й*. *Пус'н'йну м'ен'ал'и на д'эн'г'и*. *Фс'о с'елó н'ер'ев'езл'и ф Ковра́н*. *Ф Па́лан'е былá у до́ч'ер'и – там н'е кл'й́мат*.

2. Боковые согласные.

Необычно в говоре двуязычных ительменов п. Ковран представлена фонема <л>, у которой имеется четыре (4) аллофона: вместе с типичными для литературного языка [л] и [л'] встречаются, при чем очень часто, средненёбные твердый [l] и мягкий [l']. А.М.Селищев охарактеризовал эту особенность в произношении камчадалов следующим образом: «Перед согласными вместо велярного л в выговоре слышится неприятное по непривычке ль» [11, с. 383]. По мнению О.А.Глущенко, «в данном случае мы имеем дело с проявлением интерференции на фонетическом уровне под влиянием языка аборигенов» [4, с. 25]: *Род'йлс'а ф Со́поц'ном*. *Ф колхо́з'е рабо́тал*. *З голо́вой плóхо*. *Хл'еп са́м'и н'екл'и́*. *Голова́ сй́'но бол'э́*. *Э́сл'и бэд'э́лал'и*, *то на св'э́т'е н'е б'ул бы ја*. *Там в Ковра́н'е уч'йт'елца ж'ив'о́т*, *то́ж'е балага́н сто́йит у н'е́јо*. *С'кóлы н'э́ был'и*, *ч'ич'ул'а́ н'э́ был'и* (учителей не было), *потóм нашл'и́ на́ш'ева м'э́стного уч'йт'ел'а*. *Потóм ста́л'и во вр'эм'а кол'ект'ив'иза́ц'ии колхо́зы з'эм'л'у копа́т*. *Соба́ч'ка и ло́шад' за маиш'йну бы́л'и*. *Ф Ковра́н'е рабо́тала*, *снача́ла колхо́зн'иц'ей про-стой рабо́тала*, *потóм т'ехн'йч'кой ф шкóл'е*, *н'еп'ерывно рабо́тала*.

Как показывают приведенные выше примеры, а также диалектные записи, начиная с 70-х гг. XX в., средненёбные звуки [l] и [l'] широко употребляются в говорах двуязычных ительменов п. Ковран.

3. Согласные [p] и [p'].

Артикуляция звуков [p] и [p'] в диалектной речи ковранцев полностью совпадает с литературным произношением, что подтверждается диалектными записями, начиная с конца

60-х гг. XX в. Этот факт является опровержением мнения К.М.Браславца по поводу того, что «картавое» произношение Р – характерная особенность русских говоров «камчатского наречия» [5, с. 183].

4. Шипящие и свистящие согласные.

В конце XIX в. В.Н.Тюшов писал, что все камчадалы и русские, живущие на Камчатском полуострове, «говорят на испорченном русском языке особым говором», главной особенностью которого является «замена шипящих свистящими и наоборот» [12, с. 62].

Действительно, для русского говора ковранцев (особенно тех, кто уже не говорит на ительменском языке) характерно смешение свистящих и шипящих звуков [с] и [ш], [з] и [ж]: *Ja н'и рáжу н'е дерзál. Ден' в бóтах похóдис', потóm спíиу'. Болсóй стал. Так ы з'ив'óm в н'ом. Дóлго сус'йл'и, полм'эс'ац'а. Бол'с'ийе корз'ины б'йл'и. Проп'итывал'и з'и́ром, штоп н'и намокáл'и. На балагáн в'еша́ет шуш'ит, а потóm и'обáч'ки кóрм'ат. Кóш'т'и с'обáкам. Там никоó с'ас н'эту. Н'е рабóтају, попрóш'ат – пойду́ порабóтају. Ус'ól, Volód'ка звáт'. Посто́яно ц'ó-то в э́том годý дóз'т' ид'от и ид'от. Балагáны стáв'илы dl'a шу́и́кы кó-рускы. На балагáн полóз'ат. Настéл'ат з'ерд'ám'и, прýт'jam'и. С́яс балагáноф нет узэ. Нáсы по-итэл'мéнс'и вáвоч'кам'и назывáл'и. Такýйу игрýску náдо мн'е зде́лат. Дымл'óтина, из не́ј торбáзá с́ют.*

Проанализированные примеры позволяют нам не согласиться с мнением К.М.Браславца по поводу того, что «в русском говоре ковранцев представлена в основном замена свистящих шипящими», а «замена шипящих свистящими встречается редко» [5, с. 224], так как в диалектной речи ковранцев в равной степени представлена как замена свистящих шипящими, так и наоборот.

Вместе с произношением артикуляционно однородных звуков при шепелявости в говоре двуязычных ительменов п. Ковран встречаются звуки [з^ж] и [с^ш], [ж^з] и [ш^с]: *Морскóй трава, шуш'ит' и́јó, потóm в'и́и'сохн'ет', и о́строй травóй заи'ивáют, как игóлкой. Дус'но ста́ло. Ж'áпах т'ажóлой. Корж'ы́нка каг б́уто ма́т. Комч'и́гу домóй отн'ис'óm, в'и́мојом и и'ушым. С'тýк трéцат'. Р'и́ба хорос'ó лови́с'а. Пус'н'и́ну м'ен'áл'и на де́н'г'и. Полм'эс'ац'а с'л'и. Од'э́ж'ды н'э б'ило. Нос'и́л'и так'и́је с'áпк'и, ис сóбол'а с'и́л'и.*

Долгие шипящие редко произносятся ковранцами чисто. Как правило происходит утрата долготы или мягкости, либо проявляется тенденция к шепелявости. Долгий глухой шипящий ковранцы произносят как [ш'], [ш':], [ш], [с'], [с':], [с^ш] или [ш^с], [с^ш] или [ш^с]: *јэи':ó, ж'ар'и́и':а, и'об'и́рáл'ис', сус'ыл'и, в'еша́еца, сус'и́л'и, попрóш'ат, а долгий звонкий шипящий – как [ж'], [ж], [з'], [з':], [з^ж] или [ж^з], [з^ж] или [ж^з]: *корж'ы́нка, роз'м'ешáл'и, ж':и́ром, ж'ир, ж'ар'и́и':а, молод'óз', з'и́ром.**

5. Аффрикаты.

Широкое распространение получило явление неразличения аффрикат. В речи двуязычных ительменов п. Ковран на месте [ч'] и [ц] можно услышать твердый и мягкий [ц] или смешанные звуки [ц^ч] или [ч^ц], [ц'] или [ч']: *Н'е зна́юм, поч'ему́ назывáют Ковра́ном. Ц'ч'ут' концы́ н'е oddáл. Сп'и́ц'ки был. К'ита́, горб́уша, ч'ч'ав'и́ч'а. Хот' нóц'ју при́д'óm. Ганц'ч'арóф пр'етс'едáтél' з'д'ес'бы́л. Траву́ шуш'и́л'и сна́ц'áла. Ф Сóпоц'ч'ном пусть́је с'óла. Цтó д́умал'и на́уц'и́к'и? Чóја на́ц'и́кал? Ка́пэлка.*

«Причины цоканья и неразличения шипящей и свистящей аффрикат в одном шепелявом звуке Н.П.Саблина видит в севернорусском «наследстве» камчатских говоров, а также во влиянии ительменского языка, в некоторых диалектах которого была корреляция [ч'] и [ц]» [4, с. 29].

6. Заднеязычные глухие и звонкие согласные.

Произношение заднеязычных в говоре двуязычных ительменов п. Ковран сегодня практически не отличается от литературного произношения: звуки [г] и [к] произносятся как взрывные: *Бра́т'јев мно́го бы'л. Сто́л'ко ит'ел'м'энов в ќучу бросáл. Ф колхóз'е рабóтал. Јáго-да мно́го. Пра́внук'и јест', а вну́к'и скóл'ко хош'. Кодá война́ б'улá, м'и ма́л'ен'к'ије б'и́л'и.*

7. Согласный [j].

Наблюдается утрата интервокального [j]. По мнению О.А.Глущенко, «явление утраты интервокального звука [j], приводящее к уподоблению и стяжению гласных в говоре ковранцев часто встречается в именных частях речи, реже – в глагольных формах» [4, с. 29]:

Э́то ужэ́с о́с'ен'у́ н'ер'есту́ца. Когда́ дво́йна́а вода́, сохс'ём н'е осыха́эт. Но́жна называ́эца. Обд'ела́ут шку́ра, пото́м ро́вдок называ́ут. Два́ шку́ра обд'ёыва́ут и с'у́т куку́л'. Тут ко́л'а (ко́лья) з'о́'ёла́ут.

Таким образом, проанализированный материал позволяет сделать следующие выводы:

1. Говор двуязычных ительменов п. Ковран является окающим.
2. Гласные *Е, А* после мягких согласных реализуются как [и] (иканье), так и [е] (еканье), а в некоторых случаях – как [а] (яканье).
3. Яркой фонетической чертой является смешение звуков [и] и [ы], а также произношение среднего звука [и^и] или [ы^и].
4. Наблюдается спорадическая лабиализация гласных.
5. Звук [в], как правило, губно-зубной, но он может чередоваться с губно-губным [w].
6. Фонема <л> имеет четыре аллофона: типичные для литературного языка [л] и [л'], а также средненёбные [l] и [l'].
7. Отмечается неразличение свистящих и шипящих звуков [с] и [ш], [з] и [ж], аффрикат [ч'] и [ц], совпадающих в [ц] (т.е. цоканье).

ЛИТЕРАТУРА

1. Исаев М.И. Словарь этнолингвистических понятий и терминов. М.: Флинта: Наука, 2001.
2. Орлова Е.П. Историко-этнографический очерк. СПб.: Наука, 1999.
3. Рябинина Н.И. Русские говоры Дальнего Востока. Комсомольск-на-Амуре, 1996.
4. Глушченко О.А. Лингвистическое краеведение: камчатские говоры. Учебно-методическое пособие. Петропавловск-Камчатский: Изд-во КГПУ, 2004.
5. Браславец К.М. Диалектологический очерк Камчатки // Ученые записки Хабаровского гос. пед. института. Том XIV. Южно-Сахалинск, 1968.
6. Жидяевский М.А. Камчадалский диалект. Его происхождение и краткая характеристика // Советский Север. 1930. №2.
7. Даль В.И. О наречиях русского языка. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. М., 1956.
8. Кузмищев П.Ф. Собрание особенных, или имеющих другое значение слов и некоторых выражений, употребляемых в Камчатке // Москвитянин. Ч. 2. 1842. № 3.
9. Саблина Н.П. Русские говоры Камчатки (фонетика). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1966.
10. Селищев А.М. Диалектологический очерк Сибири. Выпуск 1. Иркутск, 1921.
11. Селищев А.М. Диалектологический очерк Сибири // Селищев А.М. Избранные труды. М., 1968.
12. Тюшов В.Н. По западному берегу Камчатки / Записки Имп. РГО по общей географии. Т. 37. Санкт-Петербург, 1906. № 2.

Л.А.Полищук

СИСТЕМНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЛЕКСИКЕ КАМЧАТСКИХ ГОВОРОВ

(на примере наименований обуви с голенищами,
подгруппы «Названия торбазов»)

Современный этап развития диалектологии характеризуется утверждением системного подхода к изучению словарного состава русских народных говоров. «Исследовать лексику диалекта как систему – это значит исследовать состав и отношения элементов внутри тематических, лексико-семантических групп, изучать вопросы варьирования, исследовать семантические и экспрессивно-стилистические связи, отношения оппозиции, проявляющиеся в отношениях синонимии, омонимии, в отношениях общего и частного, в различной сфере употребительности; это значит исследовать связи и отношения активного и пассивного запасов лексики, слов диалектных и общенародных, терминологической (специальной) и нетермино-

логической (неспециальной) лексики» [1, с. 15]. Цель статьи – описать системные отношения в лексике камчатских говоров на материале родо-видовой группы (РВГ) «Наименования обуви с голенищами».

РВГ «Наименования обуви с голенищами» включает 35 лексических единиц общерусского и диалектного характера: *торбазá, торбасá, торбажá, тóрбасы, торбазá юхтовые, торбазá гóлые, голи́цы, торбазá ка́мусные, ка́масы, ка́мусы, камасá, ка́маши, торбазá бродо́вые, брóдни, брóдники, суту́ри, брóдни горло́вые, ала́чики, ала́цики, й́чиги, чиркí, унтý, ку́лты, сапогí, сапогí рези́новые, рези́нки, сапогí боло́тные, боло́тники, сапогí хро́мовые, сапогí кирзо́вые, кирзачí, сапогí яло́вые, ва́ленки, ка́танки, начёсанки*. В их значении вычленяется интегральная сема (ИС) «обувь с голенищами». Противопоставляются слова семами, обозначающими 1) вид материала: из шкур животных (дифференциальная сема – ДС₁), не из шкур животных (ДС₂); 2) способ изготовления: ручного производства (ДС₃), фабричного производства (ДС₄).

Соотношение семного и лексемного состава данной РВГ можно представить следующим образом:

Семема	Лексема
1. Обувь с голенищами (ИС), сшитая ручным способом (ДС ₃) из шкур животных (ДС ₁)	торбазá (торбасá, торбажá, тóрбасы, торбазá юхтовые, торбазá гóлые (голи́цы), торбазá ка́мусные, торбазá бродо́вые), ка́масы (ка́мусы, камасá, ка́маши), брóдни (брóдники, брóдни горло́вые), суту́ри, ала́чики (ала́цики), й́чиги, чиркí, унтý, ку́лты
2. Обувь с голенищами (ИС) фабричного производства (ДС ₄), сшитая из различных материалов (ДС ₂)	сапогí (сапогí рези́новые, рези́нки, сапогí хро́мовые, сапогí кирзо́вые (кирзачí), сапогí яло́вые), боло́тники, ва́ленки, ка́танки, начёсанки

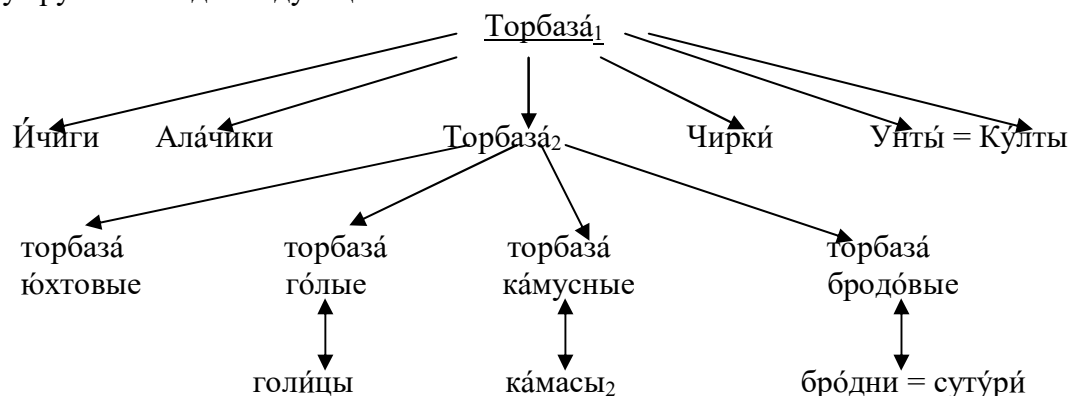
Гиперонима в этой РВГ нет, все ее члены, кроме ИС, имеют ДС в значении, которыми и противопоставляются.

Широкая по объему группа «Названия обуви с голенищами» делится на две подгруппы: 1. «Названия торбазов»; 2. «Названия сапог». В основу членения положены два дифференциальных признака (ДП): «исходный материал» и «способ изготовления» (первая характеризуется ручным способом изготовления; обувь второй подгруппы обычно покупается в магазине, т.е. она фабричного изготовления).

В данной статье анализируются лексемы, входящие в подгруппу «Названия торбазов».

Подгруппа «Названия торбазов» включает следующие лексемы: *торбазá : торбасá : торбажá : тóрбасы, торбазá юхтовые, торбазá гóлые : голи́цы, торбазá ка́мусные : ка́масы : ка́мусы : камасá : ка́маши, торбазá бродо́вые : брóдни : брóдники = суту́ри, брóдни горло́вые, ала́чики : ала́цики, й́чиги, чиркí, унтý = ку́лты*, вступающие в вариантные, синонимические и гиперо-гипонимические отношения. ДС₁, ДС₃ объединяют эти слова в одну подгруппу.

Возглавляет группу гипероним торбазá₁, имеющий в своем значении ИС. Представим структуру группы в виде следующей схемы:

Лексема *торбазá* в говорах камчадалов функционирует в двух значениях: 1. Общее наименование обуви, сшитой из шкур животных (в схеме торбаза₁). 2. Обувь, сшитая из оленьих шкур, шерстью наружу (в схеме торбаза₂).

Первое значение лексемы можно считать родовым. Присвоить данной лексеме статус гиперонима нам позволил исследованный языковой материал: *Кáмусы – это миховые торбазá. Кáмасы – ис кожи торбазá, только лохматые. Галйцы – это такие торбазá как и кáмасные, только без йетих, без меха* (Млк.); *А на рыбалку сапок не было, носили брóдни, по две шкуры шшитые, длинные такие торбазá. Алáчики – торбазá, ф которых за бараном на каменные скалы лазили, на подошву понашивы делали. Ёчиги шшили, торбазá называют ис скурры, ис корóвника, телёнка. Ёчиги музыкам сыла – это торбазá до коленей, на охоту ходить* (Клч.); *Ис короф сили торбазá для рыбалки, брóдни называца* (Ссн.). Из контекстов видно, что слова вступают в родо-видовые отношения. Лексема торбаза₁ зафиксирована в ста контекстах, отмечена в говорах двенадцати населенных пунктов: Длн., Клч., Квр., Млк., Нкл., Прт., Ссн., Слт., Сбл., Тгл., У-К., У-Б.

Лексема торбаза₂ зафиксирована в ста шестидесяти контекстах, отмечена в говорах семнадцати населенных пунктов: Анв., Длн., Клч., Квр., Кзр., Кмн., Мал., Млк., Нкл., Прт., Ссн., Слт., Сбл., Тгл., У-К., У-Б, У-Х.. Зафиксированы следующие варианты: *торбасá, торбажá, тóрбасы*. Наличие данного значения подтверждается контекстами: *Торбазá оленьи носили зимой, обизательно из осóки стельки делали. И шшили торбазá иш шкуры, а подошва из медвежсей шкуры. Торбазá оленьи носили, тёплые зимой, и туда осóку, торбазá иш шкуры* (Млк.); *Раньсе носили торбазá с оленя, миховые они были, торбазá для зимы* (У-Б.); *Брóдни длинные, торбазá короткие, торбазá мехом сверху. Торбазá из оленьих скур, мехом сверху. Зимние торбазá шшиты мехом наружу, не промакали. Торбазá из оленя ноги, как сапоги шерстью верх* (Квр.); *Торбазá – это такие ис кáмаса сделаны, с оленя шкуры* (Клч.); *Обуфка тоже была с олених шкур, торбазá назывались* (Тгл.); *Торбазá михавые, зимой в них ходили, у торбазóф мех наружу* (Кзр.).

В этом же значении лексема представлена в «Словаре русского языка» (1957): «Торбасá (торбáсы, торбазá). Мягкие сапоги из оленьих шкур шерстью наружу» [2, т. 4, с. 526]. Обратим внимание, что лексема *торбазá* в литературном языке (ЛЯ) отмечена как вариантная к *торбасá*, в говорах камчадалов она имеет статус основной единицы.

Вариант *торбасá* зафиксирован в двадцати двух контекстах, отмечен в семи населенных пунктах (Длн., Квр., Кзр., Клч., Кмк., Млк., Нкл.), является общерусским лексико-фонетическим вариантом слова *торбазá*: *Ходили ф торбасáх, сили сами, ну ф сирую погоду носили брóдни* (Квр.); *Пот торбасá при́копотки адевал из ваты и матерьяла* (Нкл.); *На охоту одивали тёплые торбасá. Сами шшили торбасá, они не намокали* (Млк.).

Лексико-фонетический вариант *торбажá* зафиксирован в семи контекстах, отмечен в говорах пяти населенных пунктов (Елз., Квр., Кхч., Сбл., Тгл.): *Коротки торбожá – дымлénки, на шенокос надивают, они лёхкие. Тгл. Из олений с^шкуры вот торбажá вот йети, вот такие длинные. Хорос^шые торбажá, подошва из йетой из нёрпицей с^шкуры* (Сбл.); *А на рыбалку шшили длинны таки торбажá* (Сбл.); *Шшили эти торбажá мужыкам, рыбакам* (Кхч.); *Жимой ф камáшах, летом ф торбажáх* (Елз.).

Лексико-фонетический вариант *тóрбасы* зафиксирован в трех контекстах, отмечен в говоре одного села (Млк.): *Брóдни – эта тозе тóрбасы, только долгие. Раньше только тóрбасы носили. Тóрбасы иш шкуры шшили* (Млк.).

Анализируемая лексема чаще всего актуализируется в речи камчадалов в форме мн. ч., отмечены единичные фиксации формы ед.ч. *Онúчка называли портянку, в йетот тóрбас стельку клали, тепло было* (Кзр.); *Поверх тóрбаса наколенники одеют, стоп снек не попадал* (Нкл.); *Сучили нитки длинны по два метра на один тóрбас. Шшили йето наколенники, вот тоже в мокрую погоду на тóрбас надевают, тоже ис скурки оленя* (Млк.).

Большой ареал распространения затрудняет восстановление языка-источника данной лексемы. Но многие ученые говорят о сибирском происхождении лексемы. Так, напр., В.И.Даль в словарной статье на слово *торбасá* делает помету *сиб.* [3, т. 4, с. 418].

О.Т.Бархатова также считает его сибирским по происхождению: «Анализ бытовой лексики говоров камчадалов показал, что в своей основе она является общенародной, сформировавшейся на базе лексики сибирских говоров, которые связаны с языковым комплексом севернорусского наречия. Некоторые из записанных нами у камчадалов слов встречаются в исследованиях сибирских говоров... Сибирскими по происхождению являются такие слова, как торбаса...» [4, с. 38]. А.А.Бурыкин считает лексему *торбас* заимствованной из якутского языка: «...слово торбас «название зимней обуви», заимствованное из якутского языка, известно далеко за пределами зоны русско-якутских контактов» [5, с. 49], что подтверждается и другими источниками: в якутском языке сапоги из оленьего меха, шерстью наружу обозначаются лексемой *этэrbэс* [6, с. 289].

Проанализированные контексты позволяют сделать вывод об универсальности данного вида обуви. Торбазы могли носить и мужчины и женщины, как летом, так и зимой, и шилась эта обувь не только из шкуры оленя. Поэтому при толковании данной лексики мы обнаружили множество ДС, что осложнило выделение общего значения слова. Так, в значении актуализируются следующие семные компоненты: 1) сезонность использования; 2) материал изделия; 3) атрибутивная принадлежность изделия лицу определенного пола. Приведем контексты, подтверждающие наше утверждение: *Торбазá летнии и зимнии. Летнии из лёхой кожи, а для зимних кожа потолще. И длинные, и короткие торбазá ис скур, мех убирают – летние* (Млк.); *Летние торбазá из лёхой кожи, лёгоньки были* (Клч.); *Торбазá летние – шерсть снимают, хоц'ишь красили ц'орный и продубят ольховой корой. Зимние торбазá шыли мехом наружу, не промакают. Торбазá зимние – эта с ноги, из олений ноги. Летом торбазá лёгоньки, полозут ф подвал попарца и ч'ерез нидельку тонки, всё снмцеа* (Квр.); *Торбазá были летние и зимние* (Тгл.). Итак, летние и зимние торбазы отличались качеством материала, из которого они шились. ДП, по которому данные виды торбазов противопоставляются, – «наличие / отсутствие меха». Летние торбазы шили из шкуры без меха, а зимние были меховыми.

Анализ материалов позволяет говорить о двух ДП, положенных в основу противопоставления женских и мужских торбазов:

1) особенности завязок (женские с – оборкой, а мужские с – опушкой): *У женицин торбазá с оборкой, она их затягивала, а у мужикоф с опушкой. Женщины с оборочкой – затягивали, а у мужикоф с опушкой сверху; опушечка – эта шкурочка тоненькая и затягивали* (Млк.);

2) длина голенища (мужские торбазы длиннее женских): *Женицинам шыли из барана, мяхче, мушские торбазá длинные. Торбазá шыли мушские и женские, мушские длинные* (Млк.); *Торбазá и длинные, и короткие* (Кзр.); *Носили торбазá, мех внутри, мужыкам длинные, женицинам – короткие* (У-Б.).

Указание на особенности длины женской и мужской обуви мы находим в книге С.П.Крашенинникова: «Мужская обувь от женской вообще разнствует тем, что у мужской голенища коротки, а у женской по колено долги, впрочем шьется из различных кож» [7, т. 1, с. 46]. Данные С.П.Крашенинникова противоположны полученным нами сведениями о мужской и женской обуви. По нашему мнению, женщинам не нужны были высокие сапоги, так как они не занимались промысловой деятельностью, поэтому мы не будем отказываться от дифференциации женских и мужских торбазов по признаку длины.

Исследованные контексты показали, что торбазы чаще всего шили из шкуры оленя, но камчадалы использовали для торбазов и шкуры других животных: *Делали из оленьей шкуры, медвежый торбазá. Торбазá ис шкур, подошва медвежья, а верх олений или бараний. Скотину имели, скотину забивали, а шкуру на торбазá. Торбазá ис скуры любой сили. Сыли торбазá, убьёт хозяин бычка, оленя – обделать надо. Торбазá ис коровьей кожи шыли, типа как сапоги, только подошва кожаная. Кáмусные торбазá ис кáмоса. Лытки оленьи абдирают, выделяют и шьют торбазá* (Млк.); *Торбазá носили очень тёплые, с'''ыли ис''' кáмуса, по-другому – э'тос'''кура с'''нок оленя* (Квр.).

Торбаза, сшитые из кожи домашнего скота, получили составное наименование *торбаза́ юхтовые*, в котором атрибутивный компонент указывает на особенность материала, применяемого для их изготовления. *Говорили: сшей себе юхтовые торбаза́ с оборками, ис кожи вырезали, лёхкие были* (Млк.). Прилагательное *юхтовый* образовано от существительного *юхта*, которое в говорах камчадалов функционирует в значении «кожа домашнего скота»: *Шкура называлась юхта – блестящая, готовая на сапоги, может с коровы, может со сви́ньи* (Млк.); *А это простая юхта, это ис коровы или быка кожи* (Длн.); *Сапоги шили из юхты, её выделывали ис козы козла* (Нкл.).

Слово *юхта* (как и наименование торбаза́ юхто́вые) отсутствует в словарях ЛЯ, что позволяет отнести его к диалектным. Но слово известно другим говорам. Так, напр., в словаре В.И.Даля оно имеет следующее значение: «Юфть или юхть. Кожа рослого быка или коровы, выделанная по русскому способу, на чистом дегтю» [3, т. 4, с. 670]. Наличие дифференциальной семы «из кожи быка, коровы» сближает приведенное значение слова со значением, отмеченным в камчатских говорах. Отсутствие ограничительных помет говорит о широком распространении данной лексемы в диалектном языке. Но это не значит, что во всех говорах она функционирует в аналогичном значении. Так, напр., в русских говорах Приамурья лексема получила иное семное наполнение: «Юхта́. Сорт кожи, получаемый на кожевенных фабриках» [8, с. 47].

Для наименования торбазов, сшитых из шкуры без шерсти, в говорах камчадалов используется составное наименование *торбаза́ го́лые*, зафиксированное в шести контекстах, отмеченное в трех камчатских говорах (Кзр., Клч., Кхч), вступающее в варианты отношения со словом *голи́цы*: *То́рбасы го́лые – йу́хтовые, ф сырую погоду. Го́лые торбаза́ для женщин были. Женщины летом носили го́лые торбаза́ ис кожи, с оборками. Летом го́лые торбаза́ носили* (Клч.); *Для мокрости го́лые торбаза́ сили, выде́лывали шкуру оленя на мя́ке* (Кзр.); *Те го́лые торбаза́ ш оленьих лапок, ка́мошни торбаза́* (Кхч.). Данное наименование отмечено и в «Словаре русского камчатского наречия»: «Торбаза голые. Торбаза без шерсти, со “сбитой шерстью”» [9, с. 47]. В качестве субстантивного компонента данного составного наименования выступает родовое название, а атрибутивный компонент, указывающий на ДП значения, выражен прилагательным *голый*. Прилагательное *голый* в говорах часто используется в составных наименованиях: *кухлянка голая, рукавицы голенькие*. Во всех случаях лексема *голый* указывает на особенность материала, из которого сшито изделие, – шкуру без шерсти, кожу. При сопоставлении лексического значения слова в говоре со значением в ЛЯ обнаруживается формальное и семантическое сходство. Но синтагматические свойства прилагательного в ЛЯ и говорах не совпадают: для ЛЯ не характерна сочетаемость прилагательного *голый* с существительными тематической группы «одежда – обувь», что позволяет считать составное наименование *торбаза́ го́лые* диалектным.

Анализ материала показывает, что камчадалы при толковании данной лексемы актуализируют несколько ДС: 1) сезонность использования – «носили летом»; 2) половая закреплённость – «для женщин»; 3) функциональность – «в сырую погоду». Наличие этих ДС объясняется общим значением слова торбаза («обувь, сшитая из шкуры без шерсти, кожи»). Торбоза надевали в сырую погоду (т.к. они не намокали), в летний период (в них не было жарко), их носили и женщины (отсутствие меха делало их легкими).

Лексема *голи́цы* зафиксированная в трех контекстах и отмеченная в одно говоре (Млк.), является диалектным вариантом составного наименования торбаза́ го́лые: *Голи́цы – такие же торбаза́, как и ка́масные, только без йетих, без меха. Го́лые торбаза́ голи́цами называли. Голи́цы – торбаза́ иш шкуры без ворса* (Млк.).

Для наименования торбазов, сшитых из *ка́маса* (шкуры с ног оленя) в говорах камчадалов функционирует составное наименование *торбаза́ ка́мусные* и однословное *ка́масы*.

Наименование *торбаза́ ка́мусные*, зафиксированное в десяти контекстах и отмеченное в говорах шести сел (Квр., Кзр., Клч., Кхч., Млк., Прт.), вступает в варианты отношения со словом *ка́масы*, а синонимов не имеет: *Ка́мусные тарбаза́ ис ка́маса, лытки оленьи обдирают, выделывают и шьют тарбаза́. Ка́мусные торбаза́ только без йетих, без меха. Олени*

лапки снимались и шили торбазá, называли кáмусные (Млк.); Кáмусные торбазá из олений кожи и вокрук подошвы кант. Торбазá у коряк покупали, торбазá были кáмасные и кожаные (Клч.); Брóдни – э́то тарбазá, от слова бродить, с олений кожи; кáмасные тарбазá ис кáмоса (Прт.); Торбазá кáмусные из оленя ноги, как сапоги, шерстью верх (Квр.). Ш олений лапок кáмусные торбазá (Кхч.). Отсутствие атрибутивного компонента в словарях ЛЯ позволяет считать наименование диалектным.

Лексема кáмасы в говорах камчадалов является многозначной: 1. Шкура с ног оленя. 2. Обувь, сшитая из такой шкуры (далее камасы₂). Немаловажно отметить, что чаще всего слово в форме ед.ч. употребляется в 1 значении, а в форме мн.ч. – во 2 значении. Здесь, по видимому, прослеживается принцип аналогии (обувь обозначает парные предметы и поэтому лексемно-наименования обуви употребляются в форме мн.ч. – сапоги, ботинки, туфли). Кáмасы₂ является членом анализируемой подгруппы.

Лексема кáмасы₂ зафиксирована в двадцати одном контексте, отмечена в говорах пяти сел (Анв., Елз., Клч., Млк., Нкл.) и является диалектным номинативным вариантом составного наименования торбазá кáмусные, вступает в вариантные отношения со словами кáмусы, камасá, синонимов не имеет: Кáмасы из нок оленя, абдируют до колен (Квр.); Кáмасы – эта из олений нок (Клч.); Свекрофка шила ис шкуры типа сапок кáмасы. Ис шкур шили торбазá, кáмасы, йчиги, кухлянки. Кáмасы – сапошки, верх бывает короткий и длинный с узором, по верх мех. Кáмасы – сапоги, из оленя шили. Кáмасы – ис кожи торбазá, только лохматые. Кáмасы подвид валенок, шили из оленя. Кáмасы с олений лап, лохматые. Кáмасы были длинные, короткие ис шкурок, наружу мех, а вовнутрь другой мех ложат. Кáмасы были длинные, шили из оленя. Раньше ис шкуры медведя йчиги шили, кáмасы шили из оленя (Млк.); Короткая тёплая обувь, кáмасы из олений лапок, обувь взамен кáтанок (Елз.); Кáмасы сили ходить, коротенькие был (Нкл.); Кáмасы сашить, одежду пастухам (Анв.).

Проанализированные контексты показывают, что камасы могли носить как мужчины, так и женщины: Камасá носили и женщины, они симпатичней, чем торбазá (У-Б.); Камасá на охоту делала до бедер длинные, у зенсин маленькие с оборками. Кáмусы от низу, наверно, шкурку снимают, мужыкам длинные зашивали, а женщинам до колена. Кáмасы – сапошки, верх бывает короткий и длинный с узором, оленя с ножсек. Кáмасы шили – это у оленя с ножсек, тоже обрабатывали, они делались мягкими, длинные и короткие (Млк.). Заметим, что в диалектной речи камчадалов происходит противопоставление женской и мужской обуви по длине.

Лексема известна не только камчатским говорам, что подтверждается данными словаря В.И.Даля, где она зафиксирована как архангельская, сибирская: «Кáмас, кáмыс. Кисá, шкура с оленьих ног, на обувь и рукавицы. Иногда самые рукавицы и сапоги (или торбасы) называют кáмасами» [3, т. 2, с. 80]. В.И.Даль указывает на способность лексемы обозначать обувь, сшитую из камаса.

Диалектный лексико-фонетический вариант слова кáмасы – кáмусы зафиксирован в двенадцати контекстах, отмечен в говорах семи населенных пунктов (Длн., Кзр., Клч, Крк., Млк., П-К., У-Б.): Носили раньсе кáмусы из оленьей кози (Клч.); Кáмусы – от низу шкуру снимают, мужыкам длинные зашивали, а женщинам до колена. Кáмусы – это миховые торбазá (Млк.); Кáмусы из оленьих лап сили, тёплые оцень были, но оцень сыпуции (П-К.); Кáмусы с оленьих нок (У-Б.); Кáмусы шили, такие сапошки с нок оленя (Крк.); А когда сильные морозы, то носили кáмусы, на сухую погоду, с олений ножсек, шерсть глаткая, короткая (Кзр.); Мама шила кáмусы из шкурки оленьей ноги (Длн.).

Диалектным лексико-фонетическим вариантом слова кáмасы является лексема камасá, зафиксированная в десяти контекстах, отмеченная в говорах четырех сел (Длн., Млк., Скч., У-Б.): Вот камасá надел, потом наколенник. Шили камасá, их шили ламу́ты, красивые, они бисером обделанные (Млк.); Камасá – обувь, пластают шкурки, сушут, из нок (Скч.); Камасá насили и женщины, они симпатичнее, чем торбазá. Выдывали сами. Шьют камасá с оленьева меха сверху, длинные. Камасá – мех сверху – короткие сапоги (У-Б.); Камасá шили из олений (Длн.).

Все вышеописанные лексемы противопоставляются по ДС «наличие / отсутствие меха»:

Наименование	Наличие меха	Отсутствие меха
Торбаза зимние	+	–
Торбаза камусные	+	–
Торбаза летние	–	+
Торбаза юхтовые	–	+
Торбаза голые	–	+
Голицы	–	+

Одно из центральных мест в РВГ «Названия торбазов» по употребительности как самой реалии, так и лексемы, её обозначающей, занимает слово *брóдни*, зафиксированное в девяти контекстах и отмеченное в говорах семнадцати населенных пунктов (Анв., Елз., Длн., Квр., Кзр., Клч., Крк., Мал., Млк., Нкл., Прт., Сбл., Скч., Ссн., Тгл., У-Б., У-К.). Лексема *брóдни* вступает в вариантные отношения со словом *брóдники*, составным наименованием *торбаза́ брóдóвые*, в синонимические – со словом *суту́ри*. В говорах функционирует в значении «Промысловые длинные непромокаемые торбаза»: *Охотники шили брóдни, типа резиновых сапок. А на рыбалку сапок не было, носили брóдни – по две шкуры шитые, длинные такие торбаза́* (Клч.); *Брóдни – эта тозе торбаза́, только долгие* (Млк.); *Из толстых шкур рыбакам сили брóдни, высокие были* (Длн.); *Из короф сили торбаза́ для рыбалки, брóдни называца* (Ссн.); *Брóдни сили ис скуры для музикоф, ходили по воде* (Нкл.); *Брóдни – большие сапоги ис кожи молодняка, рыбачили в их* (Скч.); *Брóдни ис корови шкуры для рыбалки; шили так, штоп вода ни протикала* (Мал.). Данная лексема известна не только говорам камчадалов. В словаре В.И.Даля находим следующую запись: «Брóдни. Бахíлы. Обычная обувь сибиряка... Рыбачьи бродни, бахилы – сапоги с высокими голенищами, на помочах» [3, т. 1, с. 129].

Для изготовления бродней использовали специальным способом обработанную шкуру: с нее скребком снимали шерсть; для непромокаемости во время обработки (копчения) постоянно смазывали жиром: *Шкуру выделявали вручную: её опскоблют, ложут жир и свёртывают, потом мнут и мяхкая, свёртывают ф трупку и мнёшь долго, сухую опять смазывают и мнут* (Клч.); *Брóдни делали иш шкур, они не пропускали воду и били мянфкие, потому што били прожырёные медвежым жиром* (Млк.); *Брóдни с^шыты с^шо с^шкур с^ш молодых жывотных, с^шют вручную, с^шус^шат, коптят, нерпйчим, медвежым жиром пропитывают* (Квр.).

Составное наименование *торбаза́ брóдóвые*, зафиксировано в двух контекстах в говоре одного села (Елз.) и является диалектным номинативным вариантом слова *брóдни*: *Брóдóвые тóрбосы – брóдни ис кожи. Торбаза́ брóдóвые – брóдни* (Елз.).

Лексема *брóдники* зафиксирована в пяти контекстах в говоре двух сел (Квр., Млк.) и является диалектным морфологическим вариантом слова *брóдни* (наличие аффикса не меняет значения слова): *Вместо резиновых сапок шили брóдники ис шкуры оленя; йеё обрабатывали, спицально мазали жиром, штоп ни протикали. Брóдники – это вроде резинок, их шили иш шкуры оленя, йеё спицально мазали жиром, штоп ни протикали. В это время не было резинок – резиновые сапоги и вместо них шили брóдники иш шкуры оленя, йеё обрабатывали: половину срезали меха и промазывали нерпйчим жиром; шили жылами, штоп ни пропускали воду, жылы набухали и ни пропускали* (Квр.); *Брóдники зыром медвежым смазывали. Брóдники, как сапоги длинные* (Млк.).

В качестве синонима лексемы *брóдни* в говоре функционирует заимствованное слово *суту́ри*, обнаруженное в п. Слаутное: *Суту́ри – это тозе торбаза́, но длинные, внутри привязывась пот коленкой и потянешь наверх, не промакают*. Заимствованность лексемы подтверждают лексикографические источники: «Сотуры. Длинные сапоги из оленьего меха. Вероятно из эвенк. сотуро «наколенники, ноговицы» [10, с. 59]; «Сотуро. Ноговицы из камусов» [11, с. 133].

Необычным видом обуви являются *брóдни горлóвые*. Название данный вид обуви получил по материалу, из которого их шили: материалом для таких бродней служили «горлы» (пищевод морских львов, сивучей). Указание на такой вид обуви находим в записках В.Н.Тюшова: «Камчадалами из пищевода сивуча делают лучшие бродни (без шва), совершенно не пропускающие воду» [12, с. 433], а также в книге В.М.Головнина: «Такие, которые сделанные из горлов морских львов..., а на ногах горловые торбаса» [13, с. 385]. Диалектоносители ещё помнят данное название: *Горлóвые брóдни – эта из горла сйвуча длинные торбасá* (Тгл.).

Лексема *ичиги* зафиксирована в двадцати трех контекстах и отмечена в говорах шести населенных пунктов (Кзр., Клч., Кмк., Кхч., Млк., Нкл.), вариантов и синонимов не имеет, является собственнo диалектнoй. Наличие нескольких ДС затруднило толкование лексемы *ичиги*:

1) сезонность использования – «для лета». *А летом у мужыкоф ичиги ис чистой кожи, шыли такие же торбазá, они же лёхкие* (Млк.); *Ичиги с медведя сыли – летня обуфь. Летом другая обуфь была, женицина сами шыли из бычей кози, ичиги называюца* (Клч.);

2) функциональность – «для охоты, рыбалки». *Ичиги музыкам сыла, торбазá до коленей на охоту ходить* (Клч.); *Ичиги наподобие тарбазóф, на рыбалке, когда рыбачили, в воду заходили, ис кожи абделывали. Ичиги охотники носили. Ичиги наподобие торбазóф, их муцины носили на рыбалку* (Млк.); *Ичиги – до коленей торбазá, ходить жса перинóгой, ну на охоту на лижах* (Кхч.);

3) материал изготовления – «из кожи». *Ичиги шыли – торбазá называют ис скуры, ис коровника, телёнка. Летом другая обуфь была, женицины сами шыли из бычей кози, ичиги называюца* (Клч.); *Ичиги наподобие торбазóф, шылись из кожи медведя* (Млк.).

Проанализированные контексты позволили лексему *ичиги* определить как «кожаные торбаза». В «Словаре русского камчатского наречия» эта лексема зафиксирована в более широком значении: «Ичиги (ицики). Вид обуви» [9, с. 69].

В словарях ЛЯ слово не фиксируется, но есть данные, позволяющие говорить о широком распространении лексемы на территории русских говоров. Так, В.А.Моисеева (опираясь на данные картотеки «Словаря русских народных говоров») пишет: «...в уральских, томских, красноярских и забайкальских говорах эта лексема звучит как ичиги – «кожаные сапоги без каблуков», в вятских – ичетки «сафьяновые вышитые башмаки» [14, с. 79]. И.С.Вахрос отмечает, что такая обувь появилась в Древней Руси в XVI в. и называлась *ичетыгами* (*ичетогами*, *ичедогами*). А слово *ичиги* является стяженной формой и возникло на русской диалектной почве [15, с. 89].

Лексема *алáчки* зафиксирована в одиннадцати контекстах в говорах трех населенных пунктов (Анв., Кзр., Млк.). Слово вступает в вариантные отношения с лексемой *алáцики* и является заимствованной. В речи камчадалов функционирует в значении «Легкие летние торбаза из замши (ровдуги)»: *Летом в горах батинки насили, штоп лехко хадить было, йа знаю у ивён называюца алáчки. Это алáчки, лёхкие, лёхкие. Алáчки как тарбазá из рóвдуги, мяхой ишкеры. Выделяваем козу до замсы, получаюца алáчки. Алáчки – облехчённая обуфь для лета. Алáчки – обуфь, носили такую из замшы* (Млк.); *У ивёноф лёхкая обуфка алáчки, со ишкеры, шерсть снимаеца, мяхкая, лёхкая* (Кзр.); *Алáчки из летних камусóф, как тапочки* (Анв.).

Говорами камчадалов слово было усвоено из ительменского языка: «Итель. *алачикáн* – вид праздничной обуви из черной ровдуги» [16, с. 43]. В.И.Даль указывает на якутское происхождение слова: «Алáрчики, якут. Башмаки черного товара к оленьим голенищам или бахилам, чарки» [3, т. 1, с. 10].

К.М.Браславец зафиксировал данную лексему в двух значениях: «1. Женская домашняя обувь. 2. Торбаза для охоты на барана» [9, с. 23]. Давая первое значение слова, он делает ссылку на работы П.Кузмищева и А.М.Селищева, приводя цитаты из их трудов. Мы не можем отрицать, что в говорах камчадалов не было этого значения в конце XIX – начале XX вв., но на момент нашего исследования слово, по-видимому, его утратило.

Наличие ДС «кожаный» сближает значение лексем *ичиги* и *чиркй*, но из-за малого количества контекстов не представляется возможным сделать вывод об их синонимичности.

Слово *чиркй*, являясь диалектным, было зафиксировано в говоре одного села (У-Б.) в единичном контексте со значением «Сапоги, сшитые из грубой кожи»: *Чиркй как сапоги, ис плоха выделанной кожи* (У-Б.). В МАС лексема *чирки* зафиксирована как областная в значении «Башмаки, туфли» [2, т. 4, с. 927]. В словаре В.И.Даля зафиксированы две лексемы, близкие по звучанию: «Чаркй и чáры (мн.ч.), чарóк (ед.ч.). Обычная сибирская обувь обоих полов, местами в прм., влгд., мужские чаркй, бахилы; женские – чакчуры; род башмаков, с суконною опушкою, очкурой, для вздержки шерстяной же обору или завязки по чулкам, либо по кожаным ўпакам. Чары́ки. кавк. (черевики). Мягкие сапожки или поршни, кáлиги» [3, т. 4, с. 582]; «Чиркй, чй́рки. Черевички, башмаки, шаркуны» [3, т. 4, с. 606].

По данным В.А.Мойсеева, в некоторых говорах распространена лексема с другим фонетическим оформлением – *черки* «легкая кожаная обувь без голенищ на мягкой подошве»: «Помимо иркутских говоров, слово *черки* встречается в вологодских, олонецких, пермских, владимирских, псковских, уральских, тобольских, омских, новосибирских, красноярских, забайкальских, якутских говорах» [14, с. 80]. Вслед за П.Я.Черных, считаем, что *чирки*, *чарки*, *черки* являются фонетическими вариантами одной лексемы: «Возможно, что это черки > чарки : чирки, нечто вроде кожаных сапожков, но без подошвы и каблуков, обувь, распространенная в Сибири и других местах, как полагал и Даль, восходят к тому же корню (м.б. из черевки?)» [17, с. 76]. И.С.Вахрос указывает, что слово *чарыки* (*чарки*, *чирки*) в значении «Обувь типа поршней» употреблялось в древнерусском языке и заимствовано из тюркского языка – *caryu* «кусочек кожи, которым обвязывают ноги; грубая обувь» [15, с. 185-187]. Наличие семы «грубый» сближает значение тюркской лексемы с камчатской.

В исследуемом говоре встретились наименования комбинированной обуви: *унты́* и *ку́лты*, для изготовления которой применяли кожу и мех.

Лексема *унты́* зафиксирована в двенадцати контекстах в говорах шести сел (Анв., Квр., Кзр., Клч., Млк., У-Б) и вступает в синонимические отношения со словом *ку́лты*, вариантов не имеет, является общерусской. Слово *унты* в говорах камчадалов функционирует в значении «Торбаза с кожаными головками и меховыми голенищами»: *Унты́ обычно войлочные подошвы пришиты и голофки такие кожаные* (Млк.). В МАС данная лексема имеет следующее значение: «Меховая обувь на мягкой подошве, распространенная у народов Севера и Сибири» [2, т. 4, с. 681]. Как видим, лексема, представленная в словаре, не вполне совпадает по семантическому объему с той, которая функционирует в камчатских говорах, т.к. значение слова ЛЯ является более широким, при этом в объем значения не включается дифференциальная сема «кожаный». Можно считать, что общерусское слово *унты́* функционирует в говорах камчадалов с другим семантическим наполнением. Данное наименование известно и другим говорам. В.И. Даль в словаре делает помету *сиб.*: «Унты. *сиб.* Хутулы, бахилы, сапоги из замшевой оленины, конины, барловины» [3, т. 4, с. 499].

Лексему *ку́лты* можно считать синонимом слова *унты́*, т.к. при её толковании диалектоносители также указывают на особенность комбинирования материала при изготовлении этого вида обуви: *Ку́лты – торбазá. Здесь перет и подошва как у сапога, а верх камасный* (Клч.); *Ку́лты короче бродней, ис камасóф сверху, внизу кожа. Ку́лты – эта камасные такие голяшки, а ис кожи такие вот передá с подошвой* (Клч.); *Торбазá назывались ещё ку́лты, сами голяшки мохнатые, а тут голые, как сапок* (Кзр.). Лексема зафиксирована в «Словаре русского камчатского наречия» в аналогичном значении: «Ку́лды (ку́лты). Вид торбасов (головки из шкуры без шерсти, а голенища с шерстью)» [9, с. 87]. Отсутствие данного слова в словарях ЛЯ позволяет отнести его к диалектным наименованиям.

Проанализированный материал показывает, что родовое понятие в подгруппе «Названия торбазов» выражено словом *торбазá*₁, все ее члены находятся в гиперо-гипонимических отношениях. Группа немногочисленна, но достаточно определена по структуре. В центре группы находятся три лексемы *торбазá*₂, *брóдни*, *ка́масы*, представленные наибольшим количеством употреблений и обширным ареалом распространения. Остальные лексемы находятся на периферии лексического состава группы.

Члены подгруппы вступают в вариантные и синонимические отношения. Проанализированная группа включает восемь общерусских (что составляет 35 %), тринадцать диалектных лексем (что составляет 56 %) и две заимствованные лексемы (что составляет 9 %). У двух лексем (что составляет 9 %) семантическое наполнение в говорах и в ЛЯ не совпадает. В вариантные отношения вступает 69 % проанализированной лексики, синонимические – 31 %.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сороколетов Ф.П. Диалектная лексика как система // Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978. С. 19-28.
2. Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А.П.Евгеньевой. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1957. Т. 1-4.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. Т. 1-4.
4. Бархатова О.Т. Из истории бытовой лексики в говорах камчадалов // Лексические единицы и их взаимодействие в говорах Сибири. Межвузовский сборник научных трудов. Красноярск: Изд-во КГПИ, 1988. С. 34-46.
5. Бурыйкин А.А. К проблематике ареальных и этимологических исследований диалектной лексики, заимствованной русскими говорами из языков народов Севера и Сибири // Координационное совещание по проблемам изучения сибирских говоров кафедр русского языка вузов Сибири, Урала и Дальнего Востока. Тезисы докладов 2-4 октября 1991 г. Красноярск: Изд-во КГПИ, 1991. С. 49-50.
6. Народы Сибири / Под ред. М.Л.Левина. М., 1956.
7. Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки: в 2 т. СПб: Наука, П.-К.: Камшат, 1994. Т. 1-2.
8. Словарь русских говоров Приамурья. М.: Наука, 1983.
9. Словарь русского камчатского наречия / Под ред. К.М.Браславца. Хабаровск, 1977.
10. Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. М., Новосибирск: Наука, 2000.
11. Иванов В.Х. Этнокультурные взаимосвязи и взаимовлияния у народов Северо-Востока Сибири. Новосибирск: Наука, 2001.
12. Тюшов В.Н. По западному берегу Камчатки // Записки Императорского Русского Географического общества. Т. 37. №2. 1906.
13. Головин В.М. Путешествие на шлюпке «Диана» из Кронштадта в Камчатку в 1807-1811 г. М.: Географгиз, 1961.
14. Моисеева В.А. Из истории названий обуви, распространенных в говорах Иркутской области // Проблемы фонетики и истории Сибирских говоров. Красноярск: КГПИ, 1977. С. 77-82.
15. Вахрос И.С. Наименования обуви в русском языке. I. Древнейшие наименования до петровской эпохи // Ежегодник Института по изучению СССР в Финляндии, Приложение №6-10. Хельсинки, 1959.
16. Историко-этнографическое учебное пособие по ительменскому языку. П.-К.: Изд-во Камшат, 1990.
17. Черных П.Я. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956.

Условные сокращения географических названий

Анавгай – Анв.	Коряки – Крк.	Сосновка – Ссн.
Долиновка – Длн.	Малки – Мал.	Тигиль – Тгл.
Елизово – Елз.	Милюково – Млк.	Усть-Большерецк – У-Б.
Кихчик – Кхч.	Николаевка – Нкл.	Усть-Камчатск – У-К.
Ковран – Квр.	Паратунка – Прт.	
Козыревск – Кзр.	Петропавловск-Камчатский – П-К.	
Ключи – Клч.	Сокоч – Скч.	

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА КАК СУБЪЕКТА ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ДИАЛЕКТНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ С КОМПОНЕНТОМ *РУКА* И ЕГО ПРОИЗВОДНЫМИ

Трудовая деятельность – одно из средств самореализации человека, обеспечивающих потребности и заполняющих его жизнь. В процессе этой деятельности выявляются физические, умственные, психические характеристики человека, происходит освоение человеком действительности, складываются отношения с другими людьми. Не случайно данная сфера жизни получает активное выражение в языке и, в частности, в диалектных фразеологизмах с компонентом *рука* и его производными.

В семантической структуре полисеманта *рука* выделяется лексико-семантический вариант, непосредственно связанный с трудовой деятельностью: «одна из верхних конечностей человека как орудие деятельности, труда» (БАС:12:1528-1539). Рука – часть человеческого тела – в сознании носителей языка переосмысливается и приобретает функцию символа, причем в некоторых лексикографических источниках отмечается символичный характер этого значения (напр., МАС:3:737; ТСРЯУ:3:1396). Данное значение обладает наибольшей близостью к первому значению слова *рука* «верхняя конечность человека», поскольку сохраняет тот же денотат, однако в сравнении с первичным значением, в нем присутствует дополнительная сема – «предназначение руки», в качестве какового прежде всего выступает трудовая деятельность.

Слово *рука* обладает значительным словообразовательным потенциалом. Словообразовательное гнездо, в котором оно выступает вершиной, насчитывает в национальном языке более 700 единиц, среди которых выделяется группа производных разной степени деривации, мотивированных рассматриваемым значением слова *рука* – «одна из верхних конечностей человека как орудие деятельности, труда» (например, *рукодѣльный* – «искусный, умелый в работе, требующей ручного труда» (СОГ:12:212), *безручье* – «Неодобр. Неумелый, неловкий человек» (ЯОС:1:48) и мн. др.). Однако же производные лексические единицы различных ступеней деривации, в том числе и диалектные, восходящие к значению «рука как орудие деятельности, труда», не обладают фразеобразовательным потенциалом.

Устойчивая ассоциация «рука – трудовая деятельность», закреплённая в семантической структуре полисеманта *рука* наличием отдельного значения, сохраняется в производных от первого значения этого полисеманта, которые имеют то же обозначаемое – верхнюю конечность человека: *ручка*, *рученька*. Два данных существительных обладают фразеобразовательными возможностями и выступают в качестве компонентов ФЕ, имеющих отношение к трудовой деятельности. Интересно, что, хотя в лексикографических источниках указана связь данных лексем лишь с первым значением слова *рука* (МАС:3:743; БАС:12:1565), наличие ФЕ с этими компонентами, относящихся к трудовой деятельности, показывает сохранение в них имплицитно семы «функция руки».

Слово *рука* образует и другие суффиксальные производные-существительные, имеющие тот же денотат «верхняя конечность человека», например: *ручища* (БАС:12:1565), *ручечка* Калуж. (СРНГ:35:280) и мн. др. Однако же фразеологизмов, обозначающих те или иные аспекты трудовой деятельности, с подобными компонентами-существительными не обнаружено.

Фразеологизмы с компонентами *рука*, *ручка*, *рученька*, содержащие семантическую связь с трудовой деятельностью, для удобства исследования возможно распределить по следующим семантическим группам.

1. ФЕ, обозначающие руки как орган труда. Об актуальности рук для трудовой деятельности человека свидетельствуют ФЕ с конкретным значением: *рабочая рука* – «такая, которой человек владеет лучше, чем другой» и *ленивая рука* – «такая, которой человек владеет хуже, чем другой» (КСОГ). Внутри этих фразеологизмов, близких по точности, конкретности значения к терминам, явно наблюдается противопоставление компонентов *рабо-*

чая – ленивая. Слово *ленивый* в литературном языке обозначает внутреннее, психологическое качество, а в ФЕ *ленивая рука* компонент *ленивая* называет качество только физическое. В литературном языке нет противопоставления *рабочая/ленивая* по отношению к рукам (руки обозначаются как правая/левая, а степень владения каждой рукой передается описательно: «та, которой человек лучше/хуже владеет»).

Некоторые ФЕ содержат не только наименование, но и характеристику рук как органа труда – положительную или отрицательную. Так, позитивные качества руки как средства труда отражены в ФЕ *руки не крюки* – «об умелых и гибких руках» (ЯОС:8:139) и *изъянная рука* – «ловкая рука» Петерб., 1871 (СРНГ:12:178). Относительно последней ФЕ можно заметить, что прилагательное *изъянный* содержит негативную коннотацию в своих значениях, относящихся к различным говорам: *изъянный* – «имеющий недостатки» Калуж.; «порченный» Даль; «убыточный» Даль (СРНГ:12:178), в рамках же ФЕ происходит переосмысление стержневого компонента, фразеологизм имеет положительную коннотацию. Отрицательную оценку рук как органа труда имеет ФЕ *руки словно крюки* – «о неумелых, неловких руках кого-л.» Смол., 1890 (СРНГ:38:296). Следовательно, образ «формы» рук (ср. антонимическую пару *руки не крюки* – *руки словно крюки*) выступает своего рода причиной владения/невладения руками как инструментом труда.

Понятно, что любой труд, в том числе и ручной, координируется мышлением, и субъектом труда выступают не руки, а сам человек, однако же во фразеологизмах подчеркивается, что руки как бы живут своей, трудовой жизнью.

Труд – источник средств к существованию, и немаловажная роль рук в процессе труда отражена в пословицах. Так, созидательная, активная функция рук представлена в пословице *не каша кормит, а ложка, не припас стряпает, а руки* (Даль:4:110). Руки и выполняемая ими работа бывают важны для «обслуживания» других органов тела: ср. *рука ноге работница (батрак)* «обувь делает и обувает» (Даль:4:110). В ФЕ *руки работают, а голова кормит* (Даль:4:110) вырисовывается сопоставление двух аспектов, связанных с трудовой деятельностью: руки выступают орудием собственно физической работы, а голова выполняет координацию работы, т.е. наблюдается определенная иерархия функций рук и головы: «труд», «руководство трудом».

2. ФЕ, обозначающие процесс трудовой деятельности. Поскольку трудовая деятельность есть протяженный во времени процесс, ФЕ данной семантической группы обозначают процессуальный признак и являются глагольными. В основе образования ФЕ может быть положено словосочетание, обозначающее действия, выполняемые руками при работе: *руками шевелить* «работать, выполнять физическую работу» (СППП:67).

Активное участие рук в каком-либо деле, являющееся необходимым условием выполнения работы, отражается в ФЕ с компонентами-глаголами, содержащими сему «приближение, присоединение» за счет префиксов *при-* и *в-*: *приложить руку* «взяться за какое-л. дело, сделать что-л. своими руками» (СППП:67), *руки вставлять* «работать, делать что-л., прикладывая усилия» (СППП:66), *руки приставить* «потрудиться, постараться» (СРНГ:35:241).

Поскольку труд есть процесс, он может быть подразделен на временные фазы. Так, средствами фразеологии обозначен начальный момент работы: *взять работу в руки* «придаться за работу» Арх., 1970 (СРНГ:33:239).

Помимо перечисленных выше ФЕ, обозначающих любой ручной труд, выделяются фразеологизмы, с той или иной степенью конкретизирующие трудовую деятельность. Так, определенный вид работы обозначен ФЕ *в две руки сеять* «рассеивать зерно вручную двумя параллельными рядами» (ССГ:9:145). Косвенная характеристика тяжелого, несоразмерного с возможностями человека труда представлена в ФЕ *ломать руки* «выполнять тяжелую работу вручную» (МФССП:55) и *руки рвать* «выполнять тяжелую физическую работу, работать не по силам» (СППП:66).

3. ФЕ, обозначающие физические ощущения рук, вызванные трудовой деятельностью. К физическим ощущениям относятся ощущения рук при работе – ощущение промышленного руками теста: *ходить по рукам* (о тесте): *Как прамесиш ево хърашенькъ, так там ни адной*

капельки нет мучицы, он, бываль, рыхлый делаетца... так тесть и ходить пь рукам (КСОГ). Данная ФЕ – единственная в семантической группе, обозначающая если не приятные, то, во всяком случае, нейтральные ощущения рук человека. Прочие фразеологизмы отражают те или иные неприятные ощущения рук, обусловленные трудовой деятельностью.

Так, например, ощущения, возникающие непосредственно в процессе работы, представлены в ФЕ *руку дробит* и *руку сушит* «о неприятных, болезненных сотрясениях, передающихся в руку при резких ударах топором, молотком» Волог. (СРНГ:35:239).

Целый ряд ФЕ отражает неприятные ощущения в руке как последствия какого-либо физического труда: работы определенного вида – ср. *расхватать руку* «растянуть сухожилие кисти рук при жатве или тереблении льна» Яросл. (СРНГ:35:240), *пристирать руки* «утомить или растереть кожу рук при стирке» Пск. (СРНГ:31:417); или же любой тяжелой работы – ср. *рука развилась* «о боли в кистевом суставе от непосильной работы» (НОС:9:156).

Ощущение усталости от физической работы также передается через образ рук. Во всех ФЕ со значением усталости есть формальные показатели того, что этот признак «усталость» присутствует в очень большой степени: так, ФЕ образно передают ощущение «отсутствия рук». Формальными выразителями этого признака являются:

– наличие в ФЕ компонентов-глаголов с префиксом *от-* со значением «отстранения»: *руки отваливаются* (*отвалились*), *руки отсохли* «о сильной степени усталости» (КСОГ); *от рук и ног отбиться* «устать от тяжелой, изнурительной работы» (СППП:66); *от рук отстать* «очень устать, утомиться от какой-либо работы, какого-либо дела» (МФССП:71); *руки отпадывают* «о большой усталости от какой-л. работы» (ВС:6:128). Существование в различных говорах ФЕ с одним и тем же префиксом *от-* (и предлогом *от*) свидетельствует об устойчивости образа «отсутствия рук» как показателя усталости;

– наличие в ФЕ средств отрицания: *рук не чуютъ: Мы так работъм, рук ни чуиш* (КСОГ), *руки не вернутся* (СППП:66); *в руках не шевелится* «об отсутствии сил, возможности работать» (СРГК:5:577).

Помимо образа «отсутствия» рук, усталость от физической работы может передаваться и через метафорическое соотнесение предполагаемого свойства руки со свойством растения: *руки связли* «кто-л. очень утомлен чем-л.» (СППП:67).

4. *ФЕ, обозначающие способ выполнения работы.* ФЕ дают представление о следующих способах выполнения работы:

а) выполнение работы двумя руками: *на две руки* (СРДГ:3:98), *о двух рук* (СРГП:259);

б) вручную, без каких-либо приспособлений: *в руки* (СОГ:2:95; СРГСУ:1:97; ЯОС:2:38; НОС:9:155), *в руках* (СРГК:5:577); *на руках* Кемер. (СРНГ:35:242), *с рук* (СРГОд:2:164), *от своих рук* (МФССП:87); *работать на своих руках* (КСОГ).

Одно и то же значение «вручную» передается с помощью разных компонентов: предлогов *в*, *на*, *от*; форм местоимения *своими*, *своих*, выполняющих функцию актуализации признака «собственноручно».

в) выполнение работы одним человеком, без помощников: *в одни руки делать* «делать что-л. одному, без помощи» (КСОГ); *на одни руки* «самостоятельно, без поддержки, без посторонней помощи» (ФСРГРК:158);

г) выполнение какой-либо работы наряду с другими занятиями: *промеж рук* «в промежутках между основными занятиями, между делом». Ряз. (СРНГ:35:244).

5. *ФЕ, как-либо характеризующие работу.* ФЕ данной семантической группы позволяют выявить различные критерии труда: оценивается умение работать, быстрота выполнения работы, отношение к труду. В ФЕ этой группы представлены:

а) характеристика работы по скорости выполнения. Быстрота является позитивной характеристикой, поскольку связана с объемом выполняемой работы. Особенно ярко это отражено в ФЕ *в три руки: Дом строили ф-три руки, ни успели аглинуца – а он гатоф* (СРДГ:3:98);

б) характеристика работы по интенсивности выполнения: *во все руки* «интенсивно, напряженно» (СППП:67).

в) характеристика работы по длительности, непрерывности выполнения: *не слагая рук* (КСОГ), *не кладая рук, не покидая рук* «усердно, напряженно, без отдыха» (СППП:66), *рук не покладывать* (СРГОд:2:99). Внутренняя форма перечисленных диалектных ФЕ, так же как и ФЕ литературного языка *работать не покладая рук*, такова: «работники физического труда, отдыхая, кладут натруженные руки на стол, скамью или колени» (СРФ:498). В ФЕ *рукам умолку не было* «без отдыха» (КСОГ) компонент *умолку* вызывает ассоциации с долгой непрерывной речью; сема «долго, непрерывно» проецируется с речевой деятельности на труд руками.

г) характеристика работы по отношению к ней. Следует отметить, что ФЕ предыдущей семантической подгруппы подразумевают также и усердное, ответственное отношение к работе, то есть позитивную характеристику. Негативная же характеристика выражена ФЕ *по конец рук* «небрежно, спустя рукава» [1, с.201], *спустя с рук* «кое-как, спустя рукава» (СРДГ:3:138), *промеж рук делать* что-л. «плохо, спустя рукава делать что-л.» Тюмен., 1984 (СРНГ:32:181).

д) характеристика работы по качеству выполнения: *не отпасть с рук* «о хорошей работе, об отсутствии изъянов, недостатков в работе» (СРГК:5:578); *делать руками; делать руками, а не ногами* «делать хорошо, добротнo» (СРГОд:2:114). В последней ФЕ маркируется основная функция рук – труд; по этому признаку рука противопоставлена другому органу тела – ноге. Качество выполнения работы является одновременно и критерием сопоставления и оценки работников: ср. *одна мучка, да не одни ручки* «поговорка о выполнении разными людьми какого-л. дела в зависимости от их умения» Новосиб. (СРНГ:23:24). Характеристика некачественной работы отражена также в ФЕ предыдущей семантической подгруппы, обозначающих небрежное отношение к работе: *по конец рук, спустя с рук, промеж рук делать* что-л.

Таким образом, обращает на себя внимание взаимосвязь ряда характеристик труда: быстрота осознается как положительное качество (и это объяснимо: без соответствующих навыков быстро выполнить работы невозможно); интенсивность и непрерывность труда связана с усердием, старанием; некачественность выполненной работы является следствием небрежного к ней отношения.

6. ФЕ, обозначающие приобретение умений, навыков в работе. Значения ФЕ, которые будут рассмотрены ниже, непосредственно связаны с человеком, характеризуют его как субъекта трудовой деятельности.

ФЕ *наломать руку (руки)* (СРДГ:2:164); *настебать руку* (СППП:67) обозначают приобретение умения, сноровки, опыта в каком-л. деле. По той же самой модели и с тем же значением построена литературная ФЕ *набивать (набить) руку, руку набить* (ФСРЯ:259). Интересно отметить, что в «Словаре...» В.Даля представлены ФЕ *набить руку* «навыкнуть, натреть» и *набить руки* «намозолить» (Даль:4:109). Очевидно, что вторая ФЕ имеет более конкретное значение. Конкретизация происходит за счет формы множественного числа существительного *руки*: труд ассоциируется прежде всего с двумя руками, а не с каждой отдельной. Компонент *руку* в единственном числе имеет обобщающий характер, поэтому ФЕ *набить руку* в целом приобретает характер обобщения.

7. ФЕ, обозначающие сознательное невыполнение работы, бездельничанье. Почти все ФЕ со значением «бездействовать, бездельничать» имеют резко отрицательную оценку. Образ бездействия выражается через позу человека, положение рук:

– глагольными компонентами со значением статичности и наречными или именными компонентами, обозначающими положение рук, непригодное для работы: *сидеть сжюмиши руки, сидеть склада (склавиши) руки, сидеть сцапавши руки, руки в кресты сидеть* (СППП:67); *сидеть склѣдчи руки* Пенз., 1952 (СРНГ:38:20-21) и *сидеть склѣдча руки* Арх., Ярослав. (СРНГ:38:20-21); *скласть ручки и сидеть* (ФСРГРК:237) и др.;

– компонентами, обозначающими только положение рук, непригодное для работы: *ручки сложить (скласть)* «ничего не делать» Якут. (СРНГ:35:283); *руки в брюки* (СППП:66); *руки на коленях; руки скласть* «пребывать в бездеятельности» (ФСРГРК:237), а также через

совмещение абстрактного и конкретно-соматического образа: *руки на спасибо* «ничего не делать» (НОС:8:156). В отличие от прочих, ФЕ *руки к сердцу* «об отдыхе»: *Раньше работали с утра и до ночи на пашне, а сейчас-то мы руки к сердцу и посиживаем* (СРГП:259) – не содержит негативной коннотации. Ср. само ее толкование: невыполнение работы руками может рассматриваться не только как бездельничанье, но и как отдых;

– компонентами, обозначающими действие руками, не предназначенное для работы: *ломать руки* «бездельничать» (СРДГ:2:119);

– компонентами, обозначающими отрицание любого действия, движения: *рука об руку не стукать* Ряз. (СРНГ:35:240).

8. ФЕ, обозначающие человека как субъекта трудовой деятельности.

Способность, желание и умение трудиться – один из критериев оценки человека, поскольку именно здесь проявляются его ум, смекалка, усердие и, напротив, лень, неумелость, небрежность. Именно поэтому почти все фразеологизмы данной семантической группы содержат позитивную или негативную оценку факта деятельности человека. Исключение составляет единственная ФЕ, называющая человека как работника: *забихожие руки* «рабочие руки в семье» (ЯОС:4:90), где происходит метонимический перенос «руки – человек», поскольку человек рассматривается здесь прежде всего как субъект труда, а труд осуществляется руками.

8.1. ФЕ, обозначающие человека, умеющего трудиться, достигшего успехов в труде.

Позитивная оценка умелого человека выражается в ФЕ по-разному, в зависимости от того, какой аспект умения трудиться необходимо подчеркнуть: самостоятельность выполнения чего-либо; стремление трудиться, характерное для работающего человека; способность к многообразным видам работ; быстрота и ловкость выполнения чего-либо; достижение в чем-либо мастерства – или же отражаются сразу несколько аспектов.

Способность человека к труду характеризуется через его руки, умение владеть ими. Для выполнения работы важен определенный признак рук – ср. *на руки длинный* – «мастеровитый» Перм. (ФСРГРК:283). Умелого человека называют ФЕ, где формально представлен контакт рук с объектами труда: *из рук не вывалится* «об умелом, работающем человеке» Новг. (ФСРГРК:150); *из рук не вырвется* «о хорошем мастере» Омск., 1972 (СРНГ:35:239-240).

Необходимыми качествами успешного труда является легкость и быстрота выполнения, поскольку эти качества есть следствие приобретенных прочных навыков, сноровки, и, кроме того, они позволяют выполнить большее количество работы в меньший промежуток времени. Ср. *руки ходят* – «кто-либо, ловко, споро работает; легко и быстро управляется с делами» (ФСРГРК:215); *руки шибко шевелятся* – «кто-либо, ловко, споро работает; легко и быстро управляется с делами» (ФСРГРК:215). Деятельность человека предстает через образ рук, трудящихся как бы самостоятельно, без координации их деятельности, что служит средством характеристики ловкого в работе и умелого человека. Высокая скорость выполнения работы показана в ФЕ *скор на руку* – «быстрый в работе» (ФСРЯ:429); *скобысок на руку* – «тот, кто быстро работает руками» (КСОГ); *муха на руку не сядет* – «об очень подвижном, работающем человеке» Иркут. (ЧВРФ:73,85).

Человек оценивается также по способности к разносторонней трудовой деятельности. ФЕ с таким значением содержат формальное указание на пространственный контакт с руками предметов окружающего мира, которые подвергаются деятельности человека. В своем составе эти ФЕ имеют компоненты *все, всё*, ориентированные на абсолютное заполнение семантического пространства «работа руками». Ср. *всё к рукам* – «об умелом человеке» (НОС:9:155), *годный на все руки* (СРГОд:1:95), *на все руки гожд*; *на все руки от скуки* (СППП:67), *работающий на все руки* – «способный выполнять любую работу» Саратов., 1959 (СРНГ:33:241).

Многие ФЕ со значением «человек, способный к разносторонней трудовой деятельности» содержат отрицание и глагольный компонент, получающий сему «отстранение, отдаление». Ср.: *ничего из рук не выскочит* (КСОГ); *из рук ничо не выпадает (выпадет)* – «об умелом, хозяйственном человеке» Кемер., Сиб. (ЧВРФ:69); *из рúченек ничего не выпадет* – «о хорошем мастере, мастерице» Омск. (СРНГ:35:279); *из рук ничего не уйдёт* – «о человеке

умелом, искусном во всех делах» (СРГНП:2:235); *ничего из рук не выходило* – «кто-либо был способен на все, отличался мастерством, умением» (ФСРГРК:150); *ничего из рук не валилось* – «кто-либо был способен на все, отличался мастерством, умением» (ФСРГРК:150) и др.

Совмещение двух критериев оценки труда содержится в нескольких ФЕ, одновременно характеризующих человека по способности к разносторонней деятельности (ср. наличие компонента *всё* в каждой из них) и по скорости, ловкости ее выполнения: *в руках всё родиться* – «всякое дело в руках спорится» (СРГК:5:577); *всё в руках (из рук) родится (рожается)* – «о человеке умелом, искусном во всех делах» (СРГНП:2:227); *всё в руках кипит* – «кто-либо быстро, ловко, споро работает, легко управляется с любыми делами» (ФСРГРК:40); *всё в руках кружится* – «о человеке, который быстро, умело работает» (СРГНП:1:354); *всё в руках ходит* – «кто-либо быстро, ловко, споро работает, легко управляется с любыми делами» (ФСРГРК:40).

Наличие высокой степени умения делать что-либо содержится в ФЕ *ручки золотые* – «кто-либо искусен, ловок, умел; обладает мастерством» (ФСРГРК:217).

Оценка человека происходит не только по аспектам самого процесса трудовой деятельности, но и по его результатам, ср. *из (с) рук всякое дело, все выйдет* – «о человеке, преуспевающем в любом деле» КАССР, 1971 (СРНГ:35:240). Если в ФЕ, характеризующих человека по способности к разносторонней деятельности, было представлено отрицание и компонент-глагол с семой отстранения, что в совокупности создавало образ пространственной близости рук и объекта труда, то в данной ФЕ содержится образ пространственного отдаления, поскольку продукт труда перестает быть объектом трудовой деятельности.

8.2. ФЕ, обозначающие ленивого, неумелого человека.

Лень и неумелость – различные качества, однако же сведение их воедино, обнаружение между ними причинно-следственных связей применимо в народном сознании к трудовой деятельности. Ленивого и неумелого человека характеризует целый ряд диалектных ФЕ, причем все они передают значение «ленивый, неумелый» по-разному. В этих ФЕ наблюдается стремление образно и в то же время конкретно объяснить «причину» лени и неумения:

– «отсутствием» обеих рук: *рук нет* – «о человеке, который не умеет что-либо делать» (СРГНО:476);

– «отсутствием» части руки или руки полностью: *руки по локоть отрублены* – «о неумелом и ленивом человеке» (НОС:9:155); *руки оставлены* – «неумелый человек» (НОС:9:155).

– неправильным положением рук на теле: *руки не тем концом вставлены* – «о ленивом и нерадивом человеке» (НОС:9:155); *руки не этим концом вставлены* – «о неумелом, неспособном ни к какому делу человеке» Горьк., 1973 (СРНГ:35:241); *не с того места руки растут* – «о неумелом и ленивом человеке» (НОС:9:156);

– физическим признаком рук, затрудняющим работу, – «весом»: *рука, нога по пуду, работать не буду* – «о ленивом человеке» (НОС:9:155);

– иными особенностями рук: *пришивные руки* – «о неловком, неумелом, нерасторопном человеке» (СППП:67), *калёные руки* – «о неловком, нерасторопном человеке» (МФССП:87); *руки белешеньки* – «Ирон. О белоручке, которая сидит и ничего не делает» (СРДФО:185); *гороховые руки* – «о неловком, неумелом или сделавшем что-л. неправильно, неаккуратно человеке» (СППП:67) – характерно, что прилагательное *гороховый* в составе ФЕ приобретает особый компонент значения – негативную оценку: ср. *память гороховая* – «о плохой, слабой памяти» Пск. (СРНГ:7:69), а также *шут гороховый, пугало гороховое, чучело гороховое* (ФСРЯ:118);

– неумением владеть руками (держат что-либо): *у него дело из рук валится* – «ленив» (Даль:4:110);

– типичным положением рук, свойственным человеку, непригодным для работы: *руки в брюки* (СППП:66); *руки в брюки, нос в карман* – «Презрит. О бездельнике» (ФСРГС:169);

– неумением заняться работой с определенным материалом, сырьем: *не к рукам куделя* – «неумелый человек» (ЧВРФ:74).

Можно отметить детальную разработанность обозначения ленивого и неумелого человека: «народная мудрость выделяет и запоминает в первую очередь то, что связано с пороком, недостатком, – с тем, чтобы высмеять его, поиздеваться над ним» [1, с. 202].

В данной семантической подгруппе оказываются взаимосвязанными не только лень и неумелость, но и медлительность, ср. *калёные руки* – «о неловком, нерасторопном человеке» (МФССП:87) – аналогично умелость, мастеровитость сопоставима с быстротой выполнения работы.

9. *ФЕ, обозначающие человека как объект трудовой деятельности.* Человек может выступать не только субъектом, но и одновременно объектом и причиной трудовой деятельности. В качестве такового выступает маленький ребенок: ср. *рук не давать развести* – «требовать постоянного внимания, заботы, ухода (о грудном ребенке)». Казан., 1853 (СРНГ:35:241)

10. *ФЕ, обозначающие психические ощущения человека, вызванные трудовой деятельностью.* Психические отношения человека, связанные с трудом, разнообразны: это полярные ощущения – желание или нежелание трудиться; отношение долженствования; отношение к объему и сложности предстоящей работы.

Позитивные эмоции, вызываемые работой, представлены в *ФЕ работать с рукой* – «работать охотно, с желанием» Ворон. (СРНГ:35:244), *с рукой* делать что-либо – «очень охотно делать что-л.» Ворон. (СРНГ:25:245). Отсутствие желания трудиться может быть мотивировано по-разному: явно негативным качеством – ленью: *руки отлетают* – «Пренебреж. «лениться» (ФСРГС:169); *бегать от своих рук* – «лениться, бездельничать» (СРГК:5:577); и, кроме того, определенным состоянием – апатией: *все руки отпали* – «об отсутствии желания что-либо делать; руки опустились». Ряз (СРНГ:24:265).

Необходимость выполнять работу с желанием обозначает *ФЕ к рукам не пристанет* – «о необходимости выполнить работу с желанием» (НОС:9:156). Только на необходимость сделать что-либо без предписания позитивного отношения к работе указывает *ФЕ дело на руках* – «о необходимости сделать что-н. полезное, трудиться» (СРГК:5:578).

Отношение к трудности и количеству работы содержат *ФЕ глаза страшат, а руки делают* (Даль:4:110); *глазки серуны, а ручки работнички* (КСОГ). В приведенных пословице подчеркивается основная функция рук – работа, труд, при этом имплицитно присутствует информация о том, что речь идет о труде сложном, о большом количестве работы.

11. *ФЕ, обозначающие собственноручно сделанные предметы.* По способу выполнения характеризуется не только работа, как было указано выше, но и выполненная в ходе ее вещь. Почти все *ФЕ* этой семантической подгруппы актуализируют свое значение за счет компонента – притяжательного местоимения *свой*: *своей руки* «У меня в доме пол своей руки, я сам пилил». Новосиб. (СРНГ:36:317); *с своих рук* – «собственного изготовления» Омск. (СРНГ:35:241); *из своих рук* – «сделанный собственными руками; вручную; самодельный» (ФСРГРК:194).

12. *ФЕ со значением пожелания успешной работы:* ср. *спор в руках* – Междом. «Как пожелание успешной работы; пусть дело спорится» (СРГК:5:579).

Как показывает исследованный диалектный материал, в *ФЕ* нашли отражение значимые характеристики труда (скорость, интенсивность, качественность и др.), а также значимые личностные характеристики (трудолюбие, умелость, лень, неумелость) и их явная оценка. Очевидно противопоставлены (и оценены) лень/трудолюбие, ленивый и неумелый человек/мастер, умелец. Актуальность обозначаемого предмета – руки человека – и разнообразие связанных с ним реалий и ассоциаций человека детерминирует широту употребления слова, что отразилось на фразеологических возможностях. Этим объясняется охват фразеологизмами со словом *рука* и его производными разных аспектов трудовой деятельности: степень владения каждой из рук; процесс работы руками; ощущения человека, вызванные трудовой деятельностью руками; человека как субъекта трудовой деятельности, проявляющий себя в ней и др.

Образ «рука, руки» активно функционирует в литературном языке и народных говорах для обозначения многообразных сторон трудовой деятельности и связанных с ней понятий:

«...рука является символом деятельности», «определяет ценность дела и человека, трудность работы, правильность и удобство ее выполнения», – отмечает Г.В. Токарев [2, с. 54].

«Трудовая деятельность простого народа имела во все времена основной целью «добычу хлеба насущного» ... в народной среде остро порицалась лень, безразличие, паразитический образ жизни. Только интенсивная трудовая деятельность обуславливала возможность выжить и прокормить семью... Труд всегда, во все времена, был основой жизнедеятельности человека» [1, с. 202]. Поэтому многие ФЕ, обозначающие трудовую деятельность человека, четко и образно рисует систему норм и ценностей, связанных с трудом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брысина Е.В. Трудовая деятельность человека и ее отражение в донской диалектной фразеологии // Сельская Россия: прошлое и настоящее. Вып. 2. Доклады и сообщения 8-й российской научно-практической конференции (Орел, ноябрь 2001). М., 2001. С. 200-202.

2. Токарев Г.В. Проблемы лингвокультурологического описания концепта (на примере концепта «трудовая деятельность»). Учебное пособие. Тула: Изд-во ТГУ им. Л.Н. Толстого, 2000.

Источники и принятые сокращения

1. Алексеенко М.А. Человек в русской фразеологии: Словарь / М.А.Алексеенко, Т.П.Белоусова, О.И.Литвинникова. М.: ООО "ИТИ ТЕХНОЛОГИИ", 2004. 238 с. (ЧВРФ).

2. Бирих А.К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А.К.Бирих, В.М.Мокиенко, Л.И.Степанова. СПб.: Фолио-пресс, 1998. 701 с. (СРФ).

3. Вершининский словарь / Гл. ред. О.И.Блинова. Тт. 1-7. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1998-2002. 308 с. (ВС).

4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Тт. 1-4. / В.И.Даль. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955 (Даль).

5. Картотека «Словаря орловских говоров». Хранение материалов – кафедра русского языка Орловского государственного университета (КСОГ).

6. Кобелева И.А. Фразеологический словарь русских говоров Республики Коми. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 2004. 312 с. (ФСРГРК).

7. Материалы для фразеологического словаря говоров Северного Прикамья / Сост. К.Н.Прокошева. Пермь, 1972. 114 с. (МФССП).

8. Новгородский областной словарь. Т. 1-13. 1992-2000. Новгород, 1999 (НОС).

9. Ройзензон, Л.И. Словарь русской диалектной фразеологии южной части Ольхановского района Иркутской области // Труды Самаркандского государственного университета им. А.Навои. Вопросы фразеологии VI. Восточнославянская фразеология и фразеография. Вып. 237. Самарканд, 1972. С.114-204. (СРДФО).

10. Словарь орловских говоров / Под ред. Т.В.Бахваловой. Вып. 1-4. Ярославль, 1989-1991; Вып. 5-14. Орел, 1992-2003. (СОГ).

11. Словарь псковских пословиц и поговорок / Сост. В.М.Мокиенко, Т.Г.Никитина. СПб.: Норинт, 2001. 176 с. (СППП).

12. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Отв. ред. О.А.Черепанова; гл. ред. А.С.Герд. Вып. 1-6. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1994-2006. (СРГК).

13. Словарь русских говоров Приамурья. М.: Наука, 1983. 343 с. (СРГП).

14. Словарь русских говоров низовой Печоры / Под ред. Л.А.Ивашко. Тт. 1-2. СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2003 (СРГНП).

15. Словарь русских говоров среднего Урала. Т. 1-2. Свердловск: Средне-Уральское Книжное Издательство, 1964-1971 (СРГСУ).

16. Словарь русских донских говоров. Т. 1-3. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1975-1976 (СРДГ).

17. Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П.Сороколетов. Вып. 1-39. СПб.: Наука, 1965-2005 (СРНГ).

18. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби (дополнение). Ч. 1-2. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1975 (СРГОд).

19. Словарь русского языка. Т. 1-4. М.: Русский язык, 1981 (МАС)
20. Словарь смоленских говоров. Т. 1-5. Смоленск: СГПИ им. К.Маркса, 1974-1988 (ССГ).
21. Словарь современного русского литературного языка. Т. 1-17. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950-1965 (БАС).
22. Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской обл.) / Под ред. И.А.Оссоветского. М.: Наука, 1969. 613 с. (ССРНГД).
23. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н.Ушакова. Тт. 1-4. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1937-1940 (ТСРЯУ).
24. Фразеологический словарь русских говоров Сибири / Под ред. А.И.Федорова. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1983. 232 с. (ФСРГС).
25. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И.Молоткова. М.: Русский язык, 1978. 543 с. (ФСРЯ).
26. Шестакова Е.Н. Материалы к диалектному фразеологическому словарю Воронежской области // Труды Самаркандского государственного университета им. А.Навои. Вопросы фразеологии VI. Восточнославянская фразеология и фразеография. Вып. 237. Самарканд, 1972. С.261-289. (МДФСВ).
27. Ярославский областной словарь. Тт. 1-10. Ярославль, 1981-1991.

Ю.В.Самойлова

ЛЕКСИКОН РУССКОГО ОСТРОВНОГО ГОВОРА СТАРООБРЯДЦЕВ СЕЛА НИКОЛАЕВСК (ШТАТ АЛЯСКА, США)

Старообрядческое село Николаевск (Nikolaevsk) находится на юге Аляски, на полуострове Кенай. Николаевская община начала оформляться в конце 60-х гг. XX в., отделившись от крупной общины старообрядцев в Орегоне. Орегонская община складывалась с середины 60-х гг. прошлого века из нескольких потоков староверов: «харбинцев», «синьцзянцев» и «турчан». Данные группы получили названия по наименованиям прежних мест проживания (Харбин, Синьцзян (КНР); Турция). В Николаевске преобладают «харбинцы». Возникновению николаевской общины предшествовали события, определившие сложный путь миграции групп старообрядцев.

Накануне 1917 г. большинство староверов, потомки которых в настоящее время живут в Николаевске, проживало на Дальнем Востоке. Революционные события вынудили их покинуть обжитые места и в начале 30-х гг. обосноваться в Китае. Военные и политические изменения, происшедшие в стране пребывания в 40-50 годы, снова заставили старообрядцев переселиться – сначала в Гонконг, затем, в конце 50-х гг., в Латинскую Америку, откуда в середине 60-х гг. они стали приезжать в США, оседая преимущественно в Орегоне.

Говор жителей села Николаевск – старообрядцев часовенного согласия – является переселенческим островным говором. Его формирование и развитие происходило в инодиалектном и иноязычном окружении: с другими диалектными системами говор взаимодействовал на территории Сибири, Дальнего Востока и продолжает взаимодействовать в США. В миграционный период николаевский говор находился в окружении китайского, португальского, английского языков, контактировал с корейским и японским. В настоящее время в Николаевске нет людей, родившихся в России, следовательно, языковой опыт основного населения Николаевска был накоплен за пределами исконных территорий, а языковые особенности складывались под влиянием разнообразных экстралингвистических факторов.

Исследователи отмечают, что иноязычное окружение переселенческих островных говоров способствует, с одной стороны, обособлению и сохранению своеобразия определенного диалекта, с другой – взаимопроникновению элементов контактирующих языков и диалектов.

Преобладание (или перекрытие) языка окружающего языкового большинства, высокий социальный статус неродного языка, влияние инонациональной культуры и, как результат, – овладение языком окружения при одновременно ослабевающих связях с литературным языком метрополии диктуют определенное направление языкового процесса. Носители островного диалекта проходят путь от «этно-национальной диглоссии (диалект / литературный язык) к различным вариантам билингвизма (русский диалект / русский литературный язык + иностранный литературный язык; или: русский диалект + иностранный литературный язык)» [1, с. 24].

Жители Николаевска в период миграции и проживания в иноязычном окружении стремились к сохранению национальной специфики и старообрядческих традиций, что сказалось на основных характеристиках говора. Анализ фонетических, морфологических и лексических особенностей островного николаевского говора позволяет отнести его к числу смешанных, то есть совмещающих в себе черты севернорусских, среднерусских и южнорусских говоров, с явным преобладанием севернорусских черт, нередко имеющих общесибирский ареал распространения.

География миграционного пути старообрядческой общины, обосновавшейся в селе Николаевск, объясняет многие языковые особенности этого островного говора: очевидная общность с русскими говорами Пермской области, Сибири и Дальнего Востока; наличие иноязычных заимствований китайского происхождения, отражающих этап поселения староверов в северных и северо-восточных районах Китая (*финтёза, лигмень / людьмень, чумиза*); заимствований португальского происхождения, отражающих этап пребывания старообрядцев в Бразилии (*мантега, шурашка*).

Наибольшее количество заимствований (из английского языка) приходится на последние несколько десятилетий, когда большая часть представителей этой общины осела в США. Активное заимствование английской лексики, влияние английского языка на другие уровни островного диалекта объясняется такими экстралингвистическими факторами, как успешно развивающиеся торгово-экономические отношения; изменения в семейном укладе; образовательная система, ориентированная на язык страны пребывания; средства массовой информации; терпимое отношение духовенства к происходящим изменениям и др.

Стремление к консервации (как типичная черта старообрядческой культуры), с одной стороны, и возрастающие с каждым годом ассимилятивные процессы, с другой, оказывают разновекторное влияние и создают своеобразный, в определенном смысле уникальный, языковой портрет островного говора села Николаевск.

Лексика говора особенно ярко отражает эти разнонаправленные тенденции, подтверждением тому является приводимый ниже краткий словарь диалектной лексики говора села Николаевск.

А́жно (част.) – аж

А́зма – болезнь, астма (от англ. *asthma*)

Аля́сашный – имеющий отношение к Аляске; аляскинский

Амбару́шка – хозяйственная надворная постройка

Антибо́йрик – антибиотик (от англ. *antibiotic*)

Арбу́зник – ягода *Water-melon berry*

Африка́ны – негры

Бабзе́ха – трусливый человек

Ба́бзя – трусливый человек

Ба́бничать – помогать при родах, быть повивальной бабкой

Бадóшка – палка, трость

Баку́лоч, баку́лочки – колышки, поддерживающие прутья (перевички) в ограде

Бамбе́т – двухъярусная кровать (от англ. *bunk-bed*)

Бамбри́лка – мочалка для мытья посуды (от англ. «Brillo» – торговое название)

Ба́нка – металлическая (не стеклянная) тара

Бара́к – хозяйственная постройка обычно для хранения рыбных снастей

Барау́зить – задевать дном лодки речное, морское дно

Барётки – кроссовки

Баско́й – красивый

Бау́шка – 1) бабушка; 2) повивальная бабка, акушерка

Башкастик – смелый (?) человек; плохой человек
Белушкó – белок яйца
Берéзник – березняк, березовый лес
Бзданúть – 1) брызнуть водой (напр., на печь в бане), поддать пару; 2) ударить
Бýлка – 1) миксер; венчики миксера; 2) вибратор в насадке пылесоса; 3) устройство для измельчения твердых отходов в сифоне раковины
Бýпка – детский нагрудник (от англ. bib)
Бýсеры – бусы
Блízко (родýлись) – о небольшой разнице в возрасте
Блубенýка – клубника
Богá[ц]ко – богато
Бозля́ка – трусливый человек
Бóйзен – красная ажина, бойзенова ягода (от англ. Boysen berry)
Болтúша – разговорчивый, болтливый человек
Большинствó – в большинстве случаев, чаще всего
Боязля́ка – трусливый человек
Боя́ка – трусливый человек
Бра́га – алкогольный напиток домашнего приготовления, получаемый в результате сбраживания ягод, без последующей дистилляции
Братáн, братáник – двоюродный брат
Бра́тка – 1) брат; 2) старший брат
Брать – собирать (о ягоде)
Бруслéт – браслет
Брюхáтая – беременная
Брю́хо – живот вокруг пупка. *В серéдке брюха – живо́т.*
Бузу́й, бузу́йшка – пьяница, бездельник
Бúка – нелюдимый, угрюмый человек
Бúрый – коричневый
Буря́вки – грибы
Бутýлки – стеклотара, в т.ч. стеклянные банки
Бэ́бичка – грудной ребенок; младший ребенок (от англ. baby)
Вар – асфальт. *Ва́ром зали́ли доро́гу.*
Варёно молоко – варенец; топленое, квашеное молоко
Вёдро – ясная погода
Вековéвечный – долговечный
Велича́ть – называть по отчеству
Вертлюги́ – бедренные суставы

Весёлка – небольшая лопатка для замешивания теста
Вётренка – ветреная, несерьезная женщина
Ветроду́й – вентилятор
Вехóтка – хозяйственная тряпка
Вéхоть – тряпка для мытья пола
Вечёрки – вечеринка по будням, в пост
Вечерова́ть – проводить вечернее время, собравшись вместе, за рукодельем, беседой, песнями
Взад – назад
Вза́ди – сзади
Вза́дях – сзади
Вза́муж – замуж
Вза́мужем – замужем
Взорва́ться – извергнуться (о вулкане)
Визи́ль – растение семейства бобовых
Ви́ршинки – верхушки
Висива́р – видеоманитофон (от англ. VCR)
Води́ться – присматривать за маленькими детьми, нянчить
Водя́нка – ёмкость для воды, откуда черпают воду
Во́лменка – гриб
Во́лфер – пособие приезжим (от англ. welfare)
Ворожéй – название комнатного цветка
Воро́тчики – калитка
Вперёд – сначала
Враз – сразу
Вряд – рядом
Втрéсаться до без ума́ – влюбиться
Выбирно́й, выборно́й – тканый особым способом (о поясе, рисунок, которого «выбирается»)
Выгля́дывать – присматривать (за коровами)
Вы́дюжить – вытерпеть
Вы́жениться – пожениться
Вы́лажена – устроена (о деревне, расположении домов)
Вы́пивка – спиртные напитки
Выпу́ск – выгон для скота
Вы́торкать – уничтожить, выбить (о рыбе, звере)
Вы́шка – чердак
Вы́шняя школа – средняя школа (от англ. high school)
Вэн – микроавтобус, фургон (от англ. van)
Вязáнка – вязаная шапка
Вязáнки – вязаные вещи

Вя́зев – вязание, материал для вязания
Вязе́льный – вязальный. *Вязельные иголки* (спицы)
Вязо́чки – завязки
Вязь – вязание
Гава́йская роза, гава́йское сча́стье – название комнатного цветка
Га́лик – ёмкость в 1 фунт (о сборе клубники)
Галло́н – галлон, мера объема (от англ. gallon)
Га́рбич, га́рбичник – ёмкость для мусора, ягод; тара, обычно пластиковая (от англ. garbage)
Гла́денная – гладильная (о доске)
Гли́няный – коричневый
Глубе́нка – клубника
Гля́нуться / погля́нуться – нравиться / понравиться
Голи́к – веник без листьев
Голи́мый – чистый, без примесей; содержащийся в большом количестве
Голубе́ц – 1) улыбчивый, хороший человек; 2) блюдо из мясного фарша и капусты
Голуби́ца – голубика
Гон – период половых отношений (о самках животных). *Гон у ма́ток.*
Горба́ч – старинная женская одежда, разновидность сарафана
Горбу́шка – 1) горб; 2) спина (перен). *Носи́ть на горбу́шке.*
Го́рница – гостиная
Гости́ть – ходить в гости
Гречу́ха – гречиха
Гречу́шна – гречневая
Гре́[ш]на – гречневая
Гринха́уз – теплица (от англ. greenhouse)
Грохо́тка – решето для промывания лосолевой икры
Грошо́вка – решето для промывания лосолевой икры
Гру́зди – общее название съедобных грибов
Да́вечь – недавно
Дак (част.)
Дать – потерять (о здоровье). *Здо́ровье да́ла.*
Двойниша́ты – двойня, близнецы
Двухколя́ска – мотоцикл
Дева́ха – девушка, чаще незнакомая
Де́вер – брат мужа
Де́вка – девушка

Девчо́нка – девушка
Де́душка седо́й – название комнатного цветка
Де́рзкий – дерзкий
Десято́к – 20 горстей (о льне)
Дже́ло – варенье, повидло (от англ. jelly)
Джи́нзы – джинсы (от англ. jeans)
Джюс – сок (от англ. juice)
Дика́я, ди́кие – дикая, дикие
Дикоша́рый – беспокойный
Длиньши́на – длина
До без ума́ – очень сильно. *Втреска́ться до без ума. Испуга́ться до без ума.*
Добы́чивать – доставать, добывать
Догоня́лки – детская игра
Дожида́ть / дожда́ть – ожидать, дожидаться / дожждаться
Дождеви́к – одежда для рыбалки, включающая штаны
Доказа́ть – донести
До́лгай – длинный (о размере)
Доли́на – длина
До́се – до сих пор, доселе
Достава́ть – доставлять
Доста́ть – найти, встретиться
До́ха – длиннополая меховая одежда из шкур косули (чаще мужская, охотничья)
До́шлый – сообразительный
Драньё – дранка. *Драньё дра́ли с ли́сьвена.*
Дробне́нький – худенький
Друго́й раз – иногда
Ду́рность – Глупость, дурость
Души́ть – ловить (о рыбе)
Дюжо́й – сильный
Едо́вый – съедобный
Ездо́к – человек, управляющий бороной, жнейкой. *Бы́ть в ездо́ках.*
Ерала́шный – беспокойный
Ера́нка – герань
Ехи́дный – злой
Ёлкой – разновидность узора поясов
Жа́ба – болезнь горла, зева
Жа́дница – жадный человек
Жаре́во – блюдо, приготовленное жарением
Жаре́ха – сковорода, чаще с ручкой
Жарки́ – полевые цветы
Жарко́й – оранжевый, огненный цвет
Желе́зина – кусок железа
Жёлось – жёлчь, жёлчный пузырь
Желтушко́ – желток яйца
Желтя́вки – грибы

Же́натики – женатые люди
Жи́вчиком – быстро
Жи́дкий – 1) нежный (о рыбе); 2) некрепкий (о чае)
Жи́то – рожь. *Че́рна пше́ница.*
Жи́хмарка – шутовское обращение к девочке в домашней обстановке
Жне́йка – косилка
Жула́нчик – попугайчик
Завести́ – поставить тесто
Завива́ть – обвивать вокруг чего-либо (о ягоде)
Загля́дывать – присматривать за кем-либо
Загне́тка – место в русской печи
Заго́вня – заговенье
Заго́н – огороженное место для скота
Заеду́ля – задира
Заеду́ха – тот, кто «заедаётся», задира
За за́муж – замуж
Закосну́ть, закосну́ться – забыться
Закрю́чить – поймать рыбу «кошкой» (якорем)
Зала́вок – стационарный кухонный стол, обычно с встроенными шкафами для посуды
Зало́г – целина, непаханая земля
Заме́сто – вместо
Замо́чь – смочь
За му́жа выходи́ть – идти замуж
Запаши́стый – душистый, ароматный
Запо́н – фартук
Заре́веть – заплакать
Заскре́бушек, заскре́бышек – последний ребёнок
Засоле́ть – просолиться
Застружа́ть – строгать, затачивать (о карандаше)
Затева́ – зятя
Зато́ – поэтому. *Оне воспаля́ются, зато ты хвори́шь.*
Зау́чка – что-либо, выученное на память
Зацвести́ – начать расти (о бороде)
Зача́ть (зачину́т) – начать (начнут)
Зва́ние – название
Звать – называться
Зев – пространство для пропуска челнока, трепала
Зиплап, зиплак – полиэтиленовый пакет с замком (от англ. ziplock)
Зи́пер – застежка-молния (от англ. zipper)
Злоти́ст – ювелир
Злы́ня – злой человек

Золотни́к – женский половой орган, матка
Зуди́ться – зудеть, чесаться
Зы́бка – колыбель
Зяте́вья – зятя
Иго́лки – вязальные спицы
Идти́ на н́из – заканчиваться
Изредка́ – изредка
Изю́брь – изюбр
Има́н, ема́н – домашний козёл
Имена́ – названия
Име́ние – имущество, средства
Инч – дюйм (2, 54 см) (от англ. inch)
Инчу́ренс – страховка (от англ. insurance)
Исправля́ть / испра́вить – служить молебн, читать молитву (например, о больном ребёнке). *Ребе́нка испра́вить.*
Й́чки, ийчу́шки – яйца
Ка́бер, кабу́р, ка́бур – кобура, чехол
Ка́жный – каждый
Казáнски оре́хи – (?)
Казе́нка – подсобное помещение, прохладная кладовая
Кала́ч, кала́чик – выпечное изделие из дрожжевого теста в форме кольца
Калбу́к, клыбы́к, клуба́к, клубу́к, клубоч́к, кубла́к – 1) женские туфли, чаще нарядные; 2) женские ботинки
Ка́лэдж – колледж (от англ. college)
Ка́менка – печка в бане
Камы́нка – печка, дровяная или масляная, обогревающая жилое помещение
Караси́н – керосин
Ка́рта – рисунок узора для пояса, картинка для вышивания рубашки
Картóвники – вареники с картошкой или с картошкой и с капустой
Картóвный – картофельный
Ка́рточка – фотография
Ка́танки – 1) валенки; 2) утепляющий вкладыш в сапоги
Като́к – приспособление для поднятия рыбы на катер
Кату́ша – детская горка
Кача́льный стул – кресло-качалка
Качу́ля – качели
Квасо́ль – фасоль
Квашня́ – 1) тестомес, механизированное устройство для замешивания теста; 2) несдобное тесто
Ке́дра – кедр
Кедра́ч – кедровник
Кейк – торт (от англ. cake)

Кéнар – приспособление для закатки крышек при консервировании (от англ. can)
Кéнарь – консервный завод (от англ. canary)
Кеновáлка – станок для закатки консервных банок (от англ. can)
Кенóванный – консервированный (от англ. can)
Кеновáть – консервировать (от англ. can)
Кенóвка – 1) консервы (от англ. can); 2) помещение в доме для хранения заготовок
Кйжуч – рыба семейства лососевых
Кйпар – балык по-алеутски, с красной солью
Кйслица, кйслица – красная смородина
Кйслица листовáя – щавель (?)
Кйчка – головной убор замужней женщины
Клётка – домик в детской игре. *Игрáть в клётки* – значит играть в дом, имитировать домашний быт
Клубенй́ка – клубника
Клúмбочка – кухонная полочка
Клыкчáть, клыктáть – кудахтать (о курице)
Клюкá – кочерга
Князь – игра
Кобы́лка – насекомое: кузнечик(?), сверчок(?)
Кожу́рка – шкура животного
Кóзлинка – гладильная доска
Козлй́нки – выделанные шкуры косули
Козля́к – недлинное пальто из шкур косули
Козу́ля – косуля
Кóйка – кровать
К`ока-кóла – напиток кока-кола
Колидóр – коридор
Комбинáшка – комбинация
Компанй́роваться – собираться вместе, компанией; договариваться о чем-либо
Конегрэй́ка – сенокосилка
Конпóт – компот
Конь – игра, разновидность шаровки
Копáть / прокопáть – 1) ковырять / проковырять. *Копáть глаза*; 2) выцарапывать
Копу́ша – медлительный человек
Кóрка – обложка
Короты́г(л)а – человек небольшого роста
Корт¹ – суд (от англ. court)
Корт², кортик – стеклянный сосуд (от англ. quart. – 0,946 л)

Коря́читься – 1) капризничать, плакать; 2) некрасиво сидеть (о девочке)
Котóрый раз – иногда
Кóфей – кофе
Кофёйник – чайник
Кочергá – беспокойное состояние новорождённого ребенка, связанное с особенностями развития волосяного покрова
Кошанй́на – выкошенное место
Красня́вки – грибы
Крёндель – печеное изделие из заварного теста любой формы
Крикóвы у́тки – серые домашние утки
Крóмовы – хромовые
Крóсота – головной убор невесты
Круг – вокруг
Кры́льцы(а) – лопатки
Кры́ша, кры́шка, кры́шечка – навес
Кто – вопр. мест. *что*
Кубы́шечка – ёмкость для замешивания теста
Куды́ – куда
Кузнéчик – чёрный сверчок
Кулáга – сладкий напиток, настоянный на ржаной муке и солоде с добавлением ягод. Готовится из остатков сусла
Курта́йка – безрукавка
Кута́чить – кудахтать (о курице)
Куфа́йка – фуфайка, футболка, тенниска
Ку́хнишный – кухонный
Кы́ска – кошка
Кышмы́ш – белый изюм, кишмиш(?). Растение с мелкими плодами летом и крупными – осенью (?). Пригодно для консервирования
Кэ́рибу – северный олень, карибу (от англ. caribou, caribou)
Лáдить – приводить что-либо в готовность
Лáйсен, лáйсенс – водительские права (от англ. licence)
Лáпось – ступня ноги.
Лáстовки – плечевые вставки, нашивки на рубаше
Лéдник – морозильный ларь; холодильник
Ленóк, ленькй́, линкй́ – форель
Лесй́на – дерево
Лéстница – стремянка. *В дому́ – ступéни, не лéсница.*
Лéстовка – предмет, выполняющий функцию четок при молитве
Лину́ть – налить
Лисапéд – велосипед

Лісьвень – лиственница
Литóвка – сельскохозяйственное орудие; коса
Ліфтик – лифчик
Лихóвник – ива
Лог – низкое место
Лóдырь – лентяй, бездельник
Лóбер – юрист, адвокат (от англ. lawyer)
Ложгати́на – высокое место. *Ложгати́на – оно вы́сокое, кедрáч дáжыць растэ́т.*
Лóжить – класть
Лóпта, ла́пта – игра
Лопуха́стый – крупный (о снеге)
Лу́ковка – название комнатного растения амариллис
Людьме́нь, лигме́нь – пшеничная лапша (часто с обжаренными овощами) (от кит. Lēng Miàn)
Майл – миля (от англ. mile – 1609,33 м)
Мале́нько – немного
Мамáша – неродная мама
Ма́монька – 1) свекровь; 2) мать
Ма́нит (безл.) – ощущается сильная потребность в чем-либо. *Ма́нит в сон.*
Манте́га – сливочное масло (от порт. manteiga)
Марива́на – марихуана (от англ. marihuana, marijuana)
Марковéй, макровéй – микроволновая печь (от англ. microwave)
Ма́рфия – мафия (от англ. mafia)
Ма́рьины корéнья – растение с белыми цветами, дальневосточный пион (?)
Ма́сленики – грибы
Масляни́чный – нефтяной (о нефтяных вышках)
Ма́тка – деревянный брус
Ма`унда-ду́ – газированный напиток «Mountain Dew»
Ма́хонький – маленький
Меду́нка – шмель
Междудéлком – невзначай, мимоходом
Мексика́ны – мексиканцы
Ме́рин – ягода Marian berry
Ме́ртвеник – неразговорчивый человек
Меша́ть – сбивать (о масле)
Мизги́рь – паук; маленький паук
Ми́рна посу́да – посуда для посторонних
Млеть / умле́ть – томиться, упариваться / упариться (о еде)
Мокрогла́зый – плаксивый
Молéнна – молеальный дом

Молодожа́вый – молодой, моложавый
Молоду́ха – молодая замужняя женщина
Молодя́жник – скот до года, молодняк
Мо́лоный – молотый
Мо́лосный – скромный
Мо́рковь – морковь
Морóзник, морóзка – морозильная камера
Мосла́к – кость
Мотоциклéт – мотоцикл
Мохно́вка – ягода
Мураши́ – муравьи
Му́рцовка – окрошка
Мус – американский лось (от англ. moose)
Мы́шка – инструмент для изготовления поясков
Мя́вкать – мяукать
Набира́ть / набра́ть – записывать / записать (напр., на магнитофон)
Набирно́й – тканый особым способом (с поясе, рисунок которого «выбирается»)
Наве́ливать – предлагать, навязывать
Наво́йка – инструмент для изготовления поясков, лестовок
Навя́зливый – навязчивый
Нагру́дка – 1) верхняя часть фартука; 2) детский нагрудник
Надсади́ться – надорваться
Нажи́ва – наживка
На живу́лечку (сшить на живу́лечку) – намечая линию шва
Наза́дь – назад
Назе́м – навоз
Найти́сь – родиться
Наказа́ть – дать наказ, приказать
Наки́[шш]ивать – делать украшения на концах пояса
Нала́живать / налади́ть – сделать что-либо; приготовить (о пище); исправить; подделать
Нани́з – вниз
Наобудéнку – на одни сутки
Наплаво́к – поплавок
Наплыва́ть – увеличиваться в количестве
На помы́нку – на память
Напороси́ться – родить поросят, опороситься
Направля́ть – исправлять, ремонтировать
На рубáху – менструация
Наруши́ться – сломаться
Наряжа́ть – заниматься уборкой, наводить порядок в доме, в церкви
Насéком (резать) – резать особым образом

Насоси́ть – накормить младенца грудью
Натура́льный – знакомый, привычный
Находи́ть – быть похожим
На четверя́шках – на четвереньках
Не́вдосоль – недосол
Неедо́вый – несъедобный
Незамо́чь – заболеть, занемочь
Не́кады – некогда
Немты́х – неразговорчивый, молчаливый человек
Непого́дь – плохая погода
Не́рка – рыба семейства лососевых
Несу́стая – курица, которая несется
Нипочо́ – незачем
Ниско́ль – нисколько
Ниче́нки – часть ткацкого стана
Но́жни – ножны
Но́нче – теперь, сейчас, в этом году
Но́рки – ноздри
Нутро́ – внутренность
Ня́нька, ня́ня – старшая сестра
Оба́бки – грибы
Обезгла́сить – лишиться голоса
Обиха́живать – ухаживать, заботиться
Обкружи́ть – очертить круг, обвести
Обновля́ть – отмечать появление чего-либо нового. *Обновля́ть дом.*
Обозна́ться – ошибиться, перепутать
Обсо́сонка – борода
Обу́тки – обувь
Огра́да – 1) двор; 2) огороженное место для птицы
Огреба́ть – окучивать
Огу́рчики – красная ягода (?)
Огуре[ш]ник – рыба корюшка
Оде́жа, оде́жда – одежда
Одна́ко (вв.) – однако
Ожа́биться – осипнуть, охрипнуть
Ожа́лить – ужалить
Озеру́шка – озеро
Ока́унт – счет, чек (от англ. account)
Окла́д – цоколь, нижний ряд бревен в срубе
О́кшин – аукцион (от англ. auction)
Оли́фиться – приобретать специфический запах, вкус (о несвежей рыбе)
Опе́ть – опять
Опу́пки, пу́пики – грибы
Ори́ндж – газированный напиток (от англ. orange)
Оспре́ить – распылить (от англ. spray)

О́стро – очень. *О́стро гра́мотный. О́стро ки́слый.*
Отва́р – мясной бульон
Отва́рна вода – 1) чай; 2) кипячёная вода
Отгруд́ить – отодвинуть
Отре́пли – очески льна
Отсе́ль – отсюда
Отс(ш)та́пить – уволить
Отсты́ть – остыть, остынуть
Отте́ль – оттуда
Охвоя́чить – ударить
Охло́пки – каши быстрого приготовления (в т.ч. из хлопьев)
Охо́тницкий – охотничий
Охо́тничать – охотиться
Ошлага́ – манжеты
П[а]дл́й – около, подле, недалеко от чего-либо
Па́костить – вредить
Пальту́шка – 1) куртка; 2) пальто
Панто́вка – охота с целью добычи пантов
Пара́шка – унитаз
Парё́нки – блюдо из вяленой тыквы
Па́рить – сидеть на яйцах, высиживать цыплят
Па́рта – рабочий стол
Пару́нья – курица-наседка
Пару́ха – курица-наседка
Па́ска – Пасха
Па́смирный – пасмурный
Па́сья – нечистая с точки зрения религиозных представлений (о посуде)
Па́ужин – обед
Па́ужнать – обедать
Па́унт – фунт (от англ. pound – 453,6 г)
Пау́т, паву́т – овод
Пекчи́ – печь (глагол.)
Пёпси – напиток пепси-кола
Пёрва, перва́ – сначала
Первобы́тный – старый, древний. *Первобы́тный дом.*
Переви́чка – гибкий прут тальника (ивы) для связывания кольев в изгороди
Переди́нка – ожерелье
Переё́мы – родовые потуги
Перела́живать – ремонтировать
Перели́нка – кокетка на сарафане
Перешпи́ливать – менять пелёнку у грудного ребенка
Пёрышки – плавники у рыбы
Пест – белая часть у зеленого лука

Печёнье – всё печёное, кроме хлеба, блинов, оладий, лепешек
Печу́рка – обогреватель
Пёшки – игра, шашки.
Пика́п, пика́пчик – пикап (от англ. pickup)
Пи́почка – мочка уха
Писа́ние – письмо
Планова́ть – планировать
Пласти́нка – аудиокассета, компакт-диск
Пла́т(ь)я – детское платье
Пли́чка – совок для мусора
Плоскозубцы – плоскогубцы.
Поваре́нка – половник, разливательная ложка
Поваре́шка – половник, разливательная ложка
Повдо́ль – вдоль
Поверту́ха – простуда, грипп
Повзде́нно – весь день
Повы́вка – головной убор замужней женщины
Погáнить – портить
Погла́сица церко́вная – способ чтения религиозного текста на церковнославянском языке
Поголе́шки – холщовые короткие чулки без пятки и носка
Под ви́д – наподобие, в виде, соответственно
Подгона́ть – подходить, наступать. *Сто лет уже́ подгона́т.*
Поды́ (ввод.слово) – наверное
Подла́живать – ремонтировать
Подро́с(т)ки – телята двух-трех лет
Подходя́ – немало, достаточно
Подходя́[шш]и́нька – немаленькая (о возрасте)
Подыха́ть – сесть (о волосах)
По́[и]ст – пояс
Покры́шка – крышка у сундука, «гарбича»
Полновóдьё – половодье
Полотни́нка – полотнище
Поло́чек – часть жнейки
По́льзовать – использовать
Поля́на – трава на лужайке перед домом
Помакну́ть – обмакнуть
Помере́ть – умереть
По́мочь – коллективная помощь
Понести́ – забеременеть
Поноси́ться – испытывать недомогание во время беременности
По пёрвости – сначала

Поперёд – сначала, раньше; перед
Поперёшный – непокорный
Попра́вить – полечить. *Попра́вить надса́ду: ма́тка опуска́[щ]а – жи́лы потяну́ть.*
По пряму́шке – напрямую
Порабо́тать – сделать все, переработать
По-ра́зному – по-другому
Поре́лый – зрелый
Поро́ть – разделять рыбу
Поско́тина – огороженное место для скота, выгон
После́душек, после́дышек – последний ребёнок
После́дыш – последний ребёнок
Постоя́лка – постоянный двор
Посы́пка – удобрения
Потихо́ня – тихоня; спокойный медлительный человек
По́тник – матрас (без пружин)
Потравля́ть – дразнить
Похле́бка – постное жидкое блюдо
Похуда́ть – похудеть
Поча́мкать – пригубить, попробовать
Почерпну́ть – зачерпнуть
Почто́ – почему
Правну́к – правнук
Предъяви́ться – явиться, чтобы предъявить документы
Приго́н – огороженное место для скота
Прико́лки – заколки для волос
Прилепля́ть – прикреплять (например, вешать на стену ковер)
Прима́ть – принимать
Примерно́ (ввод.слово) – например
Принести́ – родить
Приня́ть – крестить ребенка
Приписа́ть – присудить. *Приписа́ли тя́те расстрéл.*
Припо́лок – планка на рубaxe
Приста́ть – устать
Прихо́д – тёплые сени
Прихо́жа – гостиная
При́шва – приспособление для изготовления поясков
Провожа́ны – провода
Прогля́дный – хорошо просматриваемый, не загороженный ничем
Продырова́титься – продырявиться
Прожи́вать – выживать
Про́звон – позвоночник
Произноша́ть – произносить
Про́ймы – лямки на сарафане

Промѣж – между
Пропуска́ть – выпускать (о газетах, журналах)
Прѳ́сни – оболочка, покрывающая икру рыбы
Простокѳ́ша – простокваша
Прѳ́шлый год – в прошлом году
Прѳ́сло, прѳ́сла – 1) жердь в изгороди; 2) столб в изгороди; 3) изгородь
Прѳ́талки – детская игра, прятки
Путѳ́м – правильно
Пу́ще / попу́ще – сильнее / посильнее
Пѳ́шкать / напы́шкать – распылять / распылить, обдавать, обливать чем-либо
Пятно́ – мишень
Ра́зговня – первый день мясоеда
Разлѳ́па – сплетник
Ра́зный – другой
Разрезны́ полотѳ́нцы – длинные полотенца, вышитые по краям
Раску́порка – инструмент для раскупорки консервных банок
Распеча́галка – инструмент для раскупорки консервных банок
Расста́нь – перекресток или разветвление дороги
Растрѳ́па – неопрятный человек
Рачѳ́к (жаркой, белый) – название комнатного цветка
Ребѳ́тѳ́шки – дети
Рѳ́в – период половых отношений (о самцах животных). *Рѳ́в у быко́в.*
Ревѳ́ть – плакать, кричать
Рѳ́ба – детский или спортивный комбинезон
Рогѳ́лька – инструмент для изготовления поясков
Роди́ха – роженица
Рѳ́стить – растить
Рукомѳ́йка – умывальник, раковина
Рукомѳ́йник – умывальник, раковина
Рукотѳ́рт – полотенце (чаще льняное)
Рыба́льный – относящийся к рыболовству
Рыба́чить – заниматься рыбной ловлей
Рыженькие – грибы
Рыжу́шка – человек с рыжими волосами
Ряди́ться – договариваться
Рѳ́сно – много
Рѳ́сный – обильный (о снеге)
Са́дик, садѳ́к – большое количество детей
Садѳ́ть – помещать куда-либо. *По́лну ба́ню льна сади́ли.*

Са́лмон, са́ймон – лосось (от англ. salmon)
Самоу́ком – самостоятельно, без систематического обучения
Са́нки – подбородок
Сара́й – хозяйственная постройка для скота
Сара́нгик – растение, цветок
Сахарни́ца – са́харница
Сашму́ра, шашму́ра – головной убор замужней женщины
Сва́шка – подружка на свадьбе
Све́шать – взвесить
Своѳ́чена – сестра жены
Сговорить – убедить, уговорить
Сгорбу́титься – согнуться, сгорбиться. *Сгорбу́тится ребѳ́ночек комо́чкѳ́м.*
Седу́шка – ягода, по форме напоминающая мелкую фасоль (от кит. xidou (?) «сидон»)
Се́ни – холодное помещение между жилой частью дома и крыльцом
Сестря́нка – двоюродная сестра
Се́чка – нож для рубки капусты
Си́жий – сидячий
Си́кша – ягода шикша (вороника)
Си́ла – жидкость с высоким содержанием спирта, остающаяся после замерзания браги
Сини́ца – синяя ягода
Синѳ́вки – грибы сыроежки (?)
Сицо́м запа́хнуть – запахнуть мочой
Ска́зывать – рассказывать
Сказа́ть (вв.).
Скатѳ́рка – скатерть
Скаты́ть / наскаты́ть – раскатывать / раскатать тесто
Ски́дыш – выкидыш
Скла́день – складной охотничий нож
Скли́зко – скользко
Сколь – сколько
Скороде́л – человек, быстро справляющийся с делами
Скрозь – сквозь
Скуперда́й – скупой человек
Слайт – газированный напиток (от англ. slice [slais] – «ломтик» – напиток, приготовленный из цитрусовых + sprite [sprite] – «эльф»)
Слепѳ́шарый – человек со слабым зрением
Сли́вок – сливки
С ма́личка – с малых лет, с малолетства
Сметѳ́нник – последний ребѳ́нок, любимый, единственный
Смогчи́ – смочь

Сновáлка, снóвка – инструмент для изготовления поясков
Сновáть – кроить поясok
Снохá – посудомоечная машина
Сношéльница, сношéнница – 1) жена брата; 2) жена брата мужа
Совремéнный – современный
Солонíна – соленья
Солонíчка – солонка
Сóлус – квас из ржи (*ярицы*)
Сóнка – подбородок
Соплívая – сырая (о зиме)
Соснóв – снова
Сосúнчик – рыбка аквариумная
Сóчень – заготовка, лепешка для пирожков, пельменей
Сошýть – шить
Спáльник, спáльня, спáленка – ночная рубашка
Спа`льна-óфис – кабинет (от англ. office)
Спервá – сначала
Сплéтник – название комнатного плетущегося растения
Сподрýд – подряд
Спокрóй – покой
Спóнсырь – спонсор (от англ. sponsor)
Спрэй – аэрозоль (от англ. spray)
Спускáть – капать. *Спускать капли в глаз.*
Срабóтать – сделать
Сребролúбец – скупой человек
Средкá – редко
Стакáнье – праздничная посуда
Старíнский – старый, старинный
Стать – исполниться
Стирáлка – стиральная машина
Столовáя лáмпа – настольная лампа
Столь – столько
Страмóвка – неопрятная, неаккуратная, нечистоплотная женщина
Стращáть – пугать
Стру́йка – стайка (о рыбе)
Стрýпать – готовить блюда, требующие владения непростой кулинарной техникой, напр., пельмени (не суп)
Стрýпка – повариха
Стрýпник – повар
Ступéни, ступéньки – лестница
Судомóйка – посудомоечная машина
Суп – мясное жидкое блюдо
Супрóть – против (в сравнении, в сопоставлении с чем-либо)
Сур – канализация (от англ. sewer)

Суррогáт – 1) разновидность браги из бузины; 2) бузина
Сýсло – сладковатый напиток, настоянный на ржаном солоде, томленный в русской печи
Сухие грибы – грибы (?)
Сухóй, сухúчий – сухощавый человек
Сушýлка – машина для сушки белья
Схлестнýться – сойтись (в т.ч. для совместной жизни)
Сходítть – помещаться, входить во что-либо
Схóдно – достаточно, немало
Съёмки – снимки, фотографии
Сынк, сынок – раковина (от англ. sink)
Сýрчики – блюдо из охлаждённого сладкого творога
Сырые грибы – грибы (?)
Талалá – беззубый человек; человек с плохой дикцией; глуповатый человек. Чаще так называют детей
Тáличка – женская верхняя одежда, разновидность платья особого покроя
Тáма – там
Тáнка, тáнок – 1) резервуар; 2) аквариум (от англ. tank)
Ташó – китайская сковорода (от кит. dashao)
Творóжники – 1) блюдо из охлажденного сладкого творога; 2) вареники
Телéжка – детская коляска
Тéльный – разновидность пояса
Тенёта – паутина
Тепéрич – теперь
Тёпочки, тýпочки – вязаные тапочки; домашние тапочки
То – 1) так что (союз); 2) поэтому (нар.); 3) так (нар.)
Товáр – материал, ткань
Топóк, топкý – приспособление для изготовления поясков
Топóшный пояс – разновидность пояса
Тóркнуть – ударить
Тóрнуть – ударить
Тóропно – быстро, поспешно, торопливо
Трахмáл – крахмал
Трепáло – 1) инструмент для изготовления поясков; 2) приспособление для трепки льна
Трэхколяска – мотоцикл
Трок – грузовик (от англ. truck)
Трóнка – багажник (от англ. trunk)

Тро́нуть / потро́нуть, тронуться – увеличиваться в объеме, подниматься, подходить (о тесте)

Трусíвый – трусливый

Трусíха – трусливый человек

Тувале́т – уборная на улице

Туды́ – туда

Туесо́к – берестяной сосуд

Ту́ма – опухоль (от англ. tumor(u)r)

Ту́по – медленно, с трудом. *Ту́по шёл*. Медленно продвигался (об учебе)

Турча́ны – турецкие старообрядцы; одна из диалектных групп

Ту́та – здесь, тут

Тын – частокол

Ты́сячка – друг на свадьбе

Тя́пать – пропалывать

Тя́тенька – свекр

Тя́тя – отец

Уби́рка – уборка

Убру́с – головной убор замужней женщины

Ува́л – холм

Угосте́нье – угощение

Удо́бности – удобства

Уйти́ за их – выйти замуж

Уси́ки – усы (слово «усы» не употребляют)

Утуха́ть – остывать

Уу[шш]е́ль – ущелье

У́ши – отложной воротник

Фамíль – фамилия

Фа́рма – ферма, хозяйство (от англ. farm)

Фарми́ровать – заниматься сельским хозяйством; работать на ферме (от англ. farm)

Финтё́за – лапша из фасоли (от кит. fěntiáo «желатиновые вермишели (продукт, изготовляемый из крахмала бобовой или картофельной муки); лапша из золотистой фасоли»)

Флу – грипп (от англ. influenza, flu)

Фомбо́ра, фонбо́ра – оборка

Форсу́н – модник

Форсу́нья – модница

Фри́зер – холодильник (от англ. freezer)

Фру́кта – фрукт

Фи́рнос – отопление в доме (от англ. furnace)

Фэ́н – вентилятор (от англ. fan)

Ха́лабу – палтус (от англ. halibut)

Харчи́ – еда, пища

Хво́рость – болезнь

Хими́ческий – цвет (сиреневый, пурпурный)

Хлеста́ть – подходить, наступать, быстро приближаться. *Уже́ пе́рвый час хлѣ[ши]ит.*

Хо́лка – ягодица

Хре́стна – крестная

Худо́й – слабый здоровьем, больной, немощный

Цветки́ – вышивка на рубахе

Це́во[ш]ник – растение бузина

Це́рква – церковь

Цы́пки – цветы

Чавы́ча, чивы́ча – рыба семейства лососевых

Ча[шш]а́ – труднопроходимый, густой лес

Ча́шка – миска, глубокая тарелка

Че́рень, черешо́к – рукоятка какого-либо предмета, орудия

Че́рна я́года – черника (?)

Черноша́рый – черноглазый

Че́рны оре́хи – плоды растения (?)

Черны́ш – негры

Чирьё́з – каши быстрого приготовления (от англ. Cheerios < cheery + O's – название торговой марки)

Чер – кресло; диван (от англ. chair)

Че́ча – избалованный, изнеженный человек

Чигу́нный – тяжелый

Чи́калки – щиколотки

Чмень – ячмень

Чуда́цкие – 1) чудесные; 2) смешные

Чу́дно – 1) странно, удивительно; 2) смешно, весело

Чуми́за – злак, зерновая и кормовая культура (от кит. Choumizi)

Чуми́зный – относящийся к чумизе

Чуша́тник – свиначник

Чу́шка – свинья

Ша́гом – пешком

Шало́хи – орехи. *Земляные оре́шки.*

Ша́ньга, ша́нежка – открытые пироги с разнообразной начинкой (из творога, картофеля, варенья)

Ша́п – мастерская (от англ. workshop)

Шарба́ – уха

Ша́рики – игра

Шаро́вки – игра городки

Ше́ршень – крупная оса

Шибagáн – кипяток (?)

Шы́бо – очень

Шипи́ка, шипи́шник – шиповник

Шипи́шный – относящийся к шиповнику

Шка́п – шкаф

Шкату́лка – выдвижной ящик
Шля́коть – слякоть; сырая зима
Шля́пка – мужской головной убор, шляпа без полей
Шо́ркать – мыть, тереть
Шпилё́чек – приспособление для закрывания отверстия в сосуде
Шта́нишки – детские колготки
Шура́шка – шашлык (от порт. churrasco)
Що́рцы, що́рсы – шорты (от англ. shorts)

Эконо́мка – чугунная печка
Эле́ктриковый – электрический (от англ. electric)
Ю́згаться – возиться, беспокойно двигаться
Юзо́ванный – подержанный (от англ. use)
Я́[шш]ик – сундук
Я́ри[ш]ный – относящийся к ярице
Я́рица – рожь
Я́тно – 1) ярко; 2) ясно

ЛИТЕРАТУРА

1. Домашнев А.И. Немецкие поселения на Неве. (Из истории развития «островной» диалектологии) // Вопросы языкознания. 1996. № 1.

АМУРСКИЕ МОЛОКАНЕ: РЕЧЕВЫЕ ПОРТРЕТЫ

Н.Г. Архипова

МОЛОКАНЕ НА АМУРЕ: ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНИ И БЫТА

*Церковь — не в бревнах, а в ребрах.
Токмо умом в себе молитися, без икон и поклонов.
Из заповедей молокан.*

Молокане — одна из разновидностей духовных христиан, возникшая в результате антицерковного движения крестьян в России. Выступая против официальной церкви, молокане испытывали давление со стороны правительства.

Появление молоканства относят к XVIII в. Возникло оно на территории Тамбовской губернии Российской империи. Основателем секты считают Семёна Уклеина, тамбовского крестьянина.

Отделившись от духоборов, новая религиозная группа называла себя «духовными христианами» по давней русской традиции, которая противопоставляла церковному обряду действие Слова Божьего и Духа Святого на душу верующего. Молоканами их впервые назвала Тамбовская «духовная консистория в 1785 г. за то, что они, не соблюдая постов, пьют молоко. Они согласились с этим названием, приняли его, утверждая, что «возлюбили чистое словесное молоко», о котором говорится в Слове Божьем, чтобы от него возрасти им во спасение» [1, с. 40]. Молокане учили, что люди не должны властвовать над теми, в кого вселилось учение Христово. Поэтому истинные христиане должны избегать рабства у помещиков, военной службы, присяги, участия в войне. Молокане жили мыслью о том, что они создают Царство Божие на земле и не должны «сообразоваться с веком сим» [Там же].

И в настоящее время молокане отрицают церковь, церковную иерархию, пост, иконы и богослужебные обряды официального православия. Они признают Библию, особенно почитают Ветхий Завет. Библия у них ассоциируется с образом «духовного молока», которым «окормляется» человеческая душа. Моления у молокан совершаются в молельных домах, где верующие поют библейские тексты.

В их учении большое место уделяется предсказаниям скорого наступления второго пришествия Христа и установления на земле тысячелетнего царства Божьего. Молоканские общины управляются выборными руководителями-наставниками и старцами-пресвитерами. Богослужение молокан состоит в чтении Библии и пении псалмов.

Уже в XIX в. молоканство разделилось на многочисленные течения. Некоторые сохранились до настоящего времени: прыгуны, максималисты, постоянные, общие и др. До 1917 г. насчитывалось около 1 млн. молокан. В настоящее время они представлены небольшими группами в Закавказье, на Украине, в Молдове, в Тамбовской и Оренбургской областях, на Дальнем Востоке. Всего членов молоканских общин насчитывается до 300 тыс. Их единоверцы живут и за рубежом: в США, Аргентине, Боливии, Канаде, Австралии [2, с. 3; 3, с. 71-73].

В основу молоканского учения были положены идеи западного протестантизма, а социальной базой секты стало свободное крестьянство. Поскольку в учении молокан отмечалось непризнание божественного происхождения верховной власти и земных законов, отказ от насилия, вплоть до отказа от защиты Отечества, идея избранности, они всегда были гонимы: и в царское время, и в советское. В начале XIX в. небольшая часть молокан компактно проживала в Таврии (Мелитопольский уезд), изолированно от остального русского народа. Большая же часть молокан продолжала жить в южнорусских и центральных губерниях среди православного населения. С конца 30-х гг. XIX в. наиболее активных молоканских пропо-

ведников стали высылать в Закавказье, а в 40-е гг. началось добровольное массовое переселение туда молокан из Тамбовской, Самарской, Оренбургской и других губерний России. Они основывали в Закавказье поселения, главным образом на территории современного Азербайджана и Армении, хотя много молокан продолжало оставаться и во внутренних губерниях России [4, с. 12-14]. Поскольку в XVIII и XIX вв. слово «православные» воспринималось как синоним слова «русские», молокане, разошедшиеся с Православной Церковью, осознавали себя не русскими, а особым народом Божиим. Конфессиональные особенности молокан наложили сильный отпечаток на их культуру, которая, несмотря на русскую основу, приобрела существенные отличия от культуры их этноса. Осознание своих культурных и религиозных особенностей, богоизбранности, общего исторического прошлого и позитивная этноконфессиональная идентичность в сочетании с негативным восприятием официальной религии русского народа и соседей-кавказцев – все это способствовало тому, что они смогли на протяжении длительного времени существовать и сохранять свою уникальную культуру.

В конце XIX – начале XX вв. происходило массовое переселение молокан из Таврии, Закавказья, Тамбовской губернии на Дальний Восток.

В 2005 г. студентами и преподавателями филологического факультета Амурского государственного университета была совершена диалектологическая экспедиция в села Тамбовского и Константиновского районов Амурской области: Жариково, Раздольное, Тамбовку, Толстовку, Гильчин, Косицино, Верхний Уртуй, Нижний Уртуй. Все эти села были образованы молоканами. Переселение молокан в Амурскую область происходило с середины XIX в., главным образом, из Тамбовской, Саратовской, Воронежской губерний Российской империи, а также из Таврии. Переселялись семьи Косицыных, Саяпиных, Умрихиных, Лиштаевых, Поповых, Тулуповых, Мясниковых, Горловых, Филимоновых и др.

Жители Гильчина с большой любовью рассказывают о прошлом своего села: *«Стояли еще эти бревенчатые дома. Красивые, крашенные, все под шатровыми крышами, оцинкованные. И у всех домов кружева беленькие были. Ставни были. Все было. Ворота, как говорили, заплот назывался по-молокански»* (здесь и далее приводятся высказывания потомков первых амурских молокан).

Молокане – очень трудолюбивые люди. Много работали сами и держали наемных работников, труд которых ценился достаточно высоко. Работники были всегда сыты и одеты.

По воспоминаниям информантов, молоканские семьи отличались порядочностью и чистоплотностью: *«Посуда у них блестит, да все было чистенько. Чистоплоты они были очень».*

Молокане не употребляли в пищу свинину, так как считали, что *«свинья на небо не смотрит, с Богом не разговаривает»*; *«Чушек не ели мы. Вот на небо не смотрит она».*

В молоканских селах Амурской области не было церквей, религиозные обряды совершались в *молельной*. Молельная (или молебная) – это специальное помещение, чаще всего нежилой дом, в котором собирались верующие на богослужения. Руководил молельной и службой старец-проповедник, пресвитер, выбираемый из числа пожилых, особо религиозных молокан. Икон не было, так как считалось, что Бога никто видеть не может: *«Молокане только в Бога веруют, в душе его держат, а чтобы видали его – нет, этого не было».* Детей молокане не крестили, однако с малых лет дети наизусть заучивали молитвы, которые вместе с родителями читали на богослужениях и в быту. Приступать к еде разрешалось только после прочтения молитвы, которая произносилась исключительно стоя: *«Они молились, крест на себя накладывали, либо руки по швам... И те же самые молитвы, что у вас»*; *«При молении женщины такие благообразные, такие чистенькие, платочки накрахмаленные, беленькие».*

Обряды венчания и похорон совершал проповедник, светские песни не исполнялись, только религиозные. Самым почитаемым праздником считалась Пасха: *«Пасхи все ждали мы, очень ждали!»* Неотъемлемой частью любого праздника было чаепитие, неизменными атрибутами которого являлись самовар и сладости. Молокане *«чаевничали в кругу семьи»*. Обязательно пекли *паску*: *«Круглую паску пекли, ну, как булку. Потом ее украшают, мажут ее сметаной. Намажут и крошат конфеты. Разные такие конфеты, и посыпают ее».*

Спиртные напитки молокане не употребляли вообще, не курили: *«Без водки все у молокан, у молокан чаепитие, каждый свою родню и знакомых приглашает на Паску домой. Только домой, чужих не было. Дома справляли, но без водки. Не курили, нет. Это потом молодежь где-нибудь курила, а старики – нет».*

Детей воспитывали в строгости. С малых лет прививали им уважение к старшим, требовали во всем послушания и подчинения. Дети росли в труде, они не имели права во время праздника вместе со взрослыми садиться за один стол, им накрывали отдельно: *«Детей каждый хотел хорошо воспитать. Раньше так не лелёкались с детьми. А если заработаешь, сразу получишь хворостину. Ты уже в другой раз боишься. Детей не возили никогда с собой в гости. Никогда не брали нас с собой в гости. Нас отец уже за день предупреждал: «Вот если завтра приедут гости, если кто к столу подойдет, даже не думайте, что я вам потом прощу за это». А когда гости приедут, сядут за стол, и никто из детей никогда не пикнет».*

Приведем воспоминания благовещенки Галины Кузьминичны Алексеевой, 1946 г.р., предки которой – молокане Умрихины и Поповы, уроженцы Тамбовской и Рязанской губернии, – переселились в Амурскую область из Таврии в середине XIX в.:

«Была мама. Молодая, красивая, ушедшая на фронт в 1943 г. в 19 лет и там встретившая отца – 25-летнего курского парня. Мама прожила всего 45 лет. Она была необыкновенная: столько, сколько она успевала сделать за день, не мог сделать никто. Никто так чисто не стирал белье, не пек таких ароматных булочек, ни у кого не было такого вкусного чая с молоком. С этого чая с молоком все и началось. Православный и крещеный отец то ли в шутку, то ли всерьез называл некрещеную свою жену «молоканка». А я смеялась и любила пить чай с молоком. «Молоканка – та, которая любит чай с молоком», – думала я. И лишь годам к восемнадцати узнала, что молокане – это целое сословие, особый народ, как у нас говорили. Они все были очень близки мне по характеру, поступкам, взглядам на жизнь.

Это были мои родственники. Это о них я прочитала в книге Л.Антоновой «Заслон», когда уже сознательно стала изучать историю своей семьи: «...в далекой от здешних мест Таврии красивые и гордые люди... отказавшись поклоняться «деревянному богу», побросали в огонь иконы, перестали ходить в церкви, пить вино, есть свинину и соблюдать посты. Дело о вероотступниках дошло до Священного Синода. Новая вера получила название «молоканской ереси», а ее последователи за свое вольнодумство были приговорены к высылке в малонаселенные края. Старики, бывало, потом шутили, что «ехали, мол, сначала на волах, потом на верблюдах, а там уж добирались на комарах» [5, с. 6].

Красивые и гордые люди. Красивы были мои бабушка с дедушкой, их родственники и друзья: Поповы, Умрихины, Саяпины, Косицыны. Всегда трезвые, чисто одетые (хотя многие из них были просто мещанами), всегда улыбающиеся, хлебосольные, без грубых слов, обид. От них всегда веяло спокойствием, уверенностью и добротой.

Дед Николай, статный красавец из зажиточной торговой молоканской семьи, вопреки воле родителей женился на бедной мещанке Марии, голубоглазой, длиннокосой, строгой красавице Марусе, Марии Васильевне. «На нашей свадьбе не было ни капли водки», – сказала мне как-то бабушка. Очень удивившись, я спросила: «И было весело?». «Да», – мечтательно улыбнулась старая женщина. Такой нежной любви и привязанности до последних дней жизни, как у моих бабушки и дедушки, я не встречала.

Отделившись после свадьбы и не получив никакого капитала (женился на бедной), дед должен был работать сам, чтобы содержать семью. Может быть, это и к лучшему: приближался 1917 год. Первая его должность – приказчик оптового магазина Торгового дома «И.Я.Чурин и Ко». Дед вспоминал, что в первые годы работы, открывая магазин, обходя его, проверяя готовность к новому дню, он то там, то здесь находил словно кем-то оставленные мелкие деньги. Умный и очень честный, он понял, что этим проверяют его. В действительности оказалось именно так: хозяин специально подбрасывал мелочь, проверяя честность деда.

До последних дней жизни мои родственники никогда не жили «взаймы», а помогали сами, чем могли: кому-то сумкой картошки со своего маленького огорода, кому-то банкой

малинового варенья, кого-то приютили в своем доме месяца на два-три. И это были старики на девятом десятке жизни.

Бабушка меня учила: «Постельного белья должно быть много. Оно разное, но не яркое, с неброским рисунком, без вязаных крючком украшений. А наволочки и простыни только белые». Белым было и бабушкино белье. Длинная нижняя юбка в «татьянку» на узком пояске и пуговичке, лиф до пояса (своеобразная кофточка) с овальным вырезом на маленьких пуговицах впереди. Нет ни кружав, ни вышивки – все ослепительно белое и крахмальное.

Не сказать, чтобы бабушка была кулинаркой, но блюда, приготовленные ею, запоминались навсегда: они поражали каким-то особым вкусом. Не было особых приправ, одни натуральные продукты, но их вкус я помню до сих пор. Щи, тушеный картофель, гусиная лапша, блинчики. О последних особый рассказ. Сначала их просто пекли, много-много, пили с ними чай, а утром оставшуюся стопку блинов разрезали на четыре части и заливали кипящим молоком со сливочным маслом. Мы, ребята, просто обожали такие завтраки да с чаем с молоком. Пирожки и булочки пеклись только в печи, но чаще всего калачики. До сих пор хранятся в семье рецепты, записанные рукой дорогих мне людей. Калачики пеклись на кислом молоке и топленом сливочном масле. И в школу, чтобы перекусить на перемене, нам давали эти вкусности. А еще были кисели. Всякие: брусничные, яблочные. Но из самого раннего детства вспоминаются молочные, а к ним лапша. Она была только домашнего приготовления. Тесто раскатывалось так тонко, что просвечивало, затем подсушивалось, сворачивалось в рулон и резалось опять же тонко-тонко. Однажды я заболела, ничего не хотелось есть, и мне принесли гусиной лапши, сказав, что если съем ее, то сразу поправлюсь. Не знаю, лапша ли тому причина, но я быстро пошла на поправку. Гусиной лапши мы давно не едим, но на рождественском столе в нашей семье гусь есть всегда.

В семье было много традиций: поддерживалось родство, знали всех: и близких и дальних родственников. Писали письма, обязательно поздравляли с праздниками, дарили подарки. В нашей семье дарить подарки было привилегией дедушки. Он приходил в праздники пораньше и дарил кому книжку, кому карандаши, кому косынку. Много забылось, но его подарочки запомнились. И еще запомнилось его лицо, радостное, одухотворенное. Он был необыкновенный оптимист. Мой дед умел жить, радоваться жизни, и прожил он 90 лет.

В семье ценился порядок, за стол садились только всей семьей. Завтрак, обед, ужин – все строго, чинно. Не на кухне, а в столовой, за круглым столом. Стулья с очень высокими спинками, чай в очень тонких стаканах с серебряными подстаканниками, белые тарелки, тяжелые серебряные ложки – все это осталось где-то далеко-далеко позади.

Наши дома. На Новой, Шимановской, Пушкина. В них жили родные мне люди. Каждый дом запомнился особыми приметами. На Шимановской (бывшей в то далекое время Бусевской) был большой просторный двор, заросший травой-муравой, высокие ворота и заплот, очень высокий сарай с покатой крышей. И в доме было все необыкновенно. Особенно запомнился письменный столик-конторка: покатая крышка, множество маленьких ящичков. Наверное, за этой конторкой писали мои бабки-гимназистки где-то в позапрошлом веке.

Сейчас нет ни дома, ни конторки, остались только два подсвечника из тонкого серебра. В особо торжественных случаях мы зажигаем свечи в этих бабушкиных подсвечниках.

Вот дом на Пушкина. Я уже большая. Третий класс. Мир воспринимается по-другому: хочется знать все о взрослых. Где служат? Чем занимаются? И оказывается, что дед в свободное время любит столярничать, а чулан – это его мир, где властвуют пилы, рубанки, стамески. Я знаю, как выглядят все эти инструменты и зачем они нужны, а мои внуки – нет. Только в музее я теперь вижу эти вещи, они туда пришли, словно из чулана деда.

Запомнилось, как бабушка, проснувшись утром, надевала свои замысловатые одежды: нижнюю юбку, лиф, а потом платье (не юбку, не халат, а платье). Расчесывала очень длинные волосы, заплетала косы и укладывала их вокруг головы короной. От дома на Пушкина остались только фотографии: бабушка-красавица с короной кос на голове и статный дед.

На Новой было два дома. Высокие, с верандами, застекленными с трех сторон, полные света и солнца. Много цветов: в саду, палисаднике, во дворе. А на веранде круглый год цве-

тет олеандр и раскидывает огромные лопасти фикус. Половина огорода засажена малиной, и мы, дети, лакомимся ею все лето.

Это места моего детства, самые дорогие и близкие, там корни моего родового древа.

Из рассказов родственников узнала, что родом они из Тамбовщины и Рязанщины, а потом из Таврии. Что дед – старший сын в семье, что все его братья и сестры получили хорошее образование и воспитание, закончили гимназии в Благовещенске, продолжили учебу в Москве и Петербурге, многие там и осели.

Помню свою прабабушку Антонину Николаевну, учившую меня, как протирать серебряные вилки, как отдельно от всего белья стирать посудные льняные полотенца. Вспоминаю, как боялась ее строгости моя бабушка, пришедшая молоденькой невесткой в дом на улицу Бусевскую. Помню, как сидя на крыльце веранды по улице Новой, бабушка рассказывала о жизни в то далекое время.

Хочется и сейчас окунуться в тот мир, когда выскоблен промытый пол, подбелена печь, вымыты цветы, подметены кирпичики у крыльца. Чистота и покой, а мы ведем разговор. Они научили меня соблюдать во всем чистоту, чувствовать вкус труда, испытывать радость от хорошо выполненной работы и просто жить, радуясь каждому моменту жизни».

Воспоминания о жизни молокан в Приамурье оставил и Александр Аркадьевич Кауфман – известный русский экономист и статистик, путешествовавший в начале прошлого века по Амуру. В настоящем издании мы продолжаем публикацию глав из его книги «По новым местам. Очерки и путевые заметки. 1901-1903» (СПб., 1905), начатую в четвертом выпуске альманаха. В этом номере публикуется глава «Амурские помещики», посвященная молоканам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базарянинов В. О современном состоянии сектантства в Тамбовской епархии и о влиянии на религиозные запросы народа событий истекшего 1905 года // Тамбовские епархиальные ведомости. 1906.
2. Дубова Н.А. Антропологический облик русского сельского населения Закавказья // Духоборцы и молокане в Закавказье. М., 1992.
3. Никитина С.Е. Русские конфессиональные группы в США: лингвокультурная проблематика // Русский язык зарубежья / Под ред. Е.В. Красильниковой. М., 2001.
4. Иникова С.А. Секты духоборцев и молокан: из прошлого в будущее // Исторический вестник. М.-Воронеж, 1999.
5. Антонова Л. Заслон. Роман. Хабаровск, 1973.

А.А. Кауфман

АМУРСКИЕ ПОМЕЩИКИ

Вот, совсем недалеко от Благовещенска, за Зеей, Будунда, сожженная маньчжурская деревня. Остатки стен, груды перегоревшей глины, местами почти не повреждённые огнём конусообразные печи, обгорелые столбы изгородей, кое-где валяются маленькие жерновки китайских ручных мельниц, на огородах гряды, заросшие густым и крупным бурьяном, среди которого местами пробивается самосевный лук.

– Народ-то куда девался? – спрашиваем ямщика.

– Ушли, – нехотя отвечает ямщик. – А которых побили, – добавляет он после непродолжительного молчания, – кто уходить не хотел. Как стали жечь Будунду, они похоронились в траве да в кустах, послали команду их искать, да всех и перебили.

– Кто же бил-то? – спрашиваем.

– Да так, всякий народ: которые деревенские, а больше шпана из города набралась. Ну, тоже и имуществом покорыстовались, которого маньчжуры в землю не попрятали.

Миновав Будунду, едем долиною Зеи, по извилистой, торной дороге, пересекая широкую полосу бывших маньчжурских пашен. Теперь это сплошные заросли высокого бурьяна,

сквозь который, однако, ещё ясно видны характерные китайские грядки, узкие и прямые, как стрела. На переезде через неширокое болотце, протянувшееся у подошвы окаймляющего долину увала, наша тройка проваливается по брюхо. Оказывается, устроенная маньчжурами, бывшими обитателями Будунды, крепкая гать разобрана на топливо переселенцами, в прошлом году собиравшими маньчжурский хлеб. Поднимаемся на невысокий увал, густо поросший дубовым кустарником, и выезжаем на беспредельную степь, во все стороны раскинувшуюся своими пологими, куполообразными перевалами. Куда ни глянет глаз – везде распаханные поля, среди которых кое-где разбросаны небольшие рощицы, да в разных направлениях протянулись сенокосные низины.

Переезжаем через неширокий ров, сплошь заросший кустарником. Это – «маньчжурская канава», граница бывших маньчжурских, ныне отданных казакам земель «за-Зейского района», а вдоль этой канавы вытянулся длинный ряд «нумерных» участков – небольших земельных дачек, нарезанных и распроданных в частные руки, как говорят, со специальной целью – прекратить расползание маньчжурских запашек. За полосой «нумерных» участков располагается несколько молоканских селений – Тамбовка, Толстовка, Жариково, Гильчин, и в перемежку с их наделами тоже разбросаны многочисленные, только покрупнее, участки частного владения.

Меня очень заинтересовали «амурские помещики» – эти, пока единственные в Сибири, серьёзные зачатки частного землевладения и частновладельческого хозяйства, в которых одни видят главную опору будущего агрикультурного прогресса и всякого иного прогресса Сибири, другие... ничего не видят, кроме бесполезной растраты ценного государственного достояния; и мне поэтому очень любопытно было посмотреть на несколько таких частновладельческих хозяйств.

Нашею ближайшей целью была «Исаевская заимка», как я думал, поместье некоего Исаева. И мы завидели её почти сейчас же, как поднялись на увал и переехали через «Маньчжурскую канаву». Но то, что я увидел, повергло меня в немалое изумление: вместо помещицкой усадьбы передо мной открылась небольшая деревня, окружённая рощицами молоденького недавно запущенного леса, – девять недурных домов, но чисто крестьянского типа, с довольно плохо огороженными или вовсе не огороженными дворами, с неважными, по большей части, службами. На выезде красуются обширные, но, очевидно, не обитаемые хоромы городского вида, а насупротив них – небольшая двупоставная паровая мельница. Хоромы с мельницей и при них 350 десятин земли – это собственно и была Исаевская заимка. Девять жилых домов – это усадьбы молокан, владеющих участками, каждый от 75 до 400 десятин. Трое из них купили сообща Исаевскую заимку; мельницу и при ней 50 десятин оставили пока в общем владении, а остальные триста десятин поделили на три равные доли.

Заезжаем в один из десяти дворов. Заходим в избу, просим квасу. Завязывается разговор. Кроме хозяина избы, главы семьи в двадцать семь душ, в разговоре принимают участие и собравшиеся соседи – все крепкий, рослый народ, настоящие мужики по облику и одежде. Оказывается строй жизни у них настоящий деревенский: есть выборный староста, гоняются очередные подводы, общее усадебное место – на сходящихся углах четырёх соседних участков, хлопчут об отводе земли под общий выгон.

– Вот вы какие, – изумляюсь я. – А я думал, вы помещики так помещики – своими усадьбами живёте.

– Какие мы, ваше б-дие, помещики, – смеётся хозяин избы. – Мужики мы – так мужики и есть, по-мужицки живём, всю жизнь в земле роемся...

– Они всегда друг к дружке жмутся, стараются деревнями жить, – разъясняет мой спутник, местный обыватель, вдоль и поперёк знающий всех заимщиков.

– Да как же, барин, – говорит один из заимщиков, – нам иначе жить-то? Деревней вот поселились – и учителя собча нанимаем, и выгон у нас общий будет, и мельницей ловчее пользоваться, да и жить-то на миру веселей, нежели по одиночке.

Оказывается, заимщики пораспахали уже почти все свои земли, «залог» (целины) парят, начинают оставлять под пар и «мятые» земли, постепенно переходя таким образом от

переложного хозяйства южнорусских степей к общесибирской залежно-паровой системе полеводства. Пашут плугами – «козульками» (американской фирмы «Deer» с оленем, «козулькой», в виде марки), некоторые – двухлемешными. Все имеют жнеи-«адрианки» (тоже американская фирма – «Adriance-Platt»), трое только что купили сноповязалки, у троих есть молотилки, остальные нанимают молотилки у этих троих, платя за обмолот по 4 – 4,5 р. с десятины. Сеют, «по-русски», пшеницу, много овса, частью на зерно, частью на зелёный корм, начинают перенимать у китайцев посевы чёрных бобов (сои), вводя, таким образом, в севооборот начала плодосмена. Лошади больше привозные, томские, рогатый скот местный, монгольский, овцы – перерод таврических, слабые, плохо переносящие местный климат, есть и местные, тоже плохой породы. Словом, хозяйство обычного для данной местности крестьянского типа. Обработаны поля хорошо и аккуратно, но и в этом нет отличия от полей соседних деревень. Да и сами заимщики не считают себя в чём-то выдающимися хозяевами. «Который крестьянин бедный, – отвечают они на мой вопрос, – тому где же против нас землю обработать, а ежели у которого деревенского сила, тот нам нисколько не уважит»...

Побеседовали, напились квасу – и дальше. Опять почти сплошные пашни, прерывающиеся небольшими сенокосными лощинками или полосками целины, заросшей орешником. На каждой полуверсте, то справа, то слева, толстые-претолстые межевые столбы, поставленные на границах отдельных владений. Минуем небольшие участки – в 50 и в 100 десятин – Крахмалева и Красина. Вот жмутся друг к другу их усадьбы – плохонькие крестьянские избы, жалкие хозяйственные постройки. У Крахмалева всего три лошади, и поднимать целину ему приходится помощью супруги. Минуем стоящую в густой роще усадьбу другого Крахмалева – большой дом, невысокие крепкие амбары и почему-то типичная хохлацкая клуня, не доезжая усадьбы – широкая полоса чёрного пара и обширные поля, засеянные пшеницей.

– А вот там, слева, – говорит мой спутник, – у Л-на четыреста десятин.

Л-н – благовещенский коммерсант, заводчик и спекулянт, раскинувший свои сети по всему Амуру и Забайкалью.

– А что ж он с ними делает? – спрашиваю я.

– Да что делает? Ничего не делает, ждёт, а придёт время – сумеет деньгу нажить. Сейчас уж землю по пятнадцати да по тридцати рублей за десятину продают, а покупали-то по три двадцать пять... Много их, таких-то!.. Вот сейчас один барин хлопочет, чтобы ему тысячу двести десятин отвели, обещает край облагодетельствовать – мельницу паровую поставить. Тоже, подумаешь, благодетель! Тут мельниц-то сколько угодно – одних паровых в участке четырнадцать штук. А себя-то, конечно, облагодетельствует: купил за четыре тысячи, продаст через год за пятнадцать – чем не благодетель! Да ещё подай ему непременно междугранок между деревнями, чтобы хорошенько мужичков нажать – тоже благодетельство будет...

Ещё несколько межевых столбов, таких же толстых. Затем столбы исчезают, и дорога несколько вёрст тянется через прекрасно обработанные поля деревни Толстовки. Вот и сама Толстовка – семьдесят с небольшим дворов, из них девять – баптисты, остальные – молокане: все Косицыны, Ланкины, Саяпины, Тулуповы, Лиштаевы.

Длинная-длинная улица. Огромные дворы (на Амуре под усадьбы нарезается по десятине – вчетверо больше, чем в остальных частях Сибири), перед домами – палисаднички, кое-где цветники. Дома большие, крепкие, некоторые совсем городские, другие – попроще, большие, крепкие амбары. Заезжаем на въезжую квартиру – занята: остановился адвокат из Благовещенска, возвращающийся с описи имущества у одного из ближайших заимщиков молокан. Сельский староста подсаживается к нам в экипаж помочь сыскать другую квартиру. В темноте, было около десяти часов вечера, нас обгоняет какая-то фигура... на велосипеде.

– Кто такой? – спрашиваем старосту.

– А кузнец здешний, самокат завёл.

– Куда ж он на нём ездит?

– Да куда случится: в другие деревни ездит, в гости, а то так, разгуляться.

Ну не американцы ли?..

Вот, наконец, и желанная квартира: дом из двух обширных половин, в «избе», рядом с русскою печкой, американская ручная помпа («У нас у всех такие, – объясняет хозяин, – больно трудно бабам-то воду таскать»). От чистой комнаты отгорожено, по молоканскому обычаю, две или три маленьких клетушки, по одной для каждой брачной пары, в углу и под столом – две ручных швейных машины («В России у бабы прялка, здесь – швейная машина»).

Толстовка очень зажиточная, притом равномерно зажиточная, деревня: богачи сеют по 90, по 100 «молоканских» десятин (4000 кв. саж. = 1 $\frac{2}{3}$ казённой десятины), самые бедные – не менее пятнадцати, двадцати десятин каждый. Распахали решительно весь надел, кроме мокрых низин – «падушек». Сенокосов почти не оставили – косят «падушки» и залежи, но тех и других осталось мало, сеют поэтому много овса на зелёный корм, сеяли и китайские бобы, да не развели своих семян, а покупали у маньчжур, пришлось пока прекратить посевы бобов. Хозяйство в существе, как и везде, самое первобытное: сеют хлеб за хлебом, по двенадцати и более лет подряд, без отдыха и пара. Зато по части орудий и машин Толстовка вместе с соседнею Тамбовкой ничуть не уступают самым богатым владельческим заимкам: в обеих есть хозяева, имеющие машин на четыре и на пять тысяч рублей, все, кто побогаче, от сравнительно дешёвых перешли к дорогим плугам с сиденьем. Большинство имеет рядовые сеялки, сортировки, простые жнеи-«адрианки» выходят из употребления, в Толстовке уже в 1900 году работало двенадцать сноповязалок, а ныне весной заказано ещё двадцать четыре, у двенадцати хозяев молотилки, из них одна приспособлена к локомотилу паровой мельницы.

Едем дальше всё по такой же слабо волнистой степи, по большей части сплошь распашанной, а где остался кусочек целины – либо густо уросшей мелким орешником, либо усеянной жёлтыми лилиями и бледно-лиловыми ирисами. Опять несколько межевых столбов и в стороне, среди небольших рощиц, ещё несколько частновладельческих усадеб. Потом опять сплошные, превосходно обработанные пашни, по которым расстилаются густые, ровные и чистые хлеба. Это пашни деревни Тамбовки, той самой Тамбовки, задолженность которой в банках исчисляется уже сотнями тысяч рублей.

Тамбовка – большая деревня, сто шестьдесят дворов, тоже молокан и баптистов, все такие же Ланкины, Косицыны и Саяпины. На вид улицы Тамбовки лучше благовещенских. Почти сплошь железные крыши, дома с балконами или верандами, окрашенные масляною краскою в разнообразнейшие цвета, громадные, крепкие амбары с тёсовыми крышами, обширные сараи для земледельческих машин. Но заборы по большей части очень плохи, все жалкие изгороди, у некоторых заменяемые канавами и валиками. Это – результат безлесья, уже заставившего тамбовцев, как и их соседей из Жариковой, Гильчина и других селений, подумать о восстановлении раньше безжалостно истреблявшегося леса и запустить под лес довольно большую площадь мелкой заросли. Громадные запашки, несмотря на стодесятиный на семью надел, уже создали «утеснение» в пахотной земле, и это утеснение, как везде в Сибири, привело уже в Тамбовке к переделу ближайшей к селению части пашен.

Благосостояние в Тамбовке менее равномерно, нежели в Толстовке. Немало хозяев засевают более сотни «молоканских» десятин, а многие из тамбовских молокан, живя по-прежнему в деревне и обрабатывая надельную землю, владеют и участками купчей земли. Но есть и беднота, засевающая по 2-3 десятины, а то и вовсе не имеющая посева. Усовершенствованные орудия и машины, как я уже говорил, чуть не более в ходу, нежели в Толстовке, и покупают их не только богачи, но и рядовые хозяева. «Молокане уж такой народ, нет денег, так найдут»: молотилки «почтёшь что в каждом дворе», у богатых дорогие, с веялкой, у менее состоятельных – подешевле, сноповязалок в 1900 году работало двадцать, весною 1901 года куплено ещё за пятьдесят, рядовые сеялки, сортировки, косилки и т.п... Проезжало, говорят, по области чрезвычайно высокое местное начальство. Местные власти на показ ему велели тамбовцам выстроить в шеренгу все машины – начальство так и развело руками!..

От границы тамбовского надела вступаем, можно сказать, в самое сердце амурского частного землевладения. Дорога идёт вниз по Гильчину, а вдоль правого берега этой речки, до самой «Маньчжурской канавы», сплошной лентой вытянулись молоканские заимки.

Вот заимки Фёдора и Евстигнея Косицыных и Тулупова – посёлочек в четыре двора, у всех четырёх стодесятинные участки, одна из четырёх усадеб роскошная, другие попроще. Пашни вытянуты обширными сплошными полями, засеянными под одну межу, но обработаны плохо и сильно заросли сорными травами.

Вот другой посёлочек, немного побольше – это заимка Епифана Ланкина с товарищами. Заходим в первую попавшуюся избу, к старику Тулупову, одному из «первых жителей» заимки; коренастый, крепкий старик чисто крестьянского облика, простой крестьянский двор с большим сараем для машин, за двором крохотная, но тенистая рощица, в ней столик и скамейка.

– Из первых я здесь, барин, из первых, – отвечает на наши вопросы старик Тулупов, – вшестером мы заимку-то заводили. Купили наперво пятьсот, потом ещё триста десятин, отделили местечко под дома для скота-выпуска, а прочую землю под посев делим: поделим угол, снимем три хлеба – бросаем отдыхать и новый угол делим.

Делят землю на шесть равных паев. Но Тулупов выделил одного из своих четырёх сыновей, и ему теперь при разделе пашни отводится соответствующая, двадцать четвёртая доля; а другой товарищ, Попов, умер, и его доля разбилась между шестью сыновьями.

– Худо живут парни, всё споры у них, до суда доходили. Да вот и с Ланкиными, с Трофимом да с Евдокимом, пособиться не можем, выделять хотят пай-то, да мы их не пускаем.

Кроме пая в общем владении, Тулупов имеет ещё два участка, купленных единолично, один в сто двадцать, другой в полтора десятин, засекает около семидесяти десятин, посевы всё те же: пшеница, овёс, китайские бобы. Своими машинами Тулупов непременно захотел нам похвалиться, повёл нас в сарай, где оказалось три плуга с сидениями, конные грабли, сноповязалка, молотилка, рядовая сеялка.

– Все деньги, барин, на эти машины уходят. Дом вот у нас плохонек – всё не доберусь новый ставить, а на машины и нет денег, так найдёшь

Идём пешком к Евдокиму Ланкину, владеющему, кроме пая в той же артели, ещё девятьюстами десятинами, из которых четыреста прикуплены недавно, но уже не по три двадцать пять, а из вторых рук, по пятнадцати рублей за десятину. Роскошный городской дом, огромный двор, несколько больших амбаров, обширный сарай с земледельческими орудиями и машинами, достраивается паровая мельница с пятнадцатисильным локомотивом. Самого Евдокима нет дома. Его сын, лощёный парень, в лакированных ботфортах, не проявляет особенной склонности к разговорам, а потому мы ограничиваемся посещением машинного сарая с паровой молотилкой, тремя сноповязалками, тремя конными граблями и всею прочею «снастью», потребоною для обработки и уборки ста двадцати молоканских десятин, и через калитку проходим к другому Ланкину – Трофиму.

Такой же громадный двор, дом проще, но очень просторный, обстановка самая простая, и только на стене – коллекция дорогих винтовок разнообразных иностранных систем. Трофим – коренастый мужчина мещанского облика, с хитрыми, пронизывающими глазами, большею частью живёт в городе и только наезжает на заимку. Как и большинство состоятельных молокан, он ведёт, наряду с хозяйством, крупные торговые дела – всё больше разные поставки на прииски, а в 1900 году он заработал, ни много ни мало, двадцать тысяч рублей на доставке военных грузов в Цицикар и в другие пункты бывшей на военном положении Маньчжурии. Ближайшее заведование хозяйством на заимке лежит на двух из сыновей Трофима, тоже выложенных юношах в лакированных ботфортах. Земли у Трофима меньше, чем у Евдокима: он имеет, кроме пая в артельном участке, всего шестьсот десятин, но засекает он больше – до полутора десятин, имеет ещё больший мертвый инвентарь и тоже – паровую мельницу. Хозяйство у Трофима имеет менее казовый вид, нежели у Евдокима, но в сущности ведётся лучше и имеет более, так сказать, прогрессивный характер: он выписывает (впрочем, пока без особого успеха) улучшенные сорта пшеницы и овса, собирается устраивать конский завод, строить кожевню. Но особенная гордость Трофима – его сад, большая

площадь, правильно засаженная фруктовыми деревьями. Деревья, впрочем, почти все местных, плохих пород, непривитые, и только в нынешнем году впервые высажено несколько экземпляров привозных пород, купленных у выписавшего несколько тысяч саженцев, молокана же, Косицына.

Ещё несколько заимок: вот заимка Тимашевых с товарищами. Опять небольшой посёлок из семи дворов, владеющих, по большей части, стодесятинными участками. Вот заимка Лаврентия Дружина – крупное хозяйство с восемьюстами десятинами земли и паровой мельницею, только что разбившееся, по семейному разделу, на несколько частей. За рекою видим утопающую в садах и рощах деревеньку Жарикову.

– Банкротовкой её зовут, – говорит мой спутник. – Проторгуется благовещенский купец из молокан – записывается в крестьяне в Жарикову. Уж сколько их так позаписалось!

Вот и ещё заимка, на самом краю Гильчинского увала, всего два двора. Это заимка Фокина и Никифора Болотина. Хозяйство последнего – одно из самых известных в крае, его чаще всего приводят в подтверждение культурного значения частного землевладения, а потому мы заходим на несколько минут ещё и на Болотинскую заимку. Простая постройка, без всяких городских затей, крестьянского обличья и сам хозяин – один из двух братьев Болотинных. Но хозяйство одно из самых крупных: восемьсот десятин земли, полтора ста молоканских десятин посева, четыре плуга с сиденьями, три сноповязалки. Гордость Болотинных – их конный завод из 25-30 маток местной породы, с томскими производителями, лошадей раскупают и в Благовещенске, и по деревням, по триста рублей и дороже за штуку. Рогатый скот тоже хороший, но местной породы, без всяких попыток улучшения извне.

– Отчего вы скота не выпишете из России? – спрашивает мой спутник Болотина. – То же бы завод завести могли!

– Да всё руки не доходят. А слышать, Косицын поехал уж в Россию быков покупать?

– Поехал, вагон рассчитывает привезти.

– Какой это Косицын? Заимщик? – спрашиваю я.

– Нет, крестьянин, деревенский. А вот я тут ещё другого человечка подбиваю за быками ехать, нонче, должно быть, поедет; тот из заимщиков...

Ещё несколько вёрст по долине Гильчина, у самого подножья увала. Затем мы пересекаем долину и въезжаем в деревню Гильчин – опять все Саяпины, Ланкины и Косицыны. И здесь помпы Нортон в избах, обширные дворы, крепкие амбары, но застройка без такого шика, как, например, в Тамбовке.

– Небось, поплоче живёте против тамбовских? – спрашиваю я одного из многочисленных Саяпиных.

– Кто его знает, ваше бл-дие, может, поплоче, а может, и нет, – отвечает Саяпин слегка обиженным тоном. – Строение-то у нас не такое, как в Тамбовке, а машин – подходяще, а уж посевами и скотом наши и вовсе не уважают тамбовским.

Под проливным дождём выезжаем из Гильчина, чтоб напрямиком, через бывшие маньчжурские земли, проехать в Благовещенск. Нашей тройке предстоит нелёгкая задача – везти нас в одну пряжку слишком пятьдесят вёрст по сильно размоченной дороге, но резвые забайкалки блистательно справляются с этою задачей.

– Вот томским лошадям ни в жисть этак не вывезти, – говорит наш ямщик, – даром что здоровые глядеть. А эти – и смотреть не на что, а поглядите, под конец ещё резвей побегут.

Проехали несколько вёрст гильчинскими полями. Миновали последнюю заимку, одного из Лиштаевых, владельца стодесятинного участка: скромная изба, очень мало хозяйственных построек, но около дома тенистая рощица со скамьями и качелью.

Сейчас же за заимкой – «Маньчжурская канава», а за нею опять та самая мерзость запустения, которую я уже видел в Будунде: те же кучи глины, обгорелые столбы, полуобвалившиеся печи на бывших маньчжурских усадьбах, те же заросшие густым, тёмно-зелёным бурьяном огороды и также заросшие бурьяном, но иного типа, пашни, с ясно видными ещё гребнями или грядками.

– И что у них за огороды были, – скорбит мой спутник, – как они приспособились к спросу! Двенадцать лет тому назад я приехал в Благовещенск – у них только свои, китайские овощи были, а под конец чего только они не разводили: и салат, и кочанную капусту, и цветную!..

– Насидятся теперь благовещенцы без овощей, – говорю я.

– Ну нет, сейчас-то овощей, действительно, мало, но будут – крестьяне разведут. Прежде конкуренция маньчжур была не под силу, они и не занимались огородами, а теперь уже начали выписывать семена и разделявать землю под огороды.

Как и под Будундою, мерзость запустения отразилась и на самой дороге: гати и мосты тоже разобраны на дрова переселенцами-могилёвцами, которые провели здесь лето и сняли последний маньчжурский хлеб...

Тяжёлое, гнетущее впечатление производит эта пустыня, ещё так недавно кипящая жизнью и трудом...

– Теперь ничего, привыкли, – говорит, оборачиваясь к нам, ямщик. – А то с весны жутко было ездить – пусто, никого нет... А прежде бывало все маньчжуры здороваются, разговаривают. «Амбá, говорят, куда пошёл, какой деревня, какой дело»...

Печатается по Кауфман А.А. По новым местам (очерки и путевые заметки). 1901-1903.

СПб.: Изд-во тов-ва «Общественная польза», 1905. С. 70-84.

Орфография и пунктуация современные.

Н.Г.Архипова

РЕЧЕВЫЕ ПОРТРЕТЫ АМУРСКИХ МОЛОКАН

Во время диалектологической экспедиции 2005 г. в молоканские села Тамбовского и Константиновского районов: Жариково, Раздольное, Тамбовку, Толстовку, Гильчин, Косицино, Верхний Уртуй, Нижний Уртуй, – были сделаны аудиозаписи диалектной речи потомков первых молокан, переселившихся в Амурскую область в середине XIX в., общим объемом более ста часов звучания.

Собранный материал позволяет выявить общие черты говора молокан-амурцев на фонетическом, словообразовательном, грамматическом, лексико-фразеологическом уровнях, показать наиболее существенные особенности текстов-воспоминаний в структурном и стилистическом аспектах, а также яркие черты языковой личности информанта. При лингвистическом комментировании мы опирались на методику, представленную в книге «Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южное наречие» [1, с. 6-15].

Представленные в альманахе тексты – это расшифрованные аудиозаписи спонтанной речи четырех жительниц сел Тамбовского р-на (Гильчин, Жариково, Толстовка): Саяпиной Веры Васильевны, Саяпиной Лукерьи Степановны, Филимоновой Анны (Ганны) Михайловны, Садовенко Майи Петровны.

Наши собеседницы – уроженки Амурской области. Их предки-молокане переселились в Приамурье из Тамбовской губернии и Таврии. Всю жизнь информанты прожили на одном месте, за пределы области не выезжали. Трое из них окончили четыре класса (Саяпина В.В., Саяпина Л.С., Филимонова А.М.), Садовенко М.П. имеет семилетнее образование. Все они были замужем, имеют детей, внуков.

К информантам старшего поколения относится Филимонова Ганна Михайловна. Она родилась в 1917 г. в с. Жариково Тамбовского р-на Амурской области. В ее речи в большей степени, чем у других информантов, проявляются диалектные особенности, позволяющие отнести ее говор к южнорусскому типу.

Большое место в рассказах Ганны Михайловны занимает повествование о молоканской вере, о том, как жили в одном селе представители разных религиозных течений: молокане, баптисты, православные.

Быт молокан – одна из излюбленных тем ее рассказов: какую одежду носили, что ели, что делали из молока, какую выпечку предпочитали.

В ее воспоминаниях представлены рассказы о молоканской свадьбе, молоканских праздниках, главным образом, о Пасхе. Известно, что именно Пасха была особенно любима и почитаема у молокан.

Интересны ее воспоминания о трудных взаимоотношениях русских и китайцев, которые жили по соседству. Ганна Михайловна рассказывает о том, каков был китайский быт, о наемных работниках-китайцах: их трудолюбии, порядочности, щедрости, о браках, заключавшихся между китайскими мужчинами и русскими женщинами, о совместных детях.

Саяпина Вера Васильевна, 1921 г.р., и Саяпина Лукерья Степановна, 1924 г.р., – уроженки с. Гильчин Тамбовского р-на. Они были замужем за родными братьями – Саяпиными Петром и Василием. Обе информантки демонстрируют южнорусский тип говора.

Лукерья Степановна помнит многое о том, откуда пришли ее предки на Дальний Восток, как заселялась Амурская земля, как трудно становилось хозяйство, о том, как после стабильной, сытой жизни пришла пора раскулачивания. Трудная работа в колхозе, жизнь во время и после войны – главные темы ее воспоминаний. Лукерья Степановна рассказывает о том, как ездили в Китай в то время, когда были открыты границы, о натуральном обмене между русскими и китайцами, об отношениях между двумя народами. В ее воспоминаниях не остаются без внимания темы религиозных традиций и быта молокан: моления, питание, свадьба и др.

Интересны бытовые описания Саяпиной Веры Васильевны. Русская печка, домашняя утварь и инструменты отца – обо всем она рассказывает с большой теплотой и любовью. Именно в ее рассказах молокане предстают очень хозяйственными, работающими и порядочными людьми. Вера Васильевна хранит воспоминания не только о быте, но, главным образом, о вере молокан. Ее рассказы переходят в религиозные песнопения.

Садовенко Майя Петровна – самая молодая из наших информанток. Она родилась в 1937 г. в с. Толстовка Тамбовского р-на.

Личность Майи Петровны уникальна: уже в течение 10 лет она изучает историю молоканского движения в Амурской области, будучи сама потомком молокан. В ее речи проявляются элементы высокого стиля в диалекте: *Дома стояли прекрасные; Село погрузилось во мрак; Как чудно поют; ангельское пение* и др. Майя Петровна демонстрирует новый, не архаичный, тип сельской культуры: она достаточно начитанна, в своих повествованиях делает ссылки на произведения русских писателей.

Садовенко М.П. является носителем смешанного типа говора, близкого к разговорной форме литературного языка, что объясняется сравнительно молодым, по сравнению с другими информантами, возрастом, полученным образованием и активной включенностью в общественную жизнь села.

Майя Петровна рассказывает о жизни молоканского села, молоканском быте (пище, одежде) и вере (молениях, похоронном обряде, молоканских праздниках), народном врачевании.

В комментариях к текстам мы попытались создать обобщенный речевой портрет наших информантов, так как их предки переселились в Амурскую область из одного и того же региона России (Тамбовская губерния), все информанты – уроженцы близлежащих молоканских сел и в целом демонстрируют один тип говора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южное наречие / под ред. Р.Ф.Касаткиной. М.: Наука, 1999.

ТЕКСТЫ И КОММЕНТАРИИ

Садовенко Майя Петровна, 1937 г.р.

С. Толстовка Тамбовского р-на Амурской обл.

Беседовали Архипова Н.Г., Галимова Д.Н., 2005 г.

Обработала Архипова Н.Г., 2007 г.

1. Молоканское село

«Село было очень богатое, крепкое»

Здесь настолько было красивое село, в моей памяти всё. Я была ребёнком, коуда еще стояли эти бревенчатые дома, красивые, красивые, все под шатровыми кровлями, оцинкованные, и у всех кружева беленькие были, ставни были, всё было, говорили «заплот», назывался по-молокански.

В основном молокане были. А знаете, как получилось? Приехали ведь, это, из западных областей: Воронежской, Тамбовской. Они были кто? Православные, приехали православные, да. Приехали вот они, поселились, перезимовали, потом двинулись в Благовещенск. А здесь молокан было очень мноуо. Их поддерживали молокане, понимаете, они дали им бесплатно лес сухой, в общем-то, ну, помоули хозяйством, лошадьми, просто безвозмездно. И они решили, ну, принять веру в благодарность, в общем, что ли, вот таким образом стало село молоканским. И было оно, вот, в общем, чисто молоканским. Ну, китайцы здесь были. Ну, они так, приезжали только, значить, до тридцатых уодов. Ну, кто молокане? Я в молоканской семье жила. Это очень чистоплотные люди, прежде всеуо. Посуда у них блестит, да все было чистенько. Ну что, не ели они совершенно свинину, не признавалось. Вот бабушка уоворила: «Так она не видит неба, она вниз смотрит, вот свинья не видит». Она объясняла. Ну, бабушка была безурамотной. Ну, это её объяснение такое было. В общем, свинину они не ели, ели только уовядину, уусей они мноуо очень ели. Перины у них вечно, подушки, уусей, ну и уовядина, вот. Теперь что. Ну, одевались, как обычно одевались, вот в моей памяти, как обычные люди. Приехали они, может быть, и в лапоточках сразу же, но дедушка уоворил: «Лаптей здесь не было. Они уде-то по дороуе их побросали, пока ехали».

И жили, в общем-то, село было очень боуатое. Ну, то есть как, крепкое просто. Раскулачивали. Вот сейчас надо раскулачить: у нас шесть коров.

– Почему их вера так называется молокане?

Ну, не знаю. Чай с молоком пили, наверное, чай строуо, вот чай – это самое улавное. А ну вот бабушки собирались, допустим, приходят нарядные все, вот Анна Макси..., ой уосподи, Анна Александровна – это мать вот этой Ольуи Максимовны, настолько была, ну, ануел, волосы у неё, уже она была седая, пышные, волосы в узел, уустые. Вот и, значить, зять приехал из Германии. Она была стройная такая, и привез ей платье, знаете, чёрное-чёрное, карманы, значить, и на карманах жуутиками что-то, ну, по тем временам это было необыкновенно. И вот Анна Александровна приходила в этом платишке, садилась, и женщины, естественно, начинали что-то балауорить. Она уоворила: «Девчата, ну, зачем же сплетничать? Прекратите!» Просто вот уоворит, раньше чё, никоуо не осуждать, вот она просила.

Подавалось что? Вот самовар ставили, киселик, яички всмятку, варенье там, сахар, конфеты, мед, вот так. Ну, то есть леукий какой-то такой, чаепитие леукое. Водку в селе не пили. У нас даже.... ни в коем случае.

Ой! Здесь дома везде стояли прекрасные, я еще была ребенком. Приходила бабушка Дуня, была, значить, на две половины, там что-то уобелены такие красивые были, цветы обычно здесь были, фикусы и армы. Громадные цветы у всех, да каждый листочек протирали. Шторы были, а я уже знаю, что это. Ну, это война была, послевоенные уоды. Ну, у коуо штор? У молокан были чисто намытые стекла, блестели, прямо, как жар, уорели, а все прозрачно было. Ну, опять вспоминаю, дедушка рассказывал, что там кому-то спрятаться надо было, золото посчитать. И муж и жена залезли в подполье и считают, и там, видимо, свечка была, и кто-то в отдушину заулянул, и увидели, потому что, ну, видимо, штор действительно

не было. Ну, можно же закрыть окно, да и считай в доме. Ну, и смеялись, там не то, что там урабить кого-то. Ну вот, видимо, золото считали, в подполье сидели. Как они там? Или это деньги были? Ну, до революции, надо полагать, было. А потом раскулачили всех. Ну, Оськины уехали раньше, они торговали, из Америки привозили вот кровельное железо это. Что еще они привозили? Ну, всякие сноповязалки, молотилки. У нас даже есть этот рубель, и скалка, и еще полольник ручной, американский, с клеймом американским. И настолько изумрудно-зеленое это клеймо, столько лет прошло, оно такое же красивое.

Значить, что до тридцать третьего года здесь был Филинов – самый богатый человек, и еще братья Оськины. Оськины, четыре брата, у них дома были подряд, красивые дома, и значить, что они торговали, привозили из Америки вот это кровельное железо. Всё село было покрыто, эти, ну, знаете, волнистые, волнистые... Железо, ну вон, вон у нас стоят, вон под баней, видите, вон там кресты, вот это было накрыто, были дома все накрыты. Они до сих пор ещё сохранились, просто чуть-чуть волнистые листы.

Вот привозили они всякие молотилки, сортировки, сноповязалки, уже в то время всё было в селе. Полольники вот ручные, и торговали. Вот они в основном торговлей жили. А у Филинова дом стоял, значить, у него, здесь была в деревне мельница до революции, была электростанция до революции. Значить, электростанция давала свет для всего села, и вы знаете, что надо было всего заплатить, каждый, за каждую лампочку надо было привести воз соломы. Воз. Воз, дак совсем ничего. Ну! Соломы полно! Привез, выгрузил, и вот свети, сколько хочешь, вот. Ну, потом, значить, Филинов, молодец. Он продал, и все, и уехал до того, как начали шерстить людей. Следы его потерялись, даже не знаю. Ну, он продал обществу, значить, ну, как обществу, это, видимо, ну, богатые люди, тоже такие. Продав мельницу, продал всё это, свой инвентарь. Значить, что... Мельница, маслобойный завод был здесь, электростанция. Это все было Филинова, ну, на зерновом дворе. Вот сейчас, где расположен зерновой двор, там всё было. Село освещалось, причем была. Вы знаете, что такое медная электропроводка? Не знаете? Вот медная проводка была по всему селу, как уж они там приобретали, кто его знает, вот. А потом наступило вот советская власть. Вот наступили тридцатые годы, и село стало рушиться. В общем, якобы на войне оно нужно, сняли вот эту всю проводку, и село погрузилось во мрак, до пятидесятых лет не было света. Это вот я, моё детство, моё, значить, без света. С керосиновой лампой я очень хорошо управлялась: стекла чистила, знала, как заправить, как сделать, чтобы было очень светло. Бабушка всему научила. Вот и значить, село стали раскулачивать. С двадцать девятого пошло, людей выслали, село опустело, дома хлопали дверьми, ставнями. Дома стали растаскивать. Часть увезли в Лазо, здесь новый совхоз организован, часть в Садовое, часть увезли в Исаевку. Там, значить, военные стояли. В Тамбовку, в общем, всё, всё, всё ломали и увозили. Но всё равно я очень много застала, помню все дома. Вот на этом месте уже не было домов, ну, здесь, значить, школа вот напротив была куда-то, и здесь были богатых людей дома. Так. Раскулачили. Село опустело, надо заселять. А в Тамбовке стоял полк военный, служили, там гарнизон военный был, и стали этих людей, вот они как раз из Воронежской области, стали их ну как-то обрабатывать и уговаривать, что давайте вот, край незаселенный, совершенно некому жить, село опустело, и уже колхозы были, «Восточноударник» был здесь колхоз, китайцы, значить, работали. Так был китаец Мо Зай Чан. Сначала уговаривали, что его расстреляли, а потом, в общем, он уехал, сослали его в Октябрьский, Овсянка, в Зейский район. В Зейский район, значить, и там он женился и дожил свою жизнь спокойно, в общем, не расстреляли, по крайней мере. Он брал китайцев, ехал за границу, привозил китайцев, и они сезон работали, лук выращивали, капусту, в общем, ну, пустовали же земли все. Ну, выращивали где, на бывших огородах. Допустим, нас выселили, вот огород прекрасный, вот на огородах и выращивали это все. Ну, потом, что-то с китайцами тоже. Его арестовали, посадили. Китайцы больше не приезжали, в общем. Потом из русских колхоз «Восточноударник» – это вот молоканский назывался, ну, из бедноты этой кто. А беднота, знаете, и дедушка мой мне тихонько говорил, что беднота – это лентяи были. Хороших людей-то ууробили, вы же сами знаете, если вы читали. А если не читали, девочки, обязательно почитайте книгу Антонова, Антонов «Овраги».

Вот Шолохова «Целину», а там подлинно написано, как уничтожали истинного хозяина. Пришел, прокрался в свой дом, а там живет председатель теперь, а у председателя, значить, постоянно была у всех председателей одна и та же жена, очень красивая женщина, она оставалась в этом доме, председателя там куда-нибудь уберут, нового присылают, она с новым живет, вот такая вот была бабенка красивая. И он пришел и говорит: «Ты никому не говори, я пришел посмотреть, – ты представляешь, – зачем ты ломаешь вот сарай уже там все, ведь, – говорит, – здесь дом мой, и все лавки, и все, что было построено без единого гвоздя, все на шпилнтах». Так делается шпилнт. Вы знаете, что такое? Это деревяшечка вместо гвоздя, сверлят дырочку и туда вставляют деревяшку без гвоздей...

2. Молоканская еда

«Молокане очень любили лапшу с гусятиной»

Свадьба. Свадьба, значить. Ну, сватали, договаривались там, потом намечали день свадьбы. Обычно, это, допустим это с весны договаривались, а осенью, когда уборка проходить, значить, как же... В общем, день свадьбы, готовят столы очень обильные, значить. Ну что, молокане очень любили лапшу с гусятиной, это и свадьба, и похороны, без лапши не обходилось, все праздники, сами делали её, катали лапшу, вот, и, ну, много было чего, мяса. Гусятина, допустим, там, варенье. Ну что? Лапша. Что же еще у них там было? Вот, значить, большие самовары ставили, со сладостями всякими, сладостями, печенюшки, это, пекли, домашние, там фрукты какие, если могли добыть. Ну что, раньше, фрукты только из Китая вот, тогда же можно было из Китая. Так.

– *А стряпать с чем любили?*

С черемухой, да. Черемуху сушили, потом мололи на мясорубке раза на два, потом кипятком запаривали её, добавляли там, ну, сахарок. Я тоже люблю. Тарочки назывались у них, так. В общем, тарочка – это что, сдобное тесто, допустим, ну, чем там, стаканом или чашечкой чайной крух делает, затем сварачивает её вот так вдвое и здесь делает надрез и потом снова разворачивает, кладет начинку и крест накрест перекрестывает. И получается открытое, ну как бы пирок открытый, небольшая тарочка – это очень вкусно. Потом пекли калачи, еще мне очень нравилось. Вот хлеб, допустим, пекут хлебы, называлось хлебы печь. И это же тесто, вы понимаете, и от этого же теста, говорили «отымать», то есть отделить, отымать кусок теста, и большой, большой, вот такие толстые, и на месте помещалось два, три калача, и в печку. И потом, значить, этот, особенно зимой на морозе, с мороза приносишь, и буквально за считанные минуты она растаивает, режешь на кусочки, и совершенно другой вкус, не хлебный, очень вкусные калачи, ну, калачики они пекли, это мелкие калачики. Мелкие – это без кислого, а можно и из кислого, а можно, значить, нет. Ну, что там добавляют? Ну, тогда маслица добавляли и сметанку, сахар, яичко, и на листах пекли. Зимой много вот, пельмени делали, заготавливали на зиму, вот здесь две дырочки, да здесь начинка, и так Ага, и потом снова перекрестывать, ага.

3. Как хоронили молокане

«Недолго осталось идти по узким, тернистым тропам»

Значить, так. Ну, само поминание, это ладно. Хоронили, значить, на третьи сутки. Умирает человек, там моют. Гроб тогда не отбивали ничем, просто такие доски всеюда были. И доски... Просто доски сухие всеюда лежали на этот случай. И значить, что, ну что, белый материал внутри, никаких цветочков, никаких веночков, ничего не было. Почему-то они очень скромно и очень не любили кладбище. Значить, никаких памятников. Ну, значить так, в день похорон, а ну, пели вот. Пение я слышала сама, как чудно поют. Знаете, ну, бабушка пела. Она очень плохо пела. Вот эти бабушки приходили, они обязательно пели. Вот. Значить, что, поют. Отпевают, допустим, первый день отпевают, второй день. Вот сегодня, допустим, день похорон, вырубают две длинных жерди из березы и несут покойника на руках. Не на лошади, не на машинах, естественно. Значить, так, две жерди связывают в том месте, веревка, где бу-

дет, поставить чтобы. Ставят уроб на плечи, эти жерди и понесли. Несут, опускают в моуилу, закапывают. А эти жерди опускают тоже, вот так наискосок, чтобы все время торчали. Уже я знаю, жерди торчат, пока не сунют. Ну, хоронят и кладут в моуилу. Камни лежали на каждой моуиле, и ничеуо больше не было. И старались не ходить больше туда. В родительский день придешь, можно было посыпать зерно, там пшено или пшеничку, больше ничеуо. Ну, почему не сохранились, вот моуилы, вот. Значить, придумали копать карьер, молоканское кладбище, рядом с кладбищем. И оно ушло вниз, это было самое высокое место. Ниточки какие-то, каждый какую-то свою ниточку клал, я уже камней и не видела. Даже вот дедушка, коуда моих родителей хоронили, он уоворил, что здесь вот камни лежали. И примерно указал место, а сейчас там похоронены дедушка с бабушкой. Нет-нет-нет. Ничеуо. Они не ходили, вот раз в год как-то ходили. Нет. Вот когда кого-то хоронят, ну, подойдешь к могиле, очередную, коуо-то хоронят. Похоронили и все, считали, что всё, улетела душа. Поминки не справляли. Девять дней, сорок дней, нет-нет-нет. Это я пыталась, коуда-то была подросточком, и спрашивала у этих православных: «Почему девять дней? Вот объясните». Ну, в общем, они объяснить не моули. Люди безурамотные, они по традиции вот отмечали так, там и всё. А сейчас у нас село настолько разношёрстное, настолько запущенное село. Ведь это красота была такая.

А здесь прихожу и тихонечко вхожу (в молебную). Вы знаете, настолько поют красиво, какое-то ануельское пение просто. Я вошла, это оказывается, отпевают покойника. Ну, а песни какие. Допустим, выносят, у них одна песня. Её дома поют, по пути поют друиые. И вот я помню, что несколько строчек на кладбище поют, подходят к кладбищу и поют: «Недолуо осталось идти по узким, тернистым тропам», что-то вот в таком духе. И опускают, тоже поют и уже закапывают коуда, поют еще раз и уходят спокойненько. У молокан даже так, есть что-то: нельзя ни плакать, ни терзаться, плакать тоже запрещалось, в общем, плакали как-то сдержанно. Не так, как приехали эти, с запада, как они кричат, уолосят просто без дела, можно уде-то и сдержаться, можно и поскромнее себя вести. Есть специальные плакальщицы, которые... Знаете, вот так ровненько, я даже не знаю, как сказать, всё, ну, вот ровненько, ну, как ручеек струится.

4. Как Пасху праздновали «Пасху обязательно пекли, потом горку делали»

Никоуда не рууались. Вот дедушка уоворит, даже называл мужчину, который, уоворит, у неуо козырька у фуражки не было, по имени отчеству, здоровались всеуда с поклоном. И я помню даже, вот с дедушкой здоровались: «Здравствуйте, Иван Иванович». Раскланивался каждый. Ну, целовались на Пасху.

Запрещали Пасху, как же не помнить. В школе проводят беседу: «Смотрите, чтобы не праздновали, чтобы яйца не красили, чтобы не стряпали ничеуо». И в этот момент, девочки, самое страшное: подуадывали всеуда, нам делали уколы. Это такие уколы страшные были, я не знаю, зачем в войну. Прививки, да. Причем, эта прививка какая была! Дед Винокуров у нас коновал был, ну, в общем, только моу вот так пузо йодом намазать и больше ничеуо. Лекарь, ну-то, он что-то там, что-то там закончил, какие-то курсы, ну, всю войну и после войны работал фельдшером. Вот Нюрка у неуо была. Нюрка. Как же ее звали? Фадеева. Санитарка. В определенный день приходит с примусом в школу. Что значить примус, знаете? Науреваются. Да, накачивается керосином, запах такой, запах. Ну, в общем, мы все плачем, это настолько страшно. Иулы были вот такие здоровые, все ржавые. Не ржавые, а с накипью, в общем. В детстве мы дохлые все. Ну, что там! Вот вы тростиночки, мы еще хуже были. Он оттягивает под лопатку кожу, вот таким образом и всаживает туда укол. Ну, мальчишки потом наловчились и уоворят: «Выдавливай скорей, выдавливай». Ну, кто не успевал выдавить, температура была под сорок. И вся школа лежит мёртвой, и всеуда, значить, это делали на Пасху, старались, вот. Специально делали. Все лежат на Пасху, отлеживаются. Температура страшная, всю ночь лечишься. А потом, ну что это было? Не знаю, что там, это не корь, корью мы все отболели в детстве. Все болели корью, мы отболели, и меня поили кауором –

это очень хорошо. И я так пристрастилась жрать этот каґор, потом закатывала истерику, если мне не дают. Вот сейчас, если я выпью столовую ложку каґора, я буду под столом лежать, а это чайную ложку наливали, я еґо с удовольствием выпивала. Он хороший был, ведь. Ну, может, меня это и спасло от всяких болезней.

Яйца луковой шелухой красили. Ну, чем еще? Вот бабушка в основном предпочитала лук, что это же не опасно. Ну, кто-то чернилами, кто чем моґ, кто что находил, и чернил ведь не было, мы же сажей писали. Конечно, иґрали в яйца. Не по досточке – по ровной поверхности катали, выбираем ровную поверхность.

Платья нам новые шили обязательно, нарядные. Бабушка пекла очень мноґо этих, печенюшек, вот тарочки с твороґом там, шанешки назывались, с твороґом, ну и с повидлом, допустим, домашние. Пасху обязательно пекли, потом ґорку делали. На сковородке, значить, большую сковородку брали, высевали пшеницу, чтобы она зазеленела, и вот на это накладывались, ступеньками как-то делали и яички клали крашеные в эту зелень, красиво было.

Пасхи, значить, и большие и маленькие пекли. Мне доставалось всеґда взбивать белочек. Очень сложно, не знали, что вот сейчас, в холодильник поставишь белочек, он быстро взбивается. А то надо было вилочками. Вот две вилочки связываешь, и часами сидишь, пока взобьешь. Сахар с белком взбивали, очень долго надо было работать, чтобы взбить.

Стряпали в формах. У нас, в основном, были такие высокие. Большую, самую ґлавную пекли и несколько маленьких. Обычно баночки из-под повидла, что ли там, я не знаю, кастрюлька какая есть, чтобы было. Сверху нечем было сыпать.

Ну, если были конфеты – ґорошек, то пытались там написать Христос Воскрес. Ну, пришел к нам дед Морякин один раз и ґоворит: «Надежда Серґеевна, ты думаешь, что ты тут написала?» А она из теста делала Христос Воскрес. А тогда Амурская область входила в Хабаровский край, и машины были. Сейчас АМ*, допустим, АМО там, а то были Х – первая буква. Ну, он еще так сказал: «Это вот у шофера так это вот – хреновый водитель». Бабушка: «Ух-ты, ґреховодник какой, ну-ка сымай». Я сняла. Ну, что же делать? Бабушка так сказала. А она у нас вообще была чудо. Поедет в Благовещенск, там у нее, значить, были знакомые. Они – молококане, ну, фамилия почему-то Лысенко. «Поеду к Лысенкиным». Вот ґде кинотеатр Амур стоит, а по той улице, значить, стояли деревянные дома. У них дом был хороший, крашеный, сад, и они чай хлебали там. Не знаю, как. И в общем, один раз поедет, узнает новость, что нельзя и ґустый чай пить. Она так ґоворила: «Пить, ну, крепкий-то, на сердце действует». Друґой раз приезжает – надо крепкий чай пить. И вот мы постоянно, она привозила новость, и мы ей то ґустый делай, то друґой. Такая интересная женщина была.

Вот дедушка, допустим. Вот приехали к нам соседи уже в пятидесятых ґодах, и была бабка такая скандальная и кричала, из Курской области: «Гром вас пробей, паралич вас расшиби». А дедушка ґоворит: «Да Боже мой, Степановна, да что же ты так руґаешься-то?» Вот так он ґоворил: «Надо один с оґнем, а друґой с водой» – вот это дедушка ґоворил. Он родился в Таври. Ну, отец у неґо был коммерсант, и никак у неґо ничеґо не получалось: ездили по всей России и по Камчатке, ґде только ни были, ну, в Новоалександровке они осели, а женился на Жариковской, Жарикова Пелаґея Андреевна – это моя бабушка.

5. Как лечили заговорами

Это такое страшное дело. У меня было такое. В общем, никто его не знает. На ноґе вот вскочила сибирка. Я была совсем небольшая. Она мне как сказала, дядина жена из Тамбовской области, они потом уехали, ґ(ово)рит: «Сибирская это что-то, как пшеница нарывает, вздувается ноґа». Допустим, у меня вздулась, температура, вот я, ґ(ово)рю, измеряю температуру, у меня температуры нет. Вот я ґоворю, вспомнила, ґ(ово)рю: «Баба Шура, у меня, наверное, сибирка, поехали». Она тридцать второґо ґода. ґосподи! Какая же она мне баба! Ну, конечно, сейчас она для меня, она вообще какая баба Шура. «Да нет», – ґоворит. Ну,

* АМ, АМО – буквы на номере машины, указывающие на регистрацию транспортного текста в определенном регионе

представляете на ноуу не наступала, ездила в Тамбовку, ничеуо не моули сделать, ноуу не опустить, я на стуле ноуу держу и терплю. Так она зауоворила, значить, пятнадцать минут прошло, я встала и пошла. Вот сибирка. А потом мне знахарь уоворит: «Да вы бы сурели, как вы не сурели? Вот температуры нет, сурает человек. Как вы моули вот такое выдержать?».

Ну, я, например, помню, как и нелепые зауоворы, эти не зауоворы, а зауоворы, зауоваривать. Зауовор это, ну, против коуо-то что-то. Вот, значить, не знаю как. Вот смотрите, рожу зауоваривают, слова совсем улупые, я наизусть знаю. Значить там, ну, она там плюет, ну, молитву просто читает и уоворит: «Рожа, рожа уними, – ну, мы бы сказали «уйми». Правда? – у рабы божьей, допустим там, Валентины, кожу и наоборот. Кожа, кожа уйми у рабы божьей, допустим там, Валентины, рожу». Три раза. Вот так переуоваривают. Я записала как-то и почему-то запомнила. Вот и она тоже проходит. Вот приходят к ней, это рожа – краснота такая. Лечат этими, антибиотиками. Но вообще в больнице инфекционной лечат. А она зауовором. Только знаю сибирку, рожу она лечит, сулаз, наверно, лечит.

Вот я всех внуков лечила, сына. Этак сулазили еуо здорово. Вот берешь, просто языком лижешь вот это место. Да и сплевываешь. Если сулаженный – уорько-соленый пот, или, в общем, три раза плюешь, потом берешь сторону подола и вытираешь, и всё. Я своим подолом, я своим, значить. Значить, берешь ребенка, наклоняешь над умывальником, над краном, и смываешь личико и уоворишь: «С утицы водица, с младенца лиховица, откуда взялось, тому передалось, кто со злобой колючей, тому слезой горючей». Вот три раза повторяешь, и все. Ну, я так не знаю. Вот таким образом, вот подолом вытирать, прекрасно помоуает. Ну, как лиховица. Зависть или как? Ну-ка, давайте переведем. Лиховица, ну то есть, ну, плохое что-то кто-то там пожелал.

Филимонова Ганна Михайловна, 1917 г.р.

С. Жариково Тамбовского р-на Амурской обл.

Беседовали Архипова Н.Г., Галимова Д.Н., 2005 г.

Обработала Архипова Н.Г., 2007 г.

1. Молокане

«У православных своя вера, у молокан своя»

– *Так вот говорят ваше село молоканское?*

– Ну, молоканы, вера такая. У православных своя вера, у молокан своя. Да, баптисты, у баптист(ов) своя вера была, у молокан своя, у православных своя. Православных здесь мало было, баптистов мноуо и молокан мноуо, вот. У молокан и баптистов тоже разная вера, у православных тоже. Православные-то к нам переселенцы приехали сюда.

– *А молокане молились как-то по-особенному?*

– Родители тоже мои уже молодые были, а деды молились. Моленные были, у нас и баптисты были, и молоканы были, а православов у нас не было. У нас православные появились, когда уже вот коллективизация стала, вот тогда появились православные. А церкви у нас не было, а была только молоканская и баптистская моленная. А местность вот, молоканская была местность. Где вот сейчас эта живет, коммерсант Люда Жарикова, вот здесь молоканская была, как вам сказать, моленная. А баптистка моленная, где клуб. Там была баптистка моленная. Тут были баптисты и молоканы, а православных не было. Православные, ну, были, может быть, так мало, но не было никого таких православных сказать, что церковь была или чё, а если были, маленько только в Тамбовке.

Ни у молокан, ни у баптистов не было икон – у православных были. А православным, здесь православноуо собрания, раньше собрания звали или приход у них, у нас в деревне не было, в деревне у нас только баптисты, молоканы, а православные ездили в Тамбовку. В Тамбовке там было, собрания.

– *Какие молоканские фамилии здесь были?*

– Дружины, Филимоновы, Жариковы, Сычёвы, но Сычёвы были православной веры. Еще какие? Востриковы. Вот это-то были. Тулуповы больше всего в Граждановке жили, в Граждановке, здесь, знаете, Граждановка деревня была, вот там жили. Здесь Тулупов один есть, ихний уже внук, Тулупов Борис.

– *Они богатые были, Тулуповы?*

– А как вам сказать, раньше, конечно, бедных мно́го было и бо́уатых мно́го, и очень бо́уатых мно́го, ну, и я не знаю, мои родители не скажу, ни бедны были, ни бо́уаты, средняки, может быть. Деды мои, ну, хорошо жили, ну, рабочих не имели, своя семья большая была, свои рабочие были. А у некоторых нанимали рабочих. Вот, например, Филимоновы. Я вот Филимонова, за первого мужа выходила, за Филимонова, а его родня Филимоновы были эти, имели работников таких, нехорошие были люди. Почему нехорошие, потому что работников обижали. Ну, и раньше у́говорили, вот мы комсомолами работали, тоже у́говорили про Филимоновых. Филимоновы плохо содержали рабочих. А вот некоторые, видите, плохо (относились). Плохо и вот я вам, чтоб вам не соврать, молоканского одного старика и убили, он очень плохо содержал рабочих, рабочие его и убили. Это давным-давно было, я ещё маленькой девочкой была, ну, разговоры-то были. А село наше было большое, две улицы было, это была большая, а та была маленька улица. Ну, тож хороша деревня, очень хороша. А сейчас что, девчата? Почему вот, девчата, ну, вы ведь молодые, почему такое допускается, а? Вот в Александровке лучше, там бо́уаче, как-то село лучше, как-то дисциплина или, может, мои там родычи. Я часто вспоминаю свою деревню, была хорошая деревня. Эта улица бо́уатая была, бо́уатая такая, ну, хорошая, большая улица. То была Верхняя улица называлась, эта Нижняя улица называлась, а та Верхняя улица, там победней жили, но все равно у всех порядок был какой-то. Сейчас, девчата, никакого порядка. Дома строили деревянные. Хто и двухэтажные, но не любили двухэтажные. Одноэтажные там, зал, кухня, зал, там прихожая. Ну, в общем, вот такие дома.

Я жила, как вам сказать, только начиналась советская власть, я родилась, я в семнадцатом году родилась. Советска власть только начиналась, потом развивалась, потом пошли колхозы. Тогда были единоличники, была наша деревня и была Граждановка, вон там за речкой. У них одна улица была, там бо́уатый был, там мельница была, но и здесь хорошо всё, бо́уатый эта улица, бо́уатый, те победней жили, что я помню только.

2. Пасха

«Раньше так весело было, так ждали Пасху, к Пасхе готовились»

– *А что молокане ели? Любую пищу?*

– Нет, чушек не ели, молоканы у нас не ели чушек. Не ели, они считали, вред – чушки. А баранина, у́сятина вот эта, ты, ну и, скотское такое коровье мясо. А чушек... Боже, избавь! Чушка была, как сказать, она на небо не смотрела. Пирожки стряпали с черемухой. Мололи черемуху, с сахаром. То с мёдом, то с сахаром, и пирожки пекли очень хороши. На листах. Больши листы вот, как вам сказать, вот таки широки, вот таки длинны, и в печку сажали. Печки были, такие хлебы пекли. Там пирожки пекли, на листы, вперед, пирожки испекут, потом хлебы сажают. Булочки, хлеб, булки. Пекли печенье, у нас так называли. Заводили, заводили, печенье, сдобы. Ну, сдобы, вы ж знаете, сдобы чего ж. Или вы молодые? На сдобы, ну, там яички, там сметана положит или на молочке и яички положит, сахарку положит. А потом она всё подымется, опустит её, потом ещё она подымется второй раз, выкатывают печенье и делают, особенно с черемухой делали, и у́руши, у́руши, здесь у́руш мно́го было. Не крупные, а такие амурские у́руши, у нас у всех, у мно́гих здесь было́, у всех почти в садах. Пышку раскатают, ложут туда, это, как её звать... начинку. Вот, например, пышка, туда ложут начинку, потом закрывают её или так закрывают, или просто вот так закрывают. Она вот так вот выпекается, а этот снаружи. Ну, хорошо каждый раз на Пасху у́готовили пасху, стряпали, теперь это, яйцы красили на Пасху, как мы, как катали очень весело было.

А яйцы, как накрасют яйцы, красили яйцы в субботу, завтра, например, Пасха, воскресенье, а в субботу красят яйцы, а ночью бабушка с дедушкой там, кто ещё молодой там,

разделют семьи, были семьями большими, разделют яйца, кому сколько по тарелкам или на чём и де разделют, надпишет дедушка. Вот и утром встают все, получают свою долю и потом все наряжаются в новое. В новые рубашки там, штанишки, а девчонкам платти обязательно на Пасху. И катаем яйца. А яйца вот положить в печь или на кирпичи и доску, вот так вот, и вот катаешь, иураешь яйца. Например, вы ставите, а он катить и вот выиураывает, чьё яйцо выиурает. Очень интересно тоуда было. В лоб яйца били, возьмут по лбу и стукнут. Там один такой был такой острый, один тупой конец. И вот этим острым в лоб дадут. Если выиграет или проиграет, как вот это я забыла, иурали. Что вы! Раньше так весело было, так ждали Пасху, к Пасхе готовились. Кто побогаче, побогаче плаття.

Очень Пасха была хороша. Пасху все ждали мы, очень ждали, ходили. Вот мои родычи были молоканы, а потом ещё были баптисты. Кто ходил к баптистам, а кто к молоканам, к баптистам интересней было ходить. Они там угощали детей, такой у них порядок был, а молоканы нет. Молоканы жадные были, хоть и мои деды молоканы, но там не угощали детей, как-то не очень принимали, а баптисты очень, собирали, собирали там утренники, ну, как вот сейчас собирают, и они чаепития делали. Жадные молоканы. Ну, может быть, вот так какой, может быть, такой старший жадный вот и, пожалуйста, он командует всем. А у баптистов чаепития были, это у них порядок – на Пасху чаепития, обязательно детей угощают, потом сами, но без водки, без водки. И у молокан без водки, у молокан чаепития не справляли, а каждый свою родню или знакомых приулашает на Пасху домой и дома, но без водки. А пасху круую пекли. Круую пасху, потом её, ну как, как булку выкатывают, потом её украшивают, мажут её, яички, яичками, сметаны помажут и крошат конфеты, разные конфеты как-ки, и посыпают её. Она красива-красива, когда пасха. Кто побольше делает, кто поменьше, пекли в печке. У кого печки, в печке, а у кого уоландки, в уоландках пекли. Ну, раньше Пасху праздновали мы, ну, ждали её, ждали, улавно. Знаете что, девчата, платтев два шили, чтоб на первый и на второй день нарядится. Побоуаче кто – побоуаче там материал, кто победней – победней. Но моя мама была портниха, она меня хорошо наряжала. Вот так вот. Я и сейчас вспоминаю. А сейчас никого не остается, молокан уже никого нет.

– *А, говорят, молокане родительский день в другой день отмечают, не в понедельник.*

– Во вторник. Кто во вторник, кто в понедельник, кто во вторник, молоканы во вторник ходили. Лóжили на могилу угощение, вот так вот лóжили, а сейчас не разрешают лóжить, сейчас безобразия делают. Раньше разве так было? Придёшь, а уберут, так уберут, так и есть. А сейчас что ты! Положут, так уйдет, и всё там наделают безобразия на кладбищах. А мы, как вам сказать, мельчили и посыпали, посыпали яичками, посыпали всякими крашенными. И яички лóжили. Ой-ой, яичков, норму всем норму, кто поменьше – поменьше. Мы кричали дедушку, просили тоже нам побольше яичек. Ой, Пасху ждали очень. А сейчас, девчата, что вы ждёте?

3. Одежда

«Бедные люди ходили в школу до самых морозов разумши...»

– *Одежда какая у молокан была?*

– А длинные юбки, кофточки короткие с оборочками, со стёжечкой молоканы носили. А на улове платочек, обязательно платочек да ещё... вот так подвязывает, молодые вот так. А бельё обычное – рубахи. А штаны не носили. Без штанов ходили. Холодно зимой, и всё равно длинные юбки, юбку вниз шьют. Юбка верхняя и юбка нижняя. И там ещё рубашка, рубашка, но рубашка одевается и юбка нижняя. Ну, широкие раньше были юбки, а потом верхняя юбка или платте, вот. Носили обязательно фартуки, я вот, я дак и сейчас ношу на юбке. Юбки, праздничные шерстяные юбки были, праздничные, а будничны – простые: ситец, сатин, сатиновы, большинство сатиновы юбки были, будничны – чёрные, сатиновые, там чёрны, мож коричневые, но большинство чёрных юбок. Кто умел, сам шил, у меня мама модистка была, она сама шила, и свою семью всю обшивала, и людям шила. На ноуах зимой валенки носили, а летом разумши ходили. Бедные люди и ходили в школу до самых морозов разумши, милая моя, побоуаче, конечно, у тех... или сандалии или что-нибудь ещё-то. Поку-

пали побоуаче, а бедные, знаете как, или свяжут им матеря или сошьют какие-нибудь чувячки. Раньше бедные и боуатые были, и средняки были, вот так. На руках варежки носили. Парни, девки носили перчатки, сами вязали перчатки. Пальто зимой одевали, кто длинные пальто носил, победней – дак бедней одевали, побоуаче – побоуаче. У нас дедушка был, как вам сказать, средняк, но побоуаче, содержал нас получше, получше там покупали нам. У меня бабушка была, принесёт мне на платте батист, раньше батист всякий: голубой, потом оранжевый, ну, яркий чтоб на Паску, с кружевами шили. Мама портниха была, она шила. Пасху встречали очень весело, а сейчас, девчата, я не скажу.

4. Пицца молокоан

«В основном в деревне молочко всегда»

У деда нянчила дедовых внучат. Доставалось мне тоже и от дяди, и от тёток. Убежим играть, а ребёнок-то плачет, нам дают. Гусей пасли, малыньки мы были, по восемь, уже пасли уусей, раньше чушек у нас не ели, а ели уусей. В праздник уготовили вот лапшу обязательно, уусиную лапшу из уусятины. Ой, как они нас кусали, эти ууси, щипали, будь они не ладны. Сейчас в Александровке у многих есть ууси, а здесь я не вижу, здесь захирела деревня, плохо стало. И по сорок, и по пятьдесят держали гусей. Кто побогаче – побольше, победней – поменьше. Мама моя десять уусей держала. Ну, а две ууски на зиму оставляли и уусака. Яйцы нанесет там сколько. Гусяты выйдут, а у деда было до ста уусей. Кроме уусей, овцы, коровы – общатина. Коровье масло делали, коров, что вы, доили, и коровье масло было. Сметану, творох, кисло молоко у нас называлось, это как же, варенец. Кипятят молоко, хорошее молоко кипятят. Сливками... Кислые сливки, когда сливки скиснут, закладывают, остынет, заквашивали до ууста. Да в печку поставит, она обжарится малынько. Ох, и вкуснятина была.

– *Вы стряпали с творогом?*

– А как жеть, стряпали с творогом-то. А как же! Шанюшки делали. Вот раскатишь пышки, например, вот так раскатаешь, сюда положишь творох, и вот так вот заворачиваешь и как-нибудь делаешь этот рисуночек, это назывались шанюшки. А то пирожки, а пирожки с капустой, с картошкой. Стряпать-стряпали всё, и раньше и вот, и в советскую ж власть стряпали. Кто не ленился у нас, мы всегда стряпали, а кто бедны, то бедны, но ещё ленивые были. Оно и сейчас. Вот у меня дочка всегда всё делает. Она стряпает, всегда у неё стряпали или блинцы, или блины, или там калачики. Она всегда у меня стряпает. Блины толстые, девчата, и бывают кислые блины, а блинчики обязательно пресны и тоненьки-тоненьки. Это блинцы называется. А калачики... Ну, молоко. Сметану не ложат, она плоха. Сливки, вот, молоко ни молоко, а со сливками замешивают, ну, может, в друуой раз масла подсолнечна туда наливают, в тесто, или же такой сливочной масла, сахарку, кто любит, класть, такие В духовке я их девчатам напеку, они у меня в школу брали. С молочком, с чаем. В основном у деревне молочко всегда. Молочком калачик, в школу провожать – скорей, скорей, они раз поедят с молочком или хлеб с молочком. Молочко раньше было.

– *Молокане много чая пили?*

– Очень, чересчур! И я люблю чай, чтобы я без чая, не могу, не могу и вот и вечером попью чай, а если я долго сижу, я ещё и ночью попью чай. Я люблю с молоком. С сахаром пили, пили все наши молокоаны.

5. Свадьба

«Невесту украшали, краса велика... со цветами вели»

– *Как молокоане свадьбы праздновали?*

– Ну, сваты придут, заказывают за невесту. Жених невесте уговорит, что мои, уговорит, придут сватать. И вот приходят, засватают. Если отдадут, то соуласятся родители, те и друуи. Раньше, знаешь, не слушали нашего брата, отдавали да и ваших лет. Понравится родителям, родители или кто, и всё, и отдадут. Они хвалят. Ну, хвалят, чтобы и жить хорошо,

то и друуое. Я вот сиротой была, меня пришли сваты сватать, а у меня не родная бабка была, она строуо с них трёх уоворила, а они уоворят: «Мы её будем жалеть, она сирота, то и друуое». Но я ничего не скажу, свекровка у меня была очень хорошая, как мать родная. Потом свадьбу назначают. Всяко бывает, бывает через неделю, а бывает через две, как управятся, как ресурсы позволят. Вот про ранешные свадьбы я помню, когда у нас, у молокан, ни в гармошку, ни в чё не играли, а свадьбу поууляют, потом делают вот так, я вам не могу объяснить как, так как и деньуи кидают, чтобы невеста выбирала, и дети, вот и там выбирают. Набили, мама меня уотовила, карман у плаття. Я в карман наберу, ну, всяк было, каждый по-разному. Не было гармонии, у молокан, у баптистов не было, а у православных была. Здесь православные были две семьи, мы беуали туда. Уже побольше стали, смотрели, как свадьба идёт хорошо, с гармошкой. Ну, молокане, они пели таки молокански песни, а православные, знаешь, каки хороши песни пели? Помню одну молоканску: «Ох, как, братцы, надоела нам чужая сторона» – это пели и молоканы, это всё общая была. «Везде уоре, везде слёзы, везде мучают меня...». Эта песня, я уже забыла её. На какой мотив пелась «Ох, как братцы надоела нам чужая сторона»? Туда же отсылали людей, молодёжь, и они отрабатывали чё-то и это вот песню пели. Эта песня хорошо поётся, когда вдвоём, троём поют, печальная. А на свадьбу весёлые были. Приезжали за невестой, когда вот нынче свадьба. А, например, свадьба в обед начинается, приезжают к обеду за невестой. Ой, девчата, так было нам весело маленьким, беуаем нарядные, невеста нарядная, в лентах вся, ну, красиво было. Длинное, белое, платье белое на ней. Ну, батист, кто как, как вам сказать, ну, кто побоуаче – побоуаче одевал, а кто победней – победней одевает. Фата на уолове. С шелку. Фата с шелку, вот здесь цветы наделаны. У меня тоже была фата. Ленты были, косы-то у нас большие были, мы без косы не ходили, не разрешали, а потом уже дед не разрешал мне, волосы уусты были. Выходит замуж она же с косами, ну, вот такой закон. После свадьбы она уже завивала волосы, пшивку делала.

Венчались, знаете, когда у молокан попы были. У баптистов интересно, у баптистов интересней, чем у молокан. У баптистов так нарядно было всё, а у молокан по-строуому всё. Мы беуали туда, мы тут пели по-своему, по-молокански, молокански песни. Дед у меня с бабкой пели, я ещё такая маленькая, лет восемь было, дедушка и... Мне не нравится так. «Баптисты, лучше», – скажу. «Ах, ты, отчаянная!», – ругается дед. Божественные пели молоканы по-своему, я не спою сейчас, а баптисты по-своему. У баптистов веселей было, у молокан грустней.

Невесту украшали, краса велика, с этими, со цветами вели. Невеста красива, с лентами косы заплетёны, красивые, сейчас ничего не делают это.

6. О китайцах

«Русские китайцев нанимали работать...

Китайцы у них, знаешь, как работали, оуороды сажали»

– Китайцы были, у нас китайский завод здесь был, кирпичный завод. Жили в фанзах. Фанзы у них низкие такие, потом, если побоуаче ... начальство у них тоже было, то они какой-нибудь дом у них тоже, а бедные, эти окна были бумажные. Белая бумауа, такая твёрдая, бумага белая. И не стекло, а бумажные были. А как они Новый год справляли! Как мы беуали! Нас ууощали там, липучки были. Деда нам не давали деньги и хаят: «Ой, да они поуаны, они их на коленке катают, – гов(о)рит, – эти липучки». А мы всё равно, они сладкие такие, маком посыпаны. Дед потом давал нам. У деда мноуо внучат было, но меня он почему-то любил, потому что нянчила я у них тама, нянчила ребятишек.

Китайцы, они ели лапшу больше, лапшу ели, вот две палочки, вот этими палочками они лапшу ели, вот так вот, уалушки ели они, тоже палочками. А припивать они чайку с чашку припивали. Нас ууощали, детей. На Новый год китайцы, знаете, как детей ууощали: липучки эти наделают, посыпют раньше маком, а мак подкрасят – красивый, а липучки, я забыла с чего они деланы, или они таки – липучиют. Поцугал у деда, дал деньги. Они рууают, но дают. А дают там чё две копейки, три копейки, раньше как было.

Нам не разрешали, не разрешали в фанзы ходить, вы знаете, у китайки ножки вот такие маленькие, они всё время сидели на нарах. Китайки никуда не ходили. Ну, конечно, как маленьким детям они сразу делали такие колодочки, и они ходили, ножки не развивались у них. Одевались всяко, халатики у них чёреньки, синеньки такие, это. Каки побоуаче, те получше, а победней... так.

Китайские женщины, вот я их не помню. Что ли в косы были заплетены? Но не помню, две или одну. Мужики, китайцы носили одну косу большую. И женщины косу, вот ну, не помню, забыла я, две или одну. У мужика так заплетена, как коса, и ходил, как с косой. Редко у них борода у старых. У молодых не видно было. На улове у них были панамы что ли, шляпки вот такие. Ну, небоуатый. Кто побоуаче, те шляпы носили, а победней какой-нибудь, так панамы.

– А с русскими как разговаривали?

– А с русскими на русском, плохо на русском разговаривали. Русские китайцев нанимали работать, боуатые русские. Китайцы у них, знаешь, как работали, оуороды сажали, китайцы оуороды очень хорошо сажали и моули обрабатывать, сажать очень хорошо. Они тоже по-русски себя называли, мы их называли Вася там, Иван, вот больше всего Иван, Вася, Миша. Женщин я не помню, а женщины, они всё время сидели на нарах. Мы беуали, на Новый год туда побежим, нас ууощали, нас не пускали, а всё равно убежим, нас к Новому году вот липучками угощали. Женщины сидят всё время на нарах, ножки малюсенькие.

– А дома красиво у китайцев?

– Да ну какой там, урязно, урязно. Ну, как вам сказать? Не то что, как сказать, ну, урязно. Нары там, под них что-нибудь постелено, дерюа какая-нибудь, или не знаю, вот такой лахмотка какая-нибудь. Каки побоуаче, каки начальники, конечно, они отдельно, фанзы у них отдельно, отдельны все, а каки попроще, грязные, вшивые ходили. Были печки так, не русские. Ну, печки, как обычно сейчас, варют, пекут они, они пекли пышки. Прям, простые пышки напекут, но на масле, у нас в деревне был маслозавод подсолнечный, да и они пекли всегда, пекли пышки.

– А китайцы женились на русских?

– А как же, женились, выходили бедные девки, выходили замуж. Да, некоторые выходили. У нас одна была женщина, у ней руки не было, не буду на себе показывать, ладони не было, у правой руки ладони не было... А красивой была такой, голос у ней такой, ну, красивая! А мать не родная у ней была, отец её за китайца отдал, а китаец был боуатый и какой-то начальник, ездил всё за ураницу. Она нарядная была, жили вон там, у нас ещё была улица за этой деревней, вот за этой улицей, туда далеко была улица, там китайцы больше жили, и боуаты были, там жили. А боуаты, ну, нарядны всегда. Два мальчика у ней родились, так нарядненькие были.

Саяпина Вера Васильевна, 1921 г.р.

С. Гильчин Тамбовского р-на Амурской обл.

Беседовали Крыжанская К.А., Радченко О.В., 2005г.

Обработала Архипова Н.Г., 2007 г.

1. Русская печка

«Русская печка была, хорошая печка была»

Русская печка была, хорошая печка была. Вот она была в Гильчине, когда мы были маленькими. На печке на этой спали. Она так выложена до потолка так, примерно, метра полтора, не маленькая, до потолка-то печка. Так выложена крууом, а там назывался... Как урупка что ли называлась, урупка, или как это? Вот на этой урупке мы там ребятишками и спали. Постелят, она теплая. Там и в избе не очень-то было тепло-то, топить-то не очень было. На печке спали. Надо делать лестницу, она же высокая по лестнице.

А хлёбы пекли, хлёбы пекли в печках. А русская печка, она отличалась тем, что у ней было в ней хлёбы пекли. В этой моей печке не испекешь хлеб, ну, может там, какую булочку, когда кто приспособит, а хлеб надо же печь на семью и много, не на один день, вот. Она так выкладывалась печка, русская печка вот так выкладывалась большая. Тут на полатях была эта, верхница, там мы уже спали. Так было выложено, труба отдельно. И называлась русская печка, где можно было печь хлеб. Там, ну, и сдобу, какую вперед сначала испекут, а потом уже и хлеб, и выпекали хлеб. А плита все равно рядом стояла рядом. Плита пристроена, чтобы можно ужин-то сварить, обед сварить. Там же печки не всегда ва-арят, после всего это печку истопят, потом туда чуун поставят, мясо туда и поставят в печку, он кипит, варится. Борщ наварить можно.

– *Чем чугуны вынимали из русской печки?*

А вынимали? У меня там где-то был, но он пропал, наверное, конечно же, пропал. Он назывался роуач, больше всего роуачом называли его. Кочерга-то ведь такая, кочерга, ей там выгребают зóлу, жар там. Она так сделана, а тут, значить, сначала железная, а потом дальше ручка, чтобы деревянная ручка не уорячая была, и, чтоб она не сгорела, она была железная у основания. Рогач сделан полукрууом и как бы обхватывает чуун. Это ухват, он хватает и называется-то ухватом, потому что он хватает эти чууны, внизу уже чуун, а сверху он пошире-пошире и вот такой ухват. Роуач или ухват вот так вот сделаны, загнуты. Внизу он проходит чуун, потом поднимают его, и он вверх берет, он тоуда уже никуда не денется, не сползет. Если такой сделать полукрууом, обнимает этой чуун и поднимает его. А поднять-то чуун, если на семью, то он большой, он тяжелый, его не поднимешь на таком расстоянии. Тут метра полметра сама заунетка. Заунетка перед печкой, перед самой топкой печной. Это называется заунетка, и дым уходит труба где. И вот ставят на заунетку этот, чуун, берут, подвигают туда подальше к печке. А его не поднять, теперь, значить, делают такой каток. Круулый каток. Ну, как это, знаете, вот как пельмени делать скалки, скатать пышечки, вот, ну, вот там побольше. Ну, он тоже деревянный, он потолще, побольше, ну, как это, шо скатать. Его подкладывают под ухват, ухват ставят на него, а потом ухватом берут чуун. Он катить этот, каток катится, и чуун катится. Хозяйка, она уже меньше трудов занимает и силы тратить на это, чтобы поднять с катком. И сопровождает туда этот чуун и оттуда вынимает. Это я тебе рассказываю, когда еще жили в Гильчине, и когда еще я была маленькая. Но я оттуда уехала в лет одиннадцать, была я, наверное, десяти лет. А это я помню до этого. До этого помню, как это. Они роуачи были, роуач и ухват. Ауа, и под маленький чуунок. Его ведь там рукой не заталкиваешь, там же жарко. А его надо взять, а если я буду ведерный чуун подхватывать, а маленький чуунок, он проскочить. Для каждого, ну, наверно, они должны быть два или три этих ухвата. Так они стоят за печкой. Там такое есть – заделка, и они там стоят, как надо брать и делают. Заделка, как выразилась, футляр, что ли, между печкой и стенкой, чтоб можно было поставить не на виду, как в кухне, чтобы видно, она как вроде прячется. Полати, мы называли их полатями, потому что мы на них спали. Может, кто и не спал, может, у кого были хоромы большие, и места много было, и тепло было. Были же богатые и бедные, всякие были вот. А тут больше называлась печь, «ложись на печь», ну как можно сказать, «ложись на печь или ложись в печь». То ли вниз, то ли вверх. Так и уоворили: «На печурку, ложись на печурку или лезь на полати». А русские печки строили эти, уончары. Как их называют? Печники. Уончары, по-моему, эти делают посуду. А! Печники.

2. Отец

**«Он сам все делал: умел шубы шить,
рукавицы шить, шапки умел сам шить»**

– *А у вас в деревне была церковь?*

Церковь? Был дом молитвы, потому что это была деревня молоканская, был дом молитвы. Ходили, наверно, все. Так деревня была молоканская. Ну, кто хотел идти, кто Боуа знал, а кто не знал, а кто не знал – ему там делать нечего, туда не пойдеть. Отец ходил, по-моему, ну, я хорошо помню, еще пацанкой была. А он умер в тридцать третьем уоду, а я с

двадцать первого, декабрьская. Ну, что считать год-то этот, это, значить, с двадцать второго. Мне одиннадцать лет было. Ну, он до этого еще, уже болел сколько. Это мне, может, девять было, он все мох делать и назывался шорник. Шорничал. Шорник. Он мох упряжь делать для лошадей. А упряжь там всякая, и как ее называли, упряжь или сбруя, а вот. Это вот сани, телеги, колеса, он тоже всё делал. Ему не надо было никуда ходить покупать. Лес есть рядом, нарубил, сырой покаместь есть, он его сделает, потом высушить, заунёт, как надо ему, высушить. Он сам все делал: умел шить, умел шубы шить, рукавицы шить, шапки умел сам шить. Валенки катать умел, валенки делать. Сам шерсть вот это вот. И у него была такая вот самая, дробилка, што ль. Дробилка, вот шерсть он эту раздробить, раздробить короткую шерсть. Короткая шерсть, наверно, осенняя-то. Ой, весенняя-то, она длинная, осенняя – короткая. Он раздробить, раздробить, потом в баню идем, там мочить и катает. И у него все были по ноге, эти вот колодки. А дробилка представляла чего? Какой-то вал, на нём, на этом вале были спицы как бы проволочные, проволочные спицы были, но они не знаю, какие они были, длинные или короткие. А вот когда крутить, это вот она же останавливается так. Там заделано, чтобы не вылазило, крутить ее как. Видала колодцы, куда старые? Крутить, воду достаёт, так и он крутить ее. А крутил, а это, этими спицами. Шерсть дробится. Она как бы раскатывается, она тогда мягкая делается, ее не надо вот так вот чесать. А вот эта дробилка раздробить её, а тогда легко ее раскладывает, и получают у него эти валенки. Сапоги не шил, потому что не было такой возможности, а назывались ичиуги. Как сапоги, но как чулки, ичиуги, так и назывались они – ичиуги. И в ичиугах ходили в летнее время. Куда покупать вот такие вот тапочки, чтобы были босоножки, как сейчас покупают, их не было. Тогда мох плести лапти, у нас тут, по-моему, на Дальнем Востоке не носили лапти. Выше колена у них эти, закрытые, из кожи сделаны. Вот что уговорить: «Достал ичиуги, на рыбалку пойдешь? Да, на рыбалку пойду». Ичиуги, ичиуги и бродни. Ичиги, наверно, покороче. Это такая обувь, как бы сапоги, только без этих, без каблучков, а подошва просто такая сплошная кожа, нет, у них нет каблучков, ничего. Если кому там надо, он сделает там внутри каблук там, чтоб пятка повыше была, и так одевали. А так больше, ну, носки, может, и вязали, а покупать их не было где, а больше портянки. Портянку наматывают, и ичиуги. А вот бродни – то надо бродить на рыбалку или на охоту по воде. Бродни. Бродить по воде, по урязи. Бродни – это для того, чтобы поймать рыбу, ну, бродить по воде, чтобы в воде лазить, но не руками. Надо самоловку ставить, зайти в воду по самый зад, вот надевают эти бродни. Пошел, и он сухой, и брюки у него сухие, и это вот. А женщины носили также, сандалики шили. Сами шили. А кто в город мох поехать, кто имел возможность такую, может, и покупали. Заводы-то все равно были в уездах-то, заводы-то были. Есть возможность – купать. Домашних тапочек не было. Я вам так скажу, что домашняя обувь, её, наверно, никогда и не было, вот этих вот никогда и не было. И краски вот этой никогда и не было.

Пол сосновый, по-моему, был. Листвяный, листвяный пол, куда его помоешь, он тогда красный, хороший тогда. А листвяный пол, у него листвяница – она желтая, светлая. Вот когда листвяный, листвяный пол, помоешь его, он светлый, белый, чистый и по нём ходили обувши, и в валенках, и сапогах, и с улицы, и везде, не разбираясь. Не разбирались, что на улице, что в избе был, только потом хозяйке-то самой мыть пол трудов стоить. А мыли мы его, я долго мыла пол, и крашеный-то долго не было, для того, чтоб он был чистым, охота чтоб был, пол, делали такие шорколки, шорколки называются. Как им шоркаешь, так и назывались или шорколками, где из проволоки, а где с этих вот каких-нибудь веточек. Ну, веточки какие-нибудь такие, чтобы они были погуще. Свяжут их, а больше – веники. Веников-то таких и не было, мало было, что сеяли да веяли, они грубее. Просто траву нарубить, нарезать, нарвать это, вот венички называется, она такая мягкая, пока не успеет поспеть. Навязать их, они ими пол подметают. А он куда постареет, уже начинает осыпаться, он все на нём листочки, эти все вот им. Венички. Вот им и начинаешь шоркать, намочишь, а потом начинаешь его-то руками. А эти железные шорколки. Она же проволочная, тоже надо на ногу что-нибудь надеть, чтобы не наколоть, и вот так вот и шоркаешь пол. Вымоешь, он чистый, красивый, он долго терпит, хоть и обувши ходили, чуть-чуть да очищали ноги на улице. Ну, мыли же его каждый день, через день и белили печь через каждый месяц.

3. Зыбки

«Это такой ящик, такой красивенький сделанный»

Зыбки. Это такой ящик, он такой ящик красивенький сделанный. Длинненький такой, не квадратный, а так продолговатый так ящик. Он с узорами такой сделанный, сверху узорика на нем где-то, а дно у него делается из материала, чтобы не было урубо для ребенка. Потолще матерьял, что был, вот даже мешковина, может быть, или холст какой-нибудь, может быть, и обычная бязь. Бязь сами делали, пряли, ткали, обшивали для того, чтобы не на доску ребеночка класть. Ну, и постель как само собой, как всеуда и перинка есть, и подушечка есть, все так же это. А потом, у нас же этот ящик, или как это назвать, у него там четыре уула, и в уулу сделают петли, петельки небольшие и протягивают эту петельку веревочкой, веревочки так же потверже, ну, не потверже, а покрепче. А у нас вот, примерно, была зыбка, она в комнате была, в спальне, и было приделано как вот эта штуковина. У меня вот память не было, как ее сразу назвать. Вот эта, вот это ввинчена в потолок, сделана петлей, ввинчена в потолок пружина такая, не слабая и не тугая, вот это пружинка. И вот эти четыре этих шнура соединяют сверху, там кверху и соединяют с этой пружиной. И можно так качать дитя. А потом это, зыбочку. Ведь летом-то и мух полно, ребятишек много, не спасешься от мух, потому что каждый где-то там наудит, а где-то там и поел, а где-то там опрокинул, где-то у него не закрыл. Мух полно, вот так делают полоу. Закрывают полоуом сверху там, где соединяются пружины, и донизу качают ребенка спать, за пружинку. Полох этот закрывают, и он спит спокойно. Можно цветной, можно и белый, можно и розовый, и голубой. Какой цвет не зависит от того, чтобы какая она должна быть.

4. Праздники и игры

«А жизнь моя – одна беда да горе, праздников не было»

– А как у вас праздники раньше проводились?

Ой, дороушечка ты моя. Какие то они у меня были, праздники? А жизнь моя – одна беда да горе, праздников не было. А коуда до сего дня, как я чувствовала, коуда еще девчонкой была, чувствовала. Это Паска было, великие праздники. А в марте всеуда это собирала яйца. Хоть и курей мноуо было и, как пост, не давала исть эти яйца свободно, там когда-нибудь их в стряпню положить. А собирала уору целую, наберу корзину на праздник, на Пасху. А кто их съест эти Пасхи яйца? Иурали или катали, иурали это. Яйца разные, накрашенные, красивые, а иурали этими яйцами.

Вот наладут их в рядок, щас такую иуру не играют, странно, в рядочек кладут, а одно яйцо берут отдельное, ну, друуой оно окраски. Катают, на каком расстоянии там доуоворятся, катают. Попадет в яичко, значить, этот, который катится, в яичко попадает. Кто стоит, оно отойдет, значить, он выиурал, он её забирает, яичко, снова катить. Проиурал, значить, он ставить обратно, если проиурал, ставить обратно и друуой катает своим этим, своим яйцом. Вот только и забавлялись этими яйцами, а кто может съесть одно – два яйца, не больше. А ну, так-то что, в мячики иурали и щас иурают такими, такие иуры не иурают ни молодежь, ни старики, ни ребятишки. Выжигалки. Ауа, и третий лишний иурали. А третий лишний – это встануть к круу, а один ходить, как бы вадит. Все берутся за руки и стоять, а он ходить и вадить, кого выбрать, третий лишний. Если он выберет, примерно, если он меня выбрал, он из крууа, так я должна его доунать и задеть его рукой. Если я задела, значить, он все, становится в крух, а тот, где он становится, убеуеть, за ним уоняется. И так оно идет, так по крууу, по крууу. Не успеешь, если неразворотливый, тихо беуеть, там беуют больше его, он бедный запыхается, покамест он отомстит ему, значить, заденет, что встать, будет беуеть. Такая иура была, ох! Это третий лишний. А выжиуалки, тоже выжиуалки щас не иурают. Ты представляешь, какие выжиуалки? Вот в такой же круу становится вся молодежь. Щас-то молодежи нету, тоуда ребятишек мноуо было в деревне. Я ведь уородскую жизнь не знаю, в деревне-то мноуо было ребятишек. Собираются вечерком, коуда прохладно, и становятся также в круу и выжиуалки, а вот забыла, как иурали в вы-

жиуалку. Хотела рассказать, а не помню. А, кошки – мышки иурали, в кошки – мышки, я помню. Тоже так же крууом становятся девчата, ребята, ну, пацаны, крууом и, значить, кот сидить внутри, в зауородке, а мышки на улице беуають, за крууом. И вот он должен выскочить из этого крууа и поймать эту мышку, а нихто ж не пускает его, так он целится, куда, где-то пройти, где там между рук, а может у ног успеет проскочить, уде вот, чтоб мышку поймать, а ему нет хода, и ему запрещают, закрывают ход. Вот он тоуда мечется, мечется, пока это он выскочить с этого крууа и поймает эту мышку. Это были кошки-мышки, иурали. А вот выжиуалку я что-то забыла, запаматовала. Ну, ладно, что та выжиуалка.

5. Песни

«Пел он песню богомольную»

Дедушка говорил слово «не замай». Какое же он еще говорил? А! «йоном». «Не замай» – значить, не тревожь, не троуай. Ребятишки рууаються, дерутся там между собой – «не замай, не замай ты еуо». «Не замай» – значить, не трогай, не шевели его. Слово «йоном» – значить, хорошо. Делай йоном, делай лучше, хорошо делай. Это было ранешнее слово, это было молканское слово. Может, какие слова знаю, не помню.

– А вот какие вы раньше песни пели?

А, песни пели, я не знаю, какие мы песни пели. Мы пели песни советские, «Орленок» пели. «Орленок, орленок, лети выше к солнцу, возьми белый свет». Это я даже в школе запевалой была, а почему выбирали запевалой, не знаю. И уолос-то у меня это был, уолос пропал уже, уланды болять. Вот эти песни: «Орленок», потом «Петрушу»: «Прокати нас на тракторе». Ну, это когда власть организовалась, были песни революционные, и мы их в школе пели. А публичные мы и не пели, наверное. Вот коуда мы были маленькие, мы пели те, что в школе. А коуда повзрослели, школу кончать, нам не до тех песен было уже, трудились по четырнадцать да по шестнадцать часов у станков. Так и песни эти не пели.

– А спойте какую-нибудь песню?

Спеть? А какую я тебе песню спою? Уосподи, когда уолоса-то и нету. А отец мой пел. Я рассказывала, как он шорничал, все делал, шил. И вот как помню я, сидел, я еще маленькая была, а он еще, он еще болел сколько лет. Пока он не болел, работал, шил сидел, ичиуи шил или бродни, что-то он шил, а песню пел. Пел он песню боуомольную:

Бог – создатель моей жизни, не оставь меня в пути.
Сам ты знаешь, я бессильный, не могу врауов любить.
Бог – создатель моей жизни, не оставь меня, скорбя.
Сам ты знаешь, я бессильный, не моуу врауов любить.
В том какая же мне польза, если ближнего любить.
Охладело во мне сердце, оскудела вся любовь.
Я хожу, во тьме блуждаю, свет сокрытый от меня,
А на сердце тяжкий камень не приваленный лежить.
Ой, ты ануел, ты мой ануел, сними завесу с глаз моих,
Отвали от уроба камень и от сердца моего.
Ты поставь меня на камень, утверди стопы мои.
Боуу слава во веки веков. Аминь.

Это он церковную песню пел, он ходил в церковь. А я помнила некоторые слова, теперь я последнее время нашла эти слова. Я щас стала ходить в церковь, вот эти слова нашла, а мотив я с детства запомнила. Это они пели, это они – родители, они ходили в церковь. А коуда мы выросли, советская власть началась. Уже слов – полслова, мама-то, она боялась, отец умер уже, мама боялась, чтобы кто-нибудь из нас да ни сказал это слово про Боуа, иначе посадят или вообще расстреляют. Был такой запрет. Она боялась, боялась, и я боялась ее спросить, коуда уже интерес все равно, а я боялась спросить, а она бы мне не ответила, потому что она боялась за нас, вот. Вот божественная песня:

Пастырь мой, Уосподь всесильный,
С ним нужды не знаю я.

И на благи обильный
Ты покойся во мне.
Пусть мой пастырь направляет
К тихим сладостным водам,
Душу он мне поскрепляет
По своим людским стезям.
Если я пойду долиной,
Где лесная смерть царить,
Неправедный врах единый
Сердце мне не утешить.
Добрый пастырь, ты со мною,
Посох твой и жезл святой
К миру, к вечному покою
Дух направлять слабый мой.
И люби меня, жалея,
Ты даришь трапезу мне,
И меня струей еля,
Умостил ты в тишине.
Вот как радостно и дивно
Под твоим покровом жить,
Быть с тобою непрерывно
И твоим путем ходить.

Это наша молоканская песня. Еще божественная песня.

Не пройди, Иисус, меня ты,
Не пройди меня.
Слышишь дух любви объятый,
Не пройди меня.
Боже, Боже, о, услышь меня.
Слышишь люд мольбой объятый,
Не пройди меня.
Дай покаяться пред тобою,
Мне найти бальзам.
Я простерт к тебе душою.
Помоги мне сам.
Боже, Боже, о, услышь меня,
Слышишь, твой люд мольбой объятый,
Не пройди меня.
Полагаюсь на тебя, лик ищу я твой.
Исцели мой дух, спасая, угости святой водой.
Боже, Боже, о, услышь меня.
Слышишь, твой люд мольбой объятый,
Не пройди меня.
Ты – источник утешенья, лучше всяких благ.
Дух ты мой, как в мире тлеет,
Так и в небесах.
Боже, Боже, о, услышь меня.
Слышишь, твой люд мольбой объятый,
Не пройди меня.

Вот эти вот слова: «Боже, Боже, услышь меня», – он молится, чтоб услышал Уосподь Бог. Все молятся, заглушают все. Он боится, как бы его не прошел Бог, чтоб его не обошел Уосподь, вот он просить.

1. Жизнь и судьба

«Что он может им навредить, когда человек неграмотный?..

Вечный работяга и всё»

И это дед мой, дедушка, аҕа, Саяпины первые приехали сюда, перв(опр)оходцы. Здесь была тайҕа просто, ну, лес они здесь вырубали, выкорчёвывали. И да дед-то родился, значить, может быть, здесь. И у него старший сын, дети были. Может, они тут родились. Про это я не знаю, что дед мой Саяпин Аҕап Поликаныч он родился тут, в этом Гильчинё. Ну и ето, он умер в тридцать втором году, ему было семьдесят восемь лет, вот ско(ль)ко. А вперед этого я не знаю, это как наши рассказывали вот. Ну и это, теперь они ехали сюда долҕо, два ҕода даже ехали, потому что едут ҕде-то летом они, останавливаются, сеют там, сажают, чтобы продукты былó, а потом едут. Зимой, они всю зиму едут. Вот так вот ехали они сюда долҕо. А как они приезжали, дак вот так ҕоворили, что у кого сынов мноҕо, а царь приказ создал такой, ну царь есть царь, ҕосударь и всё, приказ создал такой тем, кто едет на Амур. Ну, Амур, видно, уже исследовали раньше, по-моему, до этого, и до царя, может быть, исследовали, что тут всё ж таки боҕатства. Кто едет на Амур, в армию в солдаты не берут, а тогда брали, на двадцать пять лет брали в солдаты. Ну и вот, у наших, у Саяпиных, у них вообще девок мало былó, обычно сыны, сыны родились, вот. Сынов у неҕо, ҕ(ово)рит, было мноҕо, который дед-то приехал, двенадцать сынов былó. Ну, и он поехал там, ну, несколько, но не один же он ехал, там, может, двадцать, тридцать семей ехало вместе. Ведь и было тоже страшно ехать ҕде-то, и разбои были и всё на свете, вот так вот. Ну, как, Гильчин очень красивый. Сейчас-то домов тут... Вон там один стоит дом, вот этот Тулупов, друҕой там Саяпин, этот Иван, ой, Климан, Климан Иваныч был жил. А здесь вот Тулуповы жили вот, этот, Урусов, сейчас живут там. Все дома были хорошие, красивые, даже вот до двадцать девятоҕо ҕода здесь были, уже знаешь, коҕда с двадцать восьмым ҕоду нача́ли раскулачивать. А какой он кулак? Да он просто работник и всё, разобраться-то, что же он за кулак-то, день и ночь на полях, в этой пропощённой рубаше. Это ведь можно так подумать. Ну, а потом их раскулачивали. Они ехали, это уезжали кто куда. Ну, сейчас я буду рассказывать вам как.

Уезжали, это, наши перво(про)ходцы. Знаешь чё, вот бабушка потом после приехала, дак она ҕоворила, её-то и собственно её адрес. Так, Самарская ҕуберния, Николаевский уезд, село Тяҕло. Это бабушка. Кто не приедет, вот солдаты в войну были, она спрашивает: «В Самаре, как она там?» Жила, она всё спрашивала, как там, хотелось ей в Самару.

Слушай, а как понять? Как понять, ведь в крайнем случае, вроде боҕатый, ну, сейчас вот кто, и после? Кто в колхозе работал, тот и боҕатый был, ну под конец, конечно, обманули колхозников, многих обманули просто. Так, раскулачивание было в двадцать девятом ҕоду тут вот, примерно так. И в этом, как еҕо, ну да тут с двадцать восьмого по тридцать второй. В тюрьмы забирали. А забирали ведь коҕо? Это вредительство полное было. К примеру, он живет, у неҕо семеро детей. Какой он кулак? Какой он дурак? Какой он вредитель? Что он может им навредить, коҕда человек неҕрамотный? Ну, что ты, что может сделать человек-то? Ну, вечный работяҕа и всё. Вот так, знаешь чё, в этом раскулачивали тут всех. Вот Саяпиных, допустим, мноҕо их, они же приехали давно, дети, сыны, работали сами они. Вот тут вот жил Мартын Митрич, Мартын Иваныч, у неҕо ведь триста коней рабочих. Ну, работников держал там, сыны еҕо, а работники также, как вот и в колхозе. И работали, он платил. Платил. Ну, некоторые, правда, были такие, что обижали людей, а некоторые ведь честно делали. Они также работали, получали у них там подённую. Или как там платили там?

Как пришли они тут, по рассказам, вот они нача́ли работать. Они сами пахали, сеяли. Ну и, правда, етих держали, работников. Потом позже, ну это, конечно, я токо по словам знаю, я-то с двадцать четвертого ҕода. Уже в тридцать втором, как вот деда хоронили, тут

уже я знаю, как забирали людей в тюрьмы, вот. Уорлова Ивана забрали, ведь у нею семеро детей. А старшая самая с двадцать пятого года была, Катька. Какой он вредитель? Что он мог навредить? Он знал в колхозе работу, да и всё. И за что его взяли в тюрьму никто не знает. Теперь Саяпин этот, Михаил Иванович. Ну тот, правда, у нею тоже жена умерла, на второй женился. У нею дети сводные были, тоже где-то шесть или семь детей было, вот сводные. Да у этой четверо было, да у той трое. Вот семеро было. Теперь этот, Саяпин Андрей Григорич. Тоже семеро детей, ну и все маленькие, один одного меньше. Самый последний или грудь там сосал или ещё не родился, вот так вот было. Всех их позабрали. Вот в тридцать втором году, например, Мясников этот, Андрей Амнеич, его тоже в тридцать втором арестовали. Моя эта тётка за ним замужем была. И что вы думаете? Семеро детей осталось у них. Ну, вот этих вот брали. А это брали для чего? Как вот я думаю что, чтобы, знаешь чё, советскую власть уничтожить. За власть Совета тут уже начали жить. Ну, и улавны, знаешь, идеи эти. А его забирали, обозлить людей, кою, дескать, забирают-то – нищету. Вот, а какие они кулаки были? Вот, которые побогаче, они все грамотные. Они поехали? Они устроились работать, также работали, ну всё.

Брат жениться задумал, его, ну и ещё там один женится, ну, два жениха, а покупать-то в этом, на Сахаляне*, Сахалян – город, тут тогда эти, открытые границы были. Ну, как границы не было. Вот они поехали закупить, ну, материи там. Как сейчас задумают жениться, в город едут, покупают. Так и тогда туда поехали. А тут уже после революции уже не было ничего в магазинах вообще. Поехали. А их тут этот, мужик. Ну, там знаешь, серчал, мож, на бабушку Лукерью, что она замуж за него не пошла или чё, что не знаю. Ну, сказал, чтоб их забрали. Поехали их выручить. Ну, и туда приехали, там же китайский посёлок, в китайском посёлке, а китаец ему (ово)рит: «Ты, Степан, не ходи, тебе сейчас там злой начальник приехал, они убивают русских всех». Ну, китайцы, фунфузы** или кто там такой, пришли. Ну, и он поуб там. Его только отдали через два месяца хоронить. И то это, что мама бедная была, а у маме оставалось шестеро ребятшек и самой старшей, верите нет, – моей сестре – семь лет. Это я с двадцать четвертого года, а сестра была с семнадцатого года, вот она самая старшая, а я самая меньшая. Вот тут и уляди-ка, ага, а мне только один месяц был всего, вот и так мать осталась, когда уже записывает это, а тут, ну знаешь, всякое бывает, может быть, их заставляли под пистолетами. Как, я не знаю, что он докладывал-то всё. Может быть, кто знает как, ну, вот он-то доносчик был, написал. Маму мою записал, его, кулачком. Какая кулачка? Господи! Ну, действительно, разутые, раздетые дети, а она одна десять лет живёт, вдова, и такие дети мелкие. Ну, правда, же ну чё, господи, не десять, а меньше она тут жила, конечно. Ну, это уже, там мною, мною нехорошего было, а тут дальше в войну мы, Уруня и я, мы учились на трактористов.

Мы, знаешь что, тогда был призыв Паши Неделиной, она была трактористкой, вот призывала она девушек, чтобы девушки шли на трактора. А почему? Потому что готовились к войне, всё равно знали. Теперь, это было в тридцать седьмом – в тридцать восьмом году. Вот в тридцать девятом году, а мы тогда чё, четыре класса кончили, больше никуда никто не ходил учиться, как вот в деревне. А семь классов – это уже, знаешь, у кого есть большие возможности, чтобы он в чужую деревню поехал учиться. Там было надо воз дров на месяц, теперь за квартиру платить. А чем мама моя будет платить, когда в одном сапоге дояркой работала? А там ничё не получали в колхозе. Очень, очень трудно было, голодные, разутые, раздетые были, ну и при такой семье. Потом, правда, померли, осталось нас четверо: мама, я и, это, две сестры. Ну, они, правда, одна в этом, Раздольном работала хорошо. Она дояркой работала, телятница, она всю жизнь в таком почёте. Ну, работница! А какой работник хороший, потому что неграмотный человек. И вкалываю, вкалываю по-чёрному. Ну, и тут отправляли нас, мною отправили на курс трактористов, двенадцать километров в этой, в Муравьевке корховской, эмтээс* был, при эмтээсе. Ну и это, как её, учились мы, учились, это

* Сахалян – старое название провинции Хэйлунцзян и г. Хэйхэ (КНР).

** Хунхузы – китайские разбойники.

* МТС – моторно-техническая станция.

было в тридцать девятом году, нас три месяца проучили, и вроде трактористы. С весны нас на трактора поставили, хорошо прошли, эту практику прошли, после всего нас, ну, тракторов-то не было. Ребята полностью работали, мы поработали только вот посевную, и нас всех троих на штурвал, на комбайны, туда комбайны были и штурвальные там. Мы ушли туда на комбайны, все трое работали. Теперь в тридцать девятом, в сороковом и в сороковом году также мы на штурвалы проработали, ну, нас в тайгу. А как мы? По шестнадцать лет сравнялось, паспорта получили, а тогда в зиму ездили в тайгу на заготовку леса. Ну, им народ надо. Тридцать шесть человек, допустим, из колхоза, кто-то тут нужен, а таких, как мы, отправляли туда, ну, и мы уехали. Все ездили, не только мы, а тридцать шесть человек ездило. Приехали оттуда, меня, правда, поваром назначили. Уруня тоже варила, а Утя, я не знаю, где она тогда, ну, тоже работала на посевной, наверно, на сеялке, наверно, работала, скорее всего так. Забыла. Ну и это, как её, сварила обед, а война началась, война началась. Мы, знаешь чё, не в курсе, мне шестнадцать лет было, семнадцатый год шёл... в сорок первом году. Откуда я знала, какая война! Война, война, ну, тут видишь, радива тогда не было, газеты мы никто не выписывали и знать понятия не имели, что газета там или читать её надо или чё. Не было этого, темная деревня и всё. Ну, на почте работал этот, Митечка, он уговорить, как этот день помню, ну, там чё-то сообщили, он уговорить – провокация, провокация, все уговарять – провокация. Теперь дальше. Я, ну, я варила, как обычно. Привожу обед, и там пасека была, Егоров сад был. А Егор Акинтич, Егор Акинтич куда-то у него был там сад, хороший, хороший сад, очень богатый там у него сад, замечательный: уруши там, ранетки, всё вот это вот. Его раскулачили, он уехал, потом колхозная пасека там стала. Ну, там подъезжаю туда, все трактора в ряд стоят. Спустилась к нему, родник там, там озеро у него было, так красиво-красиво было. Я (ово)рю: «Дедушка! Что такое? Все трактора стоят в ряд, я не пойму, в чем дело, никого нет?». А он (ово)рит, плачет: «Война, война!» У него четыре сына. «Поеду, подожди-то, я сейчас с тобой поеду в деревню, да провожу хоть сыночков-то своих». Плакать и плакать дед, а тут, тут спуск, косогор, тут овощеводство работало, овощеводы были, а Тельная тётя Аннушка была этим, бригадиром. Я подъезжаю туда, (ово)рю: «Вы будете обедать, я привезла обед. Куда мне деть его? Ну и это, – (ово)рю, – бабы, будете обедать». Я обед сварила, как сейчас помню, борщ, вареники на второе сделала со сметаной и чай привезла. «Ну и это, – (ово)рю – война, а мужики?», а дед плачет: «Война, война, мобилизация!» Как бросили бабы тятки и как дунули, дак я на коне не могла их догнать! Крик такой подняли, ну не все, а у кого мужики до этого забирали, на сорок пять дней, на подготовку. Это где-то в мае месяце, во второй половине мая забирали, да у конце мая забирали на сорок пять дней, на переподготовку. Сорок пять человек, по-моему, у нас забрали, а потом ещё вроде брали, ну, и вот так вот.

Ой, приехали, а вы верите нет, крик в деревне! Жуть! Они три машины, туда полторки были, они стоям все, вот набиты, как селетки, так вот набиты мужики, стоят на этой, на машине. И традиция такая, по-видимому, ну поверье, старики уговарять: «Садитесь». На позицию раньше ехали, всеуда кругом объедут деревню и едут. Ну, вот они сели как, тут контора была, они по второй улице это так это три раза объехали, а все мужики-то молодые, да пели так хорошо. Туда, знаешь чё, не было радива, все пели своими голосами. Было, как вечер, и мужики и бабы песни такие поют! Ой, выдуть, молодые все, старые выходили на улицу, ну, кроме больше кино, дак не привозили, редко, мож, в три месяца один раз, если привезут, так вот так, и то полный клуб набьется, хотелось посмотреть. Ну, а первая машина поёт: «Последний нынешний денечек», вторая машина едет, поёт: «Не вейтись, чайки, над морем», а третья: «Вы не вейтись, русые кудри, над моей большой головой». А так красиво пели, господа! Заехали мы в деревню пока, а тут, ой, голоса старухи, ну, и старухи, и бабы. Такой крик в деревне! Ой, просто я вот никогда этого не забуду. Ну и всё, вечером уехали, вечером такая жуть, такая жуть, просто, знаешь, ну свету-то не было туда, лампы, и тут, зна(е)шь чё, светомаскировка. А Япония туда зуб точила на Россию, просто не было покоя от неё. Вот, сразу сделали светомаскировку. Война, страна на военном положении, всё. Вот мы на Дальнем Востоке всё равно так сделали. Ну чё, утром рано ещё, а бригадир, так они поехали туда, а там военкоматы не успевают, это, ну, работать: людей-то очень много, что-

бы как, ну, расшифроўку или чё там сделать-то как, чтобы куда кого записывать. Ну, хотя они все были на учёте, все стояли на военном, но не успевали. Они отправили, кого там успели взять, а кого не успели, сказали, что поезжайте домой. Кормить-то людей нечем было, по-видимому, так. Уде же они кухни такие приутовят? Ну, и вернулись, а Тулупов пришел, Ванька-то остался, Ванька Тулупов, и Горлов Василий, они бригадирами были, ну, и их пока отправили тоже. Хлеб, хлеба спеют, тоже колхоз нельзя ещё пока бросать-то, всех-то сразу не заберут. Ну, они приехали, он заходить ко мне, будить, ещё темно было, и сказал: «Люська! Иди у Харченко Петьки трактор заводи и езжай туда, на поля, там цепляй». И пошёл работать. Ну, я, правда, подчиняюсь и γ(ово)рю: «Страна на военном положении, все вы трактористы, вас учили». Ну, и пошла, завела, еду, а эти опять уже шесть часов, а они должны в Тамбоўку явиться и стоять на машине. Ты знаешь, эта молодёжь, ребята да всё. Ну, я остановилась, правда, все, кто вместе, всю жисть работали, всю жисть прожили, каждый друг друуу там кто чё скажет. Да там, знаешь, Коля Зайцев был, ну и, правда, жынили мы его в тайге там. Ольуу привезли за еуо замуж, замуж взяли. А он был у нас секлетарь комсомольской организации, такой тюк да матюк. Да Пантелей с братом, ну знаешь, он умный, а какой-то не развѣтый такой, чтобы там красноречиво γоворил, он не моу γоворить. Он выносить эти, выходить из конторы, и γ(ово)рить: «Люська, на вот, мне сказали, чтобы я тебе комсомольские дела передать тебе. Да смотри, – γ(ово)рит, – чтобы никому они в руки не попали». Тогда же было, знаешь, вроде страшно, что если японцы, дак расстреляют всех, и семьи порасстреляют. «Смотри, – γ(ово)рит, – прибери, ты знаешь об этом, ну и всё». Вот меня удивляет, что человек уезжал и чтобы ему о ком-то беспокоиться, оказывается у него было такое, что, ну как сочувствие, что ли: «Я уезжаю, и тут должен быть порядок». Ну и всё, вот так уехали они, мы начали работать, вечером поздно уже приходили с работы. Ну а тут, знаешь чё, сразу со всеуо района приехала молодёжь на эти, на оборонительные. Вот, в лесу сколько окопов наакопали. И как, откуда, чё? Военные, ну никоуда военных у нас не было, тут вдруг военные. Вот тебе, распределили, я не была там, на работе, у нас поля, механизаторам на полях надо работать. Не бросали, это, работать. Теперь, это, на оборонительных двести человек было, ну, работали мноуо. Они тама, я-то их всех не знаю теперь, вот чё.

Теперь это, как её, вечером приходили с полей, а Митечка был здесь начальником почты. Он, знаешь чё, оруанализовал сразу винтовку и пулемет, ну, учебный, и всю молодёжь собрал, кто остался, знакомил, знакомил с етим, как его. Мы вечером, там лампа, лампадка такая без стекла, без всеуо, ходили всё, обучались, знакомились с винтовкой. Ну, он как γоворил, что японцы отсюдова будут. Наша – оборонительная, если в случае чего, вы все должны в оборонительной, об винтовках не беспокойтесь, вам дадут, стрелять вы уже умеете все, вот видишь как. Не, ну, γотовили, γотовили, действительно. Если бы не было такой дружбы тоуда, никоуда б не победили, дружно было всё. Женщины бедные, γосподи, они понятия не имели, ни дня, ни ночи, литоўки в руки, косили сено, складывали ребятишки все вот эти вот маленькие, каких там по десять лет-то, все шли на сенокос. Надо же колхозные соблюдать. И пшеницу косили, что на семена её косили (в)ручную. Меня сразу на комбайн отправили, я на штурвале работала, Уруню тоже на комбайн, и Уутя на комбайн, вот так. Ну, Уутю тут как-то забрали через военкомат, на пароход туда забрали, вот я уже как-то не помню, но она уехала, знаю, что уехала туда на пароход, на пароходе она работала, в военкомат её забрали. А мы с Уруней так и работали, я комбайнером была, Уруня, ей надо было, потому что трактористы нужны были, ето, картошку копать, тракторист. Тут опять же нам дали этих ребятишек, мы их обучили, чтобы заводили они трактора все. Тут какую-то неделю он поездил со мной, Лёшка Поляков, я ему трактор этот передала, сразу на комбайн, комбайн начала γотовить к уборочной, и так вот мы и работали. Зиму на ремонте, лето на полях. Не видали мы ничего, ну, всё равно, знаешь, и в клуб ходили, и так же самоде(я)тельность делали, не бросали ничего, ну, в общем, а женщины всё работали и рэбятишки работали. Не было такого, чтоб кто-то там не работал, а был закон такой.

Ну и это, дальше чё я тут хотела сказать? Самоде(я)тельность была тоже. Ну, работали, работали, в общем, даже приходилось так, уде-то шпионы переходили сюда. Приходилось

так нам: вызывать, приехать с особого (от)дела, вызвать ночью или утром, так и так. Всех вызываю в это, в кортору (контору) при потёмках, нотацию дали, куда ни слова, подписывайся, расстрел. Тоуда был особый отдел, так расстрел был. Идешь по деревне, где тут в Тамбовском районе шпионы, женщины и мужчины, примерно так. Мы должны найти в эту ночь, у нас облава, не вздумайте никому сказать, Боже, упаси. Идем мы, как будто ууляем тут. Вот иду я и со мной три, четыре человека военных, все с винтоўки, вооружённые, захожу я в дом, кого-то не пустят, правда, но я, меня-то вы знаете все, подхожу:

– Кто?

– Это я, откройте!

– А чё ты хочешь?

– А мы, ето, зашли.

Вот так, если знакомый, человек знаком там, если кто-то незнакомый, отправляешь его в комендатуру туда. А утром, ночь проканителиться, утром чтоб ты на работе был в шесть часов, вот так-то. Тоуда был закон военный, крепкий, очень крепкий. Работали вот так-то вот, всю войну проработали. И про войну. Война кончилась, опять же послевоенные годы. Начали опять поднять сельское хозяйство, опять начинаем, хозяйство-то уменьшено. Уже если тут четыре тракториста остались, да обидно-то что, они бедные, эти мужики, у них ни одеть, ни обуть нечего. Идут было, и катанки-то починить нечем было, соломой настелют и идут в этой, в соломе. Привяжут её веревочками. Вот так вот работали. А в конце концов, привезли медали так, а медали всем-то и не дали. После я писала, знаешь, куда в Москву, думаю, в чем же дело, а оказывается, ответили мне оттуда, с Москвы, так что пийсят семь миллионов было представлено к награде, а получило только семнадцать миллионов, остальные-то не получили. У меня дед, он и награжден, и красный орден у него, и медали за отвагу, и всё это было, у него много наград. Ему тоже за победу над Германией не дали медали, потому что не хватило. Он пришёл раненый в сорок пятом году, он пришёл в этом, в феврале месяце, в марте он приехал домой, он три или четыре месяца в госпитале там был. Ну, и приехал, а сразу же пошёл на трактор работать, и с одной рукой, ну, рука была ранена крепко, ему трудно было. Ну, всё равно, он наглядился, как там воюют. Пришёл, тут нет никого, работать некому, он же не будет сидеть, ходить приулыдываться. Он работать пошёл. Пришли Уорловы ребята, Иван и Петро, тоже вот в ногу ранены, второй где-то там в кисти раненный. Тоже пошли на комбайны, хоть и один-то вроде механизатор, а второй и механизатором не был, а всё равно, пошёл работать. Приходили с фронта тоже, сразу на работу бросались, вот такие дела.

Ой, господа, как жили! В войну часто играли, всеуда, как увидели кино «Чапаев», так всё, и все чапаевцы были. Это правда, несколько не вру, а больше. Ну, правда, мы видишь чё, у нас в школе всё-таки организация была лучше, тоуда, знаете чё, вот на урок, на уроках сидим так, четыре класса, четыре урока пока просидишь, потом выйдешь на перемену. У нас пионервожатая была, Ира её звали, я не помню как фамилия её даже, и, может быть, даже и не знала. Она, знаешь, чё, как только перемена, у нас тут и игры, и танцы, и песни, помню «Выпрягайте, хлопцы, кони», учили эту песню, все пели, и, ты знаешь, в клуб вот придуть куда, в кино, пока до кина, а этот был учителем, как его, Георгий Уригорич, ну, молодой, молодой парень был, он был. Так он всеуда это: «Давайте петь». Или пели, знаешь чё: «Смело, мы в бой пойдем за власть Советов», вот эту пели, потом «Каховку» пели, ну вот это, как его, «Обветрен походною гарью, врагов прорывает кольцо, делил он, как верный товарищ, и радости...», про Ворошилова пели, вот эти вот песни пели.

2. Молокане

«А молоканы – русские люди»

А молоканы – русские люди. Обычай какой у них: раньше они свиней не держали, урех, как тебе сказать, урех был, и лошадь они не резали никогда, не ели. Лошадь считали, она рабочая лошадь, работает на человека, урех непростительный, если её зарезать и есть, вот так. А потом, знаешь, это, как сказать, а свинью почему-то они уребовали, свинью, урех был ка-

кой-то, а какой үрех, я не знаю, свинью. Дескать, она на небо не смотрит, Боуа не видит, как я поняла. А потом тоже уже тут вот, при колхозах, и свиней держали и ели все, а раньше те молококане не ели. Вот у меня, например, бабушка вот эта, молококанка, она не ела ни свинину, ни, знаешь, если там пирожки испекут, да там, бывает, сало попадет, Боже упаси, не станет исть.

У них был моленный дом, да был тут этот, как у них, ну, преподавал он им, дом моленный, а потом вот здесь был, а потом клуб сделали, вот так вот. А молились Боуу, ходили молились, ну, в общем, у них было не материться, не ругаться, жить дружно, чтоб друх друуу помогать, если бедный что-то спотыкнулся, помочь ему надо, чтоб всем, всем это, вот так вот, чтобы обману никакого не было, вот у них в этой церкви так было, Боуа почитали чтобы.

И детей у нас не крестили, у молококан не крестили, не крестили. Они не понимали этот крест, крест этот налаживають. Что за крест? У православных это крест. А что он даёт, этот крест? Нихто не знает, вот так вот.

Они отмечали и Пасху, и Рож(д)ество, и этот, как еуо, и Успение, и, ой, ну, все вот эти праздника, все отмечали, а потом после, в колхозе, знаешь чё, и правительственные отмечали, но старинные не забывали. Так и Пасху там вот эту, Троицу, Рож(д)ество, Вознесение, это у них большие праздника были.

Ой, уготовили! Всегда стряпали печенье, пасху стряпали, яйца красили, это как обычай, это ж по-видимому везде так уготовили, хорошо, они просто уготовились. В уости к друх друуу ездили там, ну хорошо, ну только вот это вот, у православных там несут пасху, как тебе сказать это, покрестить что ли, осветить, а у них этого не было, не таскали. А зачем светить? Они пойдут помолются. Ну, ууощали на Пасху, если там кто-то ходили побирались, допустим, всеуда давали, выносили, всё давали, это было. Законно не работали, даже посевная, посевной день если, ну, разгар посевной, всё равно один день да не работали, а, если уже три дня, обязательно ууляли, а то и неделю целую, когда видят, что работы такой нет, вот они неделю целую отдыхают, вот так.

3. Свадьба

«У православных невеста готовит приданное, а тут только жених»

О, свадьбы! Свадьбы венчали, венчали, ауа. Они называли поезд, ну, поезд как, ну, когда свадебный поезд. Это ж вроде, ну, идёть свадьба. Во-первых, они как свататься приходили, так, когда сватаются, приходят, это, молодые, потом вечерашник там делают, потом они делают, запой делают, а на свадьбах водки не было, не было, это почему-то запрещено было, а почему не знаю. Ну, они водку вроде бы не пили, как бы без водки. От неё, что ли там, беснуются, не надо. Ну, так сватали. Теперь, знаешь, чё, придуть, жениху выговаривають, жених должен купить там невесте пальто или там чё, вот это выговаривають всё, что жених покупает, уж невеста нич(ег)о не покупала. Вот у этих там, у православных, там, наоборот, невеста уготовит приданое, а тут токо жених, правда, так вот было, там кольца также. Ну, кто этот, венчал, проповедник, по-моему, звали его, молококанский проповедник, поп вроде, но не поп он, а...

– Священник?

– Не, священников тоже не было, проповедник он, пастырь, сейчас пастыри, вот, а тоуда проповедник был, но он проповедовал, божественное всё начитывал, ну, делал им всё это, по чести всё. Ну, подсказывал, как жить там, ну, с ним свадьба. Невеста одетая была, венчальное платье, венки там, всё на ней было хорошо, но только вот этоуо не было, как уговорить, простыни* там, а этого не было у нас, такого не было. Это считали, что вроде позор, зачем делать это, вот так, если семья, пусть будет семья, поженились и живите.

– А вот вы ещё сказали вечерашник?

– А вечерашник, они, знаешь, чё, жених покупал, у(ово)рит, конфеты там, приходил. Девчонки там, ребята, ну, в общем, приходили к невесте и там, как вроде ужин был. Ну,

* Имеется в виду обряд «комóры» – демонстрации фактов невинности невесты до замужества.

опять водки не было, а всё семечки там, вот орехи это щелкали там, пели. А пели песни, пели и, коуда эту, невесту отдавали, пели, так красиво пели. Я свадебных песен не знаю. Ну, они там всякие, у нас уже не было этого, как это при нас, а это до меня ещё. Ну, так я девчонкой была, знаю это. Ну, а на свадьбу приезжает жених за невестой, ну, тут уже, знаешь, чё, и поють, и пляшут, и всё на свете. Так красиво, так красиво провожают, за столы садятся, провожают невесту, вы(й)дут и гармошки, и песни, и пляски, и всё на свете. Невеста садится на американку на конях, тогда ж машин не было, на американку там садятся, едут, зимой на кошеве едут, а эти все идут пешком. И, знаешь, фата у невесте такая, жених тоже – белая рубашка обязательно, цветок у нею, у невесты тоже. Разнаряжены, и ленты там висят, и всё красиво было, красиво, и платье тоже подвенечное, обычно белое там, было вот так всё.

А американка, а это, да с Америки, видно, привезённая, такой на двух колёсах, как телега вот. Телегу-то знаете? Ну, эта только на двух колёсах. Сидят они, вот так вот сидят, ноуи у них так и всё, двое, трое, а то, может быть, жених с невестой и подружка с этим дружкой присаживаются. Там широкая, хватает, ну, вот так вот и едут они. Также подруга была, так и дружок был. Все вот это называется «американка». Лошадь, то тройку запрягали, три коня на этот, тарантас такой, на тарантасе и едут они. Вот тоже уряжены были лошади-то, все в лентах там, в общем, наряд был такой. Так вот все свадьбы делали. Зимой кошева. Кошева – это как сани, но только кошева. На сани урузят что-то, возят, а кошева – это специально, как леуковая машина. То(ль)ко людей, да, да, как перевозка людей. Они запрягут в кошеву, если два этих, три коня запрягут. Это уже, знаешь, колокольчики вешали, свадьба едет. Ну, что там, разнаряжены, видно всё это. А на невесте, это обязательно, хоть и зимой эта кошева, ну, там тулуп или доху, что накинут, но всё равно, невеста едет, невеста. Она наряжена, и жених наряжен.

4. Гадания

«Сужен-ряжен, приводи коня поить»

Знаешь, ещё я расскажу. Пряма там вот жили по соседству. Этот парень был рыжий, да конопатый, да страшный, чёрт такой. Она девка была хорошая. И они на бууру жили. Она, это, только дяди Васильева вот. Он-то и это, он там внизу жил, по этой улице. Она, это, кинула через забор свой обувку, да «каля-маля, где моя доля?», а он стоит, бес рыжий. И, знаешь, на нею катанок прилетел. И пришлось за нею выйти замуж. Ой, как она рууалась, как она не хотела. Потом прошло лет пять, и пришлось выйти замуж за нею.

Ну, чё, можно нарисовать колодец, под подушку положить. Как обычно рисовали колодец? Ну, как еуо, ну, верх колодец, а тут журавец стоит, вот так вот. На этой палке тут уруз, цепь висить, а тут ведёрко будет, вот так, нарисовал. И, знаешь, как, уговорить: «Сужен-ряжен, приводи коня поить, сужен-ряжен, приведи коня поить, сужен-ряжен, приведи коня поить». Под подушку клади и ложись спать, и обязательно придёт за водой человек, за кого замуж выйдешь.

КОММЕНТАРИЙ

Фонетика

1. Под ударением различается 5 гласных фонем: /a/, /o/, /y/, /э/, /и/. Рефлексов /ω/ и /h/ не обнаружено. На месте /h/ под ударением произносится гласный [e]: *jéc'л'и, jec't', pal'éc, б'ес, н'ет, л'ет*. Фонема /ω/ совпала в звучании с фонемой /o/ и под ударением произносится как [o]: *хто, мбжэт*.

2. В соответствии с **п** во всех случаях отмечается произношение [a], как в литературном языке: *вз'ал, з'ат', п'р'ин'ат'.*

3. На месте этимологического *е* после мягкого согласного под ударением в большинстве случаев произносится [o]: *н'ис'от, зэл'ит'оны, займ'от*.

4. Фонемы /а/ и /о/ в первом предударном слоге не различаются, на их месте обычно произносится гласный [а] – независимо от того, какой гласный выступает в слоге под ударением. В других безударных слогах отмечено произношение [ə] на месте /а/ и /о/ после твердых: *хə'рашə, мə'ладəй, с'олə, мə'ладəс'т'.*

5. После мягких согласных гласные в первом предударном слоге произносятся по модели иканья: *н'исл'й, м'ит'ут, в'ид'от.* Отмечен единичный случай яканья: *рəб'ат'йик'и.*

6. После отвердевших шипящих в первом предударном слоге наблюдается произношение звука [ы]: *шыстəвə, жын'йх, жына.*

7. Заднеязычная звонкая фонема представлена щелевым [γ], который в слабой позиции реализуется как [х]: *аγа, γəвар'им, каγда, мох.* В окончаниях родительного падежа прилагательных и местоимений мужского и среднего рода произносится согласный [в]: *н'иво, маγиво.* В ряде случаев отмечено непоследовательное произношение заднеязычного звонкого взрывного, причем иногда в тех же словах, где произносится звук [γ]: *каγдə, гд'этə.*

В некоторых случаях заднеязычная глухая фонема представлена щелевым [γ] в слабой позиции: *трəхтарйст, трəхтарə.*

8. Единичны случаи произношения [к] на месте [х] перед гласными: *наскə* (Пасха).

9. Фонема /в/ в позиции перед гласными реализуется преимущественно в губно-зубном варианте [в]: *водə, вед'у, вёдры.* В позиции после ударного [о] и перед согласным [к] /в/ в ряде случаев произносится как й-неслоговой ([й]): *светомаскирəйка, расшифорəйка, Тамбəйка, винтəйка, литəйка.*

10. Отмечен случай употребления звука [х] на месте [ф]: *кəрховская* (корфовская).

11. Фонема /ч/ системно реализуется в мягкой шипящей аффрикате [ч]: *чем, чистенько, чему-нибудь.*

12. Долгая глухая шипящая фонема реализуется как [ш']. В соответствии с [ш'] литературного языка системно произносится [ш']: *йиш'о, йиш'й, ш'ас'т'йə.*

13. Системно отмечается протеза согласного [j] в формах местоимений: *jétə, jét'и, с-jét'их.*

14. На месте мягкого [р'] может произноситься твердый вибрант [р]: *рəб'ат'йик'и, рэка.*

15. Зафиксированы редкие случаи непозиционного смягчения [р]: *в'ер'х, в'ид'ор'ный.*

16. Отмечены случаи произношения двойного мягкого согласного на месте сочетания «согласный + j»: *свйння, плəття.*

17. Зафиксирована эпентеза согласного в интервокальной позиции: *радивə.*

18. В ряде случаев у личных местоимений не происходит протетирования [н] после проклитик на согласный в позиции перед гласным: *с'(н)им, с'(н)им'а.*

19. Системно отмечается дизреза на стыке согласных: *тр'и(д)цəт', та(г)да, ско(л')кə, з(н)ач(ит), (г)д'етə, шййс'ат* (шестьдесят).

20. Отмечены случаи регрессивной межслоговой диссимиляции: *секлетəрь* (секретарь) и прогрессивной межслоговой ассимиляции по месту образования: *шешнəдцəть.*

21. Слова *значит, жизнь, есть* (принимать пищу) обычно произносятся как *значить, жисть, исть.*

22. В соответствии с [ц] всегда произносится [ц]: *цəток, цыганить.*

23. Фонемы /л/ и /л'/ реализуются во всех позициях звуками [л] и [л'].

24. Слово *что* произносится обычно как *чо, реже – шо* или *што.*

25. Частица *так* обычно произносится как *дак.*

26. Отмечено системное употребление наречий *покаместь, покаместь, тама, отсюдова.*

27. Слово *родичи* произносится с твердым [д]: *рəдычи.*

Ударение

28. В ряде случаев отмечается отклонение от акцентологической нормы литературного языка: *случай, нача́ли, было́, сдоба́* и др.

Словообразование

29. Отмечается широкое образование деминутивной лексики: *спокойненько, ровненько, ребятишки, девчоночка, дорогушенька.*

Морфология

30. Зафиксированы случаи окончания –е в форме Р.п. Е.ч. существительных жен. скл.: *осталось у маме, были у невесте.*

31. Отмечено употребление форм Мн.ч. существительных *Singularia tantum*: *заводили сдобы, ставили квасы.*

32. В редкий случаях фиксируется употребление форм Ед.ч. существительных вместо форм Мн.ч.: *прошел курс трактористов.*

33. Отмечено употребление форм Им.п. существительных в значении Р.п.: *память не было; форм В.п. в значении Тв.п.: играть яйцы.*

34. Встречаются случаи склонения неизменяемых существительных: *носили польта, смотреть кина, дойти до кина, не было радива.*

35. Зафиксированы случаи несогласования по роду: *он ее забирает, яичко; богатый улица.*

36. Существительное *сын* в форме Мн.ч. Им.п. употребляется в форме *сыны*, в форме Р.п. Мн.ч. – *сынов.*

37. Существительные муж. скл. могут иметь в Им.п. Мн.ч. окончание –ы: *стёклы, яйцы, вёдры, одеялы.*

38. Существительные жен. скл. на мягкий согласный могут иметь в Им.п. Мн.ч. окончания –а/–я: *матеря, свекровя.*

39. У прилагательных Ед.ч. муж. и жен.р. встречаются окончания –ья, –ый: *печь русская, кто там молодой еще, а в В.п. – -ью: кашу пшеничную.*

40. В прилагательных И.п. Мн.ч. встречаются окончания –ья: *вёдры деревянные, железные, сестры сводные, занавески новые.*

41. Зафиксировано употребление окончания –им (-ым) у числительных П.п. Ед.ч.: *в одном сапоге проработали, в шестым году.*

42. Отмечается употребление стяженных форм прилагательных и местоимений наряду с нестяженными: *бедны, богаты, больша, хороша деревня, советска власть, сводны сестры, которы, котора; большая семья, бедная родня, сводная сестра.*

43. Фиксируется окончание –им у местоимения *это* в форме П.п.: *в этом селе проработали, в этом году случилось.*

44. Отмечено употребление форм местоимения *ихняя* и наречия *по-ихнему.*

45. Глаголы в форме 3 лица Ед. и Мн.ч. обычно оканчиваются на [т’]: *береть, заниматься, тратить, подвигают, думают, делают*, хотя отмечается и твердое произношение конечного согласного: *ложут, накрасют, крошут, разделют.*

46. Отмечается общее спряжение глаголов: *ложут, накрасют, крошут, разделют.* Однако в ряде случаев флексии глаголов в парадигме спряжения различаются: *смотрят, видят, косят.*

47. Отмечено употребление постфикса –ся после гласных в возвратных глаголах: *родились, остались, женились.* Употребляется и постфикс: –сь: *случилось, училась.*

48. Форма *разувишись* употребляется как *разумиши*: *все лето ходили разумиши.*

Синтаксис

49. Отмечается высокая частотность употребления частиц *ага, ну, это, так, вот, да*, обычно заполняющих паузы.

50. Зафиксировано осложнение простого глагольного сказуемого: *шил сидел, или смотрели, стоит смотрит.*

51. Частотно употребление инфинитива с целевым значением: *качают спать, шли в игры играть, ходили побираться.*

52. Отмечено постпозитивное расположение определения: *стояла деревня красивая, росла трава зеленая, сестры сводные росли, купила занавески новые.*

53. Постпозитивное употребление глагола-связки в составном именном сказуемом: *парень красивый был, она невесткой была.*

54. Наблюдается нарушение грамматической сочетаемости: *чтобы было продуктов куплять*.

55. Отмечаются реликты сложных форм прошедшего времени: *был жил*.

56. Зафиксировано употребление глагола *быть* в плюсквамперфектном значении: *было́, как вечер*.

57. Зафиксировано широкое использование чужой речи в авторском тексте: *а китаец ему γ(ово)рит: «Ты, Степан, не ходи, тебе сейчас там злой начальник приехал, они убивают русских всех»; Я γ(ово)рю: «Дедушка! Что такое? Все трактора стоять в ряд, я не пойму, в чем дело, никого нет?». А он γ(ово)рит, плачет: «Война, война!». У него четыре сына. «Поеду, подожди-то, я сейчас с тобой поеду в деревню, да провожу хоть сыночков-то своих». Я подъезжаю туда, γ(ово)рю: «Вы будете обедать, я привезла обед. Куда мне деть его? Ну и это, – γ(ово)рю – бабы, будете обедать». Я обед сварила, как сейчас помню, борщ, вареники на второе сделала со сметаной и чай привезла. «Ну и это, – γ(ово)рю – война, а мужики?», а дед плачет: «Война, война, мобилизация!».*

58. В речи частотно использование вопросительно-риторических предложений: *А чем мама моя будет платить, коуда в одном сапоге дояркой работала? А забирали ведь коуо? Какой он кулак? Какой он дурак? Какой он вредитель? Что он может им навредить, коуда человек неуротный? Ну, что ты, что может сделать человек-то?*

59. Частотными являются случаи употребления ситуативно неполных предложений: – *Кто? – Это я, откройте! – А чё ты хочешь? – А мы, это, зашли*.

Лексика и фразеология

60. Отмечается большое количество диалектной лексики и фразеологизмов в речи информантов:

Америкáнка – двухколесная повозка

Блинцы́ – блины, испеченные на пресном тесте

Бро́дни – высокие самодельные сапоги из сыромятной кожи, надеваемые во время рыбной ловли

Варене́ц – кисломолочный продукт, изготавливаемый в домашних условиях

Верхни́ца – верхняя часть русской печи

Вечеры́шник – вечернее собрание молодежи накануне свадьбы

Вка́лывать по-чёрному – работать много, изо всех сил, без отдыха

Гармо́ния – музыкальный инструмент гармонь

Голла́ндка – разновидность печи

Гре́бовать – брезговать

Гру́бка – верхняя часть русской печи, предназначенная для спанья людей, полати

Гу́ска – самка гуся, гусыня

Жураве́ц – часть колодца, рычаг для подъема воды

Загне́тка – часть русской печи между заслонкой и подом

Заде́лка – специально отведенное место возле русской печи, предназначенное для хранения кухонного инвентаря

Зака́зывать за неве́сту – договариваться с родителями невесты о дне сватовства

Запо́й – договор между родителями жениха и невесты о назначении дня сватовства

Зна́ть Бо́га – верить в Бога

Зы́бка – колыбель

Йчиги – кожаные высокие сапоги на мягкой подошве домашнего производства

Ка́танки – зимняя обувь, валенки

Като́к – приспособление в виде скалки для вынимания чугунов из русской печи

Комсомо́л – комсомолец

Коро́вье ма́сло – сливочное масло

Кошева́ – утепленные сани, предназначенные для перевозки людей

Листвя́ный – относящийся к лиственнице, лиственничный

Лито́вка – приспособление для скашивания травы, коса

Мёлкий – маленький (о человеке)
Мёнший – младший
Молённая – наименование молебного дома у молокан
Молоканы – молокане
Общάтина – общее наименование домашнего скота
Пацāнка – девочка-подросток
Первохóдцы – первопроходцы
Погāный – грязный
Поцýгать – выпросить, выцыганить
Правослāвы – православные
Пропочённый – покрытый потом, потный
Пшйвка – женская прическа в виде узла, уложенного на затылке; шишка
Рогāч – приспособление для вынимания чугунов из русской печи
Самолóвка – самодельная удочка для ловли рыбы
Свāдьбенный – свадебный
Скóтский – говяжий
Спотыкнýться – споткнуться
Стёжка – вышивка на женской одежде
Тёмный – непросвещенный
Тюк да матjóг – неодобрительно о грубом человеке
Фунфýзы – китайские разбойники; хунхузы
Чувячкй – домашняя обувь, самодельные тапочки
Шāнешки – вид сдобной выпечки
Шóркалка – металлическая щетка для чистки деревянного пола

ЖАНРОВОЕ НАПОЛНЕНИЕ ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ ПРИАМУРЬЯ

Целью данной статьи является выявление основных речевых жанров (далее – РЖ) диалектной речи и их общая характеристика. Материалом для работы послужила речь носителей русских говоров Приамурья, записанная в ходе диалектологических экспедиций (2000–2006 гг.) студентами и преподавателями кафедры русской филологии АмГУ. В качестве теоретической основы взято предложенное Т.В.Шмелевой [1] деление всех РЖ на четыре типа: ритуальные, императивные, оценочные и информативные. Семантика каждого типа и, непосредственно, каждого РЖ, по мысли автора, выражается с помощью формальных признаков, к которым относятся композиционное построение, грамматические средства, своеобразие лексики, просодические средства и метаязык.

Перечисленные формальные признаки в разных жанрах участвуют с разной степенью интенсивности. Наиболее грамматикализированным типом РЖ являются императивные жанры. Для ритуальных жанров характерно использование клишированной формы. Идентифицирующим признаком оценочных жанров является наличие оценочной лексики. Для информативных жанров характерно разнообразие специфических средств формальной организации, что несколько затрудняет идентификацию жанров данного типа. Таковы общие особенности средств экспликации семантики РЖ.

Ритуальные жанры, как уже отмечалось, чаще всего имеют стандартную форму языкового воплощения. Коммуникативная цель ритуальных жанров заключается в адекватной реакции говорящего на социальную ситуацию в соответствии с установленными правилами социума. В диалектном общении выделяются следующие ситуации этикетного типа: приветствие, знакомство, прощание, извинение, благодарность, пожелание. Эти ситуации реализуются в высказываниях этикетных РЖ. Обычно в социальных ситуациях диалектоносите́ль использует достаточно распространенные формулы приветствия (*Добрый вечер. Здравствуйте*), прощания (*До свидания*), благодарности (*Спасибо. Дай бог вам здоровья*), ответа на благодарность (*На здоровье*). Высказывания ритуальных жанров минимальны по объему, иногда сводятся к одному слову (*спасибо, пожалуйста*). Наиболее свободную форму выражения среди ритуальных жанров имеют жанры угощения и приглашения. Здесь отличительным признаком жанра является глагол несовершенного вида в императиве: *кушайте, проходите*. Лексическим сигналом некоторых ритуальных жанров являются глаголы, дающие имя жанру (*угощайтесь, кушайте*):

– *Маша, ты, знаешь, я тебя угощу, пойдем, молочка покушаешь, а?*

– *Не-е.*

– *А чё, Пойдем, пойдёмте в кухню, пусть она покушает. А тут жарко. Чё вы боитесь?!*

– *А мы не боимся – неудобно.*

– *Чего! Господи! Там у меня пол грязный, уже не моется неделю. Пошли, пускай она покушает молочка, и творожок у меня есть. Пойдёмте! Ну чё вы боитесь!*

– *Не боимся, вдруг мы вас стесним!?*

– *Куда там! Иди, идите, идите вон туда* (Малынкина Н.Г., с. Черновка).

Функционирование ритуальных жанров напрямую связано с речевым этикетом. В структуре речевого этикета важную роль играют обращения. Обычно они выполняют две функции: привлекают внимание собеседника к партнеру по общению и дают определенную характеристику тому, к кому обращаются, и отношениям с этим человеком. При выборе форм обращения к собеседнику участники речевой ситуации учитывают следующие основные факторы: тип ситуации, степень знакомства и отношение к собеседнику.

Формы обращения *Ты* и *Вы* имеют различную степень употребительности в литературном языке и народных говорах. В речи диалектоносителей более распространена форма *Ты* по отношению к малознакомым и даже незнакомым людям. На *Вы* принято обращаться младшим к старшим, при обращении к уважаемым на селе людям (учителям, врачам, лицам, занимающим руководящие должности), хотя и здесь бывают исключения.

В диалектной речи частотны многочисленные прямые обращения – слова и словосочетания, основная функция которых – обратиться к человеку, охарактеризовав его определенным образом, с целью привлечения внимания. Это обращения к лицам пожилого возраста: *Деда, Дедушка, Ба, Баба, Бабушка*. Обращения *Дядя, Тетя, Теть, Тетенька* обычно используются по отношению к людям среднего возраста. *Отец (Батя), Мать (Ма, Мама)* – обращения к родителям. Данные группы обращений используются как в семье, так и по отношению к посторонним лицам.

По отношению к знакомым людям употребляются обращения по имени (полная и усеченная форма), имени-отчеству или только по отчеству: *Васька! Теть Лен, Теть Маши, Василич, Иваныч*.

Такие лексемы как *сын, дочь, внук, внучка* и их производные *сынок, доча, дочка, внученька* в качестве обращений используются очень часто по отношению и к родным и к неродным, что обусловлено, как представляется, возрастом и жизненным опытом носителей диалекта, а также свойственным для русских отношением к чужому как к своему, как к родственнику.

К **императивным жанрам** относят РЖ, коммуникативная цель которых заключается в попытках говорящего побудить адресата к совершению какого-либо действия. Названная цель в конкретных высказываниях эксплицируется посредством специализированных императивных форм глагола. Императивные высказывания всегда направлены в будущее. Такая грамматическая категория, как вид глагола, определяет разграничение императивных жанров на жанры, требующие быстрой реакции (просьба, распоряжение, запрет), и жанры, направленные в отдаленное от момента речи время (совет, наказ).

Императивные жанры классифицируются в зависимости от степени категоричности побуждения и от адресации действия. В выполнении действия может быть заинтересован только адресат, либо только автор, либо автор и адресат вместе. В соответствии с этим выделяют следующие императивные жанры.

Просьба – обращение к кому-либо, призывающее удовлетворить какие-либо нужды, желания:

Не пиши, не пиши, не надо, это смешно (Покидько В.И., с. Великокнязевка).

Ты потерпи до утра (Кибанова А.С., с. Великокнязевка).

Обычно просьба выражается глаголом в повелительном или сослагательном наклонении.

Если просьба персональная, она сопровождается обращением:

Подходит она: «Теть Надь, мне надо с вами поговорить. Вы понимаете, у меня почему-то картошка такая маленькая выросла, а у вас – чушки, давайте сменяем на крупную» (Малынкина Н.Г., с. Черновка).

Предупреждение (предостережение) – обращение к кому-либо с целью заранее известить, уведомить. Отличительной особенностью реализации этого жанра является включение информации о последствиях выполненного/невыполненного действия. Это информация вводится союзной конструкцией *а то*.

Миленькая, ты не ходи туда, а то собачка. А то, это, он цапнет (Малынкина Н.Г., с. Черновка).

Совет – мнение, высказанное кому-то по поводу того, как поступить. Наставление, указание, как поступить:

Вы, когда замуж будете выходить, на красоту не зарьтесь (Малынкина Н.Г., с. Черновка).

Нам посоветовали: «Нюра, помой в том зимовье, да переходите, да живите в той хате». Ну, мы с ей и отошли (Кибанова А.С., с. Великокнязевка).

Жанр совета, так же, как и жанр предупреждения, предполагает, что действие, выполненное адресатом, производится в пользу адресата, а не автора. В отличие от предупреждения, совет не содержит информации о негативных последствиях. В роли автора в данном жанре выступает лицо, в каком-то отношении превосходящее адресата (возраст, жизненный опыт).

Наказ – наставление (поучение, обращение), содержащее перечень требований и пожеланий:

Перед смертью он сказал: «Приходите ко мне на могилку, дождь просите, и дождь пойдет» (Хлыстов М.В., с. Черновка).

Распоряжение – приказ, постановление, указание, подлежащее неукоснительному исполнению. Автор обладает правом отдавать распоряжение в достаточно категоричной форме (выражается в глагольной форме повел. накл.), так как в одних случаях такое право продиктовано социальными и ситуативными ролями собеседников, в других оно адресовано животным.

Не подходи к тиенице! (Покидько В.И., с. Великокнязевка) (роли: тот, кто вырастил урожай – тот, кто собирается его забрать).

«Ну-ка, садись!» (Покидько В.И., с. Великокнязевка) (роли: врач – пациент).

Стрелка, молчать! (Малынкина Н.Г., с. Черновка).

Предложение – выражение мысли о чем-нибудь как о возможном, представление на обсуждение какой-либо мысли как возможной. Действие совершается в пользу автора и адресата одновременно:

Такая была коллективизация. И в то время... потом, значит, прошло время, весной... Кто хочет – выкупай лошадей своих! Забрали так! Выкупай и можешь сеять! (Покидько В.И., с. Великокнязевка).

Давай сами сделаем. Давай. Натерли на мясорубке – невкусная! (Покидько В.И., с. Великокнязевка).

Для императивных жанров характерна интонация побуждения, что является важным признаком идентификации данного типа РЖ при анализе звучащей речи.

Менее грамматикализованными, по сравнению с ритуальными и императивными, оказываются **оценочные жанры**. Сигналом оценочного жанра является общая семантика оценки, которая проявляется прежде всего в используемых лексических средствах.

Общая коммуникативная цель оценочных жанров заключается в намерении говорящего выразить ту или иную оценку предмету, какому-либо факту, событию действительности, изменить чувства, эмоциональное состояние участников общения. Наиболее активен в этих жанрах говорящий, который пытается так подать информацию, использовать настолько убедительные аргументы, чтобы у собеседника по возможности возникли сходные эмоции, оценки. Слушающий в оценочных жанрах выступает как человек сочувствующий, сопереживающий, а поэтому часто и разделяющий взгляды говорящего. Корпус оценочных средств включает широкий круг лексико-грамматических, синтаксических, просодических единиц языка.

С опорой на формальные средства выражения жанрового своеобразия среди оценочных РЖ в речи амурских диалектоносителей можно выделить жанры рациональной оценки и жанры эмоциональной оценки. Коммуникативное намерение эмоционально-оценочных высказываний заключается в выражении чувств, переживаний субъекта оценки. Высказывания рациональной оценки преследуют цель высказать мнение субъекта о предмете речи, обозначить ценностное отношение. Эмоциональная оценка, выражающая чувства говорящего, включает оценку-реакцию и эмотивную оценку. Оценка-реакция выражает сиюминутные чувства, переживания говорящего. Формальным средством выражения оценки-реакции являются высказывания-междометия: *Ой! Эх! Батюшки! Ой, мама ты родная!* Эмотивная оценка характеризуется наличием ассоциативно-образной мотивации, введенной через модус фиктивности «как если бы»: *Заключенные, а не солдаты....* Рациональная оценка выражается с помощью специальной лексики – оценочных существительных и прилагательных, совмещающих оценочный компонент с качественным:

Ну как она помает? (о пожилой матери) Повоськает, повоськает ее. Ну, она считает, что помыла, потом я ругал – бесполезно (Покидько В.И., с. Великокнязевка).

Они какие-то были, такие шибзики (о сверстниках) ...Ну честно я говорю, я на работу, они по деревне ходят, воробьев с рогатки стреляют (Покидько В.И., с. Великокнязевка).

Часто диалектоносители при выражении оценки используют глагольные формы, называющие отношение, оценку, чувства: *не люблю, ненавижу, не глянется, боюсь, удивилась*. Усиление оценки в речи происходит с помощью употребления слов-интенсификаторов (*шибко, очень*), аффиксов со значением субъективной оценки *-атин(а)-, -иньк-, -еньк-, -оньк-* (*вкуснятина, вкусненький*), особой восклицательной интонации. Но наиболее значительным признаком идентификации оценочных жанров остаются лексические средства.

Среди оценочных жанров в исследуемом материале наиболее часто встречаются следующие: неодобрение, похвала, жалоба и самооценка.

Жанр **неодобрения** достаточно распространен в диалектной речи. В высказываниях этого жанра часто оценки даны по принципу сопоставления: с одной стороны, называется факт или событие, которые осмысливаются как норма в данном социуме, с другой – факт или событие, получающие отрицательную оценку. Такая антонимичность обычно подчеркивается противопоставлением времен (прошедшего и настоящего в оппозиции *раньше – теперь / сейчас*) и использованием отрицательной частицы НЕ:

Раньше молодежь скромнее была, без глупостей. Вот даже не преувеличиваю. Никогда такого не было. А вот сейчас девчата... Они никогда не выйдут. Возьми любую, никакая честно замуж не выйдет. Ну, раньше никогда такого не было. Редко. А сейчас поголовно все. Вот такая маленькая, она уже знает, чё делать... Да, да. А мы-то ничего не понимали и не знали. Раньше было лучше. (Митрофанова У.Д., с. Великокнязевка).

Полярен жанру неодобрения жанр **похвалы**. Объектом положительной оценки диалектоносителя могут быть как конкретные поступки, качества характера и внешний облик окружающих, речь собеседника, так и какие-то факты, события действительности:

Он молодец! Дом купил себе старенький, сделал из него конфетку. Золотые руки у пацана! (Кибанова А.С., с. Великокнязевка).

Она такая добросовестная, даже на день соуработника ей благодарственное письмо, подарки. Она вообще душевная такая: каждую бабку выслушает (Митрофанова У.Д., с. Великокнязевка).

Брюква раньше была, она вкусная! А щас не стало. Ой, как мы эту брюкву любили! Печку вытопишь, накатаешь, она напекётся, спекётся. Да тыкву, семена вырежешь и туда все, и закроешь и опять в печку. На улице маленько побудет – объедение! (Кибанова А.С., с. Великокнязевка).

В жанре **самооценки** наиболее ярко проявляется образ автора. Высказывания эксплицированной самооценки относительно частотны, в то же время их характер определяется внутренними установками автора: стремиться к объективности и не выставлять себя в слишком выгодном свете:

Беда в том, что, знаете, что, вот... все же мы туповатые (Покидько В.И., с. Великокнязевка).

Ну, уже был мужчина, мужчина. Что мужчина работал, что я работал. Уже натурально, натурально работал (Покидько В.И., с. Великокнязевка).

Ну, я не шkodный был, вот с девками (Покидько В.И., с. Великокнязевка).

А я ж такая проворная! (Митрофанова У.Д., с. Великокнязевка).

Жалобы можно отнести к информативно-оценочным жанрам, потому что говорящему, чтобы достичь коммуникативной цели, приходится описать ситуацию для слушающего. Жалоба может носить как событийный, так и конкретно-предметный характер. Например:

А нонче вот эта засуха, все повыгорело, ну дак наверно, нонче и вообще, и урожая никакого не будет! (Малынкина Н.Г., с. Черновка).

Четырнадцать лет я вот эти трубы таскала. Они вон по сорок килограммов. Зато щас ноги болят, ходить не могу! (Малынкина Н.Г., с. Черновка).

Жанру жалобы достаточно близок жанр **сочувствия**. Как представляется, в отличие от жалобы говорящий в жанре сочувствия не имеет объекта из внешнего, объективного мира, который бы являлся причиной его проблем:

И так уже весь год. Левую сторону парализовало. Ну чё ты сделаешь. Ни рука не работает, ни нога не работает. Вот и таскаем туда-сюда. Благо, мой брат приехал, помог, забор сделал (Митрофанова У.Д., с. Великокнязевка).

В **информативных жанрах** формальные средства имеют не столь ярко выраженное проявление, как в описанных выше типах жанров. Основными типами информативных жанров в диалектной речи являются сложный жанр «рассказ» (обычно включающий в себя простые императивные, ритуальные и оценочные жанры) и простой жанр «сообщение». Коммуникативная цель данных РЖ заключается в стремлении говорящего пространно или кратко передать слушающему какую-либо информацию.

Общими формальными признаками рассказа являются интонация повествования и характерная для повествования композиция. В исследуемом материале отмечено несколько типов рассказа: бытовой рассказ, рассказ-объяснение, рассказ-воспоминание, рассказ-случай (рассказ о событии). Важное значение для дифференциации жанра «рассказ» на подтипы имеет жанровое время, которое в конкретных текстах реализуется в грамматическом времени глаголов, в темпоральных указателях типа «раньше – теперь», в датировании событий автором. Элементарными признаками информативных РЖ являются глаголы *помнить, вспомнить* (рассказ-воспоминание), *видеть, слышать* (рассказ-случай), *делать, называть* (рассказ-объяснение).

Бытовой рассказ в большинстве случаев посвящен проблемам современной жизни, также в нем рассказывается о бытовых реалиях, о конкретных людях. В данном жанре для говорящего важны понятия свой/чужой, старший/младший, так как с их учетом автор выстраивает свою речь. Часто встречаются риторические вопросы, назначение которых состоит в активизации внимания собеседника, в вовлечении его в круг проблем. Динамичность повествования достигается за счет использования глаголов совершенного вида. Время, как правило, настоящее или ближайшее прошедшее.

Вот сидим в тенёчке, когда жарко, даже залезем домой. Благо, Санька приехал, на огороде помогал. Детям помогаем. Лена приезжает. Она не замужем, на одну зарплатушибко не наездишь. Так что отщелкиваем от своего бюджета. Приезжает, надо за дорогу заплатить, и за гостинцы. Она, правда, не берет это, мы сами даем. Потому что на четыре тысячи не проживешь. У нее пацан в восьмой класс пошел. Маленький оклад. Четыре тысячи, ну что это! Вот она взяла ссуду в Сбербанке. За ссуду заплатить, за свет заплатить, за квартиру заплатить, и остается ей полторы тысячи. Ну как можно прожить?! Не наездишься – семьдесят рублей в одну сторону. А их двое едет. Вот приходится отщелкивать. И Галя три тысячи получает. Двое детей, а муж же не получает. Правда, он у одного фермера работает. Он получает не деньгами, а продукцией. Только раз в год деньгами получает. Я понимаю, что вчетвером на три тысячи не проживешь. Еще хозяйство. Особенно, когда в школу собирать, так и все пять тысяч выложишь. Приходится и ей помогать. У Витали все благополучно. Сами живем впритык. Благо, у нас дед пенсию получает, а так бы не прожили. Он у нас около трех тысяч получал. Что это за пенсия?! А вкалывал как! Все неправильно: и алкаш получает столько, сколько и он, и он как вкалывал за того алкаша! Где справедливость? Нету ее. Ему благодарственную медаль бронзовую прислали из Москвы, но она не правительством подписанная, а ВДНХ, потому он, только нужно было заработать инвалидность, чтобы получать побольше, пять тысяч. Та медаль, сколько я не ездила, и все не действует, потому что она не правительственная медаль. И работал, за что спрашивается? Какая разница? Именные часы ему в подарок Москва присылала. Держал первое место по области и по району, даже несколько лет первое место удерживал. И путевки ему бесплатные были, а он никуда не ездил. Да где б мы ни жили... Возле Пояркова жили – там гремел, еще молодой был. Фамилия ихняя всегда наверху была. Поженились мы, переехали в Зейский район, и там гремел тоже на высоте. Сюда приехали, тоже гремел. Ну, и чё, до чего догремелся? До инсульта? Вот и все. <...> Работал он на износ, просто на из-

нос. А дома, придет какой-нибудь аграрник: «Вот у меня продукция гниет, Пантелеевич, выручай!» День прогремел, еще ночь надо прогреметь, чтоб агронома выручить. Корма надо прокрутить, просушить, чтоб коровы съели, не пропало. Придет, весь зеленый, пыльный. Пришел, порог переступил, полежал, и опять пошел работать. Ну что это!? Сколько раз ходила до председателя колхоза: «Ну разве можно человеку так работать? Заменить-то надо, или отпуск, или чё?» Нет, ни в какую. «Он сам не просит, чё ты за ним бегаешь?» Он сам никогда не попросит. Нет. А теперь вот мы мучаемся. Порой даже дело до ругани, до развода доходило. У меня, считай, тот же полигон: трое детей маленьких. Девчонки, надо их заплести, завести в садик. Потом одна стала в школу ходить, двое – в садик. Дома две коровы. Бывает, что корова доится, не поешь. Полвосьмого на работу надо. Почти дома не бывали, по ночам картошку копать приходилось. Луна светит – копаем картошку. Днем собирали из лунок... Шас жить сложно. Все просить надо. Я бы вернулась в то время. За просто так никто ничего не делает, за все платить надо (Митрофанова У.Д., с. Великокнязевка).

Рассказ-случай имеет характерную структуру: в начале текста обычно называются место и время действия описываемых событий и герои рассказа, достаточно частотны интродуктивные конструкции. Дальнейший текст представляет собой последовательное описание разворачивающихся событий, выраженное нанизыванием акциональных глаголов. Заканчивается рассказ характерным заключением-выводом, выражением своего отношения к случившемуся. Лексические сигналы рассказа-случая – глагола *видал*, *слыхал*:

Новый год! Так мы как-то, у это, у председателя украли это, саны (сани)! А его саны были как у барыня, у попа, или как-то у царя, такие, с этими, с выделками, хорошие. Эти председатели ездят, а мы их украли. На Новый год. И поехали, потащили их на гору. А гора там высокая, мы все потянули их туда. Как понададились! И стали съезжать. А там – мост, и мы как с моста-то, это, полетели! И санки сломали! Вот эти, с финтифлюшками, поломались. Ой, мы тоди, ну чё ж, мы взяли эти саны, потащили председателю во двор, поставили и сами ходу! Он встал утром, а саны ломаны! «А-а-а! Ну кто же это так утворил? Кто же это так утворил?» В школу приходил, до учительницы. «Вы что так своих, – говорит, – учеников распустили?!» А она говорит: «А чё? Я должна и ночью их... Они у меня, – говорит, – днем сидят хорошо»... (Юдина П.Г., с. Великокнязевка).

Рассказ-воспоминание близок к рассказу-случаю и бытовому рассказу. Одним из отличительных признаков является событийное время. События рассказа-воспоминания отдалены в далекое прошлое, чаще всего связаны с детством, молодостью, что отсутствует в бытовом рассказе и не обязательно в рассказе-случае. Часто жанр обозначается при помощи глаголов *помнить*, *вспомнить*:

В клуб далёко было ходить. Там около одних стариков облюбовали. Двое жили. Ася по детству, нет-нет переписываемся с ней. Коло ихней бабушки устроили, там места побольше. И, вспоминаешь, как они, бедные, терпели. А мы же прохочем, ребята провизжат, посвищут. А людям старым надо отдыхать, а они ни разу нас не выходили и не ругали. Вот и называли – тырла.

– А какие танцы танцевали?

Ну, таких выдрыгалистых мы еще не умели и не видали. Мы же в деревне жили, кто нам покажет? Как сами уже умели: и саратова, и польки, и вальсы (Кибанова А.С., с. Великокнязевка).

Рассказ-объяснение чаще всего является реакцией на реплику-стимул собеседника, интересующегося каким-либо явлением, предметом действительности, не известным ему. Для объяснения характерно частое употребление неопределенно-личных конструкций. Рассказ-объяснение имеет следующую структуру: называется предмет, объясняется его название, описывается внешний вид, способ приготовления, назначение предмета.

– Расскажите, как кудри навивали?

– Раньше ручка была железная, чернилами когда писали. Может, видели перо когда-нибудь? Так это подлиннее трубочка, с палец толщиной, а на конце жестянкой была оббита. Перышко вытацишь, а эту жестянку накалят и кудри. Потом начались гвозди. Ой! И

лоб сожгешь! Все это сгорит! Я еще это захватила, закручивала (Кибанова А.С., с. Великокнязевка).

– *Баретки, а что это?*

– *Такие шнуровые, тоже простые. Пятки голые. Или носок голый, или пятка.*

– *Как туфли?*

– *Под вид туфель, но туфлями называли, у которых есть каблуки, а эти, без каблуков – баретки* (Кибанова А.С., с. Великокнязевка).

Итак, идентификация РЖ происходит в первую очередь на основе коммуникативной цели высказываний. Следующим критерием становится формальная организация. По композиционному построению РЖ делятся на простые и сложные. Простые жанры репрезентируются несколькими высказываниями – репликами диалога. Сложные жанры реализуются в монологической речи в виде текстов, в которых могут объединяться высказывания различной жанровой принадлежности, подчиненные общей коммуникативной цели сложного жанра. Грамматические, лексические, интонационные средства реализации семантики РЖ проявляются в различных жанрах с большей или меньшей степенью выраженности. Для императивных жанров релевантным оказывается грамматическое своеобразие, отличительный признак императивных жанров – глагол в повелительном наклонении. Идентифицирующими признаками ритуальных жанров являются этикетные формулы. Специфика языкового воплощения оценочных РЖ заключается в семантике оценки, которая выражается с помощью лексических средств. Информативные жанры идентифицируются на основе комплекса формальных признаков: композиции, интонации, лексики, грамматики, метакомпонентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // *Жанры речи*. Саратов, 1997.

2. Демешкина Т.А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. Томск, 2000.

3. Казакова О.А. Формальная организация речевых жанров в языке личности // *Межкультурная коммуникация: теория и практика. Сборник научных трудов института яз. коммуникации* / Под ред. Н.А. Качалова. Томск, 2001.

Н.В. Лагута

РАССКАЗ О СОБЫТИИ (РАССКАЗ-СЛУЧАЙ) В РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ АМУРСКИХ ГОВОРОВ

Основным типом информативных речевых жанров (РЖ) в диалектной речи является сложный жанр «рассказ», обычно включающий в себя другие типы РЖ: императивные, ритуальные и оценочные. Рассказ является сложным монологическим жанром, реализующимся в речи в виде текстов-повествований различной протяженности и тематической приуроченности. К монологическим текстам мы причисляем относительно протяженные реплики одного говорящего, объединенные единством коммуникативной ситуации, относительной тематической одноплановостью, поэтому в качестве монолога квалифицируется текст, который в разговорной речи может быть прерван короткими репликами собеседника, не влияющими на ход повествования [1, с. 240]. Общими формальными признаками рассказа являются интонация повествования и характерная для повествования композиция.

В диалектной речи отмечено несколько типов рассказа: бытовой рассказ, рассказ-объяснение, рассказ-воспоминание, рассказ о событии (рассказ-случай).

Коммуникативная цель рассказа о событии заключается в стремлении говорящего сообщить слушающему информацию и передать собеседнику соответствующий эмоциональный настрой.

Намерение автора – сообщить слушающему о каком-либо событии, факте, явлении действительности. Основной характеристикой автора и адресата при реализации данного жанра является наличие информации у автора и отсутствие ее у собеседника. Именно к рассказу о событии наиболее близко подходит толкование речевого акта «сообщать», предложенной М.Я. Гловинской:

«Х сообщает Y-у о Z-е

(1) X имеет информацию P о Z-е;

(2) X предполагает, что Y не имеет этой информации;

(3) X говорит Y-у, что P; (4) X говорит это, потому что хочет, чтобы Y имел информацию P» [2, с. 165].

В рассказе о событии реализуется намерение говорящего сообщить собеседнику о каком-либо заинтересовавшем его случае. Автор рассказа является либо непосредственным участником события, либо его свидетелем, адресату же описываемые события неизвестны. Рассказ о событии не имеет строгой зависимости от ситуации общения, он возникает в беседе свободно, вызванный предыдущими словами собеседников или реальными событиями действительности, напомнившими говорящему о ярком происшествии. Жанр «рассказ о событии» может быть реализован и в общении с не очень близкими людьми. Если собеседник диалектоносителя, по его мнению, не владеет какой-либо информацией, он сопровождает рассказ комментариями. Главное условие для данного жанра – наличие свободного времени для общения.

Диктумное содержание высказываний данного типа представляет собой описание какого-либо события, произошедшего в жизни говорящего или его знакомых как в далеком, так и в недавнем прошлом. Тематика этого события может быть разнообразной: если событие является частью воспоминания, то это и работа, и военные эпизоды, и случаи из молодости, детства:

Так я и щас помню – выступали мы: и песни, и там всяко это, финтиклюшки. И вот на Первое мая по такому кульку давали, конфеты там, яблоко, ага, печенье, пряники, всё! По такому кульку. Я помню, как иду, вот так несу его, сама ещё маленька была, несу, а мама идет, встречает: «Боже мой! Да чё ты туда напхала?» А я говорю: «Подарок!» Вот так! (Юдина П.Г., с. Великокнязевка).

Если же что-то произошло недавно, то чаще всего рассказ связан с бытовой темой. Произошедшие недавно события могут подаваться как новость, речевое действие имеет цель вызвать у собеседника заинтересованное удивление.

Ну, пойду я кабанчика понако... Ой, у меня вчера кабан натворил! Я всегда ... он покупается в яме там в грязи, я е(г)о загоню палкой, а потом иисть даю. А тут тащу ведро, то(ль)ко калиткой зван... бац мне! и в огородчик сюда! А-а-ах! Хорошо этот дом ближе. Валентин! Валентин! Он прибежал, а калитка там не открывается. Я его загнала, ну он особенно ничё... Я боялась, чтоб он там на парник не заскочил! Там уже огурчики есть, вот такие! Ну, мы ему! Пробежал! Ну, то(ль)ко по грядкам пробежал и ничё не на ... Я его сюда. А тут собака. Я стою, Валентин уже открыл мне тую калитку – я его загнала. Надо мне было, я его сразу загоню палкой, а потом даю ему кушать. А то он же у-у... чувствует, что я ведро тащу, то(ль)ко калитку открываю – он шмыг и суда!

– Вот хитрый какой!

– Ёлки-палки-и-и! Вот такой бродяга!

– Валентин Иваныч, как вы кабана вчера!

– Ну, он вчера, это, хорошо, что он во дворе был! Да! (Малынкина Н.В., с. Черновка).

Наиболее яркой типологической характеристикой текста рассказа о событии является повышенная акциональность, достигаемая за счет употребления большого количества глаголов действия.

Я как-то иду, гляжу – пацаны, ну, таки подростки, стоят под углом и смают, смают. Ну, думаю, щас учительница им даст! А она пришла – хоть бы шо! Думаю, да... да как...тоди ты учишь их, а? Чему? И они стоят и хоть бы шо! То, шо школа, она должна учить порядку, да эта, а они... Это зависит чё? От учителя. Вот так. Зависит от учителя. Щас нет, не боятся! (Юдина П.Г., с. Великокнязевка).

В структуру текста входят также оборванные синтагмы, незаконченные высказывания, иногда лишённые смысла, что определяется неподготовленностью разговорной речи.

Событийную основу данного жанрового подвида составляет описание одного случая, произошедшего с говорящим. Для более яркой передачи своего эмоционального состояния в

момент описываемого события рассказчик использует эмотивно-оценочные высказывания (*Ой! Не дай, бог! Хоть бы шо! и под.*).

Для формальной организации рассказа о событии характерно употребление слов, указывающих на единичность описываемого события (*раз, однажды, как-то*):

Как-то в Светиловку Витька возил, в Белогорск как-то ездили... (Покидько М.Г., Великокнязевка).

– А-а, разная чертовня и снится и-и, господи, разное. Такое иногда приснится что и ... Один раз знаете, вам это чудо рассказать?

– Ну-ка, чё?

– Одна, от мужчины этот уже умер давно. И вот надо... недавно мне приснился. И тут женщина, она ещё живая. Вот надо такую чушь приснится: вроде он, это, её Маша звать, фамилия Соловьёва, вроде мы едем с города. Со Свободного. Едем. Подходит кондуктор... ну-у, эта... проводник, проверяет наши билеты. Я говорю: «Нам уже недалеко ехать, мы до станции Бузулёй, мы, етово, скоро слáзить будем». Она го(во)рит: «Да вы уже по этому билету все трое пятые сутки едете!» Ну вот, такое вот чертовня приснится, придумайте. А я пошла в магазин, эта Маша пришла. Я г(ово)рю: «Ты уже дома ...». «А я где, я дома и была!». Я г(ово)рю: «Да мы с тобой сёдня в Свободный ездили. И Коля, – го(во)рю, – Баркалов». А Коля давно уже умер. Ну такая чертовня приснится, ну это, это не придумаешь. В сказке такого нету!» (Малынкина Н.В., с. Черновка).

Рассказ о событии имеет характерную для событийного повествования **структуру**: в начале текста называются место действия и герои рассказа. Дальнейший текст представляет собой последовательное описание разворачивающегося события, выраженное нанизыванием глаголов действия. Заканчивается рассказ характерным заключением-выводом, выражением своего отношения к случившемуся (см. напр. *Щас нет, не боятся!*).

Лексическими сигналами рассказа о событии являются глаголы *видеть, слышать*:

Я как-то иду, гляжу... <...> А думаешь, чьи переводчики? Наши, солдаты, они (немцы) в плен позабирали, и они сдались... Мы да вида́ли, как они сдавались. Вот чё! Они табун наших было захватили – некуда им, вот они эти на коленки становятся, а потом это, штыки в эту, в землю, и на винтовки эти свои пилотки одевали, и руки вверх. Это у них так сдаются наши (Юдина П.Г., с. Великокнязевка).

Часто в текстах рассказа о событии используются высказывания-цитирования. Описывая какое-либо событие, автор выстраивает текст так, как будто это событие происходит на глазах у собеседников. Рассказ строится как сценарий спектакля, автор берет на себя роль сценариста, называет происходящие действия, а высказывания участников события становятся репликами спектакля, иногда без вводящих чужую речь конструкций (сигналом чужой речи является только изменение голоса). В рассказах-случаях описываемые события заново переживаются автором, текст получает высокую эмоциональную насыщенность, которая может возрастать пропорционально промежутку времени с момента события до момента речи. Говорящий воспроизводит в памяти события своей жизни и заново переживает их, при этом стремясь вызвать адекватную ответную реакцию собеседника – понимание, одобрение, сопереживание.

Реализуя данный жанр, говорящий обычно «знакомит» собеседников с героем рассказа, выясняя, знают ли они его, указывая на его возраст и степень близости к говорящему. Традиционным в таком знакомстве для носителя является высказывание оценочного суждения о герое, говорящий как бы пытается сократить дистанцию между собеседником и героем рассказа и заранее определить свое отношение к нему. Обычно такое отношение положительное.

Композиция и объем текста зависят от темы: рассказ о небольшом событии из прошлого короткий, включает перечисление конкретных фактов. О том же, как, например, сватали, содержит несколько тематических ответвлений и охватывает длительный отрезок событийного времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисова И.Н. Нарратив как диалогический жанр // Жанры речи. Сборник научных статей. Саратов, 2001.
2. Гловинская М.Я. Русские речевые акты со значением ментального воздействия // Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1993.

РАССКАЗЫ-СЛУЧАИ

«Война кончилась!»

*Покидько Василий Иванович, 1931 г.р.,
С. Великокнязевка Белогорского р-на Амурской обл.
Беседовали Старыгина Г.М., Рачко Е.Е., 2006 г.
Обработала Лагута Н.В., 2007 г.*

Вот с Комиссаровки когда едем в Томичи, посередине, между Томичами и Комиссаровкой там называлось «Стройотделение», там телят пасли летом всегда. Все я пастухом, и доверяли стоко телят. Ну, пас, пас, а потом по дорогам распустился там верхом. Одна машина, как щас помню, Андреевская. Забыл марку машины уже, какая разница, едут, кричат: «Война кончилась! Война кончилась!» Вот Вы понимаете! Они говорят – не доходит до меня: что такое? Как это война кончилась?

То ж это война кончилась. Ну, кончилась и кончилась. Смешно! Щас и самому смешно... как дурачок! Вторая машина едет, кричат, кто-то еще и узнал меня, кричит: «Васька! Война кончилась!» Я так думаю... ну ладно, не стал спрашивать, говорю: «Война кончилась». И поехали. Война кончилась. О-ё-ё!

Телят бросаю. Как гребану домой! Это ж было – телят бросить! В то время это ж судить!

– Ну да, это ж преступление!

Да вы что, смеетесь что ли! Ну вот, приехал домой, коня спутал, отпустил – пасется. Мать на работе, дождался: «Война кончилась!» – «Да я знаю». Да хоть сказал бы пастуху заведующему, что я телят бросил. И что интересно, что-то человеческое было в них: ни слова не сказали! Коня взяли: «Где седло?». Я говорю: «Дома». Поехали.

– Сами?

Ага. Меня не тронули. Такие... ну, война кончилась!

«Повестка! Завтра в армию!»

*Покидько Василий Иванович, 1931 г.р.,
С. Великокнязевка Белогорского р-на Амурской обл.
Беседовали Старыгина Г.М., Рачко Е.Е., 2006 г.
Обработала Лагута Н.В., 2007 г.*

В пийсят втором году, в мае, в мае, или второго, или третьего мая. Пахал вот, где рассказывал, второе отделение есть, где я телят пас, так в стороне. В ночную смену... и как раз был заим. Заим знаете что такое, нет?

– Нет.

Подписывались на заим. Приходит, ну, кто-нибудь с эмтэса*, как обычно, заполняет, ну, посланные. Все по сто рублей. Вот пришли, как хотишь, и высчитывают. Прячься – не прячься. Вот я в ночную, всё, среди ночи приезжают. Смотрю, заим, приехали на лошади. Я к краю подъезжаю, а двигатель мощный, р-р-р, как дал копоты, разворачиваюсь и попёр. От-

* МТС – моторно-техническая станция

туда подъезжаю – свет сильный, вообще, свет мощный, как днем. Отец! Мне аж дурно. Отец конюшил там недалеко. Но чё-быть, никогда не ходил, чтобы проверять там, я был, чтоб в ночь спать – Боже сбавь! Я дуркой такой был. Я быстро, раз: «Чё?». А называли мы не папа, а тятя... Я говорю: «Чё случилось?» – «Ты ничё не чувствуешь?» – «Не-а» – «Повестка».

Да и черт с ней, три года повестки. Так утром чтоб был в военкомате. Что гады делали! Повестка пришла заранее, так чтобы всю ночь отработали. Вечером я ушел на смену, мне повестку, ну, матери, а тогда попробуй не явись! Ну чё, я дизель – хлопбысь! Домой. Ну, жизнь была, тоже жизнь хорошая была. Конюхом был (отец). Ну, сам хозяин лошадьми, мог бы и на лошади в Томичи отвезти. Нет. Ну чё, сынок, иди. Переоделся. Было час ночи. Позавтракал или поужинал, не знаю, что сделал, и пешком. Тогда трассы не было, ну, старая дорога была. Ну, успел к поезду. Приехали. <...> Заходим, так – мало-мальски, бегло: короче говоря, все, годен! Тут же сразу... военком, не военком, а с военкомата представитель – повестку: завтра к девяти, что ли или к часу, что-то такое, завтра в военкомат. Ну чё, быстрее повестку и расчет, какой расчет, поездом, пришел домой уже тёмно. Отец: «Ну чё?» – «В армию». – «Да-ну!» – «Повестка, завтра в армию».

Меня раза три или четыре провожали в армию. Ну, собирали обычно. Свои, там, друзья все. А это, какой провожали... Ну, в клуб сбегал. Ну как, и невеста ж была. Ну и девки были, а я старый парень был, потому что три года надо было служить, а я... Ну ладно. Утром, чуть свет, сумка. Жили-то как?! Путявой сумки не было, тесно, говорю, жили, очень-очень плохо жили. А чтоб портфель или чемодан – не просто какая-то сумка... Ага, ну, я пошел. Потом почта догоняет, а почта возила почту с Комиссаровки в Томичи. Она, правда, меня посадила маленько, под Томичами подвезла. Сели и нас день мурыжили. Когда две девки – на чем они приехали и шас не знаю – завклубша и зоотехник. Завклубша с Ключей, работала в Комиссаровке завклубом, а завтехник – с Вологды. Проводили. И состав, в основном, весь такой был. Не состав, а ... ну, набирали, короче, бракованных нас. Потом вечером выдали нам суточные что ли. Я не знаю сколько: или по три рубля, ну, копейка, но тогда – деньги. Как понажрались. Ну мне хвастать нечем, я и до армии не увлекался, и в армии, и после армии, и по сегодняшней день я не... не то, что святой. Выпивал там, когда, но не увлекался водкой. Потом один пырнул ножом провожающего в это, в легкие... Ну, не в этом дело, значит, пырнул. С военкомата выходит... пук-пук с пистолета. Ничё подобного, один садится. Стоял мотоцикл с военкомата какого-то офицера, не знаю, там на территории колодец был и столбиками огороженный, не забором, а столбиками. Ну вот, вы понимаете, специально он не проехал, а пьяный как дал: переднее колесо на боку, на вздыбошник, и на одном колесе между столбиками, потом – в столб!

В общем, мотоцикл там головку, ножку разбомбил. Патрулей машина, ну, четко, где-то близко были, привезли, с автоматами, как дали копоты... т-р-р-р... Притихли пьяницы. Смешно, конечно, такое было, что сделаешь. Ну, короче говоря, нас сразу же в вагон. В телячьи вагоны. Не в пассажирских, а в телячьих вагонах всех возили. И поперли нас. Я на верхней полке лежал, от окна. И целую ночь: тух-тух-тух-тух. Уже начало светать. Вспоминаю, там друг – Петька Мушной. Я говорю: «Петро, где примерно уже мы?» Говорю: «Хабаровск еще?» Он: «Не, до Хабаровска не доехали». Вот он едет скоко, ну, я говорю: «Петро, Куйбышевка Восточная, Белокуйбышевка...». – «Да ты чё?» – «Ну, смотри!» А куда нас? Под маневровый и специально целую ночь, чтобы... иначе нельзя. Как раз в Сибири таких же приבלатненных дождался, сформировали. Ой, повезли, это долго рассказывать, рассказу. Где-то, где-то, где-то под Зеей или в Завитой на остановке козла поймали, затащили в вагон, ну, что вы дел... ну, знаете вот так... А потом уже до Хабаровска нас на станциях не останавливали. Протянут, отцепляют, поезд, паровоз уходит, ну, заправляется и что... Дальше и нас новую часть формируют. К чему так все шло, все по-интересному. Полностью новая часть. На поле вывезли, аэродром там, это Круглицкий аэродром. Очень-очень мощный аэродром, он и шас мощный, и я там четыре года отслужил.

«Да щас такой хлопец, что ой-ё-ё!»

**Митрофанова Ульяна Дмитриевна, 1950 г.р.,
С. Великокнязевка Белогорского р-на Амурской обл.,
Беседовала Оглезнева Е.А., 2006 г.
Обработала Лагута Н.В., 2007 г.**

– Я вот еще не поняла, как вы в воде-то родили, в Зее?

Ну, как вот?! У меня схватки начались, а куда бежать? Я ему говорю, что... это, а он мне: «Ты потерпи до утра. Уборщица придет в семь часов в контору, я позвоню, может, чё и это...» Ну куда же терпеть-то я буду! И вот, он побежал до уборщицы, взял у уборщицы ключ, позвонил туда, в Овсянку, в больницу. А там сказали: «Выезжаем до берега, будем с той стороны ждать». Они думали, что мы на лодке, а когда, какие лодки в январе-месяце?! Вот, побежал до шофера, до водителя, чтоб меня хоть до берега довезти. Пока туда-сюда бегал, я уж не знаю, как я там корчилась, вообще... А какой туман! Оно же от воды, аж кристаллики в носу. Довез он нас до берега. А я уже не могу. Этот выломал палку такую, пробует где, раз – и обрыв, раз – и обрыв, хотя бы маленько поположе было там, чтобы пройти. Ну, он вроде меня за шиворот. На мне было пальто, пуховый платок, валенки, рукавички. За шиворот и поволок. Ну, как тебе сказать... Вот, как отсюда и до дороги была вода. А с дороги середка, вроде как коса, это стоял лед. Вот это пространство нам надо было до льда доплыть. Как плыли? Ну, там же дали воду. И вот, это самое, там же теплая вода, лед ломает и возле берега течение побольше. Его-то лед держит вот, он вылез уже туда и меня за шиворот – ну, давай, раз, два, три. А этот лед, вроде меня как ух! туда. Вдвоем-то он не держит, да я еще с грузом. Ой, я рукавички сняла, потому что они, вроде как уже глянем покрылись, я не могу за них держаться. Рукавички эти выбросила, за этот лед, все руки себе об этот лед порезала. Морда порезанная. И он меня то за воротник, то за платок выдернет, по-моему я даже потеряла этот платок, он его выдернул... С горем пополам он меня вытащил до этого берега. Пробежали, вроде как и рассеялся туман, ближе к берегу, к тому. Уже видим: две фары светят и орут: «Ну, где вы там? Гребите быстрее веслами!» Какими веслами?! Пробежали до другого берега, и опять такое же пространство, и опять нам плыть надо до берега. Ну, что делать? Там тогда шофер с машины, с той, давай ломать пристань, чтобы был плот. Не хватало этих досок, чтобы пробежать, пришлось опять плыть! Я-то проплыла только в одну сторону, а он вернулся же еще. А двое детей у нас еще дома было. Он меня проводил так. Вернулся... Те меня приняли. И вот, этот уже ушел. А я осталась, кричу врачей: «Что у меня между ног мешает?!» Она посмотрела: «Ой, ты, ё-ка-лэ-мэ-нэ!». Приспустила мне тут, и он уже так на кишках висит! А пошла в машину, там же все холодное! У нее вроде есть и пеленки, и одеяло, но оно же все холодное! Пока она это все достала, пока все развязала, пока разрешила, зашила, завязала вот это все. Его – в холодное, потом с себя пальто сняла и замотала... успел простыть. С теплого – да в холодное! И сразу у него воспаление легких. И вот, целый год там с ним пролежали в больнице. Я-то сама ничего, со всего отделения грелки собирали, да меня обложили, а он уже успел так схватить! Потом нам сказали, что у вас тут не климат, что пацан будет постоянно болеть, переезжайте куда-нибудь.

– Ну, а мальчик как сейчас? Вырос?

Да щас такой хлопец, что ой-ё-ё! Красивый такой пацан, черноглазый, ресницы – о! Медичка, детский врач, у нее детей нету, она, ей в то время было лет сорок, а ему сейчас в январе будет тридцать, она у меня его просила: «Я тебе и заплачу! Ты его все равно не выходишь! Он у тебя пропадет!» Пусть пропадет! Но я не смогу с таким грузом потом жить!

«А он такую легенду придумал – выпахал!»

*С. Великокнязевка Белогорского р-на Амурской обл. *,
Беседовала Оглезнева Е.А., 2006 г.
Обработала Лагута Н.В., 2007 г.*

И вот перевозили золото. Случился там на корабле пожар, или чё. И выбросили этот кусок. А дед подобрал и столько лет хоронил. А потом сыночек подрос, он и обнаружил у отца слиточек, хотел забрать. Тот – жадный, и другой – жадный! Отец не давал ему. Так вот, он это у отца забирал, не кормил, ничё, старался у него золото забрать. А одни прослышали про это, что вот так он с отцом делает. Взяли этого отца чужие совсем люди, ну, содержали его до тех пор, что умер. Так он перед смертью этот слиток им и отдал, за то, что они за ним ухаживали. А тот был трактористом, вроде как. Надо же это золото сдать, чё оно будет грузом-то лежать? А если сдать, то откуда ты его взял? Так вот такую легенду придумали, что в поле, в то время это сколько старыми деньгами? Сдал, двадцать пять процентов что ли ему полагается от этого, сто сорок тысяч теми деньгами. Ему хватило! Пятеро детей у него. Пятерым всем детям по машине купил, себе машину купил, еще давал деньгами, вот оно и всплыло. Мы-то ведь знаем, как оно произошло. А он такую легенду придумал – выпахал!

«Женись, и все!»

*Покидько Василий Иванович, 1931 г.р.,
Покидько Мелания Гавриловна, 1937 г.р.
С. Великокнязевка Белогорского р-на Амурской обл.
Беседовали Старыгина Г.М., Рачко Е.Е., 2006 г.
Обработала Лагута Н.В., 2007 г.*

В.И.: Мать одна, и, короче говоря, прихожу я в субботу, уже темно, до шести на ремонте, пока дойдешь пешком. Мать: «Как хочешь, я тебе супу не буду готовить! Женись, и все!» – «Да у меня нет невесты!» – «Найдешь!» И вот, понимаете, подумал-подумал, брату сказал, говорю: «Так и так!». Тот: «Пора, мать одна!» Как одна?! Старая ... Ну, была девка, ну, она училась в институте на медика. Она правильно сказала: «Слушай, мне учиться надо!» Она правильно сказала, я не обижаюсь. «А тебе, конечно, – говорит, – надо семью заводить». Ну, так, по-хорошему, натурально по-хорошему разошлись. Ну, а эта кончила техникум в Благовещенске бухгалтером. Соврал... Ну, девка да девка... Я от души вам сказать, честно, ну, пошел провожать на наш... ну, знаешь, из другой ходили... Я говорю: «Бегать я не буду, ни за одной я не бегал». Ненавижу, за мной бегали. Чтоб я бегал – не-е... Вроде я считал, ну, недостойным. Ну, около калитки мы остановились, ну, поговорил я с ней, поговорил, конечно, и я не просил. Я ей сразу в лоб: «Выходи замуж!» – «Ты в своем уме?» Ну, шутка ли, не горячий ли? Все. Ну, ничего она мне конкретного не сказала, короче говоря. Через неделю я опять к ней: «Вер, ты серчай или не серчай, недели тебе хватило?» – «Нет!» – «Ну, что же, не суждено». Ну, вижу, она, ну, как...

– *Мнется, сомневается.*

В.И.: Ага, я говорю: «Нет, давай так, по-хорошему, ты не крутись, а конкретно чтоб было, чтоб я не чувствовал, что я тебя вроде изнахратил». Ну, короче говоря: «Ну, ладно, давай подумаю еще!» Я говорю: «Пока неделю!» Она смотрит. В субботу прихожу до брата сватать. Еще одного там взял. Ну, приходим. Самое интересное прозевала (жене).

Ну, короче говоря, пришли, засватали. Я не помню, какого числа. Через неделю или... я щас могу сбреховать.

М.Г. Что ты брешешь уже? Как со мной познакомился?

В.И. Прозевала.

М.Г. Так я думаю: пойду, а то ты щас набрешешь!

* Из этических соображений Ф.И.О. информанта не названы.

В.И. Что было, бабушка, то и было.

М.Г. Что он вам сказал, ну-ка?

– Он нам сказал, что Вы сначала убежали от него.

М.Г. А, да. Тогда я десятый класс кончила. Он, это, я думаю: «Не-е! Он уже старый! Ему надо..., а мне надо еще учиться!» Я отказала, потом поехала. Год училась в Благовещенске, ну, там, школа бухгалтеров. А потому что отца у меня не было, отец у меня убится с машины, я только в восьмой класс пошла, мама одна и еще брат был меньший. И это, учиться не за что было. Ну, я в школу бухгалтеров пошла. Кончила – приехала, а он опять подсунулся через год. А то вообще даже – не-е! Ну, и так вот.

– И по сей день живете, да?!

В.И. Так мы и прожили.

«А она ему в бороду как вцепилась!»

Юдина Пелагея Григорьевна, 1930 г.р.,

С. Великокнязевка Белогорского р-на Амурской обл.

Беседовали Демченко И., Бирик Е., 2006 г.

Обработала Лагута Н.В., 2007 г.

Я когда с Москвы её привезла, ага, было ей пять месяцев, ну... и потом уже, где-то до годика я даже... А я когда езжала, а свекруха говорит: «Ты, Полин, эту, внучу, покрести, чтоб она не болела». Я говорю: «Ладно!». Ну я, правда, повезли её, ага, а там батюшка пришёл, и такой таз поставил. Ну, её стали раздевать и её туда. А она воды боится, ага! Стали её сажать, а она ему в бороду как вцепилась! Так тянет! А он: «Ой! Внученька! Миленька! Да шо ж ты делаешь?!» Она вцепилась, ничё не сделаешь. Они знаешь вот эти маленьки такие цепкие, ничё не сделаешь. Во так вот прам аж пучок повыврата, как схватила! Сама орёт, аж глаза вылупила на меня, глаза чёрные такие, орёт... «Ой! Внученька, внученька, да шо ж ты батюшке делаешь!»... Тады платишко наизнанку, туфли ей вот так, ботинки – лишь бы как-нибудь! В одеяло её укутали, и в машину привезли. Привезли, как обормотку. Ага, тут брат и мама: «О Боже мой! Где ты её подобрала?» Орёт – так бежала, как обормотка. И она батюшке чуть бороду не вырвала, а сама орёт, и так держит за бороду его, и его тянет туда, мол, и ты туда.

Крестили её. А этих, правда, уже, вот у Лены двое, да чё-то не знаю, я говорю: «Вот покрестились бы, знаешь, всё равно надо вот покрестить». Да так што-то, мол, и так вырастут. Ну нельзя!

«...я брык со стула...»

Юдина Пелагея Григорьевна, 1930 г.р.,

С. Великокнязевка Белогорского р-на Амурской обл.

Беседовали Демченко И., Бирик Е., 2006 г.

Обработала Лагута Н.В., 2007 г.

...Новый год, помню. Я у дочки, не у Вовки жила. Ну и это, на Новый год как раз. Вот. Пришла домой утром, похмелилась и домой, пришла, села на стул, а тут Настенька, внуча, и Дианка, тоже внуча: «Бабушка, давай мы тебя разденем!» Ну раздели, а тут это, давай снимать эти, сапоги. Настя-то потихонечку, а эта, она знаешь какая у нас, схватила: «Бабушка! Щас я!» Как потянула – я брык со стула, и вот так на руку, а рука – хлоп! и вот так переломилась. Вот так во. Ой, скоко крику было! Как мне больно было! Она перепугалась! Так она еще и щас говорит: «Бабушка, я не буду тебе больше раздевать, сама раздевайся!» А она такая, и как потянула. А я, да еще и выпившая, ага. Поехали в больницу, повезли в одиннадцать часов ночи уже. А врач говорит: «А где это вы так?» Я говорю: «Китайцы напали!» «С китайцами дралась», – говорю. Смеётся. И так гипс наложили. И видишь, щас, ну, хотели, гипс когда сняли, у мене рука видишь как! «Ну и пусть!» – говорю. Они хотели её сломать опять и на место. Я говорю: «Ни, не надо, она буде у меня, как Ленин показуя... И я буду

так». Ага, ну ладно. Ну он там какому-то врачу сказал, говорит, мол, ручка, говорит, у бабушки сросла-то и это, а она неправильно. «О, бабушка, вы как партизанка!» И кололи сюда мне. Вот такая иголка! Как про... чуть не насквозь – я терпела. «Вы, – говорит, – как партизаны!», ага. «Вы, – говорит, – у немцев были?» Я говорю: «Была». «А-а-а, ну тогда...». Ну и вот, выросла, гипс сняли, а она вон, да и чё мне?! Я так возьму, накрою. Ой, такое дело!

«А там – мост, и мы как с моста-то полетели!»

Юдина Пелагея Григорьевна, 1930 г.р.,

С. Великокнязевка Белогорского р-на Амурской обл.

Беседовали Демченко И., Бибик Е., 2006 г.

Обработала Лагута Н.В., 2007 г.

Новый год! Так мы как-то, у это, у председателя украли это, саны (сани)! А его саны были как у барыня, у попа, или как-то у царя, такие, с этими, с выделками, хорошие. Эти председатели ездят, а мы их украли. На Новый год. И поехали, потащили их на гору. А гора там высокая, мы все потянули их туда. Как понададались! И стали съезжать. А там – мост, и мы как с моста-то, это, полетели! И санки сломали! Вот эти, с финтифлюшками, поломались. Ой, мы тоди, ну чё ж, мы взяли эти саны, потащили председателю во двор, поставили и сами ходу! Он встал утром, а саны ломаны! «А-а-а! Ну кто же это так утворил? Кто же это так утворил?» В школу приходил, до учительницы. «Вы что так своих, – говорит, – учеников распустили?!» А она говорит: «А чё? Я должна и ночью их... Они у меня, – говорит, – днем сидят хорошо».

А бывало, как забалуешься. Меня скоко раз выгоняли, ага. Я сидела с парнем. И щас помню его, не знаю, он живой или нет. А чё-то по математике у мене было, я списывала. Так возьму да и спишу. А он взял, да и так закрылся, не дает. А я взяла его книжкой по башке, по башке отлупила. А учительница: «Встань! Выйди!» Вышла. Еще там одного из парней выгнали. Мы пошли с ним, санки взяли, на санки, и на гору побежали кататься. Тут урок идет, а мы катаемся. Она говорит: «Ну што ты будешь делать?! Хоть их никуда не пускай!» Вышла, а нас нет, а мы на горе. Как чуть забалуешься, или ещё – всё! Но учительница не так, а учитель, так был – ой! Этот прям так сел – сиди, штоб там повернуться там куда, страшно, вообще строго с ним было, не так как щас!

«Ой, у меня вчера кабан натворил!»

Малынкина Надежда Васильевна,

С. Черновка Свободненского р-на Амурской обл.,

Беседовали Архипова Н.Г., Оглезнева Е.А., 2000 г.

Обработала Лагута Н.В., 2007 г.

Ну пойду я кабанчика понако... Ой, у меня вчера кабан натворил! Я всегда е... он покупается в яме там в грязи, я е(г)о загоню палкой, а потом йисть даю. А тут тащу ведро, токо калиткой зван... бац мне! И в огородчик сюда! А-а-ах! Хорошо етот дом ближе. Валентин! Валентин! Он прибежал, мне, а калитка там не открывается. Я его загнала, ну он особенно ничё... Я боялась, чтоб он там на парник не заскочил! Там уже огурчики есть, вот такие! Ну, мы ему! Пробежал! Ну, токо по грядкам пробежал и ничё не на ... Я его сюда. А тут собака. Я стою, Валентин уже открыл мне тую калитку – я его загнала. Надо мне было, я его сразу загоню палкой, а потом даю ему кушать. А то он же у-у... чувствует, что я ведро тащу, то(ль)ко калитку открываю – он шмыг и суда!

– Вот хитрый какой!

Ёлки-палки-и-и! Вот такой бродяга!

– (обращение к другому участнику разговора) Валентин Иванович, как вы кабана вчера!

Ну, он вчера, ето хорошо, что он во дворе был! Да!

В настоящем выпуске альманаха публикуем продолжение Словаря русских говоров Амурской области по материалам фольклорно-диалектологических экспедиций 2000-2006 гг. Здесь представлены лексикографически обработанные данные на буквы «З» и «И». Многие диалектные лексемы и их варианты фиксируются впервые.

Принципы подачи материала в диалектном словаре остаются прежними (См. Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 2. Благовещенск: АмГУ, 2005. С. 93-96). Дополнен лишь список принятых сокращений, оказавшихся необходимыми в ходе лексикографического описания, и список условных обозначений населенных пунктов, обследованных в последние годы. Список принятых сокращений и условные обозначения населенных пунктов предлагаются здесь в полном на данный момент объеме.

Список принятых сокращений

Безл. – безличный (глагол)	Неизм. – неизменяемое
Бран. – бранное	Неодобр. – неодобрительное
Буд. – будущее время	Неодуш. – неодушевлённое
В знач. – в значении	Несов. – несовершенный вид
Вводн. сл. – вводное слово	Нов. – новое
В знач.сказ. – в значении сказуемого	Образн. – образное
Вин. – винительный падеж	Общ. – общий род
Возвр. – возвратный (глагол)	Однокр. – однократное
Вопрос. – вопросительный	Одобр. – одобрительное
Воскл. – восклицательный	Одуш. – одушевлённое
Высок. – высокое	Осуд. – осудительное
Глаг. – глагол	Относит. – относительный
Груб. – грубое	П. – падеж
Дат. – дательный падеж	Перен. – переносное
Деепр. – деепричастие	Пов. – повелительное наклонение
Дет. – детское	Порядк. – порядковое числительное
Др. – другие	Превосх. ст. – превосходная степень
Ед. – единственное число	Предл. – предложный падеж
Единиц. – единичное	Презр. – презрительное
Ж. – женский род	Пренебр. – пренебрежительное
Звукоподр. – звукоподражательное	Прил. – прилагательное
Знач. – значение	Притяж. – притяжательное
Им. – именительный падеж	Прич. – причастие
Инф. – инфинитив	Прош. – прошедшее время
Ирон. – ироничное	Род. – родительный падеж
Кат.сост. – категория состояния	Сказ. – сказуемое
Колич. – количественное числительное	См. – смотри
Косв. – косвенный падеж	Снисх. – снисходительное
Крат.ф-ма – краткая форма прилагательного	Соб. – собственное
Л. – лицо	Собир. – собирательное
Ласк. – ласкательное	Сов. – совершенный вид
М. – мужской род	Сокращ. – сокращенное
Межд. – междометие	Спец. – специальное
Мест. – местоимение	Ср. – средний род и сравни
Мн. – множественное число	Сравн. ст. – сравнительная степень
Многokr. – многократный глагол	Стар. – старое
Нар. – наречие	Сущ. – существительное
Нариц. – нарицательное	Тв. – творительный падеж
Насмешл. – насмешливое	Увел. – увеличительное
Наст. – настоящее время	Удар. – ударение

Уменьш. – уменьшительное
Унич. – уничижительное
Употр. – употребляется
Усилит. – усилительное
Фам. – фамильярное
Фольк. – фольклорное
Част. – частица

Ч. – число
Числит. – числительное
Шутл. – шутливое
Эвфем. – эвфемистичное
Экспр. – экспрессивное
Эмоц. – эмоциональное

Условные обозначения населённых пунктов

Архаринский район

Гриб.Арх. – с.Грибовка Архаринского района
Ин-ка Арх. – с.Иннокентьевка Архаринского района
Кас.Арх. – с.Касаткино Архаринского района
Кр.Луч Арх. – с.Красный Луч Архаринского района
Могил.Арх. – с.Могилёвка Архаринского района
Саг.Арх. – с.Сагибово Архаринского района

Белогорский район

Великокняз. Бел. – с.Великокнязевка Белогорского района
Комиссар. Бел. – с.Комиссаровка Белогорского района
Н.Андр. Бел. – с. Новоандреевка Белогорского района
Светил. Бел. – с. Светиловка Белогорского района

Константиновский район

В.Урт. Конст. – с. Верхний Уртуй Константиновского района

Мазановский район

Мих. Маз. – с.Михайловка Мазановского района
Краснояр. Маз. – с. Красноярово Мазановского района
Белояр. Маз. – с. Белоярово Мазановского района

Серышевский район

Серыш. Серыш. – с.Серышево Серышевского района

Свободненский район

Гащ. Своб. – с.Гащенко Свободненского района
Дмитр.Своб. – с.Дмитриевка Свободненского района
Желтояр. Своб. – с. Желтоярово Свободненского района
Заган Своб. – с. Заган Свободненского района
Москвит.Своб. – с.Москвитино Свободненского района
Разл.Своб. – с.Разливное Свободненского района
Чемб.Своб. – с.Чембары Свободненского района
Черн.Своб. – с.Черновка Свободненского района
Юхта Своб. – п.Юхта Свободненского района

Тамбовский район

Гильч. Тамб. – с. Гильчин Тамбовского района
Разд. Тамб. – с.Раздольное Тамбовского района
Рощ. Тамб. – с. Рощино Тамбовского района
Тамб. Тамб. – с. Тамбовка Тамбовского района
Толст. Тамб. – с. Толстовка Тамбовского района

Шимановский район

Кухт.Луг Шим. – с.Кухтерин Луг Шимановского района
Урал.Шим. – с.Ураловка Шимановского района
Чаг.Шим. – п.Чагоян Шимановского района

ЗАБАДРИВАТЬ, -ю, -ешь; несов. Добавлять в тесто закваску для брожения. *Дрожжи сами тоже делали, с хмелю. Хмель сварят. Остынет хмель, а потом вот этой закваской, ну, этим, тесто забадривают* (Комиссар. Бел.).

АС –

ЗАБАРАБАТЬ, -ю, -ешь; сов. Лишить свободы, арестовать. *Вот одного посадили, забарабали, наручники одели, увезли его* (Инка Арх.).

АС –

ЗАБЕЛА, -ы, ж. Смесь яиц, сливок, сливочного масла, которая добавлялась в чай – сливан. *Вот у меня мама, она всегда забелу делала. Яйцо разобьёт, сливок на сепараторе перегонит, вот, ложки две масла сливочного вот топлёного, всё она перебьёт, минуты две на огонь, как яичница делается, сворачивается, потом чай забелишь* (Кас. Арх.).

АС +

ЗАБЕРЕМЕЛЕТЬ, -ею, -ешь; сов. Стать беременной; забеременеть. *Она забеременела от него, родила себе Владика* (Черн. Своб.).

АС –

ЗАБИРАТЬ, -ю, -ешь; несов. Перен. Лишать возможности выжить, убивать. *Тайга любит смелых, серьёзных, не трусливых и здоровых – нездоровых тайга не любит, забирает* (Урал. Шим.).

АС –

ЗАБЛУДИТЬ, заблужу, заблудишь; сов. и **ЗАБЛУКАТЬ**, -ю, -ешь; сов. Сбиться с пути; заблудиться. *Главное в тайге, если заблудил, не засни как попало, чтобы сон тебя не поборо, чтобы в сон ты не давался, только подготовил себя к теплу, а иначе...* (Урал. Шим.). *Если его долго нет, дак надо идти за ним, искать, заблукать, видно, где* (Черн. Своб.).

АС –

ЗАБЛУКАТЬ, -ю, -ешь; сов. См. **ЗАБЛУДИТЬ**.

АС –

ЗАБОГАТЁТЬ, -ю, -ешь; сов. Стать богатым; разбогатеть. *Я убежала с колхоза, так у меня подушка была, перина была дырява, потом уже забогатела маленько, набрала на перину* (Урал. Шим.).

АС –

ЗАБОЛТУШКА, -и; ж. Жидкая пища (род супа); похлёбка. *Наваришь себе жидкой заболтушки с картошкой без соли и ешь её целый день* (Урал. Шим.).

АС –

ЗАБОРКА, -и; ж. Перегородка в доме между детской и спальней родителей. *А тут заборка опять. Здесь для родителей, около дверей, конечно* (Краснояр. Маз.). – *А дом сами строили? – Сами, всё сами, всё сами. Даже лес дедушка заготовливал ездил. Заборки сам дед делал, только сруб срубили и окна специалист делал. Ну, как заборка, ну, перегородка* (Белояр. Маз.).

АС + (1 значение)

ЗАВАЛ, -а; м. Собир. Нагромождение поваленных деревьев; бурелом. *А на днях как раз завал был. Берёза была, она так как вилка. И вот там одна лесина, вторая, третья – завес. Она падает когда, на ветки же падает, а потом уже пенёк в снегу не видать* (Урал. Шим.). || Ср. **ЗАВЁС**.

АС + (заваль)

ЗАВЕДЕНИЕ, -я, ср. Установленный порядок, обычай, правило. *У них было такое заведение, что они пренебрегали людьми. Если ты пришла к ним и захотела попить, попросила воды попить, они тебе подадут и кружку потом выбросят (о староверах)* (Разд. Тамб.). || Ср. **ЗАВЕДЁНКА**.

АС –

ЗАВЕДЁНКА, -и; ж. То же, что **ЗАВЕДЕНИЕ**. – *А почему их (гуранов) так называли? – А ня знаю, Боу здесь знае, у их заведёнка своя* (Кр. Луч Арх.).

АС –

ЗАВЕРТУШКА, -и; ж. Фигурное печенье. *Печенье пекла. У нас вот это специально формочки были, Всё выделявали. Да всякими этими разными наделает, вот и завертушки* (Кас. Арх.).

АС +

ЗАВЁС, -а; м. То же, что **ЗАВАЛ**. *А на днях как раз завал был. Берёза была, она так как вилка. И вот там одна лесина, вторая, третья – завес. Она падает когда, на ветки же падает, а потом уже пенёк в снегу не видать* (Урал. Шим.). АС –

ЗАВИДАТЬ, -виую, -видаешь; несов. Завидовать. *Я худющая была, худющая, как палец, а ноги толстучие, вот завидали на мои ноги* (Черн. Своб.).

АС –

ЗАВКЛУ́БША, -и; ж. Заведующий клубом. *Две девки, на чём они приехали, и щас не знаю, завклубша и завтехник* (Великокняз. Бел.).

АС –

ЗАВЛЕКА́ТЕЛЬНЫЙ, -ая, -ое. Привлекательный, обаятельный. *Но завлекательный он был, молодой, красивый* (Краснояр. Маз.).

АС –

ЗАВЛЕКА́ТЬСЯ, -юсь, -ешься; несов. Проявлять большой интерес к чему-л; увлекаться. *А эта, девка-то. Стал он с ей ходить, стал на хутбол, он же хутболом завлекался* (Ин-ка Арх.).

АС –

ЗАВО́ЗНЯ, -и; ж. 1. Помещение для лошадей; конюшня. *Стайка – там коровы, а там кони стояли, называется завозня, конюшня* (Урал. Шим.). 2. Помещение, где хранятся старые, долго не используемые вещи. *Кухни, стойка, стойка, завозня. Ну, там, видно, весь хлам был или как называли* (Заг. Своб.).

АС + (1 значение)

ЗАВОРО́ЧЕННЫЙ, -ая, -ое. Завернутый во что-л. *Она делала с золой там чё-то, мыла золу там, отстаивала и мазала и заворачивала, потом она уже сутки полежит завороченная пакетом, а потом разворачивает* (Кас. Арх.).

АС –

ЗА́ВТРИК, -а; м. Завтрак. *То борщ надо сварить, то стушить, то чё. И вот и сварю им завтрак. Позавтракают, сварю обед. Посуду помою* (Комиссар. Бел.). *А мне вставать же надо, завтрак готовить, чтоб покушать утром перед работой* (Великокняз. Бел.).

АС –

ЗАВЫ́КНУТЬ, -у, -ешь; сов. Привыкнуть. *Я уже в больнице завыкла следить за всем. Ну, уж пусть оно у меня не боуато, но чисто* (Ин-ка Арх.).

АС –

ЗАГÁВКАТЬ, -ю, -ешь; сов. Начать лаять (о собаке). *Собака зауавкала где-то там* (Ин-ка Арх.).

АС –

ЗАГÁЛИВАТЬСЯ, -юсь, -ешься; несов. Издеваться, глумиться; обижать. *Ну, сватали мноу, я не хотела детей обижать.*

Думаю, какой попадёт, да будет тут над детьми зауаливаться, да не хочу (Ин-ка Арх.).

АС –

ЗАГЛУШИ́ТЬ, -у, -ишь; сов. Прич. заглушенный. Создать искусственное препятствие, закрыть путь для продвижения. *Тут она (рыба) зайдёт, она уже не выходит, потому что там будет тоже заглушено. Назад уже не вылезет, там завязывается* (Урал. Шим.).

АС –

ЗАГЛУ́ШКА, -и; ж. Железный лист, перекрывающий трубу в печи. *А это заглушка или задвижка, закрывается труба* (Краснояр. Маз.).

АС –

ЗАГНЁ́Т, -а; м. и **ЗАГНЁ́ТКА**, -и; ж. 1. Небольшое углубление в левой или правой стороне русской печи, куда сгребают угли или золу. – *Лучину приготавливают, чтоб сухая была, и на загнете палят. – А что такое загнет? – Ну вот печь, жарило, что дрова кладут, а тут-то так, припечек. Ну загнет и называют. – На полу или в самой печи? – В самой печи, не на полу* (Гриб. Арх.). – *А куда золу сметают? – У нас дома была большая печка. У нас мать всё время пекла в колхоз хлеб. И подметуть его это веником, и мать говорила: «Ну, загребай, загресть надо». Загнетка* (Заган Своб.). *Тут метра, полметра сама загнетка. Загнетка перед печкой, самой такой печкой. Это называется загнетка, и дым уходит, труба где. И вот ставят на загнетку этот чугунок* (Разд. Тамб.). 2. только **ЗАГНЁ́ТКА**. Шесток у русской печи. *Загнетка – это та, на которой посуда стоит* (Чаг. Шим.).

АС + (загнёт, загнётина, загнётка)

ЗАГНЁ́ТКА, -и; ж. См. **ЗАГНЁ́Т**

АС +

ЗАГНУ́ТЬ, -у, -ешь; сов. Экспр. Сказать что-н. резкое, необычное, неожиданное. *Нерусские, они же не хотели воевать, а этот-то, Якубовский, по-материшному как загнул: «Мы можем воевать, а оне не хотят!»* (Урал. Шим.).

АС + (другое значение)

ЗАГОРО́ДКА, -и; ж. 1. Ограждение, изгородь. *Как будете вот так маленько когда спускаться, по ту сторону дом такой, с*

загородкой, хороший вообще дом (Ин-ка Арх.). 2. Перен. Круг, образованный играющими в «кошки-мышки». Ну, пацаны крууом, и, значит, кот сидит внутри, в загородке, а мышки на улице бегают, за крууом (Разд. Тамб.).

АС + (загород)

ЗАГОТÓВКА, -и; ж. Предприятие по заготовке и переработке леса; лесозаготовка. А здесь была заготовка, как назывался лес-промхоз, вот она здесь была (Кух. Луг Шим.).

АС –

ЗАГРÚБКА, -и; ж. Место на русской печке, где спали люди. – Была такая большая. Они там всё время у его на грубочке лежали наверху. – Как называется, грубочка? – Ну, она загрубка. Да она большая, можно туды три человека залезть детям, спать на ней. Большая, хорошая там (Гильчин Тамб.).

АС –

ЗАГРЯЗИТЬ, -ю, -ишь; сов. Подвергнуть загрязнению; загрязнить. Там воинска часть стояла, да? Ну, вот, ракетная. Вот поэтому её там и притулили, загрязили Дальний Восток (Ин-ка Арх.).

АС –

ЗАГУСТÉННЫЙ, -ая, -ое. Густо населённый, перенаселенный. То что там загустенная эта территория Украины, полей мало, а деревни частые были (Краснояр. Маз.).

АС –

ЗАГÚЩЕВАТЬ, 1 и 2 л. не употр.; несов. Становиться густым; загустевать. А тогда, как она (мамалыга) готова, чуть-чуть станет загущевать, сейчас берёшь её, раз – на полотенце перевернёшь (Кас. Арх.).

АС –

ЗАДÉЛКА, -и; ж. Место между русской печкой и стенкой, куда ставили ухваты и другие хозяйственные приспособления. Так они стоят за печкой. Там такое есть заделка, и они там стоят. Как надо – берут и делают. Футляр что ли между печкой и стенкой, чтоб можно было поставить не на виду, как в кухне, чтобы видно. Она как вроде прячется (Раздол. Тамб.).

АС –

ЗАДИРÍХА, -и; м. и ж. Бойкий, задиристый человек. Я в детстве задириха была,

очень активная. В обиду себя не давала (Черн. Своб.).

АС –

ЗАДÓЛГ, -а; м. Долг, задолженность. Держали огороды, на поставку всё сдавали. У меня старший брат женился только, а мама ещё с колхозом не рассчиталась, задолг у нее был (Урал. Шим.). Задолг у ей был: картошку, не картошку, чё-то она не сдала, дак ей поднесли вот гектар картошки выкопать, гектар картошки выкопать задолг (Урал. Шим.).

АС –

ЗÁДОРГА, -и; ж. Стена строения или сооружения из кирпича или глины. Задорги – стены, выложенные из кирпича, из глины сбитые (Черн. Своб.).

АС + (другое значение)

ЗАДÓРКИ, -ок; только мн. Выложенные из кирпича стены. Задорки – стены, выложенные из кирпича, из глины сбитые (Могил. Арх.).

АС –

ЗАДЫ́ШКА, -и; ж. Затруднение дыхания; одышка. Ну, лет десять, наверное, болел. Вот нечем дышать ему, и всё. Ничё не мог работать – задышка. И вот он умер (Ин-ка Арх.).

АС –

Белор. – ЗАДЫ́ШКА

ЗАЕГОЗЫ́ТЬСЯ, -юсь, -ишья; сов. Начать что-л. делать второпях; суетиться. Вот натушили этою мяса, котлет наделали, там ещё бабка пельмени заеузилаась варить (Великокняз. Бел.).

АС –

ЗАЁЗДОК, -дка; м. Рыболовное сооружение в виде частокола, перегораживающего русло. Рыбалили удочками, и этот, заездок называется, где озеро или ключ. Рыба весной туда зашла, а они (рыбаки) делают загородку с частокола, и вот она уже пришла, а дальше не может: они закрыли (Урал. Шим.).

АС +

ЗАЗУДÍТЬСЯ, -ишья; сов. Начать чесаться; ощущать зуд. Вот это растёт чистотел. Я другой раз, где-нибудь зазудится чё-нибудь, я возьму чистотел, отломлю, потёрла, всё засыхает (Комиссар. Бел.).

АС –

ЗАЙМКА, -и; ж. 1. Земельный участок (поле, луг), удалённый от места поселения. Закончила семь классов, нас увезли на заимку хлеб полоть (Урал. Шим.). Заимки. Вот, допустим, он в селе живёт, а поле, где он сеял хлеб на поле, всё распахал он где, – вот то и называлось заимка. (Могил. Арх.). Заимка – это уже это, ну сенокосное угодье (Саг. Арх.). Досталось нам, старшим. Уедет мама на заимку, ну, в поле (Урал. Шим.). 2. Небольшое поселение, отдаленное от основного жилья. А семья у (н)их (гуранов) не работает: ни одной ни деўки, ни хлопцы – никто не работает, ўо(т). Оны на заимках, етые парубки жили, ўо(т) (Кр. Луч Арх.). Клешенское и эти все поля, там раньше заимки были Это маленькая деревушка. Там два или три дома стоит, один хозяин живёт (Ин-ка Арх.).

АС +

ЗАКАНИТЕЛИТЬСЯ, -юсь, ешься; сов. Начать беспокоиться, волноваться. Брата нету. Дедушка с бабушкой заканителелись, где искать? Там же не одни они, дед с бабой ехали. Там возов пять, шесть собрались уезжать на Дальний Восток. Ну, и сказали: «Чё вы будете, он догонит». Так и не нашли его, уехали без него (Светил. Бел.).

АС –

ЗАКВОКАТЬ, 1 л не употр., -ешь; сов. Начать кудахтать, квохтать (о курице). Она завокала, перестала нестись, садится на-а, там же два, одно яйцо. Она в своём гнезде, где была, неслась (Светил. Бел.) || Ср. **ЗАКОХАТЬ**

Ср. **ЗАКОХАТЬ**

АС –

ЗАКИДАТЬ, -ю, -ешь; несов. Делать, творить, выделять что-н. странное. Только наложила на себе эту фуфайку, опять кто-то вроде просто дёрнул. И вот три раза так. А я потом ўовору: «Ты чё, сдуреў, что ли?» Я имела в виду, что дед мой пришёл и шутки закидает со мной (В.Урт. Конст.).

АС –

ЗАКИДОК, -а; м. и **ЗАКИДУШКА**, -и; ж. Рыболовная снасть, состоящая из длинной веревки или лески с нанизанными на нее крючками, забрасываемая с берега. Надо как-то на рыбалку сходить половить да закидок поставить (Ин-ка Арх.). Закидушка – это леска, а на леске вот этой не-

сколько крючков наматываются, и на эту закидушку ловили гальяна, пескаря (Чаг. Шим.). Закидушка – это шнур метроў двадцать пять, и через каждое пространство такой вот поводочек длинный и крючок на конце (Гриб. Арх.). Закидушки такие ставили – на шнур вот навязывали пять-шесть крючков, а на удочку одного хватит (Урал. Шим.). А потом вытаскивает эту закидушку, или как она перемётник называется. Это от така, знаешь, вот верёвка большая, а на нее крючки навязаны (Урал. Шим.). Ну, ловили рыбу на закидушку. Это леска, ну, хоть проволоку привязывали, нацепляли крючки и ловили (Урал. Шим.). А вот мы с Васькой Медведем поймали на закидушку, на перемёт. Ну, закидушка такая – затягиваешь провод, крючки вешаешь (Урал. Шим.). Закидушки закидываются, ну, там метров двадцать, пятнадцать, двадцать пять. Даже продавались они. Кидаешь и всё (Урал. Шим.). || Ср. **ПЕРЕМЁТ, ПЕРЕМЁТИК**.

АС +

ЗАКИДУШКА, -и; ж. См. **ЗАКИДОК**.

АС +

ЗАКЛАДАТЬ, -ю, -ешь; несов. 1. Закрывать отверстие чем-л., заслонять. А помню, печка эта русская, была заслонка вот, мать несла закладала (Мих. Маз.). 2. Закладывать, помещать куда-л. Ну, вот, така вот бочка, например, железная, а в середине такие вот вставлены рамки, тоже под сеткою. И туды закладывается рамка пчелиная, четыре рамки, а потом крутишь и ветром их переўоняешь, этот мёд (Комиссар. Бел.).

АС +

ЗАКЛАДЫВАТЬ, -ю, -ешь; несов. Злоупотреблять алкоголем. На железной дороге работал, а счас чё-то, да, короче, стал закладывать и ушёл с работы. Мы сколь ўоняем – бесполезно, пьёт (Светил. Бел.).

АС –

ЗАКЛІПАТЬ, -ю, -ешь; сов. Забить дырку. – Ну, вот дырка, её возьмут заклипают. Ну, забьют дырку (В.Урт. Конст.).

АС –

ЗАКОВАНКА, -и; ж. Детская игра, в которой один игрок прячет какой-л. предмет, отворачивается, а другой должен его найти. Если найдет, загадывает желания, которые

должны исполнить игроки. У нас дети как называли? В закованку. Один закроешь, а ты спрячешь. Вот ходишь, найдёшь – уже судишь. Где обнять девочку, а то и поцеловать девочку. А то – наругать (Мих. Маз.).

АС –

ЗАКÓХАТЬ, -ю, -ешь; сов. То же, что **ЗАКВÓКАТЬ**. Ну, она же, она же если она закохает там, подлаживать яички не под курицу, а тая курица, шо несётся (Белояр. Маз.).

АС –

ЗАКРÓЙ, -я; м. Пристройка к дому; веранда. Вот закрой – веранда называется. Ну, мы-то по-простецки живём, закрой шибко так не строились, строиться нечему было (Урал. Шим.).

АС + (другое значение)

ЗАКУДА́ЛЫЙ, -ая, -ое. Захудалый, плохой. Я на лесозаготовках работала. Там мужиков много было они над девками выкомаривали по-всякому. Они лес возили, а лошади у них такие закудалые были (Черн. Своб.).

АС –

ЗАЛАМА́НКА, -и; ж. Травянистое растение земляника восточная – *Fragaria orientalis hosinsk*, а также ягоды этого растения. Заламанка буйная, хорошая. Сёдня дочка ездила на точку, на точку на военную ездила, три литры набрала бидончика (Чемб. Своб.).

АС –

ЗАЛÓГА, -и; ж. Раскорчеванная под пашню земля; целина. Залого – это пащина называли, потому что её корчевали, называли залогой (Могил. Арх.).

АС + (залóг, залóговая земля, залóжная земля)

ЗАЛЮ́СКАТЬ, -ю, -ешь; сов. Замучить, довести до смерти. Поймал (кот), поймал бабочку, ой. Погибла. Он её залюскает. Задавил и бросил (Краснояр. Маз.).

АС –

ЗАМА́ТЫВАТЬ, -ю, -ешь; несов. Заполнять фаршем, начинкой; фаршировать. Так и блины пякли үречаные, яшние, всякие учиняли на этих дрожжях. И простые... Творогом заматы́вали, мясом заматы́вали – шо у ко́у было. Хочешь – арбузом (Чемб. Своб.).

АС –

ЗАМА́ТЫТЬ, -ю, ешь; несов. Заматывать; заворачивать. Вот такое тканое, рубашку вот заматыли, делали такие плёнки, и заматыли, и носили, чхорт я́у знает (Кр. Луч Арх.).

АС –

ЗАМА́ТЬ, -ю, -ешь; несов. Трогать, задевать, обижать. Дедушка говорил слово «не замай». «Не замай» – значит «не тревожь», «не трогай». Ребятишки ругаются, дерутся там между собой: «Не замай, не замай его». Не замай, значит, не трогай, не шевели его (Разд. Тамб.).

АС –

ЗАМА́ШКА, -и; ж. Кожура семян конопли. Берут эту коноплю, у конопли этой замашки отделяются. Сажалки, там такие ямки поделаны, вот на двадцать, это, уловки, это, срезают с конопли, бьют масло (Краснояр. Маз.).

АС –

ЗАМЕ́НА, -ы, ж. Менструация. А у меня замены не было, у меня замены не было. Я вот рожу, два месяца, три, у меня приходят уж. Замен, да, замена называется, ну, прихотца, сама знаешь, выделенья то, приходят то (Великокняз. Бел.).

АС –

ЗАМЕТА́ТЬ, -ю, -ешь; сов. Укрепить вершину стога сена с помощью различных приспособлений. А вот оно сено. Ну и пускай дождь идёт, оно замётано, оно его не собьёт. Ну, ўот в тайге накосят, там ничем не укрывают (Урал. Шим.).

АС + (другое значение)

ЗАМЛЁ́ТЬ, -ю, -ешь; сов. Потерять чувствительность; занеметь. Ноги твои замлели совсем – ходить не можешь (Чемб. Своб.). Садитесь, а то ноги замлеют, помёрзнуть, замлеют. Устанут (Краснояр. Маз.).

АС –

ЗАМО́К ♦ **В ЗАМО́К**. Способ укладки брёвен при строительстве дома. Дом строили сами. Валют сосны. Тесали. Один на один рубленные ложили. Наш дом в лапу, крест на крест построен. Иногда в замок строят, ямку запиливают вокруг (Чемб. Своб.).

АС +

ЗАМОЛКА́ТЬ, 1 и 2 л. не употр.; несов. Прекращаться (о боли). Вот зуб замолкает, не болит (Краснояр. Маз.).

АС –

ЗАМОТРОСИТЬ, 1 и 2 л. не употр.; сов. Начать моросить (о дожде). *Бывало, замотросит дождик, а мы работаем. Потом как польёт ливень, а мы всё равно работаем* (Урал. Шим.)

АС –

ЗАМУХОТАТЬ, -ю, -ешь; сов. Заставить работать, подчинить своей воле. *Ой, а я хотела тебя замухотать, щоб ты ковёр помог выбить* (Светил. Бел.).

АС –

ЗАМУХРЫШИСТЫЙ, -ая, -ое. О чем-либо невзрачном, неказистом. *Да, нынче всё подрасталось, а раньше тополя замухрышистые были* (Черн. Своб.).

АС –

ЗАОХОТИТЬСЯ –усь, -ишься; сов. Начать охотиться. *Мышь увидала, что ли? Заохотилась на кого-то* (о кошке) (Ин-ка Арх.).

АС –

ЗАПАДНИК, -а; м и **ЗАПАДСКОЙ**, -ая. Переселенец из западной, европейской части страны. *Там по-украински, западников много было со Львова* (Урал. Шим.). *Даже с Запада приезжали люди. Тут западских у нас много* (Ин-ка Арх.).

АС + (другое значение)

ЗАПАДСКОЙ, -ая. См. **ЗАПАДНИК**.

АС + (западный)

ЗАПАЛИВАТЬ, -ю, -ешь; несов. Зажигать, поджигать (о дровах). *Вот спичка, а потом такая досочка, чтоб запаливать, вот эта досочка была* (Великокняз. Бел.).

АС –

ЗАПАЛИВАТЬСЯ, -юсь, ешсья; несов. Разжигаться, поджигаться (о дровах). *Печка была как стена, там вот такое отверстие, туды дрова кладутся, запаливаются, а дым вверх идёт и из трубы валит* (Черн. Своб.).

АС –

ЗАПАЛИТЬ, -ю, -ишь; сов. Зажечь. *Свечку там в хате запалить и сидять это, жених чтоб появился в зеркале* (Мих. Маз.).

АС –

ЗАПАСКА, -и; ж. Заправка для супа. – *А что в нём (горшке) готовили? – А эти каши да борщ, супы. Ну, так же ж было всё это, шо и сейчас, суп да борщ. Большинство борщ варили, с запаской борщ. Ну, там «щи» не уговорили, борщ. А уже здесь – «щи»* (Гильч. Тамб.).

АС –

ЗАПИСУВАТЬ, записую, записуешь; не-сов. Фиксировать письменно для памяти, записывать. *Так и вы. Вы это, наверно, записуете* (Гриб. Арх.).

АС –

ЗАПЛОТ, -а; м. 1. Деревянная ограда; забор. *У них-то тут заплоты все через одну, такие только у самых нищих. Мне надо, чтобы плотный был, без единой щелочки* (Урал. Шим.). *Ну раньше-то курицы-то ходили свободно, загородок-то таких же не было, заплоты назывались* (Кас. Арх.). *Ставни были, всё было. Ворота, как говорили, заплот назывался по-молокански. И стоял, назывались заплот, забор, дощатый забор, это назывался заплот* (Тамб. Тамб.). *Столбы укапывали, пазы выдавливали, а там чурочки такие клали. Заплот забор назывался* (Гриб. Арх.). – *Он растёт у меня рядом с заплотом. – А что такое заплот? – Ну, забор по-этому, а у нас заплот, у нас плёлся* (Белояр. Маз.). 2. Доска из деревянной ограды – заплота. *Я вот в сани запрег, он меня заплотом треснул. Этим, запряжкой, поломал доски, пришлось делать* (Урал. Шим.).

АС + (заплот, заплотина, заплотник)

ЗАПОН, -а; м. и **ЗАПОН**, -а; м. Фартук. *А мать стан ткала, пояса ткала, запон шила* (Заг. Своб.). *А фартук раньше, не фартук – запоны. Оборочки были, до колена был, мама не любила короткий, она длинное носила, с карманами* (Кас. Арх.). *Запона такие широкие носили с нагрудниками. Это фарток, щас его фарток зовут, а раньше запон звали* (Заг. Своб.).

АС + (запон, запонок)

ЗАПОН, -а; м. См. **ЗАПОН**

АС + (запон, запонок)

ЗАПОНОСИТЬ, -у, -ишь; сов. О нарушении деятельности кишечника. *Дети как чуть-чуть запоносят, я их пою помаленьку-помаленьку, и всё, всё, понос прекращается у детей* (Гильч. Тамб.).

АС –

ЗАПОТОПНЫЙ, -ая, -ое. Находящийся в отдалении от современного цивилизованного мира, отсталый. *Запотопный мир там, в тайге живут, ничё не знают* (Черн. Своб.).

АС –

ЗАПРАВНУК, -а; м. Ребёнок правнука (правнучки). *Все пары молодые выезжали,*

все рванули на Дальний Восток, весь Дальний Восток так и заселили. А щас уже правнуки да заправнуки (Чаг. Шим.)

АС –

ЗАПРЁЖЕННЫЙ, -ая, -ое. Запряженный (о лошади). *Когда вот конь-то запреженный, вот дуга, это всё наряжено, у цветах* (Урал. Шим.).

АС + (запряжной)

ЗАПРОШЛЫЙ, -ая, -ое. Предшествующий прошлому, позапрошлый. *В запрошлом году стащили всё, всю проволоку. Вот лагерь закрывается, так и снимают провода* (Гриб. Арх.).

АС –

ЗАПУЛІТЬ, -ю, -ишь; сов. Экспр. Бросить что-либо с размаху, целенаправленно. *Ни разу не ударил. Ну, я скорей чем-нибудь запулю. Ух, разозлюсь и запулю чем-нибудь* (Гриб. Арх.).

АС –

ЗАПХНУТЬСЯ, -усь, -ешься; сов. Прервать дыхание; перестать дышать, задохнуться. *Сначала наркозу дали, нашатыря. Она запхнётся. Врач перепугался. Я говорю: «Нельзя, нельзя! Она маленькая, запхнётся!». И еле откачали.* (Кр. Луч Арх.).

АС –

ЗАПЧАСТЬ, -и; ж; мн. **ЗАПЧАСТЯ́**. Со-кращ.: запасная часть машины, механизма. *Я в войну не тока на комбайне работала, ещё и на тракторах ездила. А тракторы старые были, ломались часто, а чинить нечем было, запчастей не было, это щас запчасть есть* (Черн. Своб.).

АС –

ЗАПЫРХАТЬСЯ, -юсь, -ешься; сов. Утомиться, устать. *Ну, знаешь, и давление у меня, вот сегодня наглоталась таблеток мал-мало, а то прям давление и голова, а это вот тоже, знаешь, запыхалась одна* (Гильч. Тамб.).

АС + (запұрхаться)

ЗАПЯТНУТЬСЯ, -усь, -ешься; сов. Сделать паузу в речи, запнуться. *Ну, уже сказала б: «Мать его итить», - то запятнулась* (Белояр. Маз.).

АС –

ЗАРАБОТКА, -и; ж. Заработная плата. *Раньше какая зарработка? Трудодни* (Черн. Своб.).

АС –

ЗАРАЗ, нар. Сразу. *Папа уток порубил, три, наверно, срубил зараз* (Великокняз. Бел.).

АС –

ЗАРИТЬ, -ю, -ишь; несов. Разрушать, разорять гнёзда. *Зарить воробьёв ходили* (Черн. Своб.).

АС –

ЗАРОБИТЬ, -блю, -бишь; сов. Приобрести работой, тудом; заработать.

А там некоторые: «Куда жену кормить хлебом? Она не заробила. Что она будет там прятать и всё, и больше ничего? Она же хлеба не вязать, не убирать, ничего» (Урал. Шим.).

АС +

ЗАРОД, -а; м. Стог сена. *У нас в Сибири стог зародом называют* (Урал. Шим.).

АС +

ЗАРОДЫШНЫЙ, -ая, -ое. Маленький огурец, находящийся в процессе созревания. *Ну, это первый цвет всегда пустой бывает, потом уже дальше, уже это они набирают, уже эти зародышные* (Кас. Арх.).

АС –

ЗАРУЧИНЫ, заручин; только мн. Договор о дне свадьбы во время сватовства. *На заручины звать – собирают родных, куда невесту сосватают и доуговариваются, куда свадьба* (Черн. Своб.).

АС + (зарученье)

ЗАРУЧНЫЙ, -ого; м. Человек, который осуществляет сватовство; сват. *Парню если девушка нравится, он к ней заручного посылает* (Разл. Своб.).

АС –

ЗАРУЧНЫЙ, -ого; м. См. **ЗАРУЧИН**.

АС –

ЗАСВАТАТЬ, -ю, -ешь; сов. Посвататься к девушке и получить согласие от её родителей. *Вот, например, дочку выдавала. Ну, у неё был парень, засватал пришёл, и готовился на свадьбу* (Урал. Шим.). *Он сватов прислал – пришли засватали меня* (Чаг. Шим.).

АС –

ЗАСЁК, -а; м. Отгороженное место в амбаре для хранения зерна; заком. *В амбаре вот так вот переуорожены, засеки звались, засек звался, ну, вот так, клеточка такая. Тут, например, у тебя пшеница,*

тут ячмень, там рожь, там уорох (Саг. Арх.).

АС +

Белор. ЗАСЕ́К – заком

ЗАСИВÉТЬ, 1 и 2 л. не употр.; сов. Потемнеть. *По сопкам пошёл дождь, уже видно, шо сопки зачернели, засивели, уже там, уже дождь!* (Краснояр. Маз.). АС –

ЗАСИДÉЛКА, -и; ж. Девушка, долго не выходявшая замуж. *А я попова дочка, да последняя, вот меня и одевали-то. Замуж вышла здесь, хорошо жили: шестеро детей, хозяйство, и коровы, и свиньи, и гуси. Мы раньше боялись быть засиделками* (Чемб. Своб.).

АС –

ЗАСЛÉДОМ, нар. Следом. *Один раз бежала да думала: волк за мной бежит. Остановлюсь – ничё не слышу. Как побегу – опять шум такой заследом* (Кас. Арх.).

АС –

ЗАСО́ЛКА, -и; ж. Небольшое предприятие по заготовке и переработке овощей. *После операции я с засолки уволилась. Много что делали там: оуурцы солили, капусту, лук – по пять кулей* (Черн. Своб.). *Засолка у нас была вот здесь. Это как вот заготовительное, овощи принимали* (Великокняз. Бел.).

АС –

ЗАСТЕГÁТЬ, -ю, -ешь; несов. Застегивать. *И вот здесь вот так вот застегалась* (Гащ. Своб.).

АС –

ЗÁСТИЧЕК, а; м. Отгороженное место в подполье для хранения картофеля. *Там подполье, картошка была. Там застички для крупной специально отдельно. Под мелкую вот такой застичек надо, под семенную меньше* (Чаг. Шим.).

АС –

ЗАСТУЖÁТЬ, -ю, -ешь; несов. Застуживать, простуживать. *То с кочки оборвёшься. Всё застужала себе* (Чемб. Своб.).

АС –

ЗАТВЕРДÉТЬ, -ею, -ешь; сов. Становиться спрессованным, плотно сжатым в стоге. – *Летом покосим, а зимой, когда на Зее станет лёд уже, вот тогда возим сено оттуда. – А вот палками прикрываете для чего? – Да от ветра, ветра бывают очень сильные, и вот чтобы не растащило. А потом*

уляжется, затвердеет оно, и всё, стоит целенькое (Урал. Шим.).

АС –

ЗАТÍРКА, -и; ж. и **ЗАТИРÚХА**, -и; ж. 1. Похлебка на молоке или воде с мукой или крупой. *Внучка моя затирку любила. Молока надою и тут же затирку делаю с манкой* (Чаг. Шим.). – *Мама муку рассыплет горкой на столе и брызгает водой, и она какими-то крупиночками, ну манной каши не было. – На молоке варили? – Да* (Кас. Арх.). *Я недавно вспомнила эту затируху, так захотелось мне затирухи этой, думаю, сварю. Я взяла муки, яйцо, молоко и начала, сделала такое, и вот трёшь это, трёшь, трёшь, чтоб мелко, мелко кусочки, маленькие – вот это как затируха называется. Когда сделала, молоко закипело, я туда высыпала всё это и помешала, и получилось как кисель* (Кас. Арх.). *Ой-ой, пойдёшь вот на работу, там тебе дадут кусок хлеба и килограмм муки на человека. Чем мне их накормить? А дадут килограмм муки – затируху свариишь* (Ин-ка Арх.). 2. только **ЗАТÍРКА**, -и; ж. Маленькие кусочки из отрубей для кваса. *А потом затирку делали тоже с отрубей или муки, у кого как. Затираешь, и они такими кусочками маленькими, как пампушечками маленькими, эти дрожжи в сумочку и висят где-то в сухом прохладном тёмном месте висят* (Светил. Бел.).

АС + (затíрка, зátирка, затируха)

ЗАТИРÚХА, -и; ж. См. **ЗАТÍРКА**

АС +

ЗАТÍШНО, кат. сост. Тихо, спокойно. *Зашли, а там коридорчик такой сделан, там диван деревянный стоит, вот тут затишнее будет* (Белояр. Маз.).

АС –

ЗАТУПÍТЬСЯ, 1 и 2 л. не употр.; сов. Притупиться, ослабеть (о памяти). *Много делали, но счас у нас уже память затупилась. Много не помню, чё было раньше. Сколько живу уже* (Комиссар. Бел.).

АС –

ЗАТУ́РИТЬ, -ю, -ишь; сов. Экспр. Отправить кого-л. на дальнейшее расстояние, в отдаленное место. *Он служил на Курилах. Пингвины, чукиши. Как раз туда затурили, вон где* (Урал. Шим.). || Ср. **ЗАФУГОВА́ТЬ**

АС –

ЗА́УЖ, нар. Замуж. *А тут начальство приехало. Совхозники меня забрали, и я зауж вышла в сорок восьмом году* (Урал. Шим.).

АС –

ЗАУШНИ́ЦА, -ы; ж. Серьга. – *Какие заушницы красивые! – Что красивое? – То что на ушах висит, ну серьги* (Чаг. Шим.).

АС –

Белор. ЗАВУШНИ́ЦА

ЗАФУГОВА́ТЬ, -ую, -ешь; сов. Экспр. То же, что **ЗАТУ́РИТЬ**. *Меня зафуговали аж в Архару* (Черн. Своб.).

АС –

ЗАФУГУ́РИТЬ, -ю, -ишь; сов. Экспр. Сделать что-л. в большом количестве. *Раньше, бывало, листов пятнадцать зафугуришь, целую вот эту дежу намесишь* (Гащ. Своб.).

АС –

ЗАХВА́ЛИНА, -ы; ж. Невысокая насыпь вдоль наружной стены избы; завалинка. *И потом пришла она к матери и на захвалине умерла* (Чемб. Своб.).

АС –

ЗАХВАТÍТЬ, 1 и 2 л. не употр.; сов. О приходе болезни. *Зинтерия захватила их двоих, и вот я одна осталась* (Ин-ка Арх.).

АС + (другое значение)

ЗАХВАТÍТЬ, захвачу, захватишь; сов. Быть свидетелем прежней жизни. *Она на семь лет старше меня, она больше захватила старинки. У неё же сын с сорок первого года* (Светил. Бел.).

АС +

ЗАХЕНДРÉТЬ, -ю, -ешь; сов. Стать больным, заболеть. *Захендрела немножко, но на работу всё равно ходила* (Чемб. Своб.).

АС –

ЗАХМА́РИТЬСЯ, 1 и 2 л. не употр.; сов. Затянуться тучами, стать пасмурным (о небе). *Я вот тут вам и не скажу. Снех, они видите, как оно там захмарилося, и снех пошёл* (Светил. Бел.).

АС + (захмуриться)

ЗАХОЛУ́СТЬЕ, -я; ср. О заброшенном, старом и ветхом жилище. *Дом тоже таки стареньки, захолустье. Нас с мамой туда переселили, мы вдвоём были* (Могил. Арх.).

АС –

ЗАЦÉПЛИВАТЬСЯ, -юсь, -ешься; несов. и **ЗАЧА́ПЛИВАТЬСЯ**, -юсь, -ешься; несов. Зацепляться, прикрепляться. *Вот от*

плууа, если вы плуг видели когда, зацепливается верёвка, такая палка, вот, и две становятся, посередине верёвка, потом ещё две, ещё две (Верхн. Урт. Тамб.). *А андарак – нету пояса. Широко, а тут он зачепливается* (Могил. Арх.).

АС + (зацапливать, зацапаться)

Белор. ЗАЧЭПЛІВАЦЬ

ЗАЧА́ПЛИВАТЬСЯ, -юсь, -ешься; несов. См. **ЗАЦÉПЛИВАТЬСЯ**.

АС + (зацапливать, зацапаться)

ЗАЧА́ТЬ, -у, -ешь; сов. Начать делать что-л. *Ну вот зачнут рубить, рубят дом, иструб назывался* (Гриб. Арх.).

АС –

ЗАЧÉСЫВАТЬ, -ю, -ешь; несов. Делать метки, зарубки на дереве. *Ну там выбор был, ну там семенники специально лесники зачесывают. Что на семена – те не трогать, а вот остальные все пилить* (Урал. Шим.).

АС + (1 значение)

ЗАШНУРЯ́ТЬ, -ю, -ешь; несов. Стягивать шнурком; зашнуровывать. *Да обыкновенные ботинки, зашнурялись и всё* (Белояр. Маз.).

АС –

ЗАШТА́ЛИТЬСЯ, -юсь, -ишься; сов. Закрыть шторы, зашторить. *У хате зашталюсь и сижу, мяне что свет, что темень* (Чемб. Своб.).

АС –

ЗАШУМА́ТИТЬ, -чу, -ишь; сов. Начать действовать намеками; дать понять что-л. *Поехал он экзамены сдавать, а там преподаватель зашуматил насчёт денег. А где ж пацан денег-то возьмёт?* (Черн. Своб.).

АС –

ЗАШУРОВА́ТЬ, зашурую, зашуруешь; сов. Экспр. Сделать что-л. сверх нормы, дополнительно. *Килограмм десять пошло, а потом взяли да спирта бутылку зашуровали* (Могил. Арх.).

АС –

ЗАЩЁЛКА́ТЬ, -ю, -ешь; сов. Сделать снимок, сфотографировать. *То меня с баком как раз защёлкали. Я мыла, наклонилась, шоркала его, ну, бак такой большой. Стою я с баком, сфотоурафировали меня, смеялись потом дети да внуки* (Великокн. Бел.).

АС –

ЗАЩИПАТЬ, -ю, -ешь; несов. Закрывать дверь на крючок. *Щас же жись какая – сразу защидай и ложись* (Светил. Бел.).

АС –

ЗАЯДЛИВЫЙ, -ая, -ое. Заядлый, азартный. *Рыбак он, рыбак заядливый* (Желтояр. Своб.). *Во, это был заядливый рыбак. Он вообще что заядливый, то заядливый рыбак был* (Светил. Бел.). *Ну, большие, там, знаешь, если это заядливый рыбак, он уже знает там, книги читает* (Светил. Бел.).

АС +

ЗДÓРА, -ы; ж. Густой сироп для глазирования выпечки. *Лили пироуи, лили лепёшки этой здоровой. Пироуи вот этой здоровой только боуатые люди делали, а бедным-то не за что было* (Гриб. Арх.).

АС –

ЗДÓРОВО, нар. 1. Очень, в значительной степени. *Как встанет бык. Вот идёт, идёт, а жарко, в лужу как залезет – хоть ты убей, девки, его, он ни с места! И стоит у воде, и ничё не сделаешь. Покамест жары не спадёт да жрать не захочет здорово. А тогда уже будет вылазить* (Краснояр. Маз.). 2. В большом количестве, много. *Люди мрут здорово, очень много, здорово мрут люди, да и раньше в город некоторые поужезжали* (Иннок. Арх.). 3. Тщательно, очень крепко. *Потом этот край изолентой хорошо, здорово-здорово, много изоленты наматывают, чтоб он гладенький был, чтоб мозоль не набить* (Чаг. Шим.).

АС –

ЗДОРÓВШИЙ, -ая, -ое. Крепкий, здоровый. *Мужик это тоже здоровый такой* (Белояр. Маз.). *А ели же, ели и жили дружнее, и сытнее, и здоровее. Ведь здоровый был народ, и жили же дольше* (Разд. Тамб.).

АС –

ЗДОРОВЯЩИЙ, -ая, -ее. Увел. Большой, значительный по размерам. *Летом змей полно. Я их до смерти боялась. Укус до сердца дошёл – и готов человек. Они же ядовиты. Змей длинных больше. Я бегом, она вот так вот как выпрямилась. До самой деревни она меня гнала. Серая, здоровящая* (Черн. Своб.).

АС –

ЗДРАВСТВОВАТЬСЯ, -юсь, -ешься; несов. Приветствовать друг друга при встре-

че; здороваться. *Дед! Девчата здравствуются!* (Могил. Арх.).

АС –

ЗЕЛЁНКА, -и; ж. Собир. Овёс, зеленые сочные части которого идут на корм скоту. *Тогда сеют уже последний овёс на зелёнку для лошадей, чтоб зелёный косить* (Урал. Шим.).

АС + (3 значение)

ЗЕМЛЙКА, -и; ж. Ягода земляника. *А земляки этой было, ну, ног не протянуть* (Разд. Тамб.).

АС +

ЗЕМЛЯНИЧНИК, -а; м. 1. Растение земляника – *Flagaria vesca* L. *Это я знаю все эти травы, я беру их. Вот земляничник – как успокоительное и как витамины. Земляничник натуральный, на нём земляника, можно с земляникой. Набрал, высушил. Можно без земляники. Можно с цветами. И этот сбор хорош при простуде* (Урал. Шим.). *Ну пока вот сбор листьев малины и смородины чёрной, побеги молоды чечас. Их много сушить надо, и земляничник можно даже с ягодой засушить* (Урал. Шим.). *Земляничник самый натуральный, на нём земляника, можно с земляникой, нарвал, высушил, можно без земляники, можно с цветками* (Урал. Шим.). 2. Заросли растения земляники. *Здесь, от по этому ключу, от такой от земляничник и от такая от земляника* (Урал. Шим.).

АС +

ЗЕМНО́Й, -ая, -ое. Относящийся к земле как почве; земляной. *На удочках ловили это червёв этих, эти земные черви* (Гильч. Тамб.).

АС –

ЗЕРНЙ́НКА, -и; ж. Единич., уменьш.-ласк. к ЗЕРНО. *И всё чётко делалось, ни одной зернинки не пропадало нигде, всё подметалось, всё аккуратненько, эти площадки, где обрабатывали пшеницу* (Светил. Бел.).

АС –

ЗИМÓВКА, -и; ж. Утепленное помещение для содержания пчел в холодное время года; омшаник. *Когда холодно, они в зимовке живут – это помещение, где зимуют пчёлы. Там вентиляция и красный свет, температура не превышает плюс четыре градуса и не опускается ниже нуля* (Чемб. Своб.).

АС –

ЗИМÓВЬЕ, -я; ср., **ЗИМОВЬЁ**, -я; ср. и **ЗИМОВЬЮШКА**, -и; ж. 1. Небольшая постройка во дворе, используемая как кухня и в других хозяйственных целях. *Зимовьё – это как дом, вон рядом стоит. Мы там готовим, чтобы в хате жарко не было, зимой и летом. Мы там и живём, и едим* (Чаг. Шим.). *Русская печь у нас есть вон в том зимовье* (Чаг. Шим.). *Когда все дети выросли, зимовьюшка малая нам стала* (Чаг. Шим.). 2. Утепленное или отапливаемое помещение для скота и домашней птицы. *Скотина у нас всегда в зимовье была* (Кухт. Луг Шим.). *Раньше не сараи, а зимовьюшки были, у их там телята, чушка с поросятами, куры, утки были* (Краснояр. Маз.). 3. Постройка в поле или лесу для временного пребывания. *Ну пока ободрал, темнеть стало, а мене в зимовьё идти надо* (Урал. Шим.). *На поле ночевали в этих... дома ставили, зимовья, в зимовьях ночевали* (Светил. Бел.).

АС + (зимóвье, зимовьё, зимовьёшка, зимóвьюшка, зимовьюшка).

ЗИМОВЬЁ, -я; ср. См. **ЗИМÓВЬЕ**, **ЗИМОВЬЮШКА**.

АС +

ЗИМОВЬЮШКА, -и; ж. См. **ЗИМÓВЬЕ**, **ЗИМОВЬЁ**.

АС +

ЗИНТÉРИЯ, -ии; ж. Болезнь дизентерия. *Зинтерия захватила их двоих, и вот я одна осталась* (Ин-ка Арх.).

АС –

ЗЫ́НЧИК, -а; м. Летающее насекомое [как-кое?], издающее характерный звук. *Ну зинчиков этих – море! Да вот, полосатенькие, на пчёл похожи. Их мноуо-мноуо тут* (Могил. Арх.). || Ср. **ЗЫК**, **ЗЫКАЛКА**.

АС –

ЗНА́МЫЙ, -ая, -ое. Человек сведущий в чем-либо. *И она всё знамая, по участку, по тайге всё знала и подсказывала нам, подучивала нас* (Светил. Бел.).

АС + (2 значение)

ЗНАТЬ. ◇ **ЗНАТЬ ПОНЯ́ТИЯ НЕ ИМЕ́ТЬ**. Не иметь представления, не знать. *Газеты мы никто не выписывали, и знать понятия не имели, что газета там или читать её надо или что* (Гильч. Тамб.).

АС –

ЗОЗУ́ЛЯ, -и; ж., **ЗОЗЮ́ЛЯ**, -и; ж., **ЗУЗУ́ЛЯ**, -и; ж. и **ЗЯЗЮ́ЛЯ**, -и; ж. Кукушка. *О, слышите: зозуля кукует, зазывает птенчиков? Сначала подбросит яйцо кому-нибудь, а потом плачет* (Чаг. Шим.). *Зозуля куковала. Не к добру* (Великокняз. Бел.). *По-нашему, по-брянскому, зозюля, а по-литературному это уже кукушка* (Белояр. Маз.). *Кукушка – это, щас скажу, зузуля, зузуля* (Белояр. Маз.). *Будешь, как зязюля, в лесу куковать* (Краснояр. Маз.).

АС –

ЗОЗЮ́ЛЯ, -и; ж. См. **ЗОЗУ́ЛЯ**

АС –

ЗО́ЛА, -ы; ж. Пепел, зола. *Сначала в колхозе в военное время, уже в сорок третьем – сорок четвертом, то сначала здесь ещё в колхозе учились и золу собирали для полей, удобрять поля* (Урал. Шим.). *Стирать нечем было, варили золу берёзовую* (Черн. Своб.).

АС –

ЗОЛѐНОЧКА, -и; ж. Единич. и ласк. к зола. *Да это такая тряпка, метла называется. Выметешь – чистенько тама, ни золиночки* (Гриб. Арх.).

АС –

ЗОЛОТА́РЬ, -я; м. Человек, работающий на золотом прииске; золотодобытчик. *Это мой сын золотарь. Он уже четвертый год на прииске работает* (Кухт. Луг Шим.).

АС –

ЗО́ЛОТ, -а; м. Золото. *Золот был пийсят шестая проба, красный. Вот щас еуо уже пятьсот четвертой сделали. Не понимают делов. Я золот и деньги всяк видел* (Рош. Тамб.).

АС –

ЗО́СКА, -и; ж. Детская игра с использованием самодельного мяча и мяч, используемый в этой игре. *А тут мальчишки дак в зоску какую-то играли. Делают зоску, вот она такая кожа, со скотины какой-то, а зашивали что-то тяжёлое* (Краснояр. Маз.). *Играли в зоску. Это вот такая лохматая эта шкурка, а к ей привязано грузило. Вот её подкинешь, а потом ноуой, кто скоко выбьет, лунки делали* (Гащ. Своб.).

АС –

ЗУБА́ТОЧКА, -и; ж. Ласк. Девочка, у которой режутся зубы. *Ах ты моя зубаточка, кушай, ты кушай* (Кухт. Луг Шим.).

АС –

ЗУБОТЭХНИК, -а; м. Зубной техник. Ну, ничё, выучилась. Ну, ей хотелось сразу на зуботехника учиться (Великокняз. Бел.).

АС –

ЗУЗУЛЯ, -и; ж. См. **ЗОЗУЛЯ**

АС –

ЗЫБКА, -и; ж. и **ЗЫБКО**, -а; ср. 1. Детская кроватка на дугообразных основаниях. Зыбкой называли которая уже вот так, вот что на полу стояла (Могил. Арх.). || Ср. **КАЧКА**, **КАЧАЛКА**. 2. Подвесная колыбель. Люлька – это которая подвешивается к потолку; люлька или зыбка у нас ещё называли. У нас зыбка вперёд называли, а потом почему-то люлька (Гриб. Арх.).

Из четырёх палок сделана. Верёвки прицепляют, одну к потолку, и она как пружина (Урал. Шим.). А мама в огороде, маленький ребёнок в люльке, в зыбке этой качается, пошла огурцы собирать (Кас. Арх.). Зыбки делали из деревянной, а покрывали этой, мешковиной, мешковиной накрывали и на зыбку полог шили, чтобы ребёнка там кто попало, чтоб не смотрели (Кас. Арх.). Люльки, зыбки – где как, в какой деревне. У нас люлька, а зыбки у следующей деревни (Гриб. Арх.). Зыбки были раньше, вот была у нас даже вот. К железной петле в потолке цеплялась люлька, в полукруг сделана (Ин-ка Арх.). Зыбка была. Материалом обиты такие две палки, на краях верёвочки, чтоб её вешать, и к крюку в потолке привешивалась (Краснояр. Маз.). Кто называл люлька, кто зыбка, но она была на пружине, качалась, и вот зыбка (Мих. Маз.). – В чём укачивали детей? – Зыбка. Это такой ящик красивенький сделанный. Длинненький такой, не квадратный, а так, продолговатый так ящик. Он с узорами такой сделанный. Это бока, а дно у него делается из матерьяла, чтобы было не грубо для ребёнка. Ну, и постель как само, как всегда, и перинка есть, и подушечка

есть. У него там четыре угла, и в углу делают петли, протягивают эту петельку верёвочкой. Ввинчена в потолок пружинка, такая не слабая и не тугая. Эти четыре инура соединяют сверху, и можно так качать дитя (Разд. Тамб.). – А зыбко? Ни разу не слышали о нём? Ну, вот это и зыбко, и люлька, одинаковы названия (Гриб. Арх.). || Ср. **ЛЮЛЬКА**, **КОЛЫСКА**.

АС –

ЗЫБОЧКА, -и; ж. Уменьш.-ласк. к **ЗЫБКА**. – Детей в чём качали, вот когда ребёнок маленький был? – А, это зыбочки делали (Гильч. Тамб.).

АС

ЗЫБУН, -а; м. Трясина, зыбкое место. Марь – это падь, зыбун такой. По ём идёшь так, что тонешь. А болота, болота там уже вода, и вот уже опасно ходить вокруг – вот это болото, марь (Гриб. Арх.).

АС + (зыбь)

ЗЫВАТЬ, -ю. -ешь; несов. Называть, именовать. Сяс старых одежд каких-то – вообще такого уже нету. Тут скрынья, как мать зывала всегда раньше, вот такая вот скрынья, там у них тряпки (Могил. Арх.).

АС –

ЗЫК, -а; м. То же, что **ЗЫНЧИК** и **ЗЫКАЛКА**. Это зык. Это таки эти, не пауты, а таки, ну их называют. Она «зы-ы», над ухом зудить (Ин-ка Арх.).

АС –

ЗЫКАЛКА, -и; ж. То же, что **ЗЫНЧИК** и **ЗЫК**. – «З-з-з» всё время, на одном месте будет жуужжать и кружиться, поэтому их так и называли. – Вот зыкалки, они зыкают незнамо как, она щекотать её (корову), и она бегают (Могил. Арх.).

АС –

ЗЯЗЮЛЯ, -и; ж. См. **ЗОЗУЛЯ**

АС –

И

ИВА́Н, -а; м. Обобщенное наименование русского человека – мужчины. – То невеста, покойной сестры старшая дочка, она как выросла, как уехала в Хабаровск, тридцать с чем-то лет живет там. Говорит, грязно стало очень. Этими китайцами да

нерусями этими заполнился. – Да и русские Иваны эти наши, тоже вредные пьянчуги (Ин-ка Арх.).

АС –

ИГО́ЛКА, -и; ж. Заостренный металлический стержень для вязания, спица. Ну рука-

вички да носки прутиками вязали, а кружева да салфетки – крючком. Прутики – это иголки такие длинные (Черн. Своб.). А уже такое вязали уже потом научились иголками вязать, носки там, перчатки все (Светил. Бел.).

АС –

ИГРЯ́ДКА, -и; ж. Игрушка, развлечение, забава. А котика у людей взяла. Иурядка детям это (Ин-ка Арх.).

АС –

ИДИВА́ТЬСЯ, -юсь, -ешься; несов. Одеваться. – Во что одевались, когда в школу ходили? – Ой, чё кто чё помоу, то и идивались. Ты знаешь, нормы ж не было, ничего ж не было (Гильч. Тамб.).

АС –

ИЖА́К, -а; м. Мотоцикл марки «Иж». На «Ижак» сяду и на рыбалку поеду на Пёру (Черн. Своб.).

АС –

ИЖЕВÉНЕЦ, -а; м. Человек, находящийся на чьем-л. попечении; иждивенец. В войну хлеб давали по триста грамм на ижевенеца, муку делали из сои с пшеницей. (Черн. Своб.).

АС –

ИЗБА́, -ы; ж. Деревянный крестьянский дом. Как вы называли дом, где вы жили? – Изба (Кас. Арх.). Я не знаю. И хата, и изба. Всяко называется (Ин-ка Арх.). Ну, вот у мамы у нас изба была, ну, она разделена тоже, и спальня там, и зал (Кас. Арх.). Зайдите в избу (Чаг. Шим.).

АС –

ИЗБА́-ЧИТА́ЛЬНЯ, -и; ж. Культурно-просветительское учреждение в деревне; библиотека, клуб. Я в избе-читальне с женихами знакомилась (Черн. Своб.). Была изба-читальня тоже, я там работала при сельсовете. Там была и контора колхозная, и сельсовет, и изба-читальня (Урал. Шим.).

АС –

ИЗБУ́ШЕЧКА, -и; ж. Уменьш. к **ИЗБУ́ШКА**. Избушечка маленькая была (Черн. Своб.).

АС –

ИЗБУ́ШКА, -и; ж. Небольшой дом, изба. А там не дом, а избушки были. Небольшие домишки такие как сказать, ну от так как эта кухня. (Урал. Шим.). А это такое... деревянное... ну как сказать... типа из

квартиры, избы; такая деревянная, плотно срубленная избушка (Урал. Шим.).

АС –

ИЗВОДИ́ТЬ, -у, -ишь; сов. Отвести и привести обратно, сводить. Я бы вас повяла ўон туда, показала бы вам дубняк. Не знаю, как мне вас изводить, как докалдыбати, я от туда еле приду, я б повяла вас поўлядеть (Кр.Луч Арх.).

АС –

Укр. ЗВОДИ́ТИ – сводить

ИЗМО́Р, -а; м. Об изнуряющем, мучительном воздействии. Жарко, что за измор! (Черн. Своб.).

АС –

ИЗНЯ́ТЬСЯ, изнимусь[?], изнимешься[?]; сов. Перестать, прекратить. Я зашла, ўо(во)ру: «Чё у вас Серёжка плачет?» Ўоворит: «Вот упал, ударился и сидит плаче и всё». Я ўо(во)ру: «Серёжа, дай ручку» Эты Серёжа мне ручку подае, я вот так вот взяла и стряхнула эту ручку, даже мне послышалось, как оно что-то. И всё, и тот Серёжа изнялся плакать, и вся боль прошла (В.Урт. Конст.).

АС –

ИЗРЕДКА́, нар. Изредка, нечасто. Счас же ууля, ууоль бывает, а тоуда не было ууля. Только ууоль в пятьдесят каком ўоду появился, и то изредка (Комиссар. Бел.).

АС –

ИМУ́ЧЕСТВО, -а; ср. Имущество. Выкупают, и он её увозит домой и имучество всё, а како имучество раньше... (Великокняз. Бел.).

АС –

ИНВАЛІ́ДСКИЙ, -ая. Имеющий отношение к инвалиду; инвалидный. У него машина своя как бы инвалидская, Как положено, приезжает (Светил. Бел.).

АС –

ИНТЕЛЕГÁШ, -а; м. Неодобр. Об образованном человеке, знакомом с городской культурой. Пошла мать купила ўоршок, ну, малированный, принесла и стала варить в нём. А у нас же таких не было, интеллекташей, чтобы нам ўоршочек был. И мы ели с этоуо ўоршка. А кто-то приехал, не знаю, или это наши интеллекташи, или ўородские. Да, ўоворят: мам, или там баба, чё ты купила это ўоршок? Это же детский и ночной. А она ўоворит: А чё тебе, он

чистый, в мауазине стоял. Вот купила, вот и варю, не ў чѣм варить (Ин-ка Арх.).

АС –

ИНФЕКЦИОННИК, -а; м. Врач, специализирующийся на инфекционных заболеваниях. *А то принесла, заболели сыпным тифом одна семья. А я не знала, а там моя жила подружка, а я к ним возьми да и пойди, к подружке в уости, А он узнал. Инфекционник был. Узнал, пришёл, давай у вас стричь всех* (Светил. Бел.). АС –

ИРТЫШ, -а; м. Спец. Название небольшого горшка из огнеупорной глины, используемого для приготовления пищи. *Раньше у нас трубы делали, сгорел завод, так теперь только кирпич делать, горшочки – иртыши. На заводе иртыши формовали, амурчата* (Черн. Своб.).

АС –

ИРТЭ, нескл. Эвенкийская самоходная лодка. *Ну щас вроде чѣ-то тут начинается, многих поутраивали уже на работу, вроде чѣ-то уже оживает. Уже смотришь, по Зее что-то вот это иртэ большие ходют. Иртэ, как самоходки... Вот и вчера лодки две прошло у них. И наливнушка уже проходит. Чѣ-то оживает* (Урал. Шим.).

АС –

ИСКУСНИК, -а; м. Ребенок, находящийся на искусственном вскармливании; искусственник. *Раньше мы здоровые были, у меня молоко дурком бежало, а сейчас искусники одни* (Черн. Своб.).

АС –

ИСПЕЧИТЬ, -у, -ишь; сов. Испечь что-либо в печи. *А щас уже испечь неуде её, потому что в плите её не испекешь, в духовке тем более* (Светил. Бел.).

АС –

ИСПОДКИ, -док; только мн. Рукавицы. – *А рукавички как называли? – Исподки* (Разд. Тамб.).

АС +

ИСПУЖАТЬСЯ, -жаюсь, -жаешься; сов. Испугаться. *Я испугалась, прямо ў сорочке ночной на вулицу выбягла, только шалью накрылась* (Чемб. Своб.).

АС –

ИСПУСТИТЬ, -щу, -ишь; сов. Впустить, отпереть двери. *Маруся, испусти меня, подъезд-то до десяти* (Черн. Своб.).

АС –

ЙСТИ, ем, ешь; несов., **ИСТЬ**, ем, ешь; несов. и **ИСЬ**, ем, ешь; несов. Принимать пищу; есть. *Они в баню ушли, а я с Колькой паски поворовала. А исти-то они не давали, чаи посолют солью, постовали* (Черн. Своб.). *Отвела я яуо домой, за стол посадила, исти яму наложила, уоворю: «Кушай, сыночек, боршч»* (Чемб. Своб.). *Один раз что-то мы с подружкой не поили. Мы так ослабли. Исть надо – питанье плохое* (Урал. Шим.). *По грибы я и ходить, и ись их люблю* (Черн. Своб.). *Им лишь бы исть да одѣжа, а то вскочут у хату и бегают, бегают по хате – исть ищут* (Великокняз. Бел.).

АС –

ИСТОПКА, -и; ж. Отапливаемое помещение для хранения овощей. *Чтобы овощи не померзли, не почернели, хранили их в истопке с печкой* (Чаг. Шим.).

АС –

ИСТРУБ, -а; м. Четырехугольное сооружение из бревен, служащее основой для дома, сруб. *Иструб. Ну вот зачнут рубить, рубят дом, иструб назывался* (Гриб. Арх.).

АС –

ИСТЬ, ем, ешь; несов. См. **ЙСТИ**, **ИСЬ**.

ИСУЛЬТ, -а; м. Нарушение мозгового кровообращения; инсульт. *Не могу, ноуи у меня подкашиваются, как не мои после исульта... После исульта у меня сердце совсем ерундит, ишемия или ихимия. Как её называют, сердце?* (Светил. Бел.).

АС –

ИСЬ, ем, ешь; несов. См. **ЙСТИ**, **ИСТЬ**.

ИТИТЬ, иду, идёшь; несов. Идти. *Будешь итить ў мауазин, возьми мяне бутылочку соку* (Чемб. Своб.).

АС –

ИХИМИЯ, -и; ж. Обескровливание тканей; ишемия. *После исульта у меня сердце совсем ерундит, ишемия или ихимия. Как её называют, сердце?* (Светил. Бел.).

АС –

ИХНИЙ, -ая, -ее, мест. Их. *Вот мама моя вышла взамуж в ихню семью* (Великокняз. Бел.).

АС –

ИЧИГИ, **ичи́ги** и **ичиги́**, ов; мн. 1. Кожаная, не пропускающая воду обувь на мягкой подошве с голенищами. *Ичиги были. Тятя, отец ичиги сами шили. Ичиги, вот они завязывались, ичиги сами шили. Из*

козлиной шкуры. Вот обделывали шкуры, наверно, со шкуры (Кас. Арх.). Обувь носили, знаете, ичиги называется, ичиги. С сыромятины делали. А ичиги уже вот такие длинные, с голяшками ичиги (Кас. Арх.). Ичиги с кожи шьют и носят их. Конечно, длинные, вот до колена (Ин-ка Арх.). Ичиги. Это осенние, весенне-осенние. Ну, как выглядели, наподобие сапог, ну только у сапог подошва такая, а эта мягкая (Гриб. Арх.). А до етово были ичиги, вот просто из тонкой шкуры пошитые (Урал. Шим.). Я в ичигах замуж выходила (Чаг. Шим.). А летняя... это... осенняя обувь... это... ичиги называли. Тоже такого же всё типа, но только делано уже другим путем, с примесью с этого... смолянистого от березы – деготь – и уже он не пропускает воду (Урал. Шим.). Шили они свою обувь, вот отец зарезал барана или быка, потом готовит сам себе, они у них назывались ичиги, ну, сапоги. Кожу он вот так растирает солью её, заворачивает её, и она у них долго квасится (Серыш. Серыш.). Сапоги не шил, потому что не было такой возможности, назывались ичиги. Как сапоги, но

как чулки ичиги. И в ичигах ходили в летнее время. Выше колена у них, эти закрытые. Ичиги и бродни, не-е. Ичиги, наверно, покороче (Разд. Тамб.). – Обувь какую мужчины носили раньше? – Ботинки, сапоги, а то раньше такие были, ичиги называли. Когда корову резали, выделявали, я знаю, сухая шкура получается. Дёгтем пропитывают, чтобы она сырости не боялась (Гильч. Тамб.).2. Охотничьи высокие сапоги из кожи на мягкой подошве. Ичиги я помню, отец носил ичиги, это такие... такая мягкая без каблука безо всего. Глубокая такая длинная выше колена (Ин-ка Арх.). Шли на охоту, надевали ичиги. Охотники в них ходили, они тёплые, выше колена (Урал. Шим.).

АС +

ЙОНОМ, нар. Хорошо. Дедушка говорил слово «не замай». Какое же он ещё говорил? А, «йоном». Слово «йоном» значит «хорошо». Делай йоном, делай лучше, хорошо делай. Это было ранешнее слово, это было молоканское слово (Гильч. Тамб.).

АС –

РУССКИЕ ГОВОРЫ ПРИАМУРЬЯ: ОПЫТ ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

Одним из основных методов изучения говоров, наряду с описательным и лексикографическим, является лингвогеографический. Исследователями осуществлялось описание и лексикографирование русских говоров Приамурья, что отразилось в статьях, диссертациях [1] и в диалектном словаре [2]. Лингвогеографический подход к исследованию амурских говоров, насколько нам известно, не предпринимался. Вместе с тем функционирующие в настоящее время на территории Приамурья русские говоры выступают как интереснейший объект для лингвистического картографирования.

В отечественной диалектологии имеется богатый опыт лингвогеографического исследования русских говоров Европейской части России. Главным итогом этой работы стало создание ДАРЯ – Диалектологического атласа русского языка, три выпуска которого увидели свет в 1986, 1989 и 1996 гг. Атласы демонстрируют системный подход к диалектному языку и отражают многообразие междиалектных соответствий на фонетическом, морфологическом и лексическом уровнях системы диалекта. Их подготовка заняла достаточно продолжительное время: в 1945 г. была утверждена «Программа собирания сведений для диалектологического атласа русского языка», составленная под руководством Р.И.Аванесова, Б.А.Ларина и Ф.П.Филина, и затем, на протяжении почти 20 лет, десятки кафедр русского языка университетов, педагогических и учительских институтов планомерно под руководством Института русского языка АН СССР в центре Европейской части России собирали материал для готовящегося атласа [3, с. 4-9].

«Ввиду обширности территории распространения русского языка в РСФСР изучение его методами лингвогеографии в пределах всей этой территории, по крайней мере в качестве ближайшей задачи, явилось бы делом практически не осуществимым», – указывают авторы ДАРЯ во вступительной статье к нему [3, с. 5]. Это одна из причин ограничения территории картографирования при создании ДАРЯ. Другая причина – значительная неоднородность периферийных говоров России, находящихся за пределами центра ее Европейской части. На это также указывают авторы ДАРЯ: «...говоры на территории исконного заселения и на территории позднейшей колонизации представляют собой в значительной степени разные объекты картографирования» [3, с. 5].

На материале говоров территорий позднего заселения был создан атлас русских говоров Среднего и Нижнего Поволжья Л.И.Баранниковой, который опубликован в 2000 г. [4].

В настоящее время интерес к лингвистическому картографированию русских говоров не ослабевает по ряду причин: пополнение диалектных картотек новыми материалами, не отраженными на картах, возможность обработки имеющихся в распоряжении материалов с использованием компьютерных технологий, неудовлетворенность достигнутым. Так, в Институте русского языка им. В.В.Виноградова РАН (г.Москва) создается электронная версия ДАРЯ. Планомерная работа над Лексическим атласом русских народных говоров (ЛАРНГ) осуществляется в Институте лингвистических исследований РАН в Санкт-Петербурге.

Исследование амурских говоров методами лингвогеографии осуществляется и диалектологами Амурского государственного университета.

О специфике говоров Приамурья

Русские говоры Приамурья, или амурские русские говоры, начали формироваться в середине XIX в., когда по Амуру устанавливались казачьи станицы, выступавшие как форпосты на русско-китайской границе. Первопоселенцами края традиционно считаются забайкальские казаки, чей говор имел севернорусскую основу. Позднее амурское казачество по-

полнилось казаками с юга России, говоры которых имели иную диалектную основу. Укреплению позиции России на Дальнем Востоке способствовало массовое крестьянское переселение из Европейской части страны, Украины и Белоруссии в конце XIX – начале XX века. Говоры именно этих переселенцев оказали значительное влияние на формирование и качественные характеристики русских говоров Приамурья. Вторая переселенческая волна из южнорусских районов, а также из Украины и Белоруссии пришлась на 50-60-е гг. XX века и усилила своим присутствием южнорусскую и малорусскую ноту в диалектном многоголосье Приамурья.

Исследователь амурских говоров и фольклора начала XX века А.П.Георгиевский в 1928 г. отмечает исключительную пестроту дальневосточного диалектного ландшафта: «Трудно отыскать такой район, в котором на значительном протяжении и в большом числе населенных пунктов можно было бы встретить тип одного цельного говора. Везде комбинированные, смешанные говоры, и если можно говорить о каких-либо господствующих, то только как господствующих сравнительно» [5, с. 15]. В 1930 г. А.П.Георгиевский в работе «Говоры Приамурья» выделил основные подгруппы амурских говоров: русские говоры старожильческие и новосельческие, особо – казачьи говоры, украинские говоры, белорусские говоры, смешанные говоры и говоры старообрядцев-семейцев [6, с. 100].

Эту языковую ситуацию взаимодействия говоров разных восточнославянских языков на одной территории можно обозначить как исходную, данную.

В современном Приамурье и, полагаем, на других дальневосточных территориях, разнодиалектный материал наблюдается повсеместно. И это, с одной стороны, делает привлекательной идею отразить имеющееся диалектное разнообразие на карте, а с другой стороны, ставит вопрос о целесообразности лингвистического картографирования и заставляет усомниться в возможности создания диалектологического атласа говоров, распространенных на территориях позднего заселения.

Термин «говоры территорий позднего заселения» используется «для обозначения говоров территорий, вошедших в состав Русского государства сравнительно поздно, в основном в период после XVI-XVIII веков или уже в период XVIII – XIX веков. В европейской части России к территориям позднего заселения относятся, например, районы Среднего и Нижнего Поволжья. Широко представлены эти говоры в Сибири» [7, с. 81] и, добавим, на Дальнем Востоке.

О необходимости картографировать говоры территорий позднего заселения

Существует точка зрения, согласно которой картографировать говоры территорий позднего заселения не имеет смысла в силу их пестроты. Однако существует и другой взгляд на проблему. Так, Л.И.Баранникова считала, что широкая представленность этого типа говоров уже «определяет актуальность разработки проблемы их описания и картографирования» [7]. Она была убеждена в том, что лингвистическое картографирование территорий позднего заселения возможно и необходимо, но требует особой методики, позволяющей «приемами лингвогеографии исследовать, во-первых, говоры более сложного состава, характеризующиеся повышенной вариативностью, сосуществованием разнотерриториальных черт в рамках одного говора; во-вторых, разные по типу говоры, сосуществующие в непосредственном соседстве, а часто в одном и том же пункте; в-третьих, отношения между сосуществующими разнодиалектными элементами, с точки зрения их места в системе говора (иносистемные вкрапления или этапы изменения, перестройки данной системы), особенностей функционирования (закономерные или «случайные»), частотные или нет, позиционно обусловленные или «свободные» варианты) и т.д.» [8, с. 4]. Ее теоретические предположения нашли практическое отражение в упомянутом выше атласе [4], а также в разработанном под ее руководством и с ее участием новом типе диалектологического атласа русского языка – таблично-числового на материале говоров территорий позднего заселения [7].

* См. указание на это в [8, с. 3], скептическое отношение к возможности применения лингвогеографического метода в изучении говоров территорий позднего заселения высказывалось и в дискуссии на Международной конференции «Актуальные проблемы русской диалектологии» (Москва-Звенигород, 2006), в частности, С.К.Пожарицкой.

Понимая всю сложность проблемы, мы предприняли попытку обследования местных говоров с использованием методик лингвогеографии.

Мы полагаем, что амурские говоры, сложившиеся в результате взаимодействия русских говоров с разной диалектной основой, а также с говорами украинского и белорусского языков, обладают собственной спецификой по сравнению со вторичными говорами западных регионов России. Лингвогеографический аспект в изучении русских говоров Приамурья способствует системному отражению этой специфики.

С 2003 г. сбор диалектного материала в селах Амурской области осуществлялся по «Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» [9]. Всего за период 2003-2006 гг. было обследовано 28 сел. Работа по «Программе...» в указанный отрезок времени носила пробный характер и была рассчитана на выявление общей картины состояния современных говоров Приамурья. Кроме того, представлялось важным уяснить, насколько целесообразно изучение вторичных говоров лингвогеографическими методами, ведь пестрота диалектного ландшафта Амурской области очевидна. Конечной же целью работы по «Программе...» является установление ареала распространения и пределов варьирования того или иного диалектного явления на уровне лексики, фонетики, морфологии и синтаксиса, а также выявление доминирующего варианта в пределах одного говора. Вопросы «Программы...» для обследования амурских говоров были взяты выборочно, предпочтение отдано тем, которые способствуют идентификации материнского говора по совокупности диалектных черт в говоре вторичного образования. Всего в работе был задействован 41 вопрос из вопросника «Программы...», в т.ч. 21 вопрос по фонетике, 8 вопросов по морфологии и 12 вопросов по лексике.

Методика обработки материала

Результаты обследования говоров по «Программе...» заносятся в таблицы, которые фиксируют все обнаруженные в пределах населенного пункта варианты того или иного диалектного явления, при этом выделяется доминирующий. Доминирующим вариантом считается наиболее частотный. В таблице он подается первым в общем ряду или как единственный в том случае, если другие варианты не были зафиксированы. Недоминирующие, менее частотные диалектные варианты отмечаются в таблице вслед за доминирующими, и к ним, по возможности, даются комментарии, объясняющие происхождение варианта или указывающие на особенности его реализации в говоре. В ряду диалектные варианты располагаются по степени их частотности: от более частотных к менее частотным. Единично встретившиеся варианты сопровождаются указанием на это в скобках.

Покажем на примере таблицы по итогам экспедиции 2006 г. результаты такого обследования.

Краткая характеристика сел

Экспедиция 2006 г. проходила в Белогорском районе Амурской области.

В таблицах представлена информация по селам Светиловка, Комиссаровка, Великокнязевка.

Село Светиловка образовано в 1896 г. переселенцами из Малороссии (Украины), из Полтавской губернии Кременчугского уезда. Называется так же, как и украинское село, из которого приехали первопоселенцы. Расположено на левом берегу реки Томь, притока Зеи, окружено многочисленными озерами. Находится в 34 км от районного центра. Численность населения – свыше 500 человек. Проживают в селе русские, украинцы. В селе есть школа.

Село Комиссаровка находится в 55 км от райцентра в долине реки Зея на правом берегу реки Белая. Первоначально село называлось Калягино. Население около 200 чел. (на 01.01.2005 г. – 178 чел.). В начале XX века – в 1926 г. – население села составляло 1345 чел. и было самым большим в Белогорском районе. В селе проживают потомки переселенцев из Украины, Рязанской и Московской областей.

Село Великокнязевка находится в 60 км от райцентра на берегу протоки реки Зея. По официальной версии, образовано в 1909-1910 гг. По мнению жителей села, год его образования – 1898. Называлось оно тогда Великая Княжевка, а современное название село получило

в 1910 г. Названо так честь великого князя Константина Александровича Романова, который разрешил поселиться здесь переселенцам из Украины, чему, по мнению местных жителей, противились Андреевские староверы, обосновавшиеся на этих землях ранее. Для разрешения спора к великому князю были отправлены ходоки, вернувшиеся с долгожданным разрешением на поселение.

В настоящее время в селе Великокнязевка проживают представители разных национальностей: русские, украинцы, белорусы, татары, мордва, чуваша, грузины, осетины, корейцы, китайцы. Население составляет более 1 тысячи чел. (на 01.01.2005 г. – 1156 чел.). В селе есть школа. Село граничит с другим селом – Новоандреевкой, основаным старообрядцами из Забайкалья в 1886 г.

Основные занятия жителей названных сел – сельское хозяйство, животноводство, рыболовство.

При записи диалектного материала предпочтение отдавалось людям более старшего возраста, большинство из которых является представителями типа Д – диалектного, по классификации Л.М.Орлова [12, с. 46]. Отметим, что представителей этого типа все меньше, преобладающим среди современных информантов является тип С – смешанный (в их речи сочетаются диалектные и литературные черты).

Всего за время экспедиции сделаны записи речи от 81 информанта названных сел, из них 5 чел. (4 %) рождены в 10-е гг. XX века, 26 чел. (21 %) – в 20-е гг., 31 чел. (25 %) – в 30-е гг., 14 чел. (12 %) – в 40-е гг., 5 чел. (4 %) – в 50-е гг., 2 чел. (около 2 %) – в 80-е гг. и 1 чел. (менее 1 %) – в 90-е гг.

При лингвогеографическом изучении говоров, в том числе говоров территорий позднего заселения, учет социальных характеристик представителей диалектной формы языка необходим: анализ речи диалектоносителей, принадлежащих одному говору, но различающихся своими социальными характеристиками, дает разный материал для составителя диалектологического атласа, и этот материал, с одной стороны, показывает тенденцию развития того или иного диалектного явления в говорах вторичного образования, а с другой стороны, демонстрирует исключительную устойчивость отдельных черт диалектного языка.

Далее см. таблицу.

Комментарии к таблице

1. Мы наблюдаем **многообразие фонетических, морфологических, словообразовательных вариантов**, реализуемых в одном населенном пункте, а также развитую синонимию. Часто это свидетельствует о том, что в пределах одного села сосуществуют и функционируют несколько говоров. Экстралингвистической причиной выраженной диалектной многовариантности является пестрый состав переселенцев, образовавших амурские села и изначально представлявших разные типы русских говоров и говоров украинского и белорусского языков. Кроме того, для дальневосточного региона характерна внутренняя миграция, которая тоже привела к диалектной неоднородности и многовариантности.

См., например, вопр. 3: *диревня, деревня, дяревня*; вопр. 29: *ходят, ходют, ходють*; вопр. 31: *зыбка, люлька, колыска, качка, колыбель и др.*

2. Нами отмечено то, что **доминирующим вариантом в современных амурских говорах часто является тот, который совпадает с литературным** вариантом русского языка (см. вопр. 1: *вада, вода, вьда*; вопр. 27: *у меня, у мене, тебе, у тебе, табе, себе, собе*; вопр. 34: *цыплята, цыпушки, цыпики* и др.).

В некоторых случаях неизвестен никакой другой вариант, кроме совпадающего с литературным (см. вопрос 36: *радуга*).

Полагаем, что это отражает общую тенденцию развития говоров под воздействием литературного языка как основной формы языкового существования в современном обществе. Безусловно, это связано с тем, что современные жители сел получали образование, как минимум учились в школе, где прививалась литературная норма, а диалектная оценивалась как некультурная, низшая, непрестижная, что постепенно ослабляло позиции диалектного языка и способствовало вытеснению его литературной речью. Кроме того, закрепление литератур-

ного варианта в речи диалектоносителя происходит вследствие его постоянного нахождения под воздействием средств массовой информации, прежде всего радио и телевидения, ориентированных на литературный стандарт.

3. В ряде случаев в говорах мы наблюдаем **серьезную конкуренцию между собственно диалектным вариантом и вариантом, совпадающим с литературным** (см. вопр. 15: *сарахван*, *сарахфан* и *сарафан* при доминирующем *сарахван* в Великокнязевке и *сарафан* и *сарахван* при доминирующем *сарафан* в Светиловке, и *сарахван* и *сарахфан* в Комиссаровке).

4. Как показывают данные таблиц, среди зафиксированных в амурских говорах диалектных **вариантов и синонимов отмечены разные по своему происхождению, но в первую очередь, это совпадающие с южнорусскими** и малоросскими (см., *зозуля*, *кочет*, *сарахван*, *колыска*, *ходят* и мн. др).

Разнодиалектные явления могут встречаться в речи одного и того же информанта (см., например, записи речи Савченко М.С., с. Светиловка) [10].

Показательно в этом отношении высказывание обрусевшего белоруса, родившегося в 1923 г. в Приамурье в семье переселенцев из Белоруссии: «*Картошка, бульба, какая разница... Как назову, так и пойдет*» [11, с. 69].

То же можно сказать и о синонимах-дублетах, которые могут использоваться в речи одного информанта безотносительно к ситуации или другим экстралингвистическим и собственно лингвистическим факторам. Тем не менее все же прослеживается тенденция к вытеснению собственно диалектного варианта общелитературным. Так, жительница с. Великокнязевка Белогорского района Антошук Л.С., 1935 г.р., родители которой были переселенцами из Украины, знает слово *зозуля*, и упоминание об этом слове заставляет ее вспомнить события собственной жизни, связанные с народной приметой, где главным персонажем выступает кукушка – *зозуля*: по примете, появившаяся в неожиданном месте зозуля определяет дальнейшее течение жизни, выступает как дурное предзнаменование. Попутно наша информантка высказывает мысль о том, что это слово *зозуля* сейчас не все помнят и говорят *кукушка* [10]. Таким образом, лексема *зозуля* известна, но употребляется пассивно, и, несмотря на пассивное функционирование, в сознании диалектоносителя остается включенной в соответствующий этнокультурный контекст.

5. По данным таблиц можно судить **о подвижности лексики говора**, обусловленной тем, что многие лексические единицы устаревают и уходят из сферы активного бытового употребления в область воспоминаний (*зипун*, *ичиги*, *свита* и т.д.), а новые реалии (в нашем случае названия верхней мужской и женской одежды) обозначаются лексическими единицами, заимствованными из литературного языка (*костюм*, *пиджак*, *туфли* и др.).

О том же свидетельствует пополнение диалектных синонимических рядов заимствованиями из литературного языка. Так, например, в синонимическом ряду слов, обозначающих колыбель (*зыбка*, *люлька*, *колыска*, *качка*, *колыбель*), появляется слово *кроватька* (см. вопр. 31).

6. Таблицы показывают и консервативные участки диалектной системы в говорах обследованных сел. В ряде случаев наблюдается **доминирование диалектного варианта** среди прочих (см., напр., вопр. 18: употребление варианта *вострый* является более распространенным, чем варианта *острый*; вопр. 25: стяженные формы прилагательных преобладают, напр., *молода*, *чиста*, *хороша*; вопр. 26: *кою* употребляется в обследованных говорах чаще, чем *ково*; вопр. 30: диалектное *хата* для наименования жилища используется чаще, чем общепринятое *дом*).

Интересным фактом следует считать функционирование в говорах диалектной формы, отсутствующей в литературном языке – звательной формы (см. вопр. 24: *сынку*, *сыне*, *сестрице*). Сохранности данного участка диалектной системы во вторичных говорах способствует необходимость обозначения в говоре данного фрагмента системы.

Возникает вопрос о возможных способах отражения представленного материала на карте.

Изоглосса как линия на лингвистической карте, ограничивающая территорию распространения того или иного языкового явления, вряд ли возможна на карте, отражающей факты современного состояния говоров территорий позднего заселения: при картографировании таких территорий возникнут многочисленные наложения изоглосс, показывающие сосуществование разных членов междиалектного соответствия на одной территории. Поэтому как приемлемый способ обозначения распространения того или иного диалектного явления в наших говорах, на наш взгляд, следует рассматривать значковый способ. Он предпринят и в указанном выше «Атласе русских говоров Среднего и Нижнего Поволжья» Л.И.Баранниковой и других современных работах, затрагивающих лингвогеографический аспект при рассмотрении языковых фактов.

В результате картографирования диалектных явлений амурских говоров значковым способом мы наблюдаем концентрацию в одном населенном пункте разнодиалектных явлений, и это будет проявляться как правило, в большинстве случаев. Априори возьмем на себя смелость утверждать, что такое положение дел будет принципиально отличать русские говоры территорий позднего заселения на европейской части России от подобного типа говоров на дальневосточных территориях: в «европейском» варианте, судя по картам Л.И.Баранниковой, опубликованным в «Атласе русских говоров Среднего и Нижнего Поволжья...», все же возможно во многих случаях обозначить лингвистический ареал, пусть и островного характера. В амурских говорах, располагающихся в дальневосточном регионе России, возможность существования четко ограниченного лингвистического ареала, показывающего территорию распространения какого-либо междиалектного соответствия, не исключается. Однако наличие такого будет скорее отступлением от общего правила. Причин тому будет несколько. Во-первых, удаленность русских говоров Дальнего Востока, в том числе амурских, от материнских говоров, которые в европейской части России как бы выполняют функцию «магнитного поля» на прилежащих к ним территориях и способствуют более длительному сохранению своего, материнского, варианта из ряда разнодиалектных явлений (см., например карты № 3 «Типы безударного вокализма в позиции после твердых согласных», № 14 «Стяжение в окончаниях прилагательных», № 17 «Окончания глаголов 3 лица ед. числа» и др. [4, с. 32-33, 54-55, 60-61], показывающие «магнетизм» материнских говоров по отношению к говорам территорий позднего заселения на европейской территории России). Во-вторых, большая пестрота состава носителей амурских говоров и русских говоров Дальнего Востока в целом, явившаяся следствием неоднократных массовых переселений из европейской части России, Украины, Белоруссии, а также внутрирегиональные миграции, приведшие и к значительной пестроте диалектного ландшафта.

Интересен и приемлем для лингвистического картографирования говоров территорий позднего населения на Дальнем Востоке и в Приамурье, в частности, таблично-числовой способ отражения диалектного материала, продуктивность которого обосновала и показала Л.И.Баранникова [7, с. 82].

Выводы

При всей ярко выраженной диалектной неоднородности говоров Приамурья, сохранившейся на протяжении более чем вековой их истории, в настоящее время по совокупности диалектных черт мы определяем их как русские говоры переходного типа, сформировавшиеся в условиях контакта разных говоров русского, украинского и белорусского языков на территориях позднего заселения, и такой вывод вполне подтверждается опытом исследования их лингвогеографическим методом. Необходимость лингвогеографического исследования русских говоров территорий позднего заселения, в частности говоров Дальнего Востока и амурских говоров, в частности, связана еще и с тем, что, являясь частью русской диалектной системы, эти говоры показывают ее состояние и тенденции развития в новых условиях, что имеет непосредственное отношение к истории русских диалектов в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. См. работы Л.В.Кирпиковой, Ф.П.Ивановой, О.Ю.Галуза, Н.П.Шенкевец, Е.А.Оглезневой, Н.Г.Архиповой, Н.В.Лагута и некот др.

2. Словарь русских говоров Приамурья. М.: Наука, 1983.
3. Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. В трех выпусках. Вып.1. Вступительные статьи. Справочные материалы. Фонетика. М., 1986.
4. Баранникова Л.И. Атлас русских говоров Среднего и Нижнего Поволжья. Саратов, Изд-во Саратов. ун-та, 2000.
5. Георгиевский А.П. Русские говоры на Дальнем Востоке // Русские говоры Приморья. Вып.3. Владивосток, 1928.
6. Цит. по: Кирпикова Л.В. Первые исследователи говоров Приамурья // Записки Амурского областного краеведческого музея и общества краеведов. Благовещенск, 1992.
7. Баранникова Л.И. Опыт составления таблично-числового диалектологического атласа русского языка на материале говоров территорий позднего заселения // Аванесовский сборник: К 100-летию со дня рождения чл.-кор. Р.И.Аванесова. Ин-т рус. яз. им. В.В.Виноградова РАН. М.: Наука, 2003.
8. Баранникова Л.И. Говоры территорий позднего заселения и проблема методов их изучения // Проблемы изучения русских говоров вторичного образования. Кемерово, 1983.
9. Программа собирания сведений для диалектологического атласа русского языка. М. – Л., 1947.
10. Фоноархив лаборатории региональной лингвистики Амурского государственного университета. Материалы 2006 г.
11. Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 2. Речевые портреты. Речевые жанры. Словарь. Язык фольклора / Под ред. Е.А.Оглезневой, Н.Г.Архиповой. Благовещенск: АмГУ, 2005.
12. Цит. по: Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М.: Наука, 1989.

**Таблица. Результаты обследования сел Белогорского района Амурской области по вопросам
«Программы собирания сведений для диалектологического атласа русского языка»**

СЕЛО	с.Светиловка	с.Комиссаровка	с.Великокнязевка	Комментарий
1. гласный в первом предударном на месте о (<i>вода, вада, въда</i>)	вада вода въда	вада	вада вода въда	Доминирует вариант, совпадающий с литературным, оканье наблюдается в речи потомков украинцев, встречается и диссимилятивное аканье
2. гласный в первом предударном на месте е перед твёрдым согласным (<i>вела, вёла, вяла, вила</i>)	вила вела	вила вела сяло	вила вела	Доминирует вариант, совпадающий с литературным
3. гласный в первом предударном на месте е перед мягким согласным (<i>деревня, диревня, дяревня</i>)	диревня деревня дяревня	деревня диревня	диревня деревня дяревня	Доминирует вариант, совпадающий с литературным
4. гласный в первом предударном на месте я перед твёрдым согласным (<i>пряла, прела, прила</i>)	прила пряла	пряла прила	пряла прила	Конкурируют вариант, совпадающий с литературным, и диалектный вариант (иканье и яканье)
5. гласный в первом предударном на месте я перед мягким согласным (<i>напряди, напреди, наприди</i>)	наприди напряди напреди	напреди наприди	напреди наприди	Конкурируют вариант, совпадающий с литературным, и диалектный вариант (иканье и еканье)
6. гласный в первом предударном на месте е после шипящих (<i>жена, жына, жана, жона, жына</i>)	жена жына	жена	жена жына	Доминирует вариант, совпадающий с литературным
7. гласный на месте а в первом предударном после шипящих (<i>жара, жыра, жера</i>)	жара	жара	жара жыра	Доминирует вариант, совпадающий с литературным
8. прибавление гласного в начале слова перед р, л (<i>аржаной, альняной, оржаной, ильняной</i>)	нет прибавления	единично – иржаной	нет прибавления	Доминирует вариант, совпадающий с литературным
9. гласные о (ё) или е под ударением на месте буквы ё (е) (<i>несёшь – несешь</i>)	несёшь несешь	несёшь	несёшь	Доминирует вариант, совпадающий с литературным

Фонетика согласных				
10. твёрдый или мягкий р (<i>курю – куру</i>)	курю тюрма (единично)	курю	курю прымут, прислал, грыбы	Доминирует вариант, совпадающий с литературным
11. согласный на месте ц (<i>улица, улича, улиця, улиса, улис'а</i>)	улица	улица	улица улиця (единично)	Доминирует вариант, совпадающий с литературным
12. согласный на месте ш (<i>шчука, шишука, ш'ч'ука, ш'ш'ука, с'ц'ука</i>)	ш'ш'ука ш'ч'ука	ш'ш'ука шчука	ш'ш'ука	Доминирует вариант, совпадающий с литературным
13. как произносится слово что (<i>што, шт'е, шчо, ш'ч'о, шче, шишо, чо</i>)	шшо што чо	шшо чо што	што шшо чо	Конкурируют вариант, совпадающий с литературным, и диалектный вариант
14. сочетание жж (<i>вожжи, вож'ж'и, вожджи, вож'д'и, воз'з'и</i>)	вож'ж'и вожжи	вож'ж'и вожжи	вожжи вож'ж'и	Доминирует вариант, совпадающий с литературным, прослеживается общезыковая тенденция к отвердению долгих шипящих
15. согласный на месте ф (<i>сарафан, сарахан, сарахван, сарахфан</i>)	сарафан сарахван	сарахван сарахфан	сарахван сарахфан сарафан	Конкурируют вариант, совпадающий с литературным, и диалектный вариант; диалектный вариант занимает прочную позицию в говорах
16. согласный на месте г в конце слова (<i>снег, снек, снех</i>)	снек снех	снек снех	снех снек	Конкурируют вариант, совпадающий с литературным, и диалектный варианты
17. согласный на месте в перед согласным и на конце слова (<i>лафка, лаўка, лавка, короф, короў, коров</i>)	лафка лавка	лафка лавка	лафка лавка	Конкурируют вариант, совпадающий с литературным, и диалектный вариант
18. прибавление согласного в начале слова к гласным о, у (<i>вострый, вулица</i>)	вострый острый	вострый острый	вострый острый	Доминирует диалектный вариант
19. согласный на месте л в конце слова и перед согласным (<i>знал, знаў</i>)	знал знаў	знал знаў	знал знаў	Доминирует вариант, совпадающий с литературным
20. сочетание дн, бм (<i>ладно, ланно, обман, омман</i>)	ладно ланно	ладно	ладно ланно	Доминирует вариант, совпадающий с литературным

21. согласные <i>з, к</i> перед <i>т, п, к</i> и <i>д, б, г</i> (<i>кто, хто, к пятнице, х пятнице, к кому, х кому, к дому, г дому, у дому</i>)	кто кто у дому	кто у дому	кто к пятнице	Доминирует диалектный вариант
МОРФОЛОГИЯ				
22. падежные окончания в род., дат. и предл. падежах ед.ч. существительные ж.р. на -а, -я (<i>у жены, у жене, у жени к сестре, к сестри, к сестры</i>)	у жены у сестре у маме к сестри к маме	у жены у жене у сестре у маме от папи у платку	у мамы у жене к сестры	Доминирует вариант, совпадающий с литературным
23. склонение существительных муж. р. с суффиксом -ушк-, -юшк-, обозначающие лицо (<i>дедушка, дедушко</i>) (еди- <i>нично</i>)	дедушка дедушко (еди- нично)	дедушка	дедушка	Доминирует вариант, совпадающий с литературным
24. наличие звательной формы (<i>сыне, сестрице, Марусю, мамо</i>)	сынку сыне сестрице	маме сыне сестрице	сестрице	Функционирует диалектная форма при отсутствии таковой в литературном языке
25. окончания прилагательных в им.п. ед.ч. женск. и мужск. рода (<i>молодая, молодаяа, молодая</i>)	молода, чиста, хороша молодая	молода, маленька молодая	молода молодая, одинокая	Доминирует диалектный вариант
26. окончания прилагательных и местоимений в род.п. ед.ч. муж. и ср. рода (<i>ково, кого, коуо, коо, доброво, доброва, доброго, доброга, доброуо, доброуа</i>)	коуо ково	коуо ково	коуо ково	Доминирует диалектный вариант
27. род. и вин. пад. личных и возвратного местоимений (<i>у меня, у мене, у мя, у мне, у мя, у себя, у себе, у сабе, у собя, у ся, у се; видишь тебя, тея, тебе, тее, те, тя, тебе, табе, себя, себе, се, ся, сабе, собя</i>)	у меня у мене у маня у мя у тебя собя собе	у меня у мене тебе у тебе табе себе собе	у меня у мене тебе тобе у себе собе	Доминирует вариант, совпадающий с литературным, представлены различные диалектные формы местоимений

28. им. и вин. пад. местоимений тот, та, те (<i>тот, той, тый; то, тоё, таё, тые; та, моя, тая, тья; вижу ту, тоё, то'е, ты'е, то'ю, т'ую, ту'ю</i> старушку)	общерусские формы + той тую (единично)	общерусские формы + той тоя (единично)	общерусские формы	Доминирует вариант, совпадающий с литературным, представлены различные диалектные формы местоимений
29. окончания глаголов второго спряжения в 3-м лице (<i>ходят, ходют, ходя, ходю, ходята, ходютю</i>)	ходят ходют	ходют ходят, ездят	ходят, плотят ходют ходютю	Конкурируют вариант, совпадающий с литературным, и диалектный вариант
Лексика				
30. крестьянский дом (<i>изба, хата, курень</i>)	хата дом изба (редко)	хата дом	хата дом изба (редко)	Доминирует диалектная лексема
31. колыбель (<i>зыбка, люлька, колыска, качка, колыбель, колыбка</i>)	зыбка люлька колыбель кровать качка колыбка	зыбка люлька колыска качка колыбель кровать	зыбка люлька колыска кровать качка	Доминирует одна из диалектных лексем, в синонимическом ряду появляется слово кровать как обозначение современной реалии
32. петух (петух, пеун, пеюн, певун, кочет, кур)	петух кочет (редко) кур (единично)	петух кочет (редко)	петух	Доминирует лексема, совпадающая с литературным названием реалии
33. курица (<i>наседка, наседалка, клуша, квочка, кочка</i>)	квочка наседка курица клушка несушка	квочка наседка курица	квочка наседка курица клушка	Доминируют лексемы, совпадающие с литературными названиями реалии
34. цыплята (<i>цыплята, цыпушки, силки, селёнки</i>)	цыплята цыпушки цыпики	цыплята цыпушки	цыплята цыпушки цыплатки выводки	Доминирует вариант, совпадающий с литературным
35. кукушка (<i>кукушка, зозуля, зезюля</i>)	кукушка зозуля	кукушка	кукушка зозуля	Доминирует лексема, совпадающая с литературным названием реалии

36. радуга (<i>радуга, райдуга, дуга, весёлка</i>)	радуга	радуга	радуга	Записана только одна лексема, совпадающая с литературным названием реалии
37. туча (<i>туча, хмара, хмарь...</i>); плохая погода (<i>не'погодь, не'годь, хмарная погода</i>) ясная погода (<i>те'пля, вёдро, ядрёная погода</i>)	туча	туча	туча хмара	Доминирует лексема, совпадающая с литературным названием реалии
38. мужская одежда, обувь (<i>армяк, зипун, козляк, кафтан, свита, свитка, косоворотка; ичиги, бродни, лапти, морини</i>)	зипун ичиги костюм косоворотка фуфайка кирзачи москвичка кафтан козлячьи штаны	фуфайка катанки пиджак костюм куфайка бушлат свитер ичиги	кафтан валенки зипун свита лапти фуфайка косоворотка бушлат телогрейка ичиги рубаха кушак	Диалектные названия мужской одежды и обуви имеют статус историзмов, вместе с тем данная группа названий пополняется заимствованиями из литературного языка
39. женская одежда, обувь (<i>сарафан, саян, понёва, андарак, сорочка, сарафан, сак, запон, увиток, триполка...; чирки, ичиги, чуни</i>)	сарафан кормушка чирки ичиги сорочка туфли чуни	сарафан, сара-хван фартук юбка ичиги катанки сорочка	сарафан, сарахван сорочка туфли	Диалектные названия женской одежды и обуви имеют статус историзмов, вместе с тем данная группа названий пополняется заимствованиями из литературного языка
40. звуки, которые издает собака	лает гавкает брешет тяфкает	лает гавкает брешет, брехуха (о собаке)	лает гавкает	Доминирует лексема, совпадающая с литературным названием реалии

41. звуки, которые издает курица	кудахчет квохчет, квокчет квокает кудкудакает кудкудачет кудахтает	кудахчет квохчет, квокчет кудахтает кудкудахчет	кудахчет квохчет, квокчет кудкудачет	Доминирует лексема, совпадающая с литературным названием реалии
----------------------------------	--	---	---	---

Варианты ответов и их количественные характеристики

1. Доминирует вариант, совпадающий с литературным – 24 ответа (№ 1,2,3,6,7,8,9,10,11,12,14,19,20,22,23,27,28,32,33,34,35,37,40,41).
 2. Конкурируют вариант, совпадающий с литературным, и диалектный вариант – 7 ответов (№ 4,5,13,15,16,17, 29).
 3. Доминирует диалектный вариант – 6 ответов (18,21,15,26,30,31).
 4. Функционирует диалектная форма при отсутствии таковой в литературном языке – 1 ответ (№ 24).
 5. Записана только одна лексема, совпадающая с литературным названием реалии – 1 ответ (№ 36).
 6. Диалектные названия определенной тематической группы устаревают вместе с тем данная группа названий пополняется заимствованиями из литературного языка – 2 ответа (№ 38,39).
- Всего 41 ответ.

В данном разделе продолжается публикация фольклорных произведений, записанных в селах Амурской области во время фольклорно-диалектологических экспедиций преподавателей и студентов Амурского госуниверситета. В настоящем выпуске представлены и материалы этнографических экспедиций 1989-1996 гг. преподавателей и студентов Благовещенского училища культуры. В разделе публикуются лирические и обрядовые песни, частушки, припевки, заговоры, описания гаданий и народных игр. В каждой из групп текстов соблюдается тематический принцип. Публикацию фольклорных материалов предваряет вступительная статья, характеризующая некоторые лингвистические особенности украинского фольклора в условиях амурских говоров – говоров переходного типа.

Н.Г. Архипова, Е.Е. Рачко

УКРАИНСКАЯ ПЕСНЯ НА АМУРСКОЙ ЗЕМЛЕ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

*Сладостные звуки родимой песни и музыки
в живой человеческой душе ум пробуждают
и чувства высокие воспитывают.
М. Ломоносов*

В современном мире интерес к национальному наследию предков как к уникальному явлению мировой культуры остается неизменным. Однако стремительное развитие общества, научно-технический прогресс, процессы глобализации нивелируют национальную специфику культуры тех или иных народов, многочисленных этнических групп.

Устное народное творчество выступает в качестве культуuroобразующего фактора в истории существования многих народов и наряду с языком часто выступает идентификатором национальной принадлежности человека.

С конца 90-х гг. XX в. наблюдается активизация изучения языка, культуры, истории этноса в иноязыковом и инокультурном окружении. Дальний Восток в этом плане представляет собой уникальное явление.

В настоящее время подавляющую часть населения Амурской области составляют восточнославянские народы. Это население сложилось в результате заселения Приамурья, начиная с 70-90-х гг. XIX в., русскими, украинцами и белорусами. Каждый из этих народов был представлен выходцами из различных губерний России, Украины и Беларуси, что говорит об изначальной этнической и языковой неоднородности переселенцев на Дальний Восток. «Однако, анализируя особенности миграционных процессов, социально-экономического развития, культурной жизни Дальнего Востока, и дореволюционные, и советские исследователи, за редким исключением, обозначали дальневосточных переселенцев единым термином «русские». Между тем, с 80-х гг. XIX в. население Дальнего Востока, особенно его южной части – Приамурья и Приморья (в прошлом имевшего название «Южно-Уссурийский край»), начинает, помимо русских, активно заселяться другими восточнославянскими народами – украинцами и белорусами, принесшими в дальневосточный регион свои традиции, быт, культуру» [1, с. 7].

Дальневосточный украинский ареал – один из самых крупных по распространению украинского языка за пределами метрополии. Специальных исторических, этнографических и лингвистических изысканий, посвященных дальневосточным украинцам, чрезвычайно мало. Известны работы Т.В.Назаровой [см., напр., 2], Ю.В.Аргудяевой [см., напр., 1]. Немало ценных сведений, особенно об украинских говорах на Дальнем Востоке в 20-е гг. XX столетия, представлено в трудах А.П.Георгиевского – профессора Владивостокского университе-

та, собирателя говоров и фольклора славянского населения Приамурья и Приморья [см., напр., 3, 4, 5, 6, 7].

Первые украинцы начали переселяться в Приамурье приблизительно с конца 70-х гг. XIX в. Наибольшая часть дореволюционных переселений украинцев относится к периоду после 1907 г. [4, с. 12]. Активное переселение происходило и в 20-30-е гг. XX в., немало украинских семей прибыло в Амурскую область накануне Великой Отечественной войны и в 60-е гг. прошлого столетия.

Самыми первыми и многочисленными украинскими переселенцами были выходцы из Киевской, Черниговской и Полтавской губерний. С начала XX в. идет переселение из Харьковской, Винницкой областей, Волыни, правобережной Украины.

В июне 1966 г. Институт украинского языка им. А.А.Потебни (г. Киев) организовал диалектологическую экспедицию на Дальний Восток под руководством И.Г.Матвиевского и Т.В.Назаровой [2]. Обследовав ряд сел, образованных украинцами, участники экспедиции обнаружили несколько типов украинских говоров, функционирующих на территории позднего славянского освоения в условиях соседства с говорами русского и белорусского языков: 1) монодиалектный тип украинских говоров с единым населением (населенные пункты заселены исключительно выходцами из одной диалектной зоны); 2) монодиалектный со смешанным населением (помимо украинцев в селах проживает и русское население); 3) разнодиалектный с превалированием одного типа говоров за счет социального преимущества одной группы населения; 4) разнодиалектный с перевесом одного из типов смешанных говоров; 5) разнодиалектный смешанного типа без доминирования определенного говора [2, с. 5].

Разнодиалектность населения и открытость для постоянных контактов способствовали возникновению смешанных говоров, в целом характерных для молодых переселенческих колоний. Украинские говоры в Приамурье подвергались влиянию русских и белорусских переселенческих говоров, а также русского литературного языка, что отражалось в речи потомков первых украинских переселенцев.

Разная степень сближения украинских диалектных черт и проникновение русской речи породили неоднородность в украинских говорах, даже в пределах одного населенного пункта. В настоящее время можно говорить о нескольких группах таких говоров:

1. Говоры, в большей или меньшей степени идентичные исходным говорам. Носителями этих говоров являются люди старшего поколения, часть из которых рождена на Украине. Также эти говоры характерны для рожденных на Дальнем Востоке и длительно пребывавших в монодиалектном украинском окружении. В их речи присутствуют лишь отдельные элементы русского языка.

2. Говоры, в значительной степени подвергшиеся влиянию русского языка, однако сохранившие основные черты украинских диалектов, главным образом, на фонетическом и грамматическом уровнях. Большинство из носителей таких говоров закончили начальную школу, контактируют с инодиалектным населением и, по сути, являются билингвами.

3. Русские говоры, сохраняющие некоторые черты материнских украинских говоров. Они характерны в большей степени для молодого и части среднего населения.

Как отмечает Т.В. Назарова, на территории Дальнего Востока бытовало нескольких украинских диалектных типов: полесский, пивденный, волынско-подольский и др. [2, с. 7]. Однако в начале XXI в. уже сложно говорить о выделении какого-либо диалектного типа украинского языка на территории Приамурья, что обусловлено произошедшими процессами нивелировки украинских говоров под влиянием диалектных и литературной форм русского языка. Возможность русско-украинского языкового контактирования обусловлена близостью данных восточнославянских языков. Однако до настоящего времени в разных типах Амурских говоров сохраняется украинский фольклор, главным образом, лирические и обрядовые песни, в меньшей степени, чем сами украинские говоры, претерпевающие изменения под влиянием русского языка, что объясняется стабильностью и воспроизводимостью фольклорного текста.

Мы продолжаем начатую в первом, втором и четвертом выпусках альманаха «Слово» публикацию фольклорных произведений, записанных в селах Амурской области. Основа

этого выпуска – записи, сделанные во время фольклорно-диалектологических экспедиций студентов и преподавателей Амурского госуниверситета в 2005-2006 гг. и студентов Благовещенского училища культуры во время этнографических экспедиций 1989-1996 гг. В настоящем выпуске материалы представляют собой систематизированное жанровое собрание фольклорных текстов. В каждой из групп соблюдается тематический принцип.

Главным образом, раздел представлен украинскими лирическими и обрядовыми песнями. Тексты даются в русской орфографической записи. В данном выпуске альманаха мы сознательно отказываемся от записи украинских песен в украинской орфографии ввиду частого смешения украинских и русских черт на фонетическом и грамматическом уровнях в пределах одного фольклорного произведения. Полагаем, что запись в русской орфографии не препятствует идентификации украинских языковых особенностей представленных фольклорных произведений.

Анализ языка украинских лирических и обрядовых песен показал, что сосуществование русского и украинского фольклора привело к конвергенции текстов, вследствие которой произошли изменения, главным образом, украинского фольклора под влиянием русского языка. Нами были описаны эти изменения. Например, употребление ударного [o] на месте украинского [i] в позиции tot и tot'; ударного [e] на месте украинского [i] в позиции t'ot; ударного [o] на месте украинского [e] в позиции tet (<t'et); русские неполногласные сочетания *ра, ла, ро, ло* на месте украинских полногласных *оро, оло, ере, еле*; выравнивание основ на -з, -к, -х в падежных парадигмах; вытеснение лексических единиц из украинских текстов русскими вариантами с той же семантикой и др. [см. подробно: 8, 9].

Отметим, что при значительном влиянии русского языка, в текстах украинских лирических и обрядовых песен сохраняется устойчивый пласт исконной лексики, не претерпевающий изменений. Например, *працать, хмарить, жури́ться, кошу́ля, зозу́ля, лю́лька* и др. Сохранение лексики украинского языка поддерживается наличием таких слов в южнорусских говорах, носителями которых являлись многие переселенцы на Дальний Восток и их потомки.

Наряду с указанными изменениями, обусловленными влиянием русского языка, наблюдается и сохранение исконных языковых черт в украинских лирических песнях, бытующих в Приамурье: произношение твердых согласных перед гласными переднего ряда; отсутствие интервокального j; сохранение в речи украинского [h]-фарингального; сохранение [ʏ]-неслогового; отсутствие редукции и ассимиляции по звонкости-глухости; отсутствие перехода [e] в [o]; сохранение украинского суффикса -ти в формах инфинитива и др. [см. подробнее 9]. Данные особенности также отмечаются во многих южнорусских говорах.

В большей степени не подвергаются влиянию русского языка тексты украинского обрядового фольклора: свадебные песни, заклички, колядки и др., – что обусловлено малой распространенностью этих жанров и, главным образом, пассивной формой бытования.

Подводя итоги, отметим, что основным процессом, происходящим в языке украинского фольклора в условиях говоров переходного типа Амурской области, стала субституция, проявившаяся в проникновении русских элементов в ткань произведений украинского устного народного творчества. Субституция повлекла замену украинских языковых единиц русскими на разных уровнях, прежде всего на лексическом и частично на фонетическом.

Фонетическая субституция обычно охватывает структуры украинского языка, рознящиеся с русскими. В лексемах, не имеющих русских фонетических соответствий, субституция осуществлялась вплоть до полного вытеснения украинских слов из текстов фольклорных произведений.

Стабильность и интенсивность русского влияния на украинский фольклор за счет ослабления внутриукраинского междиалектного взаимодействия привели к возникновению на основе русско-украинских языковых контактов специфичных черт в текстах украинского фольклора.

Анализ языковых особенностей и функционирования украинского фольклора в современном Приамурье является перспективным направлением диалектологии и требует даль-

нейшего развития в плане изучения процессов языковой конвергенции. Изолированность носителей украинских говоров и фольклора от метрополии, влияние русского литературного языка и русских говоров способствует нивелировке и постепенному вытеснению или трансформации украинских диалектных черт. Этот процесс особенно активно протекает в говорах тех территорий, где украинское население не является компактным или составляет меньшинство. Что касается районов массового поселения украинцев и их потомков, то здесь языковая и фольклорная традиции сохраняются наилучшим образом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аргудяева Ю.В. Украинцы. Крестьянская семья украинцев в Приморье (80-е гг. XIX – начало XX вв.). М., 1993.
2. Назарова Т.В. Українські говірки на Далекому Сході. Київ, 1967.
3. Георгиевский А.П. Программа для собирания материалов старины, быта, творчества и языка Дальневосточной области. Владивосток, 1925.
4. Георгиевский А.П. Русские на Дальнем Востоке. Заселение. Говоры. Творчество. Вып. 1. Заселение русскими Дальнего Востока и современное их распространение (в связи с говорами). Владивосток, 1926.
5. Георгиевский А.П. Русские на Дальнем Востоке. Вып. 2. Вопрос о говорах побережья залива Петра Великого. Владивосток, 1926.
6. Георгиевский А.П. Русские на Дальнем Востоке. Вып. 3. Русские говоры Приморья. Владивосток, 1928.
7. Георгиевский А.П. Русские на Дальнем Востоке. Фольклорно-диалектологический очерк. Вып. 4. Фольклор Приморья. Владивосток, 1929.
8. Архипова Н.Г. Фольклор в условиях говоров переходного типа // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 1. Фольклор / под ред. Е.А.Оглезневой, Н.Г.Архиповой. Благовещенск: АмГУ, 2003. С. 7-10.
9. Архипова Н.Г., Филина А. Об особенностях языка фольклора в условиях говоров переходного типа (на материале лирических песен, записанных в Приамурье) // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 4. Амурское старообрядчество: речевые портреты. Речевые жанры. Словарь. Язык фольклора // под ред. Н.Г.Архиповой, Е.А.Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2006. С. 40-42.

ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

Любовные песни

2

1

Ой, ходыв донэц симь год по Дону,
А на восьмом году сам до дому йдэ.
А на восьмом году сам до дому йдэ,
Ой, сам до дому йдэ, ще й коня вэдэ.
Ой, сам до дому йдэ, ще й коня вэдэ,
Ой, обняла донца ночка темная.
Ой, обняла донца ночка темная,
Ой, ночка темная возле лесочка.
Ночка темная возле лесочка,
Ой, привязал коня возле яверя.
Привязал коня возле яверя.
А сам ложився спать возле коника.
Сам ложився спать возле коника,
Ой, прилитá к ему разлюта змия.
Прилитá к ему разлюта змия.
– Ой, чи ты спишь, донэц, чи ты так лэжишь?
– Ой, не сплю, не сплю да все думаю,
Ой, як моя жена дома пожива.
– Вже ж твоя жена хай домой пошла,
А коней вороных пороспродала.
Коней вороных пороспродала,
А седла золоты пороздавала,
А сынив-соколив порозгоныла.
Сынив-соколив порозгоныла.
Ой, приихав донэц та й уж в свий дворец.
Приихав донэц та й уж в свий дворец,
Ой, выходэ жена, ворота открыва.
Выходэ жена, ворота открыва.
Слова нэ сказав, с плеч головку зняв.
Слова нэ сказав, с плеч головку зняв.
Да заезжа донэц та й у в свий дворец,
Заезжа донэц та й у в свий дворец,
Ой, кони вороны по станкам стоят,
Кони вороны по станкам стоят,
А сидла золоты по крючкам висят,
Сидла золоты по крючкам висят,
А сыны-соколы за столом сыдят,
Сыны-соколы за столом сыдят,
Ой, сыдят за столом да й пышут пером,
Сыдят за столом да й пышут пером.
– Ой, нэ есть я отец, рассукин сын-подлец.

Е.Т.Шпак, 1915 г.р., с. *Ерковицы*

По-за лисом зэлэнэнькым
Брала вдова лён дрибнэнькый,
Вона брала, выбырала,
Тонкий голос подавала,
Там Васылько сино косыть,
Тонкий голос пэрэносыть,
Кынув косу до долоньку,
А сам пишов до домоньку,
– Позволь, маты, вдову браты,
Пэрэстану пыть-гуляты.
– Нэ позволю вдову браты,
Вдова вмие чаруваты.
Чарувала мужа свого,
Причаруе сына мого,
– А я чарив нэ боюся,
Та й на вдови оженюся!

П.В.Павлова 1920 г.р., с. *Воскресеновка*

3

Козак одъижджае,
А дивчына плаче:
– Куды йидэш, козаче,
Козаче-соболю,
Визьмы мэнэ из собою
На Вкраину далэку!

– Дивчинонько мыла,
Що ж будэш робыты
На Вкраини далэкой?
– Буду хустки праты
И зэлэно жито жати
На Вкраини далэкой!

– Дивчинонько мыла,
Що ж будэш ты йисты
На Вкраини далэкой?
– Сухари из водою,
Аби, сэрдцэ, из тобою
На Вкраини далекой!

– Дивчинонько мыла,
Дэ ж будэш ты спаты
На Вкраини далэкой?
– В стэпу, пид вэрбою,
Аби, сэрдцэ, из тобою
На Вкраини далекий!

П.В.Павлова 1920 г.р., с. *Воскресеновка*

Ой, лэтила горлыця чэрэз сад,
Через сад, гэй!
Розпустила пирьячко на вэсь сад,
Гэй, на вэсь сад!

А хто ж тэе пирьячко избэрэ,
Избэрэ, гэй?
А хто мэнэ, молодую, забэрэ,
Гэй, забэрэ!

На курочци пирьячко в одын ряд,
В одын ряд, гэй!
Любимосся, серденько, в одын лад,
Гэй, в одын лад!

П.В.Павлова, 1920 г.р., с. *Воскресеновка*

По той бик гора, а по той друга,
По-мэж тымы крутымы горами
Взсходыла зорэ.

Да то ж нэ гора, дивчына моя,
Захватыла золоти вэдэрци,
По воду пишла.

По воду пишла, аж до Дуная,
А за нэю козак зозулэю,
За дивчыною.

Дивчына ж моя, напои мэни коня,
Зрублэною, ой, да крыныченькою,
З повного видра.

Козаче ты мий, чи воля твоя,
Тоди буду конэй напуваты,
Як буду твоя.

Дивчына ж моя, сидай на коня,
Да пойдэм во чистэе полэ,
Дэ мои дома.

Та то ж нэ дома, нэ мае ж ни пола,
Тильки стояв одын куш калыны,
Да й та зроду нэ цвила.

Дивчына до двора, калына зацвила,
Ну тэпэр же, молода дивчына,
Будэш ввик моя.

П.В.Павлова 1920 г.р., с. *Воскресеновка*

– Чом ты нэ прыйшов,
Як мисяць взийшов,
Як я тэбэ ждала?
Чы коня нэ мав,
Чы стэжкы нэ знав,
Чы маты нэ пускала?

– И коня я мав, и стэжку я знав,
И маты пускала.
Наймэнша сэстра,
Бог дав, нэ взросло,
Сидэлэчко сховала.

А старша сэстра
Сидэльце знайшла,
Коня осидлала.
– Сидай, братыку,
Тай пойдэмо,
Дэ твоя кохана.

Г.Г.Глазкова, 1941 г.р., с. *Заречное*

Тэчэ ричэнька нэвэлыченька,
Скочу-пэрэскочу.
Отдайтэ мэнэ, моя матинко,
За кого я схочу.

Як отдавала, приказувала:
– Сим год не буваты,
А як ты прыйдэш,
Моя дочэнько,
Выгону из хаты.

Тэрпила годок, тэрпила другый,
Трэтий нэ стэрпила,
Прэвратылася в сыву зозулю,
В гости полэтила.

Лэтила лугом, лэтила гаем,
Сила на калыни,
Тай стала кувать, жалю завдавать,
Як жить на чужбыни.

– Позвольтэ мэни, моя маменько,
Ту зозулю вбыты,
Бо вона куе, жалю завдае,
Нэ можу я житы.

– Нэ позволю я тоби, сыноньку,
Ту зозулю вбыты,
Бо ций зозульци,
Як мойий доци,
Тяжко було житы.

Г.Г.Глазкова, 1941 г.р., с. *Заречное*

8

Мисяць на нэби,
Зиронькы сяют,
Тыхо по морю
Човэн пливэ.
В човни дивчына
Писню спивае,
А козак чуче –
Сэрдэнько мрэ.
Та писня мыла,
Та писня любя,
Всэ про кохання,
Вся про любов,
Як мы любылы,
Та розийшылыся,
Тэпэр навикы
Зийшылыся знов.
Ой, очи, очи,
Очи дивочи,
Тэмни, як ничка,
Ясни, як дэнь.
Вы ж мэнэ, очи,
Плакть навчылы,
Дэ ж вы навчылысь
Зводыть людэй?
Мисяць на нэби,
Зиронькы сяют,
Тыхо по морю
Човэн пливэ.
В човни дивчына
Писню спивае,
А козак чуче –
Сэрдэнько мрэ.

Г.Г.Глазкова, 1941 г.р., с. *Заречное*

10

Мисяц на небе,
зироньки сяют,
Тихо по морю
човень пливэ.
В човне дивчина

писню спивае,
А козак чуче,
сердэньком мрэ.
Це писня мила,
це писня любя,
Все про кохання,
все про любовь,
Як мы кохались,
тай разошлись,
Теперь сошлись
навекы вновь.

А.Д.Мартынюк, 1928 г.р., с. *Молчаново*

10

– Ой, чэрна, я чэрна,
Чернява, як цыганка,
Та ще й полюбыла,
Чернявого Иванка.

Иванко ты, Иванко,
Сорочка вышиванка,
Высокий та стрункий,
Ще й на бородинка.

А в лисин два дубочка,
Обыдва зэлэнэньки,
Мы так парувани,
Обыдва чернявэньки.

– Маруся ты, Маруся,
Люблю я твою вроду,
Люблю дывытыся,
Як ты идэш по воду.

Як ты идэш по воду,
Вэртаешся з водою.
Люблю дывытыся,
Маруся, за тобою.

Г.Г.Глазкова, 1941 г.р., с. *Заречное*

11

Провожала маты сына у солдаты,
Молоду невестку – лён зелёный рваты.
Рвала вона, рвала, уже вечерие,
А на той невестке тело деревение.

Рвала вона, рвала,
Лёну нэ дорвала
И посеред поля
Тополёу стала.

Як вертався сину из вийська до дому,
Зустриває в поли високу тополю.
– Ой, мама, ой, мама,
Що то за причина,
Що у чистом поли ростэ тополина.

– Нэ пытай мене, сину,
За тую прычыну,
Возьми секорину,
Рубай тополину.

Як ударил перший, листься похилились,
Як ударил другый, мене заговорила:
– Не рубай мене, милый, я твоя милая,
А в колысце плаче дитятка малая.

Твоя маты мэнэ
Тяжко проклинала,
Я посеред поля
Тополею стала.

– Мама, моя мама,
Що ты натворила?
Мы так кохалися,
Ты нас разлучила.

А.М.Попик, 1928 г.р., с. *Заречное*

12

Ой, пид калыною трава зэлэная.
Там стоить дивчына,
Тай засмуцэная.

Ой, ты дивчынонько,
Тай зарученная,
Ой, чэрэз кого ты
Тай засмуцэная.

Кохала мылого,
Кохала в добрый час,
Прийшла мэдовэнька,
Тай розлучыла нас.

Прощайтэ, кучери,
Лицо румяное,
Прощай то сэрэдэнько,
Тай полоняное.

Ой пид калыною
Трава стэлылася.
Молода дивчына
З мылым простылася.

Е.М.Сало, 1945 г.р., с. *Аркадьевка*

13

Ой, вышенька-черешенька,
Близько над водою
Брала дивка нови видра
И шла за водою.

Ще водыци нэ набрала,
На колина встала,
За чернявым зажурылася
Да у воду впала.

Стоить мылый на тим боци
Та крычить: «Ратуйтэ!»,
А я йому отвечала:
«За мной нэ жалкуйтэ».

Тоди було жалкуваты,
Як була жива я,
А тепер пэрэдо мною
Могыла сырая».

Л.А.Герасименко, 1951 г.р., с. *Никольское*

14

Посияла огирочки блызько над водою,
Сама буду поливаты дрибною сльозою.
Росты, росты огирочки чотыри годочка,
Нэ бачила мыленького чотыри годочка.
А на пятый побачила.
Не посмила сказать «здравствуй»,
Дома постояла.
Дома ты стояв, обо всём дывывся,
Не посмила сказать «здравствуй»,
А мне милый сказал: «Здравствуй»,
Я ему – ни слова,
Сама беленьким платочком
Слезу утирала.

Л.Д.Галайко, 1936 г.р., г. *Райчихинск*

15

Туман яром, туман долиною,
За туманом ничего нэ выдно,
Тилькы выдно дуба зэлэного,
Пид тым дубом крыныця стояла,
В тий крыныци дивка воду брала.
Оброныла золотэ видэрцэ,
Загубыла козакови сэрцэ.
А хто тэе видэрцэ дистанэ,
Той зи мною на рушнычок станэ.

Обизвався козаченько з гаю:
– А я тє видэрцэ дистану,
Я з тобою на рушнычок стану.

Л.Д.Галайко, 1936 г.р., г. Райчихинск

16

В краю зэлэнэньким вечир посэлывся,
Молодой козачок, чого зажурывся?
Что нэ прыстав ты и з дорожки збывся,
Чого зажурывся и в долини збывся?

А в той долине стоить хата,
А в хате лампочка горит,
Там маты дочку выгоняет,
Дочка заплакана сидит.

– Ой, доня, доня, моя доня,
Ты в мэнэ ласточка одна,
Не вспоминай козака в бою,
Його живого уже нэма.

– Не отдай, маты, за второго,
Второй не парочка мне,
Если замуж отдашь,
Буду лежать в сырой земле».

Л.Д.Галайко, 1936 г.р., г. Райчихинск

Бытовые песни

1

Ой, пряду, пряду, спатоньки хочу.
Ой, склоню я голивоньку
На билую постилоньку, може я засну.

Аж свэкруха йдэ, як змия гудэ:
– Сонлывая-дримлывая,
До роботы линывая, нэвистка моя!

Ой, пряду, пряду, спатоньки хочу.
Ой, склоню я голивоньку
На билую постилоньку, може я засну.

Аж свэкор йдэ, як витэр гудэ:
– Сонлывая-дримлывая,
До роботы линывая, нэвистко моя!

Ой, пряду, пряду, спатоньки хочу.
Ой, склоню я голивоньку
На билую постилоньку, може я засну.

А мий мылый йдэ, як голуб гудэ:
– Ой, спы, мыла-хорошая,
Пишла замиж молодая,
Нэ выпалася!

П.В.Павлова 1920 г.р., с. Воскресеновка

2

За городом крачки плывутъ
Каченята крачутъ,
Вбоги дивкы замиж идуть,
А богати плачутъ.

Вбоги дивкы замиж идуть
З чорнымы бровамы,
А богати дивкы сыдятъ
З киньмы та з воламы.

– Чи чула ты, дивчынонько,
Як я тэбэ клыкав,
Чэрэз твое подвирьячко
Сывым конэм йихав?

– Ой, хоч чула, хоч нэ чула,
Нэ одзывалася:
Тэмна ничка петривочка –
Выйты боялася!

– Ой, нэ бийся, дивчынонько,
Нэ бийся ничого,
Бо я хлопэць молодэнький,
Нэ зразыв никого!

– Ой, нэ хоче твоя маты
Мэнэ, бидну, знаты,
Хоче соби багатую
Нэвистку шукаты!

– На що мэни на подвирьи
Волы та коровы,
Як нэ будэ в мойй хати
Любови, розмовы.

Ой, дэсь гудэ, ой, дэсь грае
Скрыпка вытынае,
Оце вдова свойй дони
Вэсилля справляе.

П.В.Павлова 1920 г.р., с. Воскресеновка

Военные песни

1

Вы поля, вы поля,
Вы широки поля.
Что на ваших полях
Урожаю нэма.

Что на ваших полях
Урожаю нэма,
Только есть урожай –
Кучерява верба.

Только есть урожай –
Кучерява верба,
А под той под вербой
Солдат бытой лэжит.

А под той под вербой
Солдат бытой лэжит,
Он убит не прыбыт,
Весь порезан лэжит.

Он убит не прыбыт,
Весь порезан лэжит,
Голова у него
Вся порезанная.

Ой, и конь ты, мой конь,
Ой, бежишь ты, мой конь.
Побежишь ты, мой конь,
У Россию домой.

Побежишь ты, мой конь,
У Россию домой,
Не кажи ты, мой конь,
Что я вбытый лэжу.

Не кажи ты, мой конь,
Что я вбытый лэжу,
А кажи ты, мой конь,
Что женатый хожу.

А кажи ты, мой конь,
Что женатый хожу,
Оженила меня
Пуля быстрая.

Оженила меня
Пуля быстрая,
А взвенчала меня
Сабля острая.

А взвенчала меня
Сабля острая,
А невеста була
Восковая свеча.

А невеста була
Восковая свеча,
А бояре булы
Гусли звонные.

Е.Т.Шпак, 1915 г.р., с. Ерквцы

Шуточные песни

1

Едут, едут мазурочки,
Вэзут, вэзут два виночки.
Винки золоты, винки золоты.

Заехал мазур до дивчины в двор.
Стук-гряк в окошечко.
Выйди, сердце, на крылечко,
Коню воды дай, коню воды дай.
Я не могу встать, коню воды дать.
Мни мамаша приказала,
Чтоб я с паном не стояла.
Матуси боюсь, матуси боюсь.

Матуси не бойсь, сидай на мой воз,
Да пойдэм в чисто полэ,
Там и заживем, там и заживем.

Е.Т.Шпак, 1915 г.р., с. Ерквцы

2

Ванечка мой, миленький мой!
За что ж ты журишь, за что ж ты бранишь?
Или ты мне, или ты мне
Сарафан купил, новенький срядил?
Шил его мне, шил его мне?

Припев:

Шильники, модники, сапожники, плотники,
Шарновалы, карновалы,
Овчинники-постовалы,
Шильмецы и кузнецы, все монахи чернецы.
А да казаченьки молодцы.

Ванечка мой, миленький мой!
За что ж ты журишь, за что ж ты бранишь?
Или ты мне, или ты мне
Чулочки купил, новеньки срядил?
Шил его мне, шил его мне?

Привет:

Шильники, модники, сапожники, плотники,
Шарновалы, карновалы,
Овчинники-постовалы,
Шильмецы и кузнецы, все монахи чернецы.
А, да казаченьки молодцы.

Ванечка мой, миленький мой!
За что ж ты журишь, за что ж ты бранишь?
Что пришла без сапог? Нема!
Сапожки купи, новеньки сряди.
Шил его мне, шил его мне

Привет:

Шильники, модники, сапожники, плотники,
Шарновалы, карновалы,
Овчинники-постовалы,
Шильмецы и кузнецы, все монахи чернецы.
А, да казаченьки молодцы.

Ванечка мой, миленький мой!
За что ж ты журишь, за что ж ты бранишь!

Е.Т.Шпак, 1915 г.р., с. *Ерковцы*

3

Посадила розу в край викна,
Посадила розу в край викна,
Мала я мужа, мала я мужа,
Мала я мужа Василя.

Он ничто нэ робэ, тилькы пье,
Он ничто нэ робэ, тилькы пье,
А прыйдэ до дому
А прыйдэ до дому, жинку бье.

– Нэ бый мэнэ, муже, нэ карай,
Нэ бый мэнэ, муже, нэ карай,
Бо я тебя брошу,
Деточек покину и сиду и поиду за Дунай.

Вот как я в лодку сидала,
Вот как я в лодку сидала,
Правой рученькой, белой косынкой
Я махала мужу Василию.

– Ой, вернися, жинка, до дому,
Ой, вернися, жинка, до дому,
Ложки не мыты, чашки побиты,
А детишки плачут на печи.

Я не буду пыты, буду любыты,
Ой, как тяжко жыты одному.

А.М.Попик, 1928 г.р., с. *Заречное*

4

Посылала мэнэ маты
Яровое жито жаты,
А я жито не жала,
В бороздёнке лежала,

В бороздёнке лежала
И Никиту поджидала.

Я не знаю, что мне делать,
Ум за разум зашел,
То ль орешки щелкать,
То ль Никиту целовать.

Я орешки щелкала
И Никиту целовала.

А.Д.Мартынюк, 1928 г.р., с. *Молчаново*

Колыбельные песни

1

Баю-баю, баю-бай,
Не ходи, серый бабай,
Серый бабай, не ходи
И малютку не буди,
Мой малютка будет спать
И хороший сон видать.

Л.К.Саяпина, 1924 г.р., с. *Гильчин*

ОБРЯДОВЫЕ ПЕСНИ

Колядки

1

Стали малим малима полоня.
Соко-оле.
Соколе ясен, молодец красен, Иванушка!

Иванушка на коне играе, в поле гуляе.
Соко-оле.
Соколе ясен, молодец красен, Иванушка!

Вывели ему че городяне девку в наряде.
Соко-оле.
Соколе ясен, молодец красен, Иванушка!

Шапочку исняв и вкланився.
Соко-оле.
Шапочку исняв и вкланився.
Спасибо вам, все городяне.
За девушку, за Марьюшку.

М.А.Красникова, 1926 г.р.
с. Нижняя Полтавка

2

Таусень, таусень! Как у кочета
Таусень, таусень! Голова красна.
Таусень, таусень! У Михалушки
Таусень, таусень! Всё жена хороша.
Таусень, таусень! Она по полу не ходит,
Таусень, таусень! Она на лавку не ступит –
Таусень, таусень! На подушечке сидит
Таусень, таусень! Мелки денежки считает.
Таусень, таусень! Мы пойдём-ка к ней,
Таусень, таусень! Мы попросим у неё
Таусень, таусень! Да по денежке,
Таусень, таусень! По копеечке.

М.Ф.Черкасова, 1904 г.р., с. Андреевка

Свадебные песни

Песня, исполняемая при сватовстве

Закувала зозулёнка
В саду на помосте,
Эй, закувала зозулёнка.

Приехали до дивчины
Три козака в гости,
Эй, приехали до дивчины.

Одын козак коня вэдэ,
Другый коня вяже,
Эй, одын козак коня вэдэ.

Третий идэ до дивчины,
«Добрый вечер», – каже.
Эй, третий идэ до дивчины.

– Добрый вечер, стара матэрь,
Дай воды напыться,
Эй, добрый вечер, стара матэрь.

– Вода в сенях, кружка в хати,
Иды да напыйся,
Эй, вода в сенях, кружка в хати.

– Люди кажут, дивка гарна,
Як бы подывыться,
Эй, люди кажут, дивка гарна.

З.И.Цевун, 1917 г.р., с. Аркадьевка

Песня, исполняемая на девичнике

Ой ты, хмэле, хмэле,
Хмэле зэлэнэнькый,
Дэ ж ты, хмэле, зиму зимовал
Тай не разливался.

Зимовал я зиму,
Зимовал я другу.
Зимовал я у той у дивчины,
Ще й думалы сватать.

М.А.Красникова, 1926 г.р.
с. Нижняя Полтавка

«Корильные» песни на свадьбе

1

Сей, дружок, каравай крае,
Семеро детей мае.
Да вси не доросли,
Як чушки поросли.

Е.Т. Шпак, 1915 г.р., с. Ерковцы

2

Наша свашка нэ липашка,
Шишок нэ лэпила,
Дружок нэ дарила.
Одну слепила с сина,
Да й ту сама зыла.

Е.Т.Шпак, 1915 г.р., с. Ерковцы

ЧАСТУШКИ

Я частушков много знаю
И хороших, и плохих,
Интересно тому слушать,
Кто не знает никаких.

Жила-жила, выжила
Себе мужа рыжего,
Девера горбатого,
Свёкра конопатого.

– Подружка моя,
У нас миленький один,
Я люблю, а ты ревнуешь,
Давай, лучше продадим!

– Подружка моя,
Я уж продавала,
Одна дура за него
Три рубля давала!

– Подружка моя,
Я на то согласна!
Полтора рубля на хлеб,
Полтора на масло!

Ой, мать, ой, мать
Не пускает ночью,
А я днем пойду,
Больше заворочаю!

Меня мать родила,
Думала, хорошая,
Развернула, посмотрела –
Сучка горбоносая!

Мне маманя говорит:
Носи кофту красную.
А кого завлекать?
Нищету несчастную!

Сорок лет – бабий век,
Шестьдесят – износа нет,
Ну, а если сорок пять –
Баба ягодка опять!

Уха, уха!
Какая я старуха!
Мне всего лишь семьдесят,
Такая я плясуха!

На окошке два цветочка,
Голубой да синенький.
Про любовь никто не знает,
Только я да миленький.

Ох, боевая я девчонка,
Ох, боевое меня нет.
Ох, все работы испытала,
Ох, тяжелей любви нет.

Ох, у кого окошко выше?
Ох, выше, выше у меня.
Ох, у кого миленок Гриша?
Ох, милый Гриша у меня.

Ох, мой милый меня бросил,
Ох, я не буду горевать.
Ох, неужели ж не сумею,
Ох, я еще завоевать?

Ох, то ли в лодочке кататься,
Ох, то ли лодочку возить,
Ох, то ли милого дожидаться,
Ох, то ли нового любить?

ПРИПЕВКИ

– Зря серчаешь, дорогая,
Я в понедельник приходил,
Но стучал, стучал в окошко,
Заиграл, ушел один.

– А во вторник, мой любимый,
Почему ты не пришел?

– А во вторник, дорогая,
Потому я не пришел,
Сапоги надел нечисты,
А фуражку не нашел.

– А у среду, что за причина,
Почему не приходил?

– А у среду, дорогая,
Потому я не пришел,
Повстречал своего друга
И в пивную с ним зашел.

– А в четверг, что за причина,
Почему ты не пришел?

– В четверг, пятницу, признаться,
Не пустил меня отец:
«На работу ты ленивый,
А на это молодец».

– А в субботу, что за причина,
Почему ты не пришел?

– А в субботу, дорогая,
Долго в бане я пробыл,
А потом вздремнул на лавке,
И никто не разбудил.

– А в воскресенье с подругой
Разговаривала я:
«Ой, подружка дорогая,
Я не знаю, как мне быть:
Собралась нынче замуж,
А он хочет разлюбить».

СТРАДАНИЯ

Она:

Ой, дума думу догоняет,
Дума на сердце лежит.
Ох, до приятного свиданья
Не знаю, как дожить.

Ох, где-то светит огонек,
Дальняя дорога,
Ох, когда миленький идет,
На душе тревога.

Ой, залетка где-то там,
Знает, где же ты сейчас.
Ой, а тебя я вспоминаю,
Дорогой, душой сейчас.

Он:

Ох, земляничка-ягодка,
Мне не сватать-свататься,
Ох, мне всего семнадцать лет,
От девчат проходу нет.

Она:

Ох, давай, милый, посидим
Хоть сегодня вечером,
Ох, до чего ж ты меня высушил –
Качает ветерком.

Ох, где-то, где-то заиграли,
Где-то затальянили.
Ох, для меня жених по нраву,
Только место заняли.

Он:

Ох, что вы, девки, губы жмете,
Иль хороших ребят ждете,
Ох, хорошие придут,
И плохие все уйдут.

Она:

Ох, вы, парни, паренечки,
Посидите на пенечке,
Ох, и забудьте вы про нас,
Обойдемся мы без вас.

Он:

Ох, у нас речка неглубока,
На дне видно камушки,
Ох, наши девки не гуляют,
Записались в бабушки.

ЗАГОВОРЫ

От рожи

Рожа, рожа, уними у рабы Божьей (*имя*) кожу. Кожа, кожа, уими у рабы Божьей (*имя*) рожу. *Читать три раза.*

М.П.Садовенко, 1937 г.р.

с. Толстовка

От сглаза

Вот берёшь просто языком лижешь переносицу и сплевываешь. Если сглаженный – горько-солёный пот. Три раза плюешь, потом берёшь обратную сторону подола и вытираешь. И всё.

М.П.Садовенко, 1937 г.р.

с. Толстовка

От лиховицы (зависти, дурного глаза)

Взять ребенка, наклонить над умывальником, над краном и, умывая личико, говорить: «С утицы водица, с младенца лиховица. Откуда взялось, тому передалось. Кто со злобой колючей, тому слезой горючей». Читать три раза.

М.П.Садовенко, 1937 г.р.

с. Толстовка

ГАДАНИЯ

1

А гадали, на печку воду лили. Вот тоже, если за камень, треснет там или что. Ой, и думаешь, куда замуж пойдешь. Тогда ж девки чё, замуж собирались всё.

М.С.Гончарова, 1928 г.р.

с. Гильчин

2

Вот загадала я. Вот эту парню никто не любил, и я его не любила, вот. Зеркала ставишь. Зеркала ставят, а тама, и тама по бокам свечки горят. Ты выходишь и чтобы, вот выходишь, например, она так ставит зеркала. Ну, пускай так, вот так она ставит зеркала. А вон тама, вон здесь вот так вот, она стоит, а здесь свечка и там свечка. Он выходит, идти должен. А, девчаты, вышел у меня вот этот мой нелюбимый. Я так гляжу, а чтобы, вот забыла, как закрывали, потихоньку надо закрыть. Я его как швыранула зеркало, не любила я его.

А.М.Филимонова, 1917 г.р.

с. Жариково

3

Еще гадают. Помню, вот, например, чтоб вам не наврать: загадаешь, запишешь и кому-нибудь под голову под Новый год положишь, так он тому приснится. А загадаешь, чтоб приснился тот человек. Ну, бывает, приснится, а бывает, и не приснится. Плохо, бывает, приснится.

А.М.Филимонова, 1917 г.р.

с. Жариково

4

В бане гадали, гадали на катанках. Катанки выбрасывали вон на улицу через забор. Эх! А ребята возьмут подберут, да и идешь тогда домой без валенок, и ругали родители. А потом подбросят ребята.

А.М.Филимонова, 1917 г.р.

с. Жариково

5

Знаешь, это, вот ребята и девчонки соберутся. У нас речка. Туда добежишь, и воды набрать в рот и чтоб колобки делать, ну, как из теста. А потом собаку заводили. Вот это я помню, гадали тогда. Собака какой схватить колобок чей. Ну, девчонок несколько таких. Наделаешь колобки: это мой, это твой, это чей-то. Собаку заводишь. Чей первый хватить колобок, тот первый замуж выйдет. А потом ребята, как это, когда пойдем, это, на речку воду брать, а ребята, пацаны, как пристрелить, и в их все равно выплеснешь эту воду, не донесешь.

Д.И.Ягнан, 1928 г.р.

с. Гильчин

6

А еще сапог кидала через дом. Куда носком – туда, в ту сторону, и замуж выйдешь.

Д.И.Ягнан, 1928 г.р.

с. Гильчин

7

Ну что, выйдешь, этот катанок через забор, пожалуйста, или со спичек сделаешь колодец. Знаешь, еще я расскажу, прям. Там вот жили по соседству, этот парень был рыжий, да конопатый, да страшный, черт такой! Она девка была хорошая, и они на бугру жили. Она это, Кольки, дяди Васильева, дочь, вот. Они то и это... Он там внизу жил, по этой улице. Она это кинула через забор свой обувку да: «Коля-моля, где моя доля?». А он стоит и это: «Гау-гау!». Она, ты что! Знаешь, и пришлось за него выйти замуж. Ой, как она ругалась, как она не хотела! Потом прошло лет пять, и пришлось выйти замуж за него.

Л.С.Саяпина, 1924 г.р.

с. Гильчин

8

Ну, что, можно нарисовать колодец, под подушку положить. Ну, как обычно рисовали колодец, ну, как его. Ну, верх колодец, вот так вот колодец, а тут журавец стоять, вот так вот, а на журавец вот так вот, на этой тут груз, цепь висить, а тут ведро будет, вот так. Нарисовал и, знаешь как, говорить: «Сужен-ряжен, приведи коня поить, Сужен-ряжен, приведи коня поить, Сужен-ряжен, приведи коня поить». Под подушку клади и ложись спать, и обязательно придет за водой человек, за кого замуж выйдешь.

Л.С.Саяпина, 1924 г.р.

с. Гильчин

НАРОДНЫЕ ИГРЫ

Парочка

В хороводе были мы, были мы, были мы,
Кого надо видели, видели, видели.
Мене дали парочку, парочку, парочку:
Кавалера-барышню, барышню, барышню.

А.М.Филимонова, 1917 г.р.

с. Жариково

Ремешок

Прячу, прячу ремешок
Под калиновый кусток,
Кто спит-проспит,
Того крепко буду бить.

Все сидят вот так, лицом в круг. Один бежит с ремешком, и вот он должен так положить ремешок позади кого-нибудь, чтобы не услышали.

А.М.Филимонова, 1917 г.р.

с. Жариково

Третий лишний

А «Третий лишний» – это встанут в круг, а один ходит, как бы вадит. Все берутся за руки и стоят, а он ходит и вадит. Кого выбрал, тот третий лишний. Если он выберет... Примерно, если он меня выбрал из круга, так я должна его догнать и задеть его рукой. Если я его задела, значит, он всё, становится в круг, а тот, где он становится, убегает. За ним гоняешься. И так оно идет так, по кругу, по кругу. Не успеешь, если неразворотливый, тихо бежит, там бегают больше его. Он, бедный, запыхается, покамест он отомстит ему, значит, заденет, чтоб встать, будет бегать. Такая игра была, ох! Это «Третий лишний».

В.В.Саяпина, 1921 г.р.

с. Раздольное

Выжигалки

Ты представляешь, какие «Выжигалки». Вот в такой же круг становится вся молодежь. Щас-то молодежи нету, а тогда ребятишек много было в деревне. Я ведь городскую жизнь не знаю, а в деревне-то много было ребятишек.

Собираются вечером, когда прохладно, и становятся в круг, и в «Выжигалки». А вот забыла, как играли в «Выжигалку». Хотела рассказать, а не помню.

В.В.Саяпина, 1921 г.р.

с. Раздольное

Кошки-мышки

А в «Кошки-мышки» играли, в «Кошки-мышки» я помню. Тоже так же кругом становятся девчата, ребята, ну, пацаны кругом, и, значит, кот сидит внутри, в загородке, а мышки на улице бегают, за кругом. И вот он должен выскочить из этого круга и поймать эту мышку. А никто ж не пускает его, как он целится, куда где-то пройти, где там между рук, а может, у ног успеет проскочить где вот, чтоб мышку поймать, а ему нет хода, и ему запрещают, закрывают ход. Вот он тогда мечется, мечется, пока это он выскочит из этого круга и поймает эту мышку. Это были в «Кошки-мышки» играли.

В.В.Саяпина, 1921 г.р.

с. Раздольное

Катание пасхальных яиц

1

Положить пень или кирпичи, и доску вот так вот. А там вон яйца ложут вот сюда, катают ещё там, чтобы не разбивалы яйца. И вот катает, играет яйца. Например, вы ставите, а она катает, и вот выигрывает, чье-то еще выиграет.

А.М.Филимонова, 1917 г.р.

с. Жариково

2

Яйца разные, покрашены красивые. Играли этими яйцами. Вот накладывают их в рядок. Щас в такую игру не играют. Странно... В рядочек накладывают, а одно яйцо берут отдельное, ну, другой оно окраски. Катают, на каком расстоянии там договорятся. Катают, попадет в яичко, значит, этот, который катится, в яичко попадет. Значит, он выиграл, он его забирает, снова катит. Проиграл – значит, он ставит обратно. Если проиграл, ставит обратно, и другой катает своим этим, своим яйцом. Вот только и забавлялись этими яйцами. А кто может съесть одно-два яйца, не больше.

В.В.Саяпина, 1921 г.р.

с. Раздольное

«САМАЯ ОГНЕПЫШУЩАЯ ЧАСТЬ РЕЧИ» (на материале произведений амурского поэта О.Маслова)

ФАКУЛЬТАТИВНОЕ ЗАНЯТИЕ ПО ЛИНГВИСТИЧЕСКОМУ КРАЕВЕДЕНИЮ В 6 КЛАССЕ

*Найти верный глагол для фразы – значит дать движение фразе.
А.Н.Толстой.*

Цели урока:

1. Обучающая: уметь находить глагол в тексте, определять его грамматические формы, находить взаимосвязь формы и содержания.
2. Развивающая: учиться анализировать, обобщать материал, делать выводы на основе наблюдений.
3. Воспитательная: на основе фактов биографии амурского поэта О.К. Маслова воспитывать уважение к человеку, беззаветно отдающему себя избранной профессии и творчеству.

Оборудование:

1. Маслов О.К. «Мой век». Благовещенск, 1994.
2. Таблицы «Значение глагольных суффиксов», «Глагольные приставки, их значение».
3. Раздаточный материал: высказывания лингвистов А.М.Пешковского и И.Б.Голуб о глаголе, русских писателей о языке.

Предварительная подготовка:

1. Подготовить сообщение «Жизненный и творческий путь О.К.Маслова».
2. Используя книгу «Русские писатели о языке», найти высказывания писателей, поэтов о глаголе как средстве выразительности.
3. Подготовить сообщение «Частотность глаголов в различных стилях речи».

Ход урока

I. Вступительное слово учителя:

Глагол – необыкновенная часть речи. Обозначая действие, обладает огромным потенциалом для выражения мыслей. Кроме содержательной насыщенности, он обладает еще и высокой эстетической ценностью. Это достоинство глагола отметили не только ученые-лингвисты, но и писатели, поэты, литературные критики. Подлинным гимном глаголу звучат слова В.Г.Белинского: «Какое богатство для изображения явлений действительности заключается в глаголах русских, имеющих виды!» Вторят ему ученые-филологи А.М.Пешковский и И.Б.Голуб (*работа с раздаточным материалом*): «У каждой части речи свои стилистические достоинства. Главное достоинство глагола – это способность управлять: выстраивать вокруг себя длинную шеренгу разнообразных и последовательно зависящих друг от друга слов и предложений... К этому достоинству присоединяются два добавочных: видовые и залоговые оттенки» (А.М.Пешковский).

«Современные исследователи утверждают, что в глаголе течет самая алая, самая артериальная кровь русского языка. Глагол во всем богатстве его семантики, со свойственными ему значениями грамматических форм и возможностями синтаксических связей, при многообразии стилистических приемов образного употребления является неисчерпаемым источником экспрессии» (И.Б.Голуб).

Посмотрим, как наш амурский поэт Олег Константинович Маслов использует глаголы в своем творчестве. Но прежде познакомимся с биографией поэта.

Сообщение ученика на тему «Жизнь и творчество амурского поэта О.К.Маслова».

II. Анализ изобразительных возможностей глагола в стихотворении О.К.Маслова «Сосны Сибири».

Громяхают на рельсах колеса,
Свищет ветер, плывут облака,
И стоят остроиглые сосны,
Как стояли и до Ермака.

Не спеша потеснятся немного,
Уступая идущему путь,
И шумят по-над самой дорогой,
И не сдвинутся дальше ничуть.

Промелькнут города и селенья,
И опять же, куда ни взгляни,
Сколько хватит терпенья и зренья,
Все они, и они, и они...

Будто знают в изменчивом мире,
Что без стойкости их вековой
И Сибирь не была бы Сибирью,
И тайга не была бы тайгой.

И хранят первозданность веками
На огромном просторе земном –
Меж собою сцепились корнями
И стоят до конца на своем.

Вопросы к учащимся:

- Какой философский подтекст имеет это стихотворение?
- Какое настроение оно передает?
- Какими средствами выразительности создается это настроение?
- Определите идею стихотворения.
- Какие языковые средства и фигуры речи придают динамичность тексту?
- Какова частотность использования глаголов в данном стихотворении? (в 30 строках – 17 глаголов).

Задания учащимся:

1. Пользуясь толковым словарем, определите значения использованных поэтом глаголов.

(Громяхают, свищет, шумят – обозначения звуковых явлений; плывут, промелькнут, потеснятся, не сдвинутся – обозначения перемещения в пространстве; хватит, взгляни – обозначение действий и состояний человека. Преобладающими в тексте являются глаголы со значением перемещения в пространстве, которые придают стихотворению динамичность. Глаголы, обозначающие звуковые явления, позволяют «услышать» происходящее. Глаголы, обозначающие действия и состояния человека, позволяют почувствовать авторское отношение к событиям).

2. Определите значение приставок, пользуясь таблицей «Глагольные приставки, их значение», сделайте вывод о целесообразности использования в стихотворении глаголов с такими приставками.

*(В слове потеснятся – приставка **по-** имеет значение «доведение действия до результата; сцепились – приставка **с-** – значение «движение с разных сторон к одной точке»; сдвинуться – приставка **с-** – «удаление чего-нибудь»; промелькнут – приставка **про-** – «движение мимо чего-либо», взгляни – приставка **вз-** – «быстрое проявление какого-либо действия». Приставки в словах «сдвинуться» и «сцепились» являются омонимичными).*

3. Выпишите глаголы и определите значение суффиксов с помощью таблицы «Значение глагольных суффиксов».

(Суффиксы глаголов передают различные лексические и грамматические значения).

Итоговый вопрос к учащимся: Какова роль используемых автором глагольных морфем?

(Глагольные морфемы придают тексту дополнительные оттенки, «помогая» автору не только передать мысли и чувства, но и живописать повествование).

III. Анализ функционирования неопределенной формы глагола (инфинитива) в художественном тексте.

Учитель: Может ли инфинитив являться средством выразительности? В качестве материала для анализа используйте стихотворение «Кабы знать бы наперед».

Кабы знать бы наперед,
Что меня в грядущем ждет,
Постелил бы я солому
Там, где суждено упасть,
И не вышел бы из дому,
Коль на улице напасть.
Но зачем на свете жить,
Если нечем дорожить –
Что победа, что удача,
Если жизнь скучна равно,
Как решенная задача?
Как повторное кино?

Вопросы к учащимся:

– Назовите инфинитивы из этого стихотворения, определите их лексическое значение

(Знать – значение мыслительной деятельности; упасть – значение движение, перемещение в пространстве и т.д.).

– Какой из инфинитивов передает значение условного наклонения?

(Знать).

– Какую грамматическую информацию передает инфинитив?

(Значение вида и возвратности).

– Можно ли отнести инфинитив к средствам выразительности?

(Инфинитив называет действие как отвлеченное понятие, и вневременной, внеличностный характер инфинитива способствует передаче обобщенного действия, поэтому инфинитив может являться средством создания экспрессии).

Задание для самостоятельной работы на уроке.

Найдите в сборнике О.К.Маслова «Мой век» стихотворения, насыщенные инфинитивами. Определите назначение инфинитива в поэтических текстах. Докажите, что глагол – «самая огнепышущая, самая живая часть речи» (А.Югов).

Высказывания учащихся.

IV. Работа в группах.

Задание. Найдите олицетворения в следующих стихотворениях. С какой целью автор использует этот стилистический прием?

1 группа: «Весенний снег»;

2 группа: «Еще зима, еще морозы»;

3 группа: «Лето»;

4 группа: «Летняя гроза».

V. Подведение итогов занятия.

Сегодня вы узнали много нового о глаголе: о многообразии передаваемых им значениях и выполняемых функциях. Возможно, вы удивились тому, что эта часть речи предстала перед вами «знакомым незнакомцем». Надеюсь, это побудит вас к глубокому исследованию других частей речи.

VI. Домашнее задание.

Сочинение-размышление «Глагол! Как много в этом слове...»

**ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ МЕСТОИМЕННИЯ
(на материале произведений амурского поэта О.Маслова)**

**ФАКУЛЬТАТИВНОЕ ЗАНЯТИЕ
ПО ЛИНГВИСТИЧЕСКОМУ КРАЕВЕДЕНИЮ В 6 КЛАССЕ**

*Местоимения удобны и прагматичны,
но в них нет перелива, красок настоящего живого слова.
Они «выходят на поле»,
когда вынужденно «освобождают игру» знаменательные слова.
А.А.Реформатский.*

*Каждую грамматическую форму
можно и должно осветить с точки зрения заложенных в ней
изобразительных и выразительных возможностей.
М.М.Бахтин.*

Цели урока:

1. Познакомить учащихся с творчеством амурского поэта О.Маслова и языковыми особенностями его произведений.
2. Проанализировать изобразительные возможности местоимений в произведениях О.Маслова.
3. Познакомить со стилистическим приемом «обманутое ожидание».
4. Проанализировать семантические особенности личных и притяжательных местоимений, их экспрессивное значение.
5. Развивать навык выразительного чтения.
6. Воспитывать уважение к поэтическому наследию поэтов Приамурья.

Оборудование:

1. Маслов О.К. Мой век. Благовещенск, 1994.
2. Маслов О.К. Еще не спето столько песен... Благовещенск, 1995.
3. Фотопортрет О.К.Маслова.

Предварительная подготовка:

Индивидуальные задания:

1. Выучить наизусть стихотворения О.Маслова «Мой крест», «Помню я, как бабка Агриппина».
2. Провести исследовательскую работу по группам на тему: «Частотность использования местоимений в лирике О.К.Маслова»:

Ход урока

I. Вступительное слово учителя:

Небольшой по объему, но крайне интересный по содержанию и функционированию в языке класс местоимений привлекает внимание лингвистов. Благодаря своей «коммуникативности», умению стать незаменимыми во многих речевых ситуациях, местоимения используются как в письменной, так и в устной речи.

Вы уже знакомы с основами английского и немецкого языков. Скажите, есть в этих языках местоимения?

Ответы учащихся.

Действительно, слова этой части речи есть во всех языках мира. По подсчетам лингвистов, местоимения занимают третье место по частотности употребления среди других слов языка.

Проверим, так ли это. Предварительно часть учеников получила задание исследовать поэтические тексты амурского поэта О.К.Маслова и определить частотность использования местоимений различных разрядов в его произведениях.

Сделайте вывод о частотности использования местоимений в стихотворениях поэта. Используйте данные таблиц, заполненных вами по итогам исследования.

Частотность использования местоимений в лирике О.К.Маслова

Название стихотворения	Количество существительных	Количество прилагательных	Количество глаголов	Количество местоимений, разряд
Итого:				

II. Выступления учеников.

Выступление от 1 группы, исследовавшей философскую лирику («О славе и о власти мечтал Наполеон...», «Человек всегда живет надеждой», «Фронтной врач», «Мне не забыть вовек то утро»).

Выступление от 2 группы, исследовавшей стихотворения, относящиеся к пейзажной лирике («В море», «Лето», «Летняя гроза», «Опять под крылом неторопко»).

Выступление 3 группы, исследовавшей любовную лирику («Я удивлялся искренне...», «И мне не позабыть мгновенья», «Песня», «Уснула дальняя слободка»).

III. Анализ стилистических возможностей местоимений в поэтическом тексте.

Учитель: На предыдущих занятиях мы с вами анализировали изобразительные возможности различных частей речи: существительного, глагола, причастия, деепричастия, прилагательного, – и пришли к выводу, что вышеупомянутые части речи обладают большими изобразительными и экспрессивными возможностями.

Лингвист Александр Александрович Реформатский об изобразительных возможностях местоимений сказал следующее (*обращение к эпиграфу*): Местоимения удобны прагматичны, но в них нет перелива, красок настоящего живого слова. Они... «выходят на поле», когда вынужденно «освобождают игру» знаменательные слова.

Попробуем, проводя анализ местоимений в поэтическом тексте, доказать или опровергнуть слова А.А.Реформатского.

IV. Работа с таблицей «Частотность использования местоимений в лирике О.К.Маслова».

Вопросы к учащимся:

- Местоимения какого разряда преобладают в стихотворениях поэта? (*Личные*).
- После прослушивания стихотворения сделайте вывод, почему именно личные местоимения преобладают не только в данном стихотворении, но и во всей лирике О.К.Маслова?

Чтение наизусть стихотворения «Помню я, как бабка Агриппина...»

Помню я, как бабка Агриппина,
Ненароком заглянув в свой сад,
Парила мне спину хворостиной,
Причитая: «Ах ты, азиат!»
Впрочем, на нее я не в обиде –
Видит бог, она была права:
Сколько я с тех пор ни перевидел,
Где я только ни перебивал,
Но, кружась и странствуя по свету,
Познавая новые места,
Сердцем неизменно был по эту
Сторону уральского хребта.
На просторах края-великана,
Как нигде, сродни душе моей
Ширь земли, дыханье океана,
Животворность солнечных лучей.
Не хочу сказать, что где-то худо,

И неправда, будто я забыл
Земли те российские, откуда
Прадед мой к Амуру уходил.
Но затем и шел он в эти сопки,
Сильный, смелый русский человек,
Чтоб его достойные потомки
Обрели здесь родину навек.
Для меня его деянья святы,
Я живу, завет его храня,
И не зря когда-то азиатом
Окрестила бабушка меня.

(Личные местоимения придают стихотворению оттенок искренности, душевности).

V. Стилистический анализ местоимения.

Учитель: Писатели и поэты очень часто используют стилистический прием, который называется приемом «обманутого ожидания». Попробуйте, прослушав бардовскую миниатюру, сами дать определение этому термину.

Пение под гитару бардовской песни «Моя дорогая».

Моя дорогая не блещет красою,
Ни тонкостью стана,
Ни пышной косою,
Ни пышной косою,
Ни тонкостью стана,
Всем тем, чем пленяют
Героини романа,
Мохнатое платье
Серого цвета
Она не снимает
От лета до лета,
И как ни стыжусь я
Признаться, не скрою:
Мою дорогую купаю и мою,
Мою дорогую ...
(картошку в мундире)

Вопрос к учащимся:

– Как вы считаете, какое значение имеет термин «обманутое ожидание»? В чем его эффект?

(«Обманутое ожидание» – стилистический приём, основанный на использовании личных и притяжательных местоимений, так как местоимение не называет конкретное лицо, только в конце открывает имя, которое до сих пор скрывало местоимение).

Задание учащимся (работа по вариантам):

Вам предложены стихотворения, в которых умышленно удалены названия. Попробуйте определить, о ком или о чём идёт речь. Когда вам стало понятно, кто или что является героем стихотворений?

1 вариант *(Стихотворение «Врач»).*

*Торопитесь делать добро.
Ф.П. Гаав*

Когда его однажды вызвал зав
И стал в сердцах отчитывать за что-то,
Едва улыбку горькую сдержав,
Он лишь подумал: мне б твои заботы!

А в голове острейшей из заноз
Сверлила мысль о том, что не минется –
Вот через полчаса пройдет наркоз
И пациент его совсем проснется.

И он его улыбкой ободрит
И объяснит как другу, без утайки,
Что рана очень скоро отболит,
А там, внутри, всего-то были спайки.

Беда не только в том, что все не так –
В конце концов никто из нас не вечен –
Но мало прожил на земле чудак,
А жил – как будто с вечностью обвенчан.

2 вариант (*Стихотворение «До тебя, как до истины»*).

До тебя, как до истины,
Был нелегок мой путь –
Неторопок и выстрадан,
Как библейская суть.

Не звездой залетною
Вдруг явилась ты мне,
А открытием родины
На родной стороне.

... Не кори за искания
И за то не вини,
Что не первым свиданием
Стать твою оценил.

Видно, тут для прозрения
Нужны были года,
Чтоб прийти с откровением
Насовсем, навсегда.

(1 вариант: за местоимением «его» скрывается врач, на что указывает двуступенчатое «Вот через полчаса пройдет наркоз // И пациент его проснется»).

(2 вариант: за местоимением «тебе» скрывается образ родины: «открытием родины // На родной стороне»).

VI. *Стилистические функции различных разрядов местоимений в художественном тексте.*

Учитель: Не меньшее значение в создании экспрессивности стихотворения играют неопределенные местоимения.

Анализ стихотворения «Просьба».

Когда оставят искушенья
И в тягость станет бранный путь,
Пошли мне, Бог, для воскрешенья
Кого-нибудь, кого-нибудь.
И если он своим участием
Сумеет жизнь в меня вдохнуть,
Воздай ему за это счастьем
Когда-нибудь, когда-нибудь.

Вопросы и задания:

- Прочитайте стихотворение.
- Какое настроение оно вызывает?
- Определите идею стихотворения.
- Проанализируйте изобразительно-выразительные средства, использованные автором.
- Каким образом автор сумел создать столь проникновенное стихотворение?
- Какое лексическое значение имеют неопределенные местоимения?
- Какие оттенки приносят неопределенные местоимения в поэтический текст?

(Неопределенные местоимения как бы отдаляют события, предметы, о которых идет речь в тексте).

– Лингвист И.Б.Голуб, исследуя особенности использования местоимений А.Блоком, отмечала, что у поэта 92 стихотворения начинаются местоимением «я», 49 стихотворений местоимением «ты». Второе место по частотности в начале стихотворений, по подсчетам И.Б.Голуб, занимают притяжательные местоимения. Их, в общей сложности, – 23.

Подсчитайте частотность использования местоимений в началах стихотворений О.К.Маслова, определите их разряд.

(Из 136 стихотворений сборника «Мой век» 18 начинаются личными и притяжательными местоимениями).

Чтение наизусть стихотворения «Мой крест».

Мой Красный крест, тяжелый крест,
Навек врученный мне судьбою,
Мне никогда не надоест
Нести тебя перед собою.

Ты кровью светишься во мгле
И утверждаешь, что от века
Одна есть вера на земле -
В земную жизнь и человека.

И на путях страды земной
Не ведать мне душевной стыни,
Пока горит передо мной
Моя бесценная святыня.

- Какое впечатление произвело на вас стихотворение?
- В прямом или переносном значении используется выражение с притяжательным местоимением «мой крест»?

VII. Подведение итогов урока.

Обратимся еще раз к словам А.А.Реформатского, вынесенным в эпиграф занятия. Можно ли безоговорочно согласиться с его мнением?

Высказывания учеников.

Учитель: Действительно, местоимение имеет свои, присущие только ему изобразительные и экспрессивные возможности, подтверждением тому служат наше занятие и слова знаменитого филолога и философа Михаила Михайловича Бахтина (*обращение ко второму эпиграфу*): «Каждую грамматическую форму можно и должно осветить с точки зрения заложенных в ней изобразительных и выразительных возможностей».

VIII. Домашнее задание.

Сочинение-рассуждение «Роль местоимений в речи».

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА О СЕЛАХ*

АМУРСКАЯ ОБЛАСТЬ

ТАМБОВСКИЙ РАЙОН

Село Гильчин

Основано в 1869 г. переселенцами из Тамбовской и Самарской губерний – семьями молокан Ланкиных, Мясниковых, Розвезевых, Аистовых, Хлыстовых, Лиштаевых. После 1890 г. в Гильчине появилась и община баптистов.

До 30-х гг. XX в. в селе проживали китайцы и корейцы.

В настоящее время численность населения – около 500 человек.

Село Раздольное

Образовано в 1910 г. Первопоселенцы – семья Хлыстова Дмитрия Прокопьевича, сосланная за молоканскую веру. С 1913 г. село стали заселять другие молоканские семьи Болотовых, Лиштаевых, Саяпиных, Кондрашевых, Розвезевых. В село переселялись и баптисты. В конце 30-х гг. XX в. село пополнилось переселенцами из Украины и Белоруссии.

Расположенное на широкой равнине, среди лугов и полей, село получило название Раздольное. С 1930 г. здесь существует совхоз «Партизан» (ныне агрофирма), поэтому неофициальное название села – Партизан.

На 2005 г. численность населения – 2359 человек.

Село Толстовка

Образовано в 1884 г. молоканами из Самарской и Тамбовской губернии. Названо в честь первых поселенцев – братьев Романа Дмитриевича и Семёна Дмитриевича Толстовых.

Село Рошино

Основано в 1920 г. как отделение совхоза «Партизан». Село образовано на месте заимки молокан Саяпиных, первоначально поселившихся в расположенном рядом с Раздольное.

В настоящее время численность населения – 195 человек.

Село Косицыно

Основано в 1867 г. молоканами из Тамбовской и Самарской губерний. По словам старожилов, село получило название по фамилии первопоселенцев Косицыных.

КОНСТАНТИНОВСКИЙ РАЙОН

Село Верхний Уртуй

Основано в 1890 г., хотя первые заимки появились раньше: по одним данным, в 1880 г. (основатели – семьи Радченко и Кечиных), по другим – в 1883 г. (основатели – семьи братьев Саяпиных). Село населяли крестьяне молоканской веры из Тамбовской и Самарской губерний. С 1935 г. в село переезжали крестьяне из западных районов России и из Украины.

В 2005 г. население составляло около 500 человек.

* Использованы данные «Топонимического словаря Амурской области» Е.В.Сутурина (Благовещенск, 2000), книги «Амурская область. Опыт энциклопедического словаря» Н.К.Шульмана (Благовещенск, 1989), репринтного издания 1994 г. «Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей» А.Кириллова (Благовещенск, 1894), а также материалы научных экспедиций в села.

БЕЛОГОРСКИЙ РАЙОН

Село Светиловка

Первые 28 семей переселились из Украины в 1895 г., из Полтавской губернии Кременчугского уезда. В числе первопоселенцев – семьи Логиновых, Ёловых, Киселёвых. Село было зарегистрировано в 1896 г., названо в честь украинского села Светиловка, из которого выехали первопоселенцы. В селе проживают потомки переселенцев из Рязанской области и Поволжья.

Село расположено на левом берегу реки Томь.

Численность населения в настоящее время около 500 человек.

Село Киселеозёрка

Основано в 1913 г. Первоначальное название – Киселёво-Озёрское. Названо в честь семьи первопоселенцев Киселёвых и потому, что вокруг села много озёр.

Расположено на левом берегу реки Томь.

Село Комиссаровка

Образовано в 1886 г. переселенцами из Екатеринославской губернии. Первоначально называлось Колягино. В начале XX в. село было самым большим в Белогорском районе (1926 г. – 1 345 человек). В селе проживают потомки переселенцев из Рязанской и Московской областей, из Украины.

Село расположено в долине реки Зея, на правом берегу реки Белая.

В настоящее время в селе проживает около 200 человек.

Село Новоандреевка

Основано в 1886 г. старообрядцами из Забайкальской области. Расположено на левом берегу реки Зея в 70 км от Белогорска. Первоначально располагалось тремя километрами ниже по течению реки Зея, перенесено на более высокий берег после наводнения.

В настоящее время в селе проживает около 200 человек.

Село Ключи

Основано в 1862 г. старообрядцами, переселенцами из Пермской губернии.

Село расположено на левом берегу реки Томь.

В настоящее время в селе проживает около 150 человек.

Село Никольское

Основано в 1860 г. переселенцами из Пермской губернии, в том числе и старообрядцами. Расположено на левом берегу реки Томь в 15 км от Белогорска. С 1974 г. в селе действует птицефабрика.

Село Великокнязевка

Основано в 1910 г. по официальной версии. По мнению жителей села, год образования – 1898. Первое название – Великая Княжевка, названо в честь великого князя Константина Александровича Романова, который разрешил поселиться здесь переселенцам из Украины.

Расположено в долине реки Зея.

СВОБОДНЕНСКИЙ РАЙОН

Село Черновка

Село основано в 1911 г. Первоначально – разъезд Черновский. Название дано в честь инженера Чернова, руководившего строительством железной дороги на этом участке Транссиба.

Село названо по имени первых поселенцев – Черновых.

Село располагается в 30 км от г.Свободный на правом берегу реки Большая Пёра. В селе имеется действующий керамический завод, железнодорожная станция.

Первыми жителями села были переселенцы из Украины и Белоруссии (семьи Кабановых, Пчельниковых, Андрияшко).

Село Чембары

Первые поселенцы появились в 1904-05 гг., но само село было основано в 1909 г.

Первое название села – Степановка – по имени одного из первых переселенцев Степана Алексеенко. Название «Чембары» село получило позднее – в честь геолога Чембарова, который занимался поисками железной руды и железного колчедана на месте расположения села. Чембаров был влиятельным человеком в г.Алексеевске (ныне г.Свободный) и настоял на переименовании села в свою честь. Это вызвало недовольство у жителей села, тем не менее, название Чембары было утверждено официально.

По другой версии, село основано в 1910 г. Название происходит от эвенкийского «чэм-бэрэ» – «прилипшая глина» (почвы в окрестностях села являются глинистыми).

Село располагается в 32 км от г.Свободный, на левом берегу реки Большая Пёра.

Первыми жителями села были переселенцы из Украины и Белоруссии.

Поселок Юхта

Поселок основан в 1926 г. Располагается в 17 км от г.Свободный.

Название эвенкийского происхождения – от слова «юктэ» со значением «ручей, источник».

Село Разливное (Разливная)

Село основано в 1911 г. Располагается в 36 км от г.Свободный рядом с домом отдыха «Бузули».

Название отражает положение села в месте, где разливается река во время наводнения.

Первыми жителями села были переселенцы из Украины и Белоруссии.

Село Москвитино

Село основано в 1864 г. Расположено в 40 км. от райцентра по обоим берегам р.Голубой. Село названо именем землепроходца И.Ю.Москвитина.

Село Дмитриевка

Село основано в 1907 г. До 1911 г. – д.Захватная. Село расположено на берегу р.Большая Пёра в 13 км. от Свободного.

ШИМАНОВСКИЙ РАЙОН

Село Ураловка

Село образовано в 1912 г. Располагается в 90 км от г.Шимановска на левом берегу реки Зеи. В советское время в селе находился лесопункт Зейского леспромхоза.

Первыми поселенцами были семьи Пискуновых, Власовых, Соколовых, Иванниковых, Бушмакиных, Дмитриук, Сидорук. Родина первопоселенцев – Белоруссия, Украина, цен-

тральная Россия. Название согласно одной из версий дано по имени речного судна «Урал», которое простояло около села две недели из-за убытия воды в реке.

Село Чагоян

Село основано в 1910 г. на месте стойбища манегров (тунгусо-язычного племени). Раннее название – Михайловское; современное – Чагоян – дано селу в 1912 г. (монгольское «цаган» – «белый»; в том месте, где расположено село, берега Зеи сложены белым известняком). По другим версиям, название села происходит от китайских слов «чага» (известь) и «ян» (есть) или от имени китайского купца-промышленника Ча Го Яна. Расположено в 45 км от г.Шимановска на берегу реки Зеи, где находится каменный карьер по разработке известняка. Первые поселенцы – семьи Кухлиных, Нетунаевых, Мищенко.

Село Кухтерин Луг

Село основано в 1909 г. Расположено на правом берегу реки Зея в 86 км от г.Шимановска. В советское время в селе располагался лесозаготовительный участок Зейского леспромхоза, завод по изготовлению шпал. Неофициальные названия: Кухтерино, Кухтерин. По другим данным, название дано в честь главы города Благовещенска того времени, когда было образовано село. По данным старожилов села, оно так названо в честь купца Кухтерина. Родина первопоселенцев – Белоруссия, Украина, Центральная Россия.

АРХАРИНСКИЙ РАЙОН

Село Иннокентьевка

Основано в 1857 г. Расположено на левом берегу реки Амур в 35 км от п.Архара. Первоначально названо станицей Нижнебуреинской. Название «Иннокентьевская» станица получила в честь Иннокентия Вениаминова – архиепископа Камчатской епархии, который, спускаясь по Амуру летом 1862 г., освятил построенную здесь церковь. Первые поселенцы (семьи Масич, Муромцевых, Чеушевых) – забайкальские казаки, прибывшие на Амур с целью освоения дальневосточных земель. Вторая волна переселенцев – жители западных областей России, белорусы, украинцы. В настоящее время в селе проживает около 500 человек.

Село Красный Луч

Основано в 1926 г. переселенцами из Брянской области. Расположено в долине реки Амур в 47 км к юго-западу от п.Архара. В настоящее время в селе проживает около 200 человек.

Село Грибовка

Основано в 1898 г. переселенцами из Могилёвской губернии и названо в честь землеустроителя Грибского. Расположено в 26 км к северо-востоку от п.Архара на правом берегу реки Архары. В настоящее время в селе проживает около 360 человек. Сохранилась здесь и небольшая община староверов, прадеды которых в числе первых осваивали эту территорию в конце XIX в.

Село Могилёвка

Основано в 1899 г. Расположено в долине реки Архары в 31 км к северо-востоку от п.Архара. Большинство первопоселенцев, приехавших по решению правительства в конце XIX в. на плодородные земли Дальнего Востока, были родом из Могилёвской губернии. Первыми в Могилёвку переселились семьи Куриловских, Кирсановых, Мурашкиных, Исайкиных, Хортовых. Позже сюда приезжали из Воронежской, Калужской областей, из соседних распавшихся деревень – Дыдóв и Гилёвки.

Село Касаткино

Образовано в 1852 г. как село Халтан (Халтанская станица) казаками-переселенцами. В 1857 г. переименовано по фамилии доктора И.А.Касаткина, участника экспедиции, организованной Н.А.Муравьевым-Амурским в 1854 году. По рассказам старожилов, тонувший в Амуре доктор был спасён казаками. В благодарность он воздвиг на берегу реки часовню, названную Касаткинской. Такое же название получила и станица.

В числе первых поселенцев – семьи Вырупаевых, Рукавишниковых.

Село Касаткино расположено на левом берегу Амура в 70 км от п.Архара. В настоящее время здесь проживает 558 человек около 19 национальностей: русские, белорусы, украинцы, мордовцы, татары и другие. Среди старожилов села есть потомки гуранов – первопоселенцев из Забайкалья

Село Сагибово

Основано в 1859 г. Расположено в 95 км к юго-востоку от п.Архара на левом берегу Амура. Среди старожилов села есть потомки гуранов – первопоселенцев из Забайкалья.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ИНФОРМАНТАХ

Галайко Лидия Дмитриевна, 1936 г.р. Проживает в г.Райчихинск.

Герасименко Лилия Анатольевна, 1951 г.р. Проживает в с.Никольское Белогорского района.

Глазкова Галина Григорьевна, 1941г.р. Проживает в с.Заречное Белогорского района.

Гончарова Мария Степановна, 1952 г.р. Родилась в д.Керямушка Брянской области. С 1952 г. проживает в с.Гильчин Тамбовского района.

Кибанова Анна Степановна, 1925 г.р. Родилась и проживает в с.Великокнязевка Белогорского района Амурской области.

Кирпичева Анна Тимофеевна, 1932 г.р. Родилась и проживает в с.Светиловка Белогорского района Амурской области. Родители переселились в с.Светиловка из Украины в 1895 г.

Кислова Прасковья Сергеевна, 1925 г.р. Родилась в с. Найоновка Серышевского района Амурской области. Проживает в с.Светиловка Белогорского района Амурской области. Родители переселились в Найоновку из с.Клинцы Черниговской губернии в начале XX в.

Красникова Матильда Афанасьевна, 1926 г.р. Проживает в с.Нижняя Полтавка Константиновского района.

Лазарев Николай Васильевич, 1952 г.р. Родился и проживает в с.Великокнязевка Белогорского района Амурской области. Мать переселилась на Дальний Восток в 1938 г. из Сибири.

Лазарева Пелагея Александровна, 1912-2007. Переселилась на Дальний Восток в 1938 г. из Сибири. Проживала в с.Великокнязевка Белогорского района Амурской области.

Мартынюк Александра Дмитриевна, 1928 г.р. Проживает в с.Молчаново Мазановского района.

Митрофанов Анатолий Пантелеевич, 1939 г.р. Родился в с.Поярково Михайловского района. Проживает в с.Великокнязевка Белогорского района Амурской области.

Митрофанова Ульяна Дмитриевна, 1950 г.р. Родилась и проживает в с.Великокнязевка Белогорского района Амурской области.

Павлова Прасковья Васильевна, 1920 г.р. Проживает в с.Воскресеновка Ленинского района Еврейской автономной области.

Пивченко Наталья Кузьминична, 1931 г.р. Родилась в с.Старая Родня Брянской области. С 1959 г. проживает на Дальнем Востоке, с 1963 г. – в с.Раздольное Тамбовского района.

Покидько Василий Иванович, 1931 г.р. Родился в с.Комиссаровка Белогорского района Амурской области. Проживает в с.Великокнязевка Белогорского района Амурской области. Родители переселились на Дальний Восток из Полтавской губернии.

Попик Анна Максимовна, 1928 г.р. Проживает в с.Заречное Белогорского района.

Рухлевич Мария Людвиговна, 1931 г.р. Родилась в Чернобыльской области. С 1973 г. проживает в с.Светиловка Белогорского района Амурской области.

Савченко Галина Сергеевна, 1935 г.р. Родилась и проживает в с.Светиловка Белогорского района Амурской области. Родители матери переселились в Светиловку из Украины.

Садовенко Майя Петровна, 1937 г.р. Родилась и проживает в с.Толстовка Тамбовского района. Дед переселился на Дальний Восток из Воронежской области.

Саяпина Вера Васильевна, 1921 г.р. Родилась в с.Гильчин Тамбовского района Амурской области. Проживает в с.Раздольное Тамбовского района. Отец родился в с.Гильчин Тамбовского района, мать приехала из Самары.

Саяпина Лукерья Степановна, 1924 г.р. Родилась и проживает в с.Гильчин Тамбовского района.

Смоленкова Зинаида Михайловна, 1935 г.р. Родилась в Тамбовской области. С 1958 г. проживает в с.Толстовка Тамбовского района.

Филимонова Анна (Ганна) Михайловна, 1917 г.р. Родилась и проживает в с.Жариково Тамбовского района. Прадеды переселились на Дальний Восток из Тамбовской и Саратовской губерний.

Цевун Зинаида Ивановна, 1917 г.р. Проживает в с.Аркадьевка Архаринского района.

Чубаева Мария Андреевна, 1928 г.р. Родилась в с.Светиловка Градржского района Полтавской области. С 1929 г. проживает в с.Светиловка Белогорского района Амурской области.

Шпак Евдокия Трофимовна, 1915 г.р. Проживает в с.Ерковцы Ивановского района.

Юдина Пелагея Григорьевна, 1930 г.р. Родилась в г.Курске. Проживает в с.Великокнязевка Белогорского района Амурской области.

Яшан Дарья Игнатьевна, 1928 г.р. Родилась в с.Алексеевка Кировоградской(?) области (Украина). В 1954 г. переселилась в с.Новопетровка Константиновского района. С 1964 г. проживает в с.Гильчин Тамбовского района.

СОБИРАТЕЛИ ДИАЛЕКТНОГО И ФОЛЬКЛОРНОГО МАТЕРИАЛА

2000

Руководитель:

Оглезнева Елена Александровна

Преподаватели и студенты:

Акуленко Ольга

Дементьева Олеся

Дьяченко Наталья

Иванова Наталья Владимировна

Капустина Лариса

Моргунова Людмила

Попович Раиса

Старновская Татьяна

Тахоева Зинаида Ивановна

Туякова Анастасия

Ющенко Делина

2001

Руководители:

Оглезнева Елена Александровна

Архипова Нина Геннадьевна

Преподаватели и студенты:

Белуха Наталья

Гирько Ирина

Грибкова Елена Викторовна

Зайцева Диана

Зенкова Оксана

Иванова Оксана Сергеевна

Кузнецова Ирина

Мальцева Елена

Мельникова Оксана

Назаренко Ольга

Назарова Татьяна

Нифонтова Евгения

Оглых Ирина

Федотова Марина

Хакимова Лариса

Хорош Наталья

2002

Руководители:

Оглезнева Елена Александровна

Архипова Нина Геннадьевна

Преподаватели и студенты:

Аркатова Татьяна

Волегов Сергей Владимирович

Галимова Дарья Николаевна

Зверева Оксана

Игнатенко Светлана

Ляшенко Мария

Пасемина Екатерина

Поздняк Елена

Полищук Татьяна

Полякова Яна

Радкевич Наталья

Степанова Ирина

Суховей Екатерина

Фомичева Татьяна

2003

Руководители:

Оглезнева Елена Александровна

Архипова Нина Геннадьевна

Преподаватели и студенты:

Базарова Светлана

Волгузова Татьяна

Волошина Екатерина

Галимова Дарья Николаевна

Земерс Нелли

Калачева Александра

Лощилина Юлия

Павлова Анастасия

Семенов Максим

Сиротина Евгения

Шакун Татьяна

Шеина Надежда

2004

Руководитель:

Архипова Нина Геннадьевна

Преподаватели и студенты:

Абрамкина Анна

Алферова Ирина

Галимова Дарья Николаевна

Гордеева Светлана

Гребенникова Екатерина

Краснощёка Ольга

Павлова Анастасия

Пушкарёва Ксения

Русанова Ольги

Сибеева Наталья

Собка Вероника

Степанова Юлия

Филина Анастасия

Хромов Максим

Шакун Татьяна

2005

Руководитель:

Архипова Нина Геннадьевна

Преподаватели и студенты:

Галимова Дарья Николаевна

Горлова Лариса

Губерштро Людмила

Зими́на Алена

Крыжанская Ксения

Мисак Анна

Павлова Анастасия

Радченко Оксана

Скрябина Анна

Трунова Мария

Хлебникова Ольга

2006

Руководители:

Архипова Нина Геннадьевна

Оглезнева Елена Александровна

Преподаватели и студенты:

Бибик Евгения

Ватуля Татьяна

Галимова Дарья Николаевна

Горлова Лариса

Губерштро Людмила

Жаркова Елена

Казакбаева Наталья

Капшук Елена

Кривенко Ксения

Курсакова Светлана

Мисак Анна

Павлова Анастасия

Рачко Елена Евгеньевна

Сидорова Евгения

Силантьева Светлана

Скрябина Анна

Старыгина Галина Михайловна

Степанова Ирина

Трунова Мария

Хлебникова Ольга

Ширяева Светлана

АВТОРЫ

АЛЕКСЕЕВА ГАЛИНА КУЗЬМИНИЧНА, учитель русского языка и литературы МОУ СПОШ № 2 г.Благовещенска. Имеет высшую квалификационную категорию, звания «Отличник народного просвещения», «Заслуженный учитель школы Российской Федерации», является победителем конкурса грантов Президента Российской Федерации в области образования и науки.

Алексеева Г.К. воспитывает художественный вкус, любовь к родному слову не только на уроках, но и через внеурочную работу, осваивая на практике новые учебные программы и комплексы развивающего обучения. Она руководит научной работой школьников, является автором более пятнадцати научно-методических публикаций по проблемам преподавания русского языка и литературы. Ведёт большую просветительскую работу среди населения.

Е-mail: charli71@mail.ru

АЛЁШИНА ЛЮДМИЛА ВАСИЛЬЕВНА, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания Орловского государственного университета.

Е-mail: alyoshinsa@mail.ru

АРХИПОВА НИНА ГЕННАДЬЕВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии АмГУ, старший научный сотрудник лаборатории региональной лингвистики.

В 1993 г. окончила филологический факультет Благовещенского государственного педагогического института. В 2000 году защитила кандидатскую диссертацию в Московском педагогическом государственном университете на тему «Сочетаемость слова в лексикографическом описании». Сфера научных интересов – региональная лексикология и лексикография, лексическая семантика, лингвофольклористика, этнолингвистика. Считает, что диалектологическая экспедиция – это возможность прикоснуться к народной культуре, почувствовать силу живого русского слова и, конечно, возможность повысить собственную лингвистическую компетентность. В грандиозных планах – открытие регионального института русского языка.

Е-mail: charli71@mail.ru

БОРОДАТОВ АРТЁМ ВАСИЛЬЕВИЧ, преподаватель культурологии и философии, технический сотрудник лаборатории региональной лингвистики.

ВАСИЛЬЕВ ВАСИЛИЙ ПЕТРОВИЧ, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков Кемеровского государственного университета.

Е-mail: wwpetrovich@rambler.ru

ВАСИЛЬЕВА ЭЛЛА ВАСИЛЬЕВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков Кемеровского государственного университета

Е-mail: wwpetrovich@rambler.ru

ГАЛИМОВА ДАРЬЯ НИКОЛАЕВНА, ассистент кафедры русской филологии АмГУ, младший научный сотрудник лаборатории региональной лингвистики.

В 2001 г. окончила Благовещенский государственный педагогический университет. С этого же года работает на кафедре русской филологии. Дарья Николаевна – хранительница экспедиционных материалов, благодаря ее усилиям все обработанные фольклорно-диалектологические архивы можно считать достоверными.

В 2004 г. Дарья Николаевна поступила в аспирантуру Томского госуниверситета. Область ее научных интересов – русская метафора. Предполагается исследовать метафорическую картину мира русских говоров Приамурья.

E-mail: darja_galimova@mail.ru

ГЛУЩЕНКО ОЛЕСЯ АЛЕКСАНДРОВНА, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Камчатского государственного университета. Сфера научных интересов связана с проблемой сопоставления систем литературного языка и народных говоров.

E-mail: oag.kam@mail.ru

ЗИНКОВСКАЯ ЛЮБОВЬ СЕРГЕЕВНА, кандидат филологических наук, ассистент кафедры исторического языкознания филологического факультета Омского государственного университета им. Достоевского

E-mail: lusezin@yandex.ru

ИНЮТИНА ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Кузбасской государственной педагогической академии.

E-mail: ljudina@yandex.ru

ЛАГУТА НИНА ВЛАДИМИРОВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии АмГУ, научный сотрудник лаборатории региональной лингвистики.

В 1997 г. окончила Благовещенский государственный педагогический университет. В 2000 г. поступила в аспирантуру Томского госуниверситета, по окончании которой успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Бытийные предложения в русских говорах Приамурья: структура, семантика функционирование». Основным источником исследования явились записи диалектной речи, сделанные от руки и на магнитной ленте, которые хранятся в лаборатории региональной лингвистики (по итогам экспедиций 2000 и 2001 гг.)

E-mail: nlaguta@mail.ru

МАЙОРОВ АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и исторического языкознания Бурятского государственного университета

E-mail: map1955@mail.ru

МАЛОЗЕМЛИНА ОКСАНА ВЛАДИМИРОВНА, аспирант 2 года обучения при лаборатории региональной этнолингвистики Камчатского государственного университета имени Витуса Беринга

E-mail: malozemlina81@mail.ru

ОГЛЕЗНЕВА ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА, кандидат филологических наук, завкафедрой русской филологии АмГУ, руководитель лаборатории региональной лингвистики.

Окончила Томский государственный университет и аспирантуру при нем. В 1996 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Номинативное поле производного имени существительного конкретной семантики в русских говорах Приамурья». Автор более 50 научных и учебно-методических публикаций, 22 из которых посвящены изучению диалектного словообразования и отражению народной картины мира в производной лексике говоров. Основной исследовательский принцип – поверять теорию практикой. Экспедиция – это «погружение в стихию народной жизни, необходимое, как глоток свежего воздуха, питающий в жизненном и научном плане».

E-mail: eoglezneva@yandex.ru

ПИСКЕЕВА ГАЛИНА ГЕННАДЬЕВНА, учитель русского языка и литературы МОУ СОШ № 15 г. Благовещенска. Имеет высшую квалификационную категорию, звания

«Отличник народного просвещения», является победителем конкурса грантов Президента Российской Федерации в области образования и науки.

ПОЛИЩУК ЛЮБОВЬ АНАТОЛЬЕВНА, учитель русского языка и литературы, аспирант Лаборатории региональной этнолингвистики Камчатского государственного университета имени Витуса Беринга.

E-mail: vovchik.04@mail.ru

ПОПОВА АННА РОСТИСЛАВОВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Орловского государственного университета

E-mail: Btv-orel@yandex.ru или StudioAA2001@yandex.ru

РАЧКО ЕЛЕНА ЕВГЕНЬЕВНА, старший преподаватель кафедры русской филологии АмГУ, сотрудник лаборатории региональной лингвистики.

В 1988 г. окончила филологический факультет Благовещенского государственного пединститута.

Сфера научных интересов связана с диалектной лексикографией. Ею проводится техническая обработка картотеки Словаря русских говоров Амурской области.

САМОЙЛОВА ЮЛИЯ ВАЛЕНТИНОВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Северного международного университета (г. Магадан)

СОСИНА НАТАЛЬЯ АНАТОЛЬЕВНА, ассистент кафедры русской филологии АмГУ, сотрудник лаборатории региональной лингвистики.

В 1997 г. окончила филологический факультет Благовещенского государственного педагогического университета.

Сфера научных интересов – описание отдельных фрагментов лексической системы русских говоров Приамурья. Сосина Н.А. – автор публикаций, посвященных исследованию семантического поля «Быт». Является техническим редактором всех выпусков фольклорно-диалектологического альманаха «Слово» и других кафедральных изданий.

СТАРЫГИНА ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии АмГУ, научный сотрудник лаборатории региональной лингвистики.

Окончила Благовещенский государственный пединститут в 1988 г.

В 2004 г. защитила в Учёном совете Томского государственного университета кандидатскую диссертацию, в которой исследовалась «История Сибири» Г.Ф.Миллера как лингвистический источник.

Старыгина Г.М. – участник фольклорно-диалектологических экспедиций, активный исследователь русских говоров Приамурья.

E-mail: starygina36@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов	3
Современные исследования русских говоров и фольклора	
<i>Алешина Л.В. (Орел). Некоторые особенности просторечия второй половины XIX в. (на материале произведений Н.С.Лескова).....</i>	6
<i>Архипова Н.Г. (Благовещенск). Наименования женской одежды в говорах старообрядцев (семейских) Амурской области.....</i>	12
<i>Васильев В.П., Васильева Э.В. (Кемерово). Базовый концепт как элемент когнитивно-идеографического областного словаря</i>	17
<i>Глуценко О.А. (Петропавловск-Камчатский). Концептуализация понятия «рыба» в языковом сознании камчадалов</i>	34
<i>Зинковская Л.С. (Омск). Представление концепта «хлеб» в идеографическом словаре говоров Среднего Прииртышья</i>	40
<i>Инютина Л.А. (Новокузнецк) Освоение Сибири в глагольном выражении (XVII в.)</i>	52
<i>Майоров А.П. (Улан-Удэ). Безударные гласные после мягких согласных в забайкальском региолекте XVIII в.</i>	55
<i>Малоземлина О.В. (Петропавловск-Камчатский). Фонетические особенности камчатских говоров (на материале говора п.Ковран)</i>	62
<i>Полищук Л.А. (Петропавловск-Камчатский). Системные отношения в лексике камчатских говоров (на примере наименований обуви с голенищами, подгруппы «Названия торбазов»).....</i>	68
<i>Попова А.Р. (Орел). Репрезентация человека как субъекта трудовой деятельности в диалектных фразеологических единицах с компонентом <i>рука</i> и его производными.....</i>	78
<i>Самойлова Ю.В. (Магадан). Лексикон русского островного говора старообрядцев села Николаевск (штат Аляска, США)</i>	86
Амурские молокане: речевые портреты	
<i>Архипова Н.Г. Молокане на Амуре: особенности жизни и быта.....</i>	99
<i>Кауфман А.А. Амурские помещики (1905).....</i>	103
<i>Архипова Н.Г. Речевые портреты амурских молокан.....</i>	109
Тексты и комментарии	
<i>Майя Петровна Садовенко</i>	111
<i>Ганна Михайловна Филимонова.....</i>	116
<i>Вера Васильевна Саяпина.....</i>	121
<i>Лукерья Степановна Саяпина.....</i>	127
Комментарий	133
Речевые жанры	
<i>Лагута Н.В. Жанровое наполнение диалектной речи Приамурья</i>	138
<i>Лагута Н.В. Рассказ о событии (рассказ-случай) в речи носителей амурских говоров.....</i>	144
Рассказы-случаи.....	147
«Война кончилась!...».....	147
«Повестка! Завтра в армию!...».....	147
«Да щас такой хлопец, что ой-ё-ё!...».....	149
«А он такую легенду придумал – выпахал!».....	150
«Женись, и все!».....	150
«А она ему в бороду как вцепилась!».....	151
«...я брык со стула...».....	151
«А там – мост, и мы как с моста-то полетели!».....	152
«Ой, у меня вчера кабан натворил!».....	152
Словарь	
Словарь русских говоров Амурской области.....	153

З.....	155
И.....	166
<i>Лингвогеография</i>	
<i>Оглезнева Е.А.</i> Русские говоры Приамурья: опыт лингвогеографического изучения.....	170
Результаты обследования сел Светиловка, Комиссаровка, Великокнязевка Белогорского района Амурской области в 2006 г. по вопросам «Программы собирания сведений для диалектологического атласа русского языка» (таблица и комментарии)	
	177
<i>Язык фольклора</i>	
<i>Архипова Н.Г., Рачко Е.Е.</i> Украинская песня на амурской земле: лингвистический аспект.....	183
Лирические песни.....	187
Обрядовые песни.....	194
Частушки	195
Припевки	195
Страдания	196
Заговоры	196
Гадания	197
Народные игры.....	198
<i>Школа</i>	
<i>Пискеева Г.Г.</i> «Самая огнепышущая часть речи» (на материале произведений амурского поэта О.Маслова). Факультативное занятие по лингвистическому краеведению в 6 классе.....	200
<i>Пискеева Г.Г.</i> Изобразительные возможности местоимения (на материале произведений амурского поэта О.Маслова). Факультативное занятие по лингвистическому краеведению в 6 классе.....	203
Историческая справка о сёлах	208
Краткие сведения об информантах.....	213
Собиратели диалектного и фольклорного материала.....	215
Авторы	217

Амурский государственный университет
Кафедра русской филологии

Лаборатория региональной лингвистики

Адрес: 675027, Амурская обл., Благовещенск,
Игнатьевское шоссе, 21

Тел.: (4162)394583;
(4162)442731

Факс: (4162)367353

E-mail: slovoamqu@yandex.ru

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас принять участие в фольклорно-диалектологическом альманахе «Слово» (Вып. 6), посвященном проблемам русской диалектологии, лингвофольклористики и этнолингвистики. Альманах «Слово» – это продолжающееся научное издание лаборатории региональной лингвистики при кафедре русской филологии Амурского государственного университета.

В альманахе публикуются статьи и материалы следующей тематики:

- ✎ *История формирования русских народных говоров*
- ✎ *Русские говоры на рубеже XX-XXI веков*
- ✎ *Язык традиционного и современного фольклора*
- ✎ *Лингвогеографический аспект изучения русских народных говоров*
- ✎ *Русские говоры в условиях языкового контакта*
- ✎ *Диалектная лексикография*

Альманах будет сопровожден звуковым приложением на компакт-диске.

Требования к публикации

Объем статьи — до 0,5 п.л. (12 стр. по 1800 знаков в каждой), шрифт Time New Roman, формат – RTF, кегль – 14, интервал 1,5.

Сведения об авторе: Ф.И.О. полностью, должность, ученая степень, ученое звание, полное название организации, адрес, телефон, e-mail.

Для отражения особенностей диалектной речи используйте следующий набор символов:

знак	звук	шрифт
Ү ү	г фрикативный	Symbol
ӱ	в билабиальный	Times New Roman
W w	в губно-губной	Times New Roman
ə	средний гласный	Tahoma

Для отображения ударных гласных используйте шрифт **Times New Roman Cyrillic Accent** Все указанные символы вставляйте в текст командой (*вставка > символ*).

Иллюстрации и диаграммы вставляйте в текст в виде предварительно подготовленных изображений (*вставка > рисунок > из файла*), а не создавайте средствами MS Word.

Требования обусловлены особенностями электронной версии альманаха, верстка которой осуществляется в формате **html**.

При наличии звукового фрагмента к статье присылайте его на компакт-диске (параметры аудиозаписи: **.mp3** [минимум 44kHz, 192kbps] или **.wav**) или укажите адрес в Интернет, откуда может производиться копирование Вашего звукового фрагмента.

Статьи присылайте до 1 апреля 2008 г. по адресу: Благовещенск Амурской обл., 675027, Игнатьевское шоссе, 21, кафедра русской филологии, Архиповой Нине Геннадьевне или по электронной почте: slovoamgu@yandex.ru; charli71@mail.ru
Авторские экземпляры будут высылаться бесплатно.

Желающие приобрести уже вышедшие из печати выпуски
(Вып.1. Фольклор. 2003;
Вып. 2. Речевые портреты и жанры. Словарь. Язык фольклора. 2005;
Вып.4. Амурское старообрядчество: речевые портреты. Речевые жанры. Словарь. Язык фольклора. 2006)
могут сделать заказ по адресу: 675028, Амурская область, г.Благовещенск, ул. Студенческая, 45/1, кв. 36. Сосиной Наталье Анатольевне
или по электронному адресу: slovoamgu@yandex.ru

Альманах высылается наложенным платежом (+ почтовые расходы), авторские экземпляры – бесплатно.

Стоимость альманаха: 175 руб. – 2-й и 4-й выпуски, 100 руб. – 1 выпуск;
стоимость CD-ROM – 50 руб.,
стоимость комплекта (альманах и CD-ROM) – 225 руб.
+ стоимость почтовых услуг.

Вып. 3.Формы существования современного русского языка. Сборник научных статей (2005) не предлагается, т.к. распространен полностью.

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Выпуск 5. Научное издание.

Изд-во АмГУ. Подписано к печати 26.12.07. Формат 60х84/8. Усл.-печ.л. 23,59.
Тираж 250. Заказ 124.
Отпечатано в типографии АмГУ.